

ДЖОРДЖ МЕЛЬВИЛЛЬ

В ДЕЛЬТЕ ЛЕНЫ

**ИСТОРИЯ ПОИСКОВ КОММАНДЕР-ЛЕЙТЕНАНТА ДЕЛОНГА
И ЕГО СПУТНИКОВ**

**ПОД РЕДАКЦИЕЙ: МЕЛЬВИЛЛЬ ФИЛИПС
С КАРТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ**

BOSTON

HOUGHTON, MIFFLIN AND COMPANY

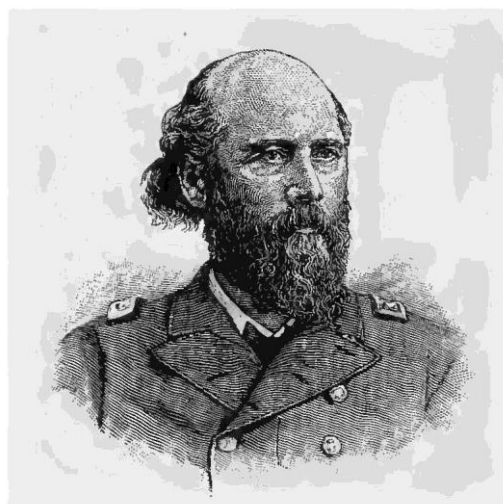
New York: 11 East Seventeenth Street

The Riverside Press, Cambridge

1896

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Если это правда — а Эмерсон¹ это подтверждает, — что великие дела заслуживают достойного и подробного описания, то, несомненно, не может быть необходимости в объяснениях, а тем более в извинениях за появление этой работы. «Нам нужны книги с этой терпкой катарсической добродетелью», — писал наш мудрец из Новой Англии; и поэтому редактор льстит себе за то, что внёс свой вклад в рождение этой книги.

Мир знает историю судна «Жаннетта», его неудачное путешествие и утомительный многомесячный дрейф, удивительные открытия и ужасные бедствия, героические усилия и печальный конец, — мир, конечно, знает обо всём этом, потому что во всей мировой истории этому нет аналога; и независимо от всех этих «зачем и во имя чего», к этой истории всё же есть человеческое сострадание, его невозможно не проявить, к ней есть постоянный интерес, которому не важен вопрос полезности и рациональности.

Geo. Muhille
Chief Engr & S. V.

Возможно, найдутся читатели, уже знакомые с выдающейся ролью, сыгранной нашим автором во многих событиях, сопровождавших длительный ледяной плен «Жаннетты», и которые ожидали более подробного описания этого сложного периода, чем будет найдено здесь, и, следовательно, сочтут наш краткий рассказ о нём недостаточным и неудовлетворительным. Конечно, учитывая те несколько страниц, посвящённых этому долгому и непростому дрейфу, кажется, что мы отнеслись к нему слишком легкомысленно и чересчур поспешно перенесли повествование к берегам Сибири.

Правда, не все события, пережитые «Жаннеттой» во льдах, были описаны в прессе, но тогда было опубликовано более чем достаточ-

¹ Эмерсон, Ральф Уолдо (1803—1882) — американский теолог, эссеист, поэт, общественный деятель и философ, один из виднейших мыслителей и писателей США. — *прим. перев.*

но, чтобы читатель мог получить адекватное представление о поразительном путешествии и спасении, а в печальных «ледовых дневниках» командера Делонга они были воплощены в их самой окончательной, правдивой и захватывающей форме. Поэтому было сочтено целесообразным, чтобы эта работа, предоставив читателю беглый обзор плавания и ледового похода, начала своё более подробное изложение в день, когда три лодки потеряли друг друга во время шторма 12 сентября 1881 года. Действительно, события, которые последовали за этим, не могут иметь более компетентного свидетеля, чем старший механик Мельвилль. Именно он положил им начало, лично возглавил их и был центральной фигурой во всех событиях «В дельте Лены».

Большая часть рукописи была подготовлена в период с января по апрель этого года (1884), а заключительные главы написаны в море; ибо, не уstraшённый предыдущими испытаниями, он вновь устремился в арктические широты на помощь лейтенанту Грили; и, кроме того, он также предлагает оригинальный план, как достичь цели, перед которой когда-то отступили решимость Парри¹ и Франклина².

*Cui bono?*³ — спросит прагматик. Хорошо известна польза, которую может принести успех такого предприятия. Помимо многих полезных фактов, которые будут установлены относительно закономерностей штормов и волн, будет измерено полярное сжатие эллипсоида Земли. Кроме того, будут получены ценные знания по географии, астрономии, метеорологии, физике океана и общего естествознания, более глубокое понимание которых, безусловно, прямо или косвенно повысит благосостояние и безопасность человечества.

Что касается остального, я отсылаю читателя к самой теории, просто замечая, что «Предрассудок, который, по словам человека им столь ненавидим, является, – согласно Карлайлу⁴, – его абсолютным

¹ Сэр Вильям Эдвард Парри (1790-1855) — английский исследователь Арктики, в 1827 году организовавший одну из самых первых экспедиций на Северный полюс. — *прим. перев.*

² Джон Фрэнклин (1786-1847) — английский мореплаватель, исследователь Арктики, трагически (и весьма нелепо!) погибший в Арктике при попытке пройти Северо-Западным проходом. — *прим. перев.*

³ *Cui bono?* – Кому выгодно? (лат.) – *прим. перев.*

⁴ Томас Карлайл (1795-1881) — шотландский писатель, публицист, историк и философ. Цитата из его романа «Sartor Resartus». — *прим. перев.*

законодателем. ... стоит только восходу солнца или даже сотворению мира повториться дважды, как это перестанет быть для него чудесным, замечательным и достойным внимания».

Другими словами, как только старший механик Мельвилль достигнет Северного полюса, то, помимо научных выгод, вытекающих из этого события, несомненно, будет ещё одна и, возможно, более важная для всего мира — его успех, по его собственным словам, «поможет помешать другим дуракам отправиться туда.»

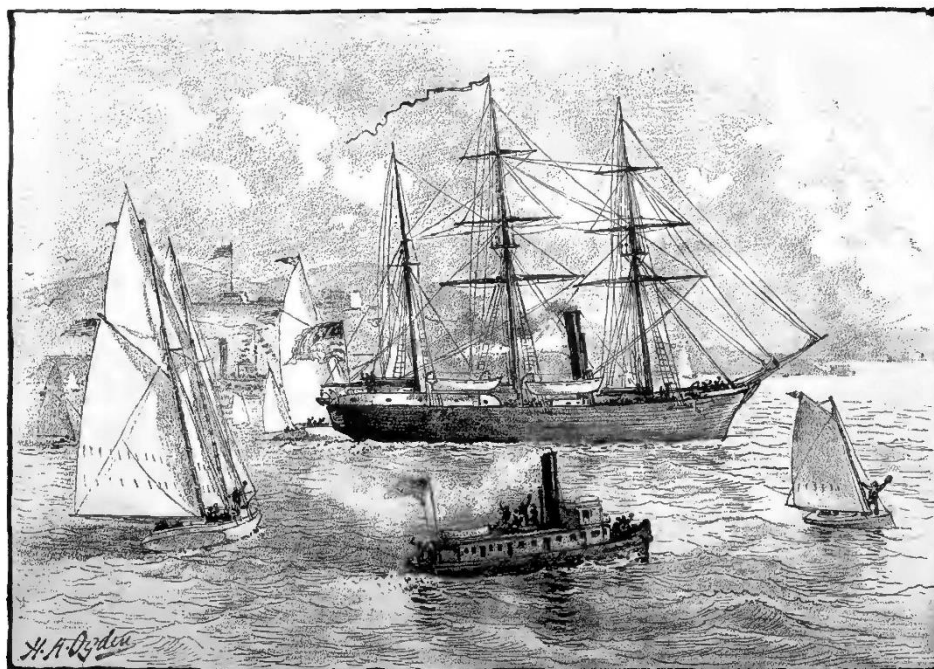
Мельвилль Филипс
16 октября 1884 года.

Содержание

В ДЕЛЬТЕ ЛЕНЫ

I. Отправляемся к полюсу	6
II. Дрейф	15
III. Высадка на лёд	28
IV. В паковых льдах	38
V. На вельботе	61
VI. В дельте Лены	69
VII. Вверх по Лене	83
VIII. В Зимовьялах	95
IX. Жизнь в сибирской деревне	106
X. Кузьма спешит за помощью	115
XI. Двигаемся дальше	121
XII. В Булуне	134
XIII. Поиски Делонга	144
XIV. Теряем след	155
XV. Поездка на побережье	169
XVI. Сражение с боре	177
XVII. Окончание поисков	191
XVIII. От Булуна до Верхоянска	201
XIX. Из Верхоянска в Якутск	212
XX. В Якутске	228
XXI. Снова на север	237
XXII. Непогода	248
XXIII. Находим тела	267
XXIV. Похороны	281
XXV. Поиски Чиппа	293
XXVI. Последние поиски на Яне	308
XXVII. По Сибири	319
XXVIII. Путь домой	333
Карты	348
Список членов экипажа «Жаннетты»	355

В ДЕЛЬТЕ ЛЕНЫ

«ЖАННЕТТА» ПОКИДАЕТ ПОРТ САН-ФРАНЦИСКО

Глава I. Отправляемся к полюсу

Экспедиция «Жаннетты» — Отплытие — Уналашка — Сент-Майкл — Чукчи — Норденшёльд¹ — Вмёрзли — Остров Геральд.

Тёплое течение Куро시오 («чёрное течение», по-японски) огибает Японские острова с востока, проходит между Курильскими островами до Камчатки, а оттуда на север до Берингова пролива, где разделяется на две ветви. Одна ветвь устремляется к западному побережью Северной Америки, поворачивает вдоль него на юг, смягчая по пути его климат, пока, наконец, не рассеивается в тёплых водах вблизи экватора. Другая ветвь через Берингов пролив проходит в Северный Ледовитый океан и в последнее время рассматривалась как «термические ворота»² к Северному полюсу.

¹ Название моря Лаптевых до 1935 года. — прим. перев.

² Гипотеза тех лет о существовании достаточно мощного и тёплого океанического течения через Берингов пролив, которое, по мнению авторов гипотезы, должно было обеспечить свободный ото льда путь к Северному полюсу. В реальности существующее там тёплое течение слабое и не обеспечивает таяния льдов даже летом. — прим. перев.

До путешествия «Жаннетты» ни одна полярная экспедиция не отправлялась на север через Берингов пролив, хотя некий французский лейтенант планировал организовать таковую, но она не состоялась из-за начала франко-прусской войны. Довольно высокая широта, правда, была достигнута кораблями английской эскадры, которые надеялись встретить там сэра Джона Франклина в случае, если ему удастся пройти Северо-Западным проходом.

Цель экспедиции «Жаннетты» состояла, таким образом, в том, чтобы достичь Северного полюса, следуя течению Курошио. Следует также помнить, что наша экспедиция была задумана в то время только как первая, пробная, но, к несчастью, оказалась и последней. Итак, основываясь на этом кратком обзоре мотивов нашего неудачного предприятия, я перейду теперь к его хронологическому описанию.

Всё было готово к 8 июля 1879 года. Над великолепным заливом ярко светило солнце, когда в сопровождении эскадры яхт-клуба Сан-Франциско мы вышли из Золотых ворот.

Никогда ещё отплытие корабля не было таким торжественным. Это был праздничный день для всех жителей Фриско; гавань полна прогулочных судов, и они прямо с королевскими почестями прощались с нашим отважным кораблём. С переполненных причалов раздавались радостные возгласы; мачты и палубы бесчисленных судов в заливе заполнились моряками, они кричали «ура!» и салютовали выстрелами из ружей, а когда мы поравнялись с крепостью, с её стен прогремел мощный салют, прозвучавший торжественным завершающим аккордом всех пожеланий счастливого пути.

Выйдя из залива, мы направились напрямик к острову Уналашка. В отличие от приподнятого настроения экипажа, судно было погружено ниже обычной ватерлинии, и продвижение наше, таким образом, было медленнее обычного. Ясная погода, сопровождавшая наше отплытие, продолжалась в открытом океане до тех пор, пока мы не приблизились к Алеутским островам — тогда появились туманы, а к тому времени, когда мы достигли пролива Акветон, они стали настолько плотными, что пришлось остановиться и бросить якорь. Прибой был в такой опасной близости, что, хотя сами острова оста-

вались невидимы, мы отчётливо слышали, как кричат птицы на прибрежных скалах.

Наконец туман вокруг «Жаннетты» рассеялся, и на двадцать пятый день плавания показался остров Уналашка.

Здесь, благодаря Аляскинской меховой компании, наша экспедиция запаслась множеством оленьих, тюленьих и других шкур.

Со свежим запасом угля мы покинули Уналашку и, переправившись через мелководное Берингово море, благополучно прибыли в Сент-Майкл, в заливе Нортон-Саунд — старинную русскую факторию с полуразрушенным блокгаузом и несколькими древними чугунными пушками, из которых в честь нашего прибытия был дан салют. Именно здесь мы должны были встретить шхуну «Фанни А. Хайд» с нашим последним пополнением угля; в ожидании её прибытия мы пополняли запасы провизии, а невыделанные шкуры отправили на берег, чтобы туземцы пошили из них одежду.

Здесь же к кораблю присоединились Алексей, наш верный охотник и погонщик собак, и его спутник, женоподобный Инигин. Алексей отправился с нами после длительных уговоров старосты его деревни. Весь вечер нашего отплытия туземцы толпились на палубе, прощаясь со своими друзьями. Алексея, одетого в «одежду из магазина», предоставленную агентом Аляскинской компании, в русском цилиндре с широкой красной лентой, сопровождали его маленькая, застенчивая и симпатичная жена и их маленький сын. Держась за руки, они бродили по кораблю и удивлялись всему, как дети, потом долго и нежно попрощались и расстались... как оказалось, навсегда.

Сопровождаемые шхуной, мы двинулись через залив Нортон-Саунд, глубоко вдающийся в западное побережье Аляски. В это время налетел сильный шторм, что дало нам возможность понаблюдать за поведением судна и его прочностью. Мелководный океан был изменчив и беспокойен, огромные волны временами перекатывались через глубоко сидящее судно, как через подводную скалу, непоколебимую, как сам Гибралтар. На следующий день после шторма мы подошли к Литке, красивой гавани¹ к югу от мыса Восточный¹, куда ча-

¹ На самом деле имя Фёдора Литке в тех местах носит не гавань, а мыс. Гавань, которую имеет в виду автор, очевидно, залив Лаврентия. — прим. перев.

сто заходят американские китобои, чтобы завербовать новобранцев из местных чукчей, перед тем, как отправиться в плавание к северу от Берингова пролива, или после улова, чтобы вытапливать китовый жир. Когда корабль подошёл к входу в гавань, на склоне холма мы увидели жилища, а вскоре — две байдары, большие лодки из моржовой кожи, чем-то похожие на гренландские умиаки, — которые отчалили от берега и быстро приблизились к нам. В них было около дюжины туземцев, высоких мускулистых парней, пропитанных жиром, как сальные свечки, все они были не меньше ста восьмидесяти фунтов весом².

Байдары пришвартовались к судну, и туземцы, взошедшие на борт корабля, на ломаном английском, выученном у китобоев, спросили, пришли ли мы охотиться на моржей и китов; и если да, то они желали бы отправиться с нами. Чтобы доказать своё умение, они называли имена капитанов различных китобойных судов, на которых они служили, и завершили более важной для нас информацией о том, что корабль Норденшельда «Вега»³ был там, в заливе Святого Лаврентия, и зимовал за Чукотским полуостровом в Колючинской губе, где они побывали на нём.

И вот пришло время отчалить от последней пристани цивилизации. Последний уголь перегружен со шхуны на корабль, и вечером 27 августа оба судна вышли из бухты. Миновав отмели, мы расстались — «Фанни А. Хайд» поплыла на юг, «Жаннетта» — на север. Путешествие началось!

За ночь мы прошли через Берингов пролив — между Восточным мысом (самой восточной точкой Сибири) и островами Диомида, тремя скалистыми островками-ступеньками между континентами, — возможно, опорами для того будущего моста, по которому пойдут поезда от мыса Горн до мыса Доброй Надежды. По пути вдоль побережья Сибири на запад, к мысу Сердце-Камень, мы внимательно следили за признаками присутствия на берегу туземцев. Ледники на горах

¹ Так до 1898 года назывался мыс Дежнёва. — *прим. перев.*

² 81.5 килограммов. — *прим. перев.*

³ Барон Нильс Адольф Эрик Нórденшельд (1832-1901) — шведский геолог и географ, исследователь Арктики, мореплаватель. Первым прошёл на судне «Вега» в 1878-1879 годах Северным морским путём. — *прим. перев.*

и заснеженные долины были уже не в новинку; мрачные чёрные береговые скалы выглядели уныло и негостеприимно, на них не было видно ни одного живого существа, кроме немногих морских птиц, одинокого моржа, да пары тюленей. Наконец, показалось несколько хижин, и мы подошли как можно ближе к берегу. Капитан Делонг, с Алексеем в качестве переводчика и мистером Данбаром в роли лоцмана, попытались высадиться на берег, но бурное море и сильный прибой у кромки льда вынудили их вернуться. Туземцы, лучше знавшие свои прибрежные воды, сами прибыли на корабль на своих кожаных лодках. Но Алексей не смог их понять, кроме того, что они хотели сухарей, патоки и рома, причём рома в особенности, поэтому никаких дополнительных сведений о Норденшельде мы не получили. Далее была замечена ещё одна деревня, в которую был послан лейтенант Чипп. Он высадился на берег и через старую женщину, которая раньше жила на острове Кинг в заливе Нортон-Саунд и говорила на понятном Алексею языке, узнал, что «Вега» перезимовала в каком-то заливе западнее этого места, но весной благополучно освободилась ото льда и ушла на восток.

По мере продвижения на запад всё чаще стали встречаться моржи и тюлени. К кораблю время от времени подплывали туземцы. Они весьма умело используют надутые воздухом кожаные поплавки, чтобы увеличить остойчивость своих лёгких лодок, а также в качестве кранцев, чтобы причаливать к борту корабля, или как сигнальные буйки для той добычи, которую они оставляют в море, если не могут взять её с собой. Недалеко от зимовки «Веги» оказалась большая деревня, в неё был отправлен отряд под командованием лейтенанта Чиппа. Через несколько часов лодка вернулась, привезя с собой такие предметы, как консервные банки, шведские монеты и пуговицы; туземцы, которые упоминали имена некоторых офицеров «Веги», демонстрируя подарки, полученные от них, и которые особенно ценили пустые банки, сказали, что для них это реликвии в память о пребывания там Норденшельда. Вождю было дано зашитое в парусину письмо, с просьбой передать его на первое судно, которое появится в этих местах.

Выполнив таким образом указания военно-морского ведомства относительно Норденшельда и его отряда, мы направились на север от Колючинской губы, постоянно двигаясь, чтобы предотвратить образование льда вокруг корабля, и огибая край паковых льдов, которые заставляли нас постепенно отклоняться к востоку. В течение нескольких дней мы отыскивали проходы среди льдов, сохраняя курс как можно более на север, пока, наконец, вечером 4 сентября не увидели остров Геральд. Все проходы в паковых льдах, имевшие хоть малейшее направление на север, теперь были испробованы, но с тем же бесплодным результатом — льды теснились на восток; так что ничего другого не оставалось, как решительно повернуть на запад к острову Врангеля (долгое время считавшимся частью большого континента, простиравшегося до самого полюса) и искать там гавань для зимовки. Нас часто удивлённо спрашивают: «Почему «Жаннетта» пошла в паковые льды?» Ответ таков: это был арктический корабль, направлявшийся в путешествие к полюсу, и нельзя было ожидать, что он достигнет полюса, не столкнувшись со льдами. Лучшие авторитеты того времени утверждали, что существует континент, простирающийся от острова Врангеля до Гренландии; течения, идущие между островами в Атлантический океан, были хорошо известны, а вращение Земли должно было переносить всё с запада на восток; поэтому было справедливо предположить, что, если корабль попадёт в лёд к северу от острова Геральд, то он будет дрейфовать вдоль этого гипотетического континента или на северо-восток к острову Принс-Патрик¹.

Но «...прекрасный план по воле рока не преуспееет...»². По мере того, как мы продвигались на запад, льдины смыкались позади нас и фактически отрезали нам путь к отступлению, если только осенние штормы и волнение не разрушат лёд. Было замечено китобойное судно, выискивающее добычу вдоль края паковых льдов, мы запоздало пожалели, что не послали с ним почту. Тем не менее мы понемногу продвигались с помощью лебёдки и завозного якоря вплоть до 6 сентября, когда торосы и массы льда затвердели за одну ночь, и

¹ Один из самых западных островов Канадского Арктического архипелага. — *прим. перев.*

² Из стихотворения Роберта Бёрнса «К полевой мыши» (пер. Е. Кистеровой). — *прим. перев.*

корабль оказался вмороженным с креном на правый борт в десять-двенадцать градусов, что сделало перемещение по палубам и лежание на койках очень неудобным. Только один раз судно освободило от тисков льда, но и то всего на час или два, до того момента, когда его окончательно раздавило в июне 1881 года.

Команда рассредоточилась по льдине шумными ватагами, собак тоже отпустили на волю. Каждый человек был вооружён пикой или альпенштоком, на который он мог опираться, перепрыгивая по торосам, или в качестве спасательного средства, когда проваливался в воду, что бывало весьма часто. Видели медведей, но днём они держались на приличном расстоянии и поспешно убегали, сопровождаемые криками и гиканьем. По ночам ледовые (как их предпочитают называть норвежцы и датчане, вместо «полярные») медведи много раз подходили к судну, внимательно осматривали толстый канат ледового якоря, и регулярно ускользали от внимания вахты. А сорок одна собака притворялись робкими и застенчивыми, пока не попробовали тех лакомств, которые сопровождали успешную медвежью охоту. Это было захватывающее зрелище! Стая собак, визжа и щелкая зубами, бежит по пятам за бедным мишкой, который мчится по льдине к торосам или открытой воде с грациозностью коровы, но со скоростью оленя, разметая снег, как пух, и вскоре оставляет собак и охотников далеко позади. Часто его любопытство берёт верх над здравым смыслом, и он останавливается, чтобы посмотреть поближе на эти странные существа, которые осмеливаются обратить его в бегство, ибо он — владыка Арктики, лёгкой добычей которого становятся тюлень и морж — от одного удара его мощной лапы. Поднявшись на задние лапы, он с удивлением и презрением взирает на воющую стаю, пока не приблизится самый быстрый из охотников, и тогда медведь, заметив более существенного врага, снова падает на четыре лапы и продолжает свой бег. Выбрав место среди высоких торосов, где он чувствует себя в безопасности, он поднимается ещё раз, и горе тогда собакам, потому что он непревзойдённый боксёр, каждый удар которого — смертельный! Но вот в игру вступает казнозарядный «Ремингтон» и убийство собак прекращается... Однажды наш ледовый лоцман мистер Данбар убил медведя в подобной охоте

первым же выстрелом — единственный раз за время плавания. Он был весом около тысячи фунтов и с ослепительно белой шерстью.

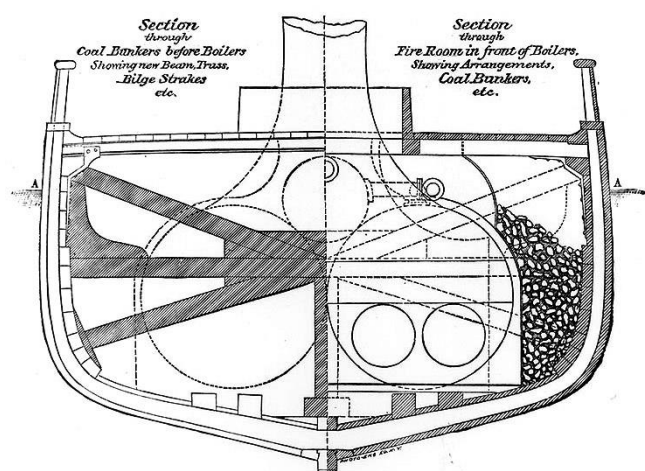
Тем временем «Жаннетта» неуклонно дрейфовала к острову Геральд, и, поскольку было совершенно ясно, что её отнесёт на северо-запад, было решено попытаться высадиться на остров, чтобы воздвигнуть тур и оставить там записку. Для этой цели был снаряжён отряд, состоящий из лейтенанта Чиппа, мистера Данбара и меня, с Алексеем в качестве каюра; провизии было взято на неделю. Мы полагали, что лёд доходит до самого острова, но когда подошли к нему на несколько миль, то обнаружили полосу открытой воды, делающую дальнейшее продвижение абсолютно невозможным. Было бы откровенной глупостью ждать, пока вода замёрзнет, а затем без помощи лодки перебраться к подножию отвесных скал. Корабль быстро дрейфовал мимо, а на острове не могло быть никакой пищи, так что в случае разлуки с «Жаннеттой» мы неизбежно умерли бы с голоду. Осознав наше положение, мы неохотно повернули назад.

Тем временем мы продолжали дрейфовать в направлении к острову Врангеля. Ежедневно проводился замер глубины, а измерения координат — дважды в день. Для измерения движения льда на дне постоянно держалась балластина¹; дно также протраливалось для образцов грунта и живности. У каждого офицера были свои особые обязанности, и вся команда корабля работала, как единое целое. Временами наша бортовая библиотека подвергалась тщательному просмотру в поисках авторитетных источников информации, когда офицеры — любознательные и наблюдательные, как студенты и весёлые в любых обстоятельствах — вступали в дружескую научную дискуссию в своих маленьких каютах. Так, без ожидаемых штормов, спокойно прошёл октябрь. Лёд был сравнительно спокоен; время от времени от далёкого волнения по льду передавались низкие рокочущие звуки. К концу месяца на горизонте показался остров Врангеля, и стало совершенно очевидно, что мифический континент представляет собой лишь остров, высокий и гористый. Вскоре нашу льдину прибило к острову, и, когда корабль оказался напротив самой

¹ Балластина — чугунная болванка с привязанным к ней концом, используемая для определения дрейфа стоящего на якоре судна. — *прим. перев.*

северо-восточной точки острова на относительно мелководье глубиной в шестнадцать саженей¹, льдина стала пучиться и покрываться торосами и трещинами во всех направлениях, а скрежет и грохот ломающегося льда звучали как раскаты далёкой артиллерии. Корабль оказался окружённым массивными торосами. Огромные льдины размером с дом колыхались вверх и вниз, как гигантские киты. Положение наше стало в высшей степени опасным, ибо даже если судно выдержит огромное давление льда, существовала реальная опасность того, что обломки торосов весом тонн двадцать, а то и пятьдесят обрушатся на палубу корабля и раздавят его. Ввиду этого были сделаны срочные приготовления к оставлению корабля — не очень-то утешительная перспектива; и тут вдруг наша льдина раскололась вдоль левого борта и обнажила длинную полосу открытой воды, а правый борт остался вмёрзшим в лёд, как в литейную форму.

Это был момент крайней опасности. Если лёд сомкнётся снова, «Жаннетта» будет раздавлена, как яичная скорлупа. Лёд расступился почти на тысячу ярдов, а затем медленно сблизился. Бедный корабль заскрипел и застонал от страшного напряжения, но, к счастью, окружающий судно лёд послужил ему защитой. Палубные настилы вспучились, пакля и смола выступили из швов, и почти полное ведро воды, стоявшее на квартердеке, наполовину выплескалось от сотрясений. Почти никто не мог уснуть; те, кому это удавалось, спали в одежде. И всё же дисциплина на корабле была безупречной. Матросы

УСИЛИТЕЛЬНЫЕ РАСПОРКИ В КОРПУСЕ «ЖАННЕТТЫ»

пели и шутили с показным хладнокровием, очищая палубы от льда или откалывая нависающие над фальшбортом глыбы. Мощные внутренние распорки, установленные на верфи в Калифорнии, хорошо выдерживали давление; наконец, напирающая на борт льдина с грохотом переломилась, обломок её обрушился на судно и

¹ Здесь и далее при указании глубин будет иметься в виду морская сажень (фатом, fathom), равная шести футам или 1.83 м. — прим. перев.

столкнул корабль с его ложа в полыню. Льдины снова начали обступать «Жаннетту», но с наступлением темноты вокруг неё сформировался молодой лёд, и вскоре она снова была в ледяном плену, чтобы никогда больше не быть освобождённой до рокового дня 12 июня 1881 года.

Глава II. Дрейф

Корабельное хозяйство — В ледяном кольце — Отравление свинцом — Поход на остров Генриетты.

Быстро наступали зимние холода. За исключением нескольких незначительных происшествий в виде растяжений и ушибов, мы радовались полной свободой от болезней и пребывали в постоянно хорошем настроении — все, кроме лейтенанта Даненхауэра, который страдал от своего ужасного недуга с декабря прошлого года и до самого конца плавания. К приближающимся праздникам экипаж подготовил традиционное театральное представление, и на Рождество вся команда была приглашена в рубку на спектакль, полный шуток про офицеров и матросов.

Ещё в самом начале экспедиции обнаружилось странное нарушение общеизвестного физического закона. В соответствии со знаниями из нашей школьной юности мы полагали, что морская вода, замёрзнув, превращается в совершенно пресный лёд. Было также известно, что морские льдины солёные, но с уверенностью ожидалось, что снег будет пресным, и всё же этого не произошло. Те из нас, кто интересовался историей арктических путешествий — а ничто из того, что написано на английском языке, не ускользнуло от их внимания, — знали, что до сих пор не возникало никаких трудностей в получении пресной воды для питья из айсбергов или снега на суше. Однако в этом океане нет настоящих айсбергов, за исключением тех, которые сходят с небольших островов, а они настолько редки, что единственные, которые мы видели, были замечены моим отрядом, когда мы высадились на остров Генриетты.

Для решения этой проблемы мы построили дистилляционный аппарат, способный производить сорок галлонов пресной воды в день, а запас талого снега постоянно хранился в резервуарах на палубе и полубаке; один большой резервуар был установлен в задней части камбуза, чтобы он подогревался теплом от кухни.

Так закончился старый год — в многообразных заботах по корабельному хозяйству.

В течение января 1880 года лёд оставался беспокойным, и корабль испытывал множество ударов и сжатий. Каждый шторм сопровождался подвижками льдин; было замечено, что пока дул ветер, вся масса льда равномерно двигалась под его напором, но когда он стихал, этот лёд, двигаясь по инерции, начинал напирать на дальние неподвижные льдины — страшно было смотреть, как беспорядочно громоздились друг на друга колоссальные ледяные глыбы.

Именно в один из таких тревожных моментов, следующих за штормами, когда отовсюду слышался далёкий рёв и грохот, льдина, в которую вмёрзла «Жаннетта», начала раскалываться во всех направлениях. Спокойная и почти ровная поверхность льда, жалобно гудя и треща, внезапно вздыбилась огромными торосами. Гигантские глыбы вздымались и рассыпались, словно рушимые невидимой рукой, огромные сдавленные массы издавали невыносимо пронзительный стон, от которой кровь стыла в жилах. Разрушения приближались всё ближе и ближе. С благоговейным ужасом мы наблюдали, как по льду с грохотом разбегаются трещины. В амфитеатре высоченных торосов более полумили в диаметре лежал наш корабль; громада движущегося льда, вздувшаяся местами до высоты пятидесяти футов, постепенно подступала к нам со всех сторон. Мы были готовы оставить судно, но... что тогда? Если кольцо торосов продолжит сжиматься вокруг нас, вырваться из него станет невозможно — надеяться вскарабкаться по его скользкой движущейся массе было таким же безумием, как попытаться взобраться вверх по Ниагарскому водопаду.

«Лёд приближается со скоростью один ярд в минуту. До него триста шагов, так что через триста минут мы отойдём в мир иной».

Так один из членов экипажа объявил о своих расчётах неизбежной нашей гибели. Несомненно, что, если бы «Жаннетта» находилась в

двухстах ярдах в любом направлении от того места, на котором она тогда находилась на льдине, она была бы уничтожена крошащимися массами льда, как раковина на пляже под волнами прибоя. Но, видимо, время её ещё не пришло. Зловещий круг постепенно сократился до нескольких сотен футов, а затем... остановился. Стихли наши молитвы, стихло и всё вокруг, только скребли о днище корабля мелкие льдинки.

Люди постепенно пришли в себя, разбрелись по ледяной арене, карабкались по склонам «амфитеатра», перепрыгивали по обломкам льда, взбирались на вершины и со смехом скатывались вниз, соревновались, кто найдёт осколок льда самой необычной формы, обсуждали шансы на спасение, если бы таковое понадобилось нашему судну, все вопили и ликовали, как мальчишки, — как вдруг истошный крик: «К насосам!» положил конец их недолгому веселью и созвал всех обратно.

Тотчас же были установлены ручные насосы, и самые крепкие матросы принялись за них изо всей мочи; другие доставали из носового трюма провизию, а остальные наполняли котёл водой, льдом и снегом из трюмов. Температура была около -40° по Фаренгейту, и когда вода хлынула в трюм, она сразу начала замерзать. Постепенно она достигла уровня выше пола котельного отделения, и возникла опасность, что вода может залить топки котлов до того, как будут запущены паровые насосы. Чтобы предотвратить это и сохранить трюм сухим, воду из него поднимали с помощью бочки. Это была борьба не на жизнь, а на смерть! Вода быстро прибывала, и поэтому топку разожгли заранее, до того, как котёл наполнился до номинального уровня, и вскоре паровой насос откачивал воду с таким напором, что боцман Джек Коул с восхищением заметил: «И помогать не надо!..»

Быстро прошла зима, и яркое весеннее солнце, растопив снег, прибавило нам новых забот, обнажив малоприятные результаты жизнедеятельности тридцати трёх человек и сорока собак, проживших шесть месяцев на одном месте. Не без особого беспокойства наблюдалось и приближение тёплой погоды. Корабль скоро освободится, но насколько сильны течи в его корпусе, и как быстро закончатся запасы угля? Насколько хватит мачт, рангоута и надстроек после того,

как будет израсходован весь уголь? Эти вопросы тревожили нас всё больше и больше.

В начале весны стали преобладать северо-западные ветра, они переместили корабль примерно на пятьдесят миль от того места, где мы вошли в паковые льды прошлой осенью и теперь мы были в пределах видимости островов Геральд и Врангеля. За это время мы прошли зигзагообразным курсом почти пятьсот миль, придерживаясь общего направления с северо-запада на юго-восток, поэтому я предположил существование двух отмелей, между которыми мы двигались, или, возможно, двух обширных паковых полей — Полярного на севере и Сибирского на юге, которые под влиянием ветров перемещались относительно друг друга у берегов Сибири. Таким образом между непроходимыми ледяными полями образовалось узкое пространство, заполненное мелкими льдинами.

Зима 1880-81 годов прошла без особых происшествий. Новизна жизни на льду постепенно прошла. Наши запасы анекдотов и историй были полностью исчерпаны, а смысл их давным-давно притупился от частого использования. Каждый член экипажа нашёл себе наиболее близкого по духу и интересам товарища, и все стали ходить, разговаривать и охотиться парами. В кубрике стали больше читать и меньше разговаривать, старшие офицеры с каждым днём сближались, казалось, всё теснее. Всё больше внимания уделялось соблюдению санитарных норм, особенно дистилляции воды, приготовлению пищи, вентиляции судна и физическим упражнениям экипажа.

Это была наша вторая зима во льдах, а во всех экспедициях цинга, это проклятие арктических путешествий, появлялась задолго до второго года. Почему же мы стали исключением? И как долго нам будет так везти? Подобно растениям, выросшим в темноте, мы обесцветились до ненормальной бледности, а с приближением весны у всех проявлялись признаки слабости. Сон, к счастью, был спокойным из-за прочности льдины, но у некоторых членов экипажа начались приступы несварения желудка; мистер Данбар сильно заболел, а у Алексея на ноге появилась безобразная язва, сопровождаемая другими симптомами, вызвавшими подозрения на цингу.

В конце концов нам стало казаться, что эпидемия разразилась у всего экипажа. Доктор Эмблер усердно искал причину. Никаких признаков цинги, кроме случая с Алексеем, не было, но и его состояние было крайне сомнительным. Наконец у всех заболевших появились симптомы отравления свинцом, и сразу же возник вопрос: откуда он взялся? Несколько дробинок, найденных в тушках птиц (это были кайры), поданных однажды на ужин, было достаточно, чтобы направить все наши разговоры на эту тему. И тут, когда кто-то случайно наткнулся на несколько кусочков припоя в консервированных томатах и шутливо спросил: «Кто стрелял в помидоры?» — это привело к разгадке источника отравления. Зная, насколько смертоносным может стать вино, если в нём растворилась единственная дробиночка, случайно оставшаяся в бутылке после мойки, мы поняли, что кислые фрукты и овощи в жестянках стали ядовитыми от капель припоя, состоящего из равных частей свинца и олова. И это постоянное отравление продолжалось в течение нескольких месяцев! И, как показало расследование, эти капли не были единственным источником отравления. Зная, что производители покрывают припоем определённые сорта жести, мы проверили банки, и многие из них оказались покрытыми чёрным налётом оксида свинца. Взяв на анализ этот налёт, доктор Эмблер окончательно убедился в источнике «эпидемии».

Именно в начале этого мрачного периода в истории нашего плаванья с марсовой площадки раздался радостный крик: «Земля!» Лёд медленно разрушался в течение последних недель, и мистер Данбар, старый морской волк и знаток Арктики, уже неделю назад заметил, что что-то препятствует движению льда и разрушает его с подветренной стороны. Теперь малоприметная линия на горизонте с застывшим над ней облаком указывала на присутствие земли. Сразу же все наши юные прорицатели, которые последние месяцы только и знали, что открывать в очертаниях облаков на горизонте новые континенты и усердно наносили их на карты только для того, чтобы над ними так же регулярно смеялись, — оказались на мачтах, надстройках и самых высоких торосах, тщательно осматривая — кто в бинокль, а кто без — вновь открытую землю. Это была, конечно, именно она, и все были в таком восторге, как будто заново открыли Аме-

рику. Было много предположений относительно расстояния до новой земли, её размера и обитаема ли она; версий было — как деревьев лесу; а самые остроглазые энтузиасты отчётливо видели стада оленей, а другие, ещё более опытные, могли запросто отличить самку от самца.

Тем временем мистер Данбар, обладая той остротой зрения, которое бывает результатом сорокалетнего опыта в море, заметил ещё одну землю, гораздо меньшую и низкую, чем первая. Поскольку вся наша льдина вместе с «Жаннеттой» быстро дрейфовала на северо-запад, возникла идея посетить сей таинственный остров. Общее мнение о том, удастся ли вернуться в целости и сохранности было неблагоприятным, но недостатка в добровольцах не наблюдалось. Господа Чипп, Даненхауэр и Ньюкомб лежали больными по каютам; поэтому было решено, что пойду я в сопровождении мистера Данбара и четверых членов экипажа, а именно: Ниндемманн, Бартлетт, Эриксен и Шарвелл. Нас снабдили провизией на десять дней и небольшой лодкой на санях, запряжённых пятнадцатью собаками.

Рано утром, сопровождаемые добрыми пожеланиями наших товарищей, мы отправились напрямую к острову. Состояние льда, его постоянное движение, скрежет, грохот и иногда такая качка, что трудно было устоять на ногах, делали наше предприятие весьма рискованным.

Трудности подстерегали нас с самого начала. Менее чем в пятистах ярдах от корабля мы вышли к открытой воде и переправили на лодке сани и припасы, но ничто не могло заставить последовать нашему примеру собак. Они выли, кусались и сопротивлялись изо всех сил, а некоторые освободились от упряжи и убежали обратно на корабль. Термометр показывал прилично ниже точки замерзания; лодка покрылась льдом, одежда наша промокла, а руки сильно замёрзли. Дезертиры были в конце концов схвачены людьми на корабле, возвращены, и снова пристёгнуты ремнями. Верёвку, привязанную к их постромкам, перекинули через полыню (почти двадцать ярдов в ширину), затем стащили в воду и таким образом заставили переправиться всю стаю. Это было жестоко, я знаю, но другого выхода не было; как только они переправились, то были снова запряжены в сани,

и вскоре бедные дрожащие животные согрелись от тяжёлой работы. У всех нас были матерчатые ремни, которыми мы помогали собакам; мистер Данбар бежал впереди, прокладывая путь среди торосов, остальные поддерживали и толкали сани, по двое с каждой стороны и один сзади. Время от времени упряжка останавливалась, и тогда всё содержимое — 1900 фунтов — надо было выгрузить, так как абсолютно невозможно уговорить или заставить собачью упряжку тянуть сообща, пока сани не будут сначала стронуты с места.

Нет большего насилия над истиной, чем на тех картинах, где эскимосы изображены преспокойно сидящими в своих ажурных санках, изящно помахивающими длинными хлыстами, в то время как собаки с громким лаем и в совершенном порядке несут их по ровным снежным просторам. В реальности сцена эта значительно отличается от нарисованной; она так же полна деятельности, но отнюдь не успешной. Это ад крошечный! Собаки визжат, лают, грызутся и дерутся; вожак позади, а коренники (или как их там называют?) впереди, все завязаны в чудовищный узел и безнадежно перепутались, как клубок змей!..

Так мы трудились в течение двенадцати часов, прокладывая себе путь, заполняя трещины и впадины битым льдом и перетаскивая через них упряжку; четыре раза спускали на воду лодку и в результате к вечеру прошли от корабля всего четыре мили и почти ничего до острова. Тем не менее мы поставили палатку под прикрытием большого тороса, поужинали, накормили собак и, завернувшись в спальные мешки, улеглись спать на снегу, очень довольные нашим первым днём и в какой-то степени согреваемые собаками, которые свернулись калачиками на полах нашей палатки. На следующее утро в шесть часов мы, весьма бодрые, были уже на ногах. Шарвелл разогрел в банке завтрак из свиных ножек с похлёбкой из баранины и вскипятил чай, пока остальные складывали палатку и запрягали собак, а в семь мы снова отправились в путь.

На третий день путешествия остров, увенчанный облаками, предстал перед нами во всём своём величии. Черные зазубренные скалы, отвесно вздымающиеся на четыреста футов у побережья и возвышающиеся в глубине суши раза в четыре выше, издали напоминали

огромную массу застывшей лавы, излитой исполинской доменной печью и испещрённой прожилками железа. Скалы были покрыты мхом и лишайниками, вершины их увенчаны снегом и льдом, а самые высокие терялись в облаках. Подойдя ближе, мы смогли разглядеть ледники, спускающиеся по ущельям, и крутые береговые скалы, похожие на часовых, мрачно стоящих на страже своих владений от чужеземного вторжения. Стояла тревожная, какая-то жуткая тишина. Мы чувствовали себя совершенно одинокими. Перед нами чёрной громадиной высился величественный остров, до известной степени защищённый от разрушительного действия движущихся льдин обширным припаем, который простирался в некоторых местах на полмили от берега. Здесь мы и стояли, погруженные в созерцание этого первозданного хаоса. Миллионы льдин, наваленных друг на друга, как тела убитых в битве, вечно бушующей в их ледяном царстве; их огромные ледяные туши непрестанно ускользали от яростного натиска других, оказываясь то сверху, то погребёнными внизу. Вот через этот ледяной хаос мы и должны были пробиться к острову.

Беглый осмотр убедил меня в полной невозможности сделать это на лодке; а так как мы быстро дрейфовали, я решил оставить её вместе со снаряжением и большей частью провизии и перебраться на сушу по льдинам, перепрыгивая с одной на другую. Это было рискованное предприятие, успех которого во многом зависел от везения; ещё более от него зависело наше возвращение с острова к дрейфующей лодке с провизией. Чтобы увеличить наши шансы найти лодку на обратном пути, мы оставили её на самом высоком торосе, а в качестве ориентира поставили над ней весло с привязанным к нему чёрным флагом, а сверху, как фригийский колпак символа свободы, нахлобучили старую фетровую шляпу Эриксона. Затем с палаткой, оружием, инструментами и провизией на один день, уложенными в сани, быстро пустились к острову. Собаки обучены всегда следовать за вожакom, поэтому один из нас бежал впереди в качестве лидера, сменяемый по очереди другими, остальные бежали рядом с санями и иногда отдыхали на них. Но когда мы добрались до мелкого ледяного крошева, собаки остановились и отказались следовать за лидером. Бедные животные, они прекрасно понимали, что это значит — что их

сейчас загонят в воду и вытащат обледеневшими и замёрзшими до полусмерти. Поэтому, когда льдины заколыхались у них под ногами, они бросились в рассыпную, скуля от страха, и напрасно мы кричали и колотили их, чтобы вернуть в строй. Льдины тонули и переворачивались под нашими ногами, люди и собаки ежеминутно оказывались в воде, то карабкались на вздымающиеся льдины, то снова проваливались. Мистер Данбар ослеп от яркого снега и, к своему великому огорчению, мог только сидеть в санях. В жизни старого джентльмена это было в первый раз, когда он был так беспомощен и бесполезен. Он жалостливо умолял оставить его, чтобы не задерживать наше продвижение; но, приказав ему держаться крепче, я схватил, наконец, жожака за шею своим ремнём и бросился вперёд, увлекая за собой упряжку и всех остальных. Затем мы с трудом перебрались вброд через снежную кашу и воду, в которую сани, с уцепившимся за них мистером Данбаром, были погружены почти полностью. Эриксен продемонстрировал при этом совершенно титанические усилия. Не раз, когда сани, казалось бы, безнадёжно застревали, он напрягал свои мускулистые плечи и поднимал их вместе с седоком. Мы все так вымотались, что, когда достигли последней гряды торосов на береговом краю припая, то едва смогли переползти сами и перетащить через них Данбара, как какого-то большого тюленя.

Короткий отдых, ужин, и затем я приступил к официальному вступлению во владение островом. Мы промаршировали по припаю, не соблюдая, впрочем, никакого строя, а я, как офицер и надлежащий представитель правительства, высадившийся первым, заявил, что остров является территорией Соединённых Штатов, после чего пригласил на берег моих спутников во главе с Гансом Эриксом, несущим кормовой флаг в качестве знамени. Затем остров был назван Генриеттой в честь матери мистера Беннетта¹ и окроплён несколькими — очень немногими — каплями виски из маленькой, но драгоценной оплетённой бутылочки, которая хранилась в лодочном рундуке для медицинских целей. После этой церемонии каждому члену отряда было выделено бóльшее (но всё же слишком малое) количе-

¹ Джеймс Гордон Беннетт (младший) (1841-1918), издатель газеты «New York Herald», был спонсором этой экспедиции. — *прим. перев.*

ство капель из того же сосуда. Мистер Данбар и я остались на берегу, а остальные отправились побродить неподалёку вглубь острова.

Солнце в эти дни находилось над горизонтом все двадцать четыре часа, хотя с тех пор, как мы покинули корабль, его не было видно из-за туманной погоды. Метель также была такой силы, что остров полностью скрылся из виду ещё за два часа до нашей высадки, и всё это время мы шли по компасу. Поэтому, когда я проснулся на следующее утро в десять часов, я сразу подумал, что мы проспали; мне было приказано оставаться на острове не более двадцати четырёх часов, а мы уже потратили здесь половину этого времени в объятиях Морфея. Наскоро растолкав людей, которые в ответ в основном зевали и бормотали, что очень устали и хотят ещё отдохнуть, я принялся за руководство дневными работами. На высоком крутом мысу была сооружена из камней пирамида. Мистер Данбар нарёк мыс «Головой Мелвилла», но впоследствии на карте это название было изменено на «Лысая голова». В пирамиду мы поместили жестяную коробку с бумагами и медным цилиндром, в котором было письмо от капитана Делонга.

Затем я сделал рекогносцировочную съёмку острова по компасу. Эриксен и Бартлетт читали его показания, а я записывал и делал наброски. Остальные кратко исследовали бóльшую часть восточной оконечности острова, обозначив характерные ориентиры, а Шарвелл подстрелил несколько кайр, которые в большом количестве гнездились на скалах. Это были единственные птицы, которых мы видели на острове Генриетты; на самом деле мы вообще не обнаружили здесь никаких других живых существ.

Наконец, удовлетворённые успехом нашей экспедиции, мы снова уложили сани и отправились к кораблю, ненадолго остановившись в миле от берега чтобы определить направления на основные мысы и вершины, с которых позднее можно будет составить карту острова. Обратный путь к кораблю оказался более сложной задачей. Нас отнесло далеко на северо-запад; движение льда ускорилося, и судно, которое хорошо было видно с высокого острова, сейчас скрылось из виду. Лодки тоже нигде не было видно, а лёд, казалось, ожил и с каждым часом ломался всё больше и больше. Мистер Данбар к тому вре-

мени окончательно ослеп, и так как собаки бежали быстро, ему пришлось, чтобы не отставать от нас, всё время ехать в санях. Однажды, пробившись через очередную полосу крошеного льда, мы оказались на слегка округлой поверхности небольшой льдины в форме спины кита, которая тут же стала раскачиваться под нами, как в приключениях Синдбада-Морехода. Все, включая собак, присели на корточки в опасении, что льдина вот-вот перевернётся. И льдина это, наконец, сделала — и в том самом направлении, в котором нам нужно было идти, благополучно стряхнув нас, более или менее сухими, на край другой большой льдины. Но не так обстояли дела с собаками, среди которых, к сожалению, были разные мнения относительно нашего курса; поэтому большинство из них с визгом свалились в воду, утащив за собой и сани вместе с распротёртым на них мистером Данбаром. Пока они пробирались сквозь слякоть и воду к твёрдому льду, мы почему-то покатывались от смеха.

Стряхнув воду и лёд с груза и с живности, мы продолжили свой путь к тому месту, где оставили лодку. Теперь я опасался, что мы не сможем её найти, так как нам не удалось обнаружить на снегу никаких наших следов, да и весь вид льдины, казалось, значительно изменился. Наконец, погода немного прояснилась, и Эриксен заметил с вершины высокого тороса флагшток, который мы подняли рядом с лодкой. Это была большая удача, так как мы уже съели дневной паёк, взятый с собой на остров.

С этого момента и до тех пор, пока мы не добрались до корабля, погода была ужасной. Дул жестокий ветер со снегом, мы шли только по компасу, постоянно встречая полыньи открытой воды. Когда мы разбили лагерь на вторую ночь после того, как покинули остров, шторм был в самом разгаре. Несмотря на плохое состояние льда, я чувствовал себя уверенно, зная, что теперь мы должны быть близко к кораблю. Но несколько человек из группы сильно страдали: Ниндемани от приступа судорог, а Эриксен, которому после проблем с глазами у мистера Данбара пришлось взять на себя управление собаками и держать курс по компасу — от снежной слепоты. Бедный Ниндемани, скрюченный пополам, терзался болями, вызванными, без сомнения, отравлением свинцом, поэтому сразу после ужина и

перед тем, как забраться в свой спальный мешок, я достал аптечку, которую дал мне доктор Эмблер, и приступил к «лечению». Внутри коробки были чёткие и ясные инструкции, а Ниндеманну нужно было средство от судорог: настойку капсикума, коньяк и т.п. Но у меня ужасно замёрзли пальцы, поэтому Эриксен, которому нужно было оливковое масло, чтобы смазать свой подмороженный нос и ссадины на коже, взялся помогать мне вытаскивать пробки. Делал он это с такой безрассудной решительностью, что пролил изрядное количество настойки капсикума (а это жгучайший кайенский перец, возведённый в n-ую степень!) на свои потрескавшиеся и покрытые волдырями руки. Затем, окончательно уже потеряв всякое соображение, он этими своими огненными пальцами принялся наносить масло на поражённые участки своего тела. Результат был столь же неожиданным для него, как и привёл в изумление всех остальных. Он вопил от боли и извивался на снегу, как угорь. Язвительный Шарвелл заметно усилил активность жертвы, предложив ей раздеться и сесть на снег, чтобы остыть; но затем, опасаясь, что он может протаять нашу льдину насквозь, посоветовал ему залезть на какой-нибудь торос повыше. Ниндеманн смеялся, забыв про судороги, а Данбар, преодолевая стоны, осведомился: «Эриксен, ты достаточно раскалился? Снег шипит? Если да, то командир может потушить печку и использовать тебя в качестве обогревателя!» Все эти шутки приводили к новым взрывам хохота в палатке.

На следующее утро, когда туман поднялся, мы увидели наш корабль. Надеясь добраться до него до обеда, мы продолжали свой путь, который становился всё более и более трудным. Мы приблизились уже на расстояние мили, но никто на борту по-прежнему не замечал нас. Наконец, наш путь преградила движущаяся масса мелкого льда, и после тщетных попыток обойти это место я решил спустить на воду лодку. И в этот самый момент у саней подломился один полоз, и, хотя мы наскоро починили его, он не мог выдержать весь груз. Чтобы избавиться от собак и побыстрее доставить нашего ослеплённого лоцмана на корабль, я решил послать сани с большей частью груза через движущуюся массу торосов. Мистер Данбар решительно отказался идти пешком и расположился на санях. Мне было не до

выяснения отношений, и упряжка тронулась в путь. Люди кричали, собаки громко лаяли. Мы с Шарвеллом остались с лодкой, ожидая, пока подоспеет помощь с корабля. Вскоре мы увидели Джека Коула, нашего боцмана, в сопровождении группы людей, спешащего в нашем направлении. Я сказал им оставить сани и перейти на нашу сторону, затем с помощью длинного каната и по одному человеку с каждого борта, мы перетащили лодку.

1. ЭКИПАЖ «ЖАННЕТТЫ» ЗА РАБОТОЙ 2. НА МАРСОВОЙ ПЛОЩАДКЕ
3. ГИБЕЛЬ «ЖАННЕТТЫ» 4. УДАЧНАЯ ОХОТА

Капитан Делонг с забинтованной головой (его ударило лопастью ветряка, от которого на судне работала помпа) и доктор Эмблер вышли нам навстречу, и я не могу сказать, кто был более доволен, встречающие или прибывшие. Что касается меня, то все мои невзгоды были с лихвой компенсированы приветствием: «Молодец, старина, я рад видеть тебя снова!». А доктор, добрая душа, первым делом поинтересовавшись здоровьем людей, сказал в своей сердечной манере: «Старик, я рад, что у тебя была возможность первым с честью развернуть наш флаг!». Доктор был

сдержанным человеком, но объятия наши были крепкими и сердечными.

Взойдя на корабль я с удивлением обнаружил, что времени всего девять утра, а ведь мы с Шарвеллом, когда ждали подмоги с корабля, думали, что был полдень и разогрели себе обед. Я обнаружил, сравнив свой собственный хронометр с корабельным, что их ход не отличался, и поэтому пришёл к выводу, что в то утро на острове мы были преждевременно разбужены необычной яркостью солнца, из-за того, что развеялся туман и облачность. Поэтому, мы, должно быть, встали в три часа ночи, а не в шесть утра, и это объясняет наше незамечен-

ное приближение с развевающимися флагами к кораблю до восьми утра, когда команда только начинала просыпаться.

Глава III. Высадка на лёд

В кают-компании — Наше положение — «Жаннетта» идёт ко дну — В лагере на льду — Выступаем в поход.

Теперь у нас появилась новая тема для обсуждения в нашей маленькой каюте. На самом деле споры там никогда не затихали, все свободно обменивались мнениями и не стеснялись критики. Некоторые из этих мнений были весьма оригинальные. Например, один из матросов, всегда довольный и радостный, считал, что это очень удачно, что судно дало течь, поскольку люди были таким образом получили «хороший опыт и тренировку», и было так нескучно лежать ночью без сна в своей каюте, слушая бодренькое «пыхтение насоса»!

Но теперь наше время было занято обсуждением тех серьёзных обстоятельств, которые весьма тревожили нас. Все мы были убеждены, что шанс на то, что корабль уцелеет при нынешней ледовой обстановке, был один к тысяче, не более. И даже если уцелеет, то что тогда? Это был главный вопрос, который постоянно занимал наши умы: не разумнее ли уже сейчас покинуть корабль и отправиться к ближайшей земле (Новосибирским островам), вместо того чтобы откладывать путешествие до осени. Делонг, естественно, пожелал остаться на корабле до конца или, как он предложил, пока провизии не останется на девяносто дней. Если бы было проведено голосование среди тех, кто уже хорошо обдумал этот вопрос, у меня почти нет сомнений, что большинство решило бы покинуть судно примерно в середине июня.

Однако у нас уже не было возможности что-то выбирать. «Жаннетта» триумфально доставила нас в это ледяное царство, служила нам прибежищем в течение стольких тоскливых месяцев, и теперь покидала нас, жалостно скрипя старыми шпангоутами.

Вечером 10 июня движение льда усилилось, льдины вокруг постоянно скрежетали и трескались. Ночью, когда почти вся команда отдыхала, лёд начал раскалываться с пугающей регулярностью; каждый удар чудовищной дрожью пробегал от носа до кормы, отчётливо отдаваясь в самом сердце судна. В ту ночь я совершал обход с девяти до двенадцати вечера, и в мои обязанности как вахтенного офицера входило записывать показания метеорологических приборов, установленных на льду. Как раз перед тем, как в полночь колокол пробил восьмую склянку, и когда я был на сходнях, направляясь к метеостанции, в воздухе раздался звук, похожий на выстрел, заставивший команду вскочить с коек. Льдина раскололась от носа и кормы параллельно линии киля, и корабль, покачавшись несколько минут, остановился правым бортом близко ко льду, а по левому борту льдина, на которой были собаки, метеостанция и некоторые другие вещи, отошла на расстояние по крайней мере ста ярдов.

Теперь наше положение стало весьма опасным.

«Ну, — Делонг нарочито бодро спросил Данбара, — что вы обо всём этом думаете?»

«К завтрашней ночи судно либо будет под льдиной, либо на ней», — ответил тот.

Так оно и случилось.

После того как корабль был отбуксирован несколько вперёд и пришвартован в небольшой полынье, обеспечивающей минимальную защиту, вся команда, кроме вахтенных, легла спать. На следующее утро около семи часов утра оторвавшаяся льдина приблизилась к нам, но снова, будто равнодушно испытывая наше везение, отступила. Позавтракав, несколько человек по традиции отправились на охоту, оставив остальных размышлять о нашем затруднительном положении. Лёд снова приблизился, на этот раз прикоснувшись к кораблю и слегка сдавив его, будто намереваясь проверить его прочность. Бедная «Жаннетта» застонала, и наступающая льдина, явно удовлетворённая, ослабила свои объятия. Между тем ни у офицеров, ни у команды не было никаких признаков тревоги. Был дан обычный сигнал к возвращению охотников, и они ввалились в каюту, как будто ничего не подозревали о надвигающейся катастрофе. И всё же все

полностью осознавали, насколько это неизбежно. Подготовка к такому исходу велась с того момента, как мы вошли в сплошные льды; у каждого офицера и матроса были свои обязанности, и поэтому, когда это произошло, не было ни шума, ни суматохи.

Около трёх часов дня лёд был тих и неподвижен, ярко светило солнце, а судно выглядело настолько живописно, что Делонг велел мне достать фотоаппарат и сфотографировать его. Во время путешествия я выступал в качестве фотографа и сделал несколько прекрасных снимков, все они, однако, были потеряны вместе с кораблём. Пока я проявлял фотопластинку в тёмной комнате, на свои посты вызвали всех, кроме больных, всем свободным от вахты приказали покинуть корабль. По указанию капитана кормовой флаг подняли на верхушку мачты, спустили за борт лодки и сани, палатки, провизию и другое снаряжение и разместили всё на льду примерно в пятистах ярдах от края льдины. Доктор Эмблер взял на себя заботу о больных и с помощью нескольких человек перенёс своё медицинское хозяйство. Единственным пациентом, который действительно нуждался в помощи, был мистер Чипп, все старались помочь этому всеобщему любимцу. Всё проходило спокойно, но энергично, всем руководил Делонг, невозмутимо куривший свою трубку на капитанском мостике.

По мере того как лёд продолжал свой натиск, судно всё больше и больше кренилось, пока не стало уже невозможно стоять на палубе, не держась за что-нибудь. Вахта на баке уже поужинала, и остальные собирались последовать её примеру, как вода внезапно начала подниматься так быстро, что многие не смогли подняться по трапу и были вынуждены вылезать через вентиляционные люки на палубе. Так что те из нас, кто работал на льдине и палубе, остались без последнего ужина.

Наконец все покинули судно, Делонг прыгнул на льдину и, помавав фуражкой, крикнул: «Прощай, дружище!» Затем последовал приказ, чтобы больше никто не пытался подняться на борт.

Теперь мы приступили к подготовке нашего лагеря и установке палаток, как это было спланировано месяцами ранее, экипажами лодок под командованием офицеров, заранее назначенных, за исклю-

чением лейтенанта Чиппа, чья палатка, по причине его болезни, была передана под командование мистера Данбара. На судне было четыре лодки: первый куттер¹ (с двумя палатками для экипажа), второй куттер, первый вельбот² и второй вельбот; но, учитывая долгий путь, который нам предстоял, прежде чем мы могли бы встретить открытую воду, если, конечно, мы вообще её найдём, капитан Делонг очень мудро решил взять только три лодки, поэтому второй вельбот, будучи самым громоздким, остался висеть на шлюпбалках. Расставив палатки, сварив кофе и поужинав, мы наконец легли спать.

Итак, мы оказались на льду в пятистах милях от устья реки Лены, нашей ближайшей надежды на помощь, с целым списком больных и ограниченным запасом продовольствия. И всё же, хотя никто не сомневался в серьёзности нашего положения, никто и не унывал, настроение у большинства было приподнятое, и вскоре после того, как боцман дал отбой, лагерь погрузился в сон.

И все мы были благодарны судьбе за то, что постелили наши постели на снегу, а не под водой, где простой моряк так часто находит свой вечный покой. Простой трудяга матрос! Ты ворчишь, когда ясен день и жизнь прекрасна, и веселишься в час опасности и бедствий!..

Мы проспали всего несколько часов, когда нас разбудил грохот, подобный пушечному выстрелу. Льдина раскололась во всех направлениях, одна трещина прошла прямо через наш лагерь по центру палатки Делонга, и, если бы не вес спящих по краям брезентовой подстилки, те, кто был посередине, неизбежно провалились бы в воду. Как бы то ни было, в одно мгновение лагерь снова был на ногах, и их с большим трудом спасли. Хотя лодки, сани и провизия были размещены рядом с палатками, чтобы избежать их потери из-за подобных происшествий, мы обнаружили, что теперь медленно удаляемся от них. Через трещину сразу же были перекинута доски, все бросились перетаскивать сани и лодки, а когда трещина расширилась так, что не стало хватать длины досок, нашли место где обойти её. Вскоре

¹ Куттер (англ. *cutter*) – небольшое быстроходное одномачтовое судно с косым парусным вооружением (обычно гафельный грот + два стакселя). От этого же английского слова позднее произошло название *катер*, которое, однако, обозначает уже другой тип судна. – прим. перев.

² Вельбот (англ. *whaleboat*) – быстроходная весельная или парусно-весельная шлюпка с одинаково острыми носом и кормой. В варианте с парусным вооружением имеет выдвижной киль – шверт. Обладает хорошими мореходными качествами. – прим. перев.

провизия была спасена, мы быстро сдвинули наши палатки подальше от края льдины, и вскоре снова задремали в своих спальных мешках. В ранние утренние часы вахтенный Кюне видел, как «Жаннетта» покачивалась, поскрипывая и постанывая в такт движениям льда. Ближе к четырём часам, когда он должен был смениться, он вдруг заглянул в палатку и громким шёпотом позвал Бартлетта: «Выходи, если хочешь увидеть «Жаннетту» в последний раз. Она идёт ко дну! Идёт ко дну!»

Большинство едва успели вылезти из палаток и увидеть, как корабль затрещал всем своим деревом и железом, на мгновение выпрямился, льдины, раздавившие его, слегка отступили; и тогда он всё быстрее и быстрее стал тонуть. Реи сломались и сложились вверх параллельно мачтам, и, как человек, подняв руки над головой, «Жаннетта» исчезла из виду. Со смешанным чувством печали и облегчения смотрели мы на это. Теперь мы были совершенно отрезаны от остального мира, без сколько-нибудь реальной надежды на помощь; наше главное средство спасения, с которыми было связано так много приятных воспоминаний, только что погибло на наших глазах; и потому неудивительно, что мы чувствовали себя такими одинокими, как мало кто может себе представить. Но в то же время мы понимали, что корабль давно уже стал бесполезен, и все наши сомнения рассеялись — теперь мы могли немедленно, и чем скорее, тем лучше, отправиться в наш долгий поход на юг.

Но прошла ещё почти неделя, прежде чем мы стали готовы выступить в поход; всё это время было посвящено нашей тщательной подготовке. Так что, когда наконец наступил день отъезда, мы почувствовали большое облегчение. Вообще, если судить по опыту пеших походов всех предыдущих арктических экспедиций, перспективы у нас были самые мрачные. Правда, все члены экипажа «Тегетхоффа»¹ спаслись; но им так повезло, что они вышли к открытой воде менее чем в одном градусе широты от того места, где оставили свой корабль. И только на такую же удачу могли надеяться и мы, ибо все эти

¹ Полярная научно-исследовательская парусно-моторная шхуна «Адмирал Тегетхофф». В 1873 году в ходе австрийской экспедиции под руководством Карла Вейпрехта и Юлиуса Пайера на этом судне была открыта Земля Франца-Иосифа. — *прим. перев.*

походы были просто пустяками по сравнению с тем, что предстоял нам.

До гибели корабля капитан Делонг почти ежедневно проводил точные измерения нашего положения, и после того, как мы высадились на лёд, они делались всякий раз, когда позволяла погода. Наш маршрут уже давно был предметом обсуждения среди офицеров. В течение последних нескольких месяцев мы так быстро отдрейфовали на запад, что Новосибирские острова были теперь выбраны в качестве остановки для отдыха на нашем пути к реке Лене, которую мы выбрали в качестве конечного пункта маршрута, зная, что по ней ходят пароходы, а её берега хорошо заселены. Следовательно, если нам удастся дойти до неё до наступления зимы, то после этого наши трудности будут не так велики.

Соответственно, маршрут был проложен точно на юг и даже «в натуральном виде», — Делонг и Данбар обозначили его начало серией чёрных флажков. Вечером 16 июня были отданы приказы об изменении нашего распорядка дня: чтобы мы спали днём и работали ночью. Это делалось по разным причинам, главная из которых заключалась в том, что благодаря этому мы избегали снежной слепоты от яркого солнечного света и могли спать спокойнее и теплее, а в это время наша мокрая одежда сохла бы на лодках и палатках. Опять же, идти и тащить сани по свежему ночному воздуху, когда солнце низко, гораздо менее утомительно, чем когда оно высоко и ярко светит. Температура днём в летнее время обычно достигает температуры таяния льда, иногда до сорока градусов¹ по Фаренгейту, в то время как ночью она всегда замерзает, даже в середине лета, когда солнце светит наиболее ярко. Я часто замечал, как тает лёд на освещённой солнцем стороне корабля, в то время как в тени вода замерзает.

Перед тем как лечь спать утром 17-го июня, я по приказу Делонга доставил на собачьих упряжках груз провизии для нашего обеда следующего дня к самому дальнему, как я полагал, флажку, но оказалось, что он упал, так что склад, который я сделал, оказался почти на полмили ближе. Наше разделение труда было следующим: капитан Делонг и мистер Данбар, как я уже говорил, прокладывали курс и

¹ +4.5°C — прим. перев.

выбирали самый удобный путь; доктор Эмблер заботился о больных (а также о медицинских запасах, палатке и т.п.) и обеспечивал их транспортировку на собачьей упряжке, также организуя прокладку пути и переправы через трещины и полыньи. На протяжении всего похода нам не удавалось пройти по ровному льду — на котором и лошадь могла бы пройти без опасности сломать ноги — более полумили, за исключением одного раза. Из-за болезни Чиппа и Даненхауэра я взял на себя командование людьми. Наш первый рабочий день был тяжёлым для нас и крайне неудачным для саней. Предполагалось, что каждый экипаж будет сперва перевозить свои сани, а затем все вместе возвращаться за лодками; но после первой попытки это оказалось совершенно невозможным. Тогда Делонг счёл за лучшее сначала перетаскивать лодки, чтобы иметь впереди палатки, кухонную утварь и спальные мешки, которые были уложены в них, и я приступил к перетаскиванию первого куттера. Примерно две трети людей, занятых на перевозке, были оснащены сбруей, представляющей собой полосы вдвое сшитой парусины шириной около двух дюймов и длиной, достаточной для того, чтобы проходить через одно плечо и под другой рукой, на манер перевязи; к ней был привязан шнур из просмоленного материала с деревянной клевантой на свободном конце. С их помощью люди прицепились к буксирному канату, другие поддерживали лодку по бортам, и все начали тащить её по глубокому мокрому снегу, который доходил нам иногда до пояса. С гиканьем и песнями мы доволокли, наконец, лодку до склада, который я сделал накануне, но здесь мистер Данбар, к нашему большому удивлению, объявил, что самый дальний флаг, до которого нам надо было дойти, находится всё ещё в полумиле от нас. Приказ есть приказ, особенно в такой ситуации, которая не допускала никакой свободы действий, поэтому мы двинулись дальше. Но если в начале движения мы были свежи и энергичны, и не особенно утомились, то к концу этого второго непредусмотренного перехода, мы все были совершенно измотаны, двое из нас не могли стоять и сидели на снегу — один вытянулся с болями в ногах, а другой скорчился от колик в животе.

По возвращении в лагерь мы застали его в полной суматохе. Сразу же после нашего ухода льдина под лагерьем начала трескаться и тороситься. Делонг, зная, что у склада провизии остались больные, вместе с полудюжиной мужчин усиленно пытался переправить лодки и сани через зияющие трещины во льду. Положение было очень тревожным, а начало похода просто обескураживающим, и казалось, что, образно говоря, мы никогда не вернёмся в родные палестины; многие даже говорили, что им уже всё равно. Однако необходимы были незамедлительные меры: сперва через полынью были перетянуты лодки с провизией — все дружно брались за лодку или сани и когда льдины сходились вместе, быстро переправляли их. Кто-то падал в слякоть и воду, но крепко держался за канат, и товарищи вытаскивали его. Так, под смех и добродушное подшучивание, нам удалось ближе к вечеру снова собрать весь наш груз в одном месте. Но сани были так сильно повреждены, что пришлось разгрузить их и перевязать ремнями, не говоря уже о том, чтобы уменьшить груз на самых маленьких. Это привело к задержке ещё на один день. Тем временем первый куттер оставался в полумиле от нас, но так как он лежал в центре большой толстой льдины, мы почти не беспокоились за его благополучие. Из всего этого мы извлекли несколько ценных уроков, а именно — важность того, чтобы мы и груз обязательно держались вместе, чтобы между нашими складами не было слишком большого расстояния, а также не начинать переправу через трещину или полынью, пока сначала не доставим всё к месту переправы.

А теперь представьте себе нашу досаду от того, что мы не могли тянуть вместе двое самых лёгких саней и были вынуждены перетаскивать их по отдельности. По такой схеме, чтобы переправлять наши восемь мест груза, мы должны были проходить один и тот же маршрут тринадцать раз, то есть, чтобы пройти одну милю по прямой, мы должны пройти их тринадцать! Получалось, что из-за извилистого маршрута, из-за того, что льдины в трещинах и торосах, мы тяжело трудились с семи вечера до шести, семи, а часто и девяти утра, преодолевая от двадцати пяти до тридцати двух миль, чтобы продвинуться по прямой всего на две-две с половиной мили.

Мы учли опыт первого дня, и нам стало легче во второй. Например, мы обнаружили, что для ремонта саней конопляные верёвки намного лучше, чем ремни из моржовой шкуры, на которые мы так полагались. Возможно, на морозе кожа моржа может работать лучше, но я думаю, что единственное преимущество, связанное с её использованием, заключается в том, что при необходимости её можно съесть. И правда, свежая моржовая шкура, зажаренная прямо с волосами, вкусна, и многие члены нашей команды лакомились ею, съев свои порции пеммикана. Мы также узнали, что бездумное напряжение сил, на которое так полагаются моряки, на самом деле не самый правильный способ хорошо выполнить свою работу. Как ухаживать за санями и ремонтировать их, в какое время дня лучше наводить переправы, как объезжать торосы, чтобы не попасть в тупик и тому подобное, — все эти новые знания сослужили нам хорошую службу.

Наш ежедневный труд был однообразен. Когда все собирались на трапезу, повар каждой палатки получал у доктора три четверти пинты¹ спирта для наших спиртовок, которые примерно за пятнадцать минут доведут до кипения тринадцать пинт воды из снега, который мы собирали на высоких торосах. Провизия выдавалась плотником, повар брал у «интенданта» назначенное количество хлеба, пеммикана, сахара и кофе, а офицер палатки следил за тем, чтобы еда была поровну разделена между его подчинёнными. У нас также было по полунции² сухого бульона на человека в день, порции которого раздавались в каждую палатку, как правило, в полночь, для супа или в зависимости от того, как офицер считал нужным распорядиться горячей водой, лимит которой определялся выданной порцией спирта. Чтобы обеспечить справедливое распределение пищи в палатке номер четыре, я поручал Адольфу Герцу, моряку, разделить хлеб и пеммикан на шесть равных частей и положить каждую порцию в жестяную миску. Затем их ставили в центре палатки, по моему сигналу каждый брал себе по миске, что все делали с поразительной готовностью; оставшиеся две доставались нам с Герцем.

¹ Около 350 мл. — прим. перев.

² Около 15 мл. — прим. перев.

Обычно мы выходили на маршрут ровно в семь часов вечера, работали до полуночи, прерываясь на один час для ужина и отдыха, а затем к шести утра старались собрать все лодки и сани в одном месте, чтобы поужинать и лечь спать; но так было не всегда, работа часто продолжалась до девяти утра, после чего нужно было ещё и разбить лагерь. Место для него, обычно выбираемое Делонгом и Данбаром, должно быть ровным, а лёд под снегом — без воды и трещин. Часто найти такую место было невозможно; поэтому начиналась борьба за лучшие места для установки палаток, что вызывало столько споров, что в конце концов всем было запрещено выбирать какое-либо конкретное место, пока все сани и лодки не будут устроены на ночь. Затем давалось разрешение, и несколько человек с каждого отряда взваливали на плечи палатки, шесты и всё остальное и устанавливали их на лучших доступных местах в непосредственной близости от груза. Разбив лагерь, ставили котлы, каждый мужчина, за исключением офицеров, по очереди неделю служил поваром; после ужина доставали вещевые мешки и спальники. Но прежде чем лечь спать, каждый чинил свою одежду и обувь для завтрашнего маршрута и развешивал вещи на просушку. Была установлена часовая вахта по одному человеку от каждой палатки по очереди, при этом освобождены от дежурства были только офицеры и больные. Если какие-либо из саней требовали ремонта, то это делалось перед тем, как ложиться спать, если только починка не была сложной, тогда ею занималась вахта. Наша цель состояла в том, чтобы ничего не прерывало наше продвижение, кроме необходимых остановок для отдыха и ремонта.

Помимо перетаскивания лодок и саней, самой нашей большой проблемой было то, что мы почти постоянно были промокшие. Правда, мы захватили с собой дополнительную одежду для общего пользования, но на всех её всё равно не хватало, и вскоре мы перестали обращать внимание на сырое снаряжение. Наш маршрут обозначался двумя рядами флажков, между которыми мы должны были пройти по кратчайшему пути, и поскольку это делало невозможным для нас весь день оставаться сухими, мы, понимая, что рано или поздно всё равно промокнем, без колебаний пробирались по колено в слякоти и

воде, делая обходы только с драгоценными хлебными санями. Что касается наших мокасин, то уже через три недели среди нас не осталось ни одного, у кого бы обувь оставалась в относительной целости. При ходьбе по воде и мокрому снегу сырая шкура размягчается до консистенции жевательной резинки, а затем — из-за хождения по твёрдому снегу и шершавому льду — мокасины просто исчезают! Не раз после дневного маршрута я видел, как большинство моих людей стояли на льду босыми ногами, стерева даже подошвы своих чулок. И избежать этого было невозможно, так как мы не могли нести достаточно лосиной кожи, из которой делаются подошвы мокасин.

Что мы только ни придумывали, чтобы не уберечь ноги ото льда! Сначала мы делали подошвы, пришивая одну заплату из лосиной кожи поверх другой. Затем мы попробовали кожу с шлюпочных вёсел, но она была слишком скользкой, как и листовая резина, от которой некоторые сразу отказались. Мы использовали парусину: сшили из лямок от вещевых мешков небольшие заплатки для пяток и подушечек наших ступней, плели то же самое из канатной пряжи, пеньки и манилы с деревянными подошвами или полностью плетёнными по форме ноги. Многие ходили с выглядывающими из мокасин пальцами ног; некоторые — в обуви, полной дыр, из которых при каждом шаге брызгала вода. И всё же никто не роптал и не жаловался, и я должен здесь сказать, что ни одна корабельная команда никогда не переносила такого тяжёлого труда с такой стойкостью. Возможно, найдётся и другая команда, которая справлялась с этим не хуже, но *лучше* — никогда!

Глава IV. В паковых льдах

Наши развлечения — Нас относит — Бобы и пудинг — Продвигаемся вперёд — Остров Беннетта — На лодках — Наши собаки — По открытой воде.

В первое воскресенье каждого месяца, как это было у нас заведено с тех пор, как мы покинули Сан-Франциско, с молитвами читался «Акт о лучшем управлении Военно-морским флотом США», и, исклю-

чая это благочестивое развлечение, наш распорядок дня оставался без изменений; какие-нибудь неполадки с санями или необычное количество переправ через трещины и полыньи — одно только это могло задержать наш «марш-бросок».

По вечерам, завернувшись в спальный мешок, забавно было лежать и слушать, как мужчины болтают о своих прошлых радостях. Перечислив все вкусы, которые они когда-либо ели, все в конце концов соглашались, что лучшие обеды на борту «Жаннетты» были в среду — «бобовый день», когда также подавали «радость моряка» — пудинг с изюмом. И поднимались горестные стенания при воспоминании о том, что, если оба эти лакомства были в один день, то нельзя было отведать и пудинг, и бобы — надо было выбирать что-то одно. Затем следовали признания в том, что было сделано с остатками: великодушный рассказывал, как он отдал то, что не мог съесть, повару-китайцу; шутник — как он расхвалил пудинг Инигину, просто чтобы посмотреть, как тому понравится сладкое, или как быстро съел всё и попросил добавки; а жадина признался, что не бросил свою еду даже собакам, а приберёг и бобы, и пудинг и съел их потом холодными.

Делонг мечтал поесть жареных устриц, а мы с Эмблером — как бы мы расправились с большой жирной уткой... или нет, с индейкой... или даже целым гусем: «Целиком, старина, всенепременно целиком!». Возможно, ни один из нас не одолел бы целого гуся, но хотя бы восхитительно разделал и роскошно попиришествовал самыми лакомыми кусочками, каждый на свой вкус и от своего собственного гуся — ах! — «Ха-ха! (это Чипп), — размечтались! Жареная куропатка на гренках, говорите?! Потрохов вам жареных! — ну, может, свиную голову с капустой...» Такое саркастическое замечание обычно пробуждало нас от фантазий, которые стали реальностью — увы! — далеко не для всех из нас.

Через несколько недель нашего похода капитан Делонг сделал точные наблюдения за солнцем и узнал, к своему большому удивлению и огорчению, что нас отнесло примерно на двадцать четыре мили на северо-запад. В этом не было никаких сомнений; его выводы

были подтверждены методом Сомнера¹, и наше положение казалось теперь абсолютно безнадёжным. Проходить ежедневно от двадцати пяти до тридцати миль в течение двух недель, чтобы обнаружить, что мы продвинулись на двадцать четыре мили назад!

Чтобы пересекать теперь движущийся лёд под прямым углом, Делонг изменил курс с юга (истинного) на юго-юго-запад. Мы все были уверены, что в конце концов выйдем к открытой воде, если будем двигаться строго на юг, каким бы сильным ни был дрейф на север и запад. Это был всего лишь вопрос времени, однако у нас было провизии всего на шестьдесят дней, а впереди было путешествие в пятьсот миль — мы могли просто снова вмёрзнуть в лёд, не успев спустить наши лодки на воду.

Примерно через неделю после этого капитан Делонг сделал другие вычисления и выяснил, что мы, наконец, преодолели около двадцати одной мили. Мужчины приуныли, справедливо догадавшись о причине, по которой результаты первого наблюдения держались от них в секрете. В конце дня, когда почти всё было перевезено, я громко объявил хорошие новости: «Ребята, капитан говорит, что за прошедшую неделю мы прошли двадцать одну милю, и что теперь течение в нашу пользу».

Со всех сторон донеслись радостные возгласы, и последние сани с удвоенной энергией помчались вперёд.

И вот наконец перед нашими глазами то, что обрадовало всех нас. В течение последних нескольких дней мы с волнением наблюдали за тёмным облаком, висящим на юго-юго-западе. Наконец, в полдень 11 или 12 июля выглянуло солнце, и перед нами открылись Новосибирские острова: величественные голубые горы, яркая полоска льда и воды перед ними, и над всем этим медленно плывёт ослепительно белое облако — самая волнующая сцена для путешественника в Северном Ледовитом океане! Вдохновлённые новой надеждой, мы устремились вперёд, как к новой Земле Обетованной. По мере нашего приближения к острову лёд становился рыхлее, полыньи чаще, а дичи больше. Два-три раза мы ужинали тюленями, а незадолго перед

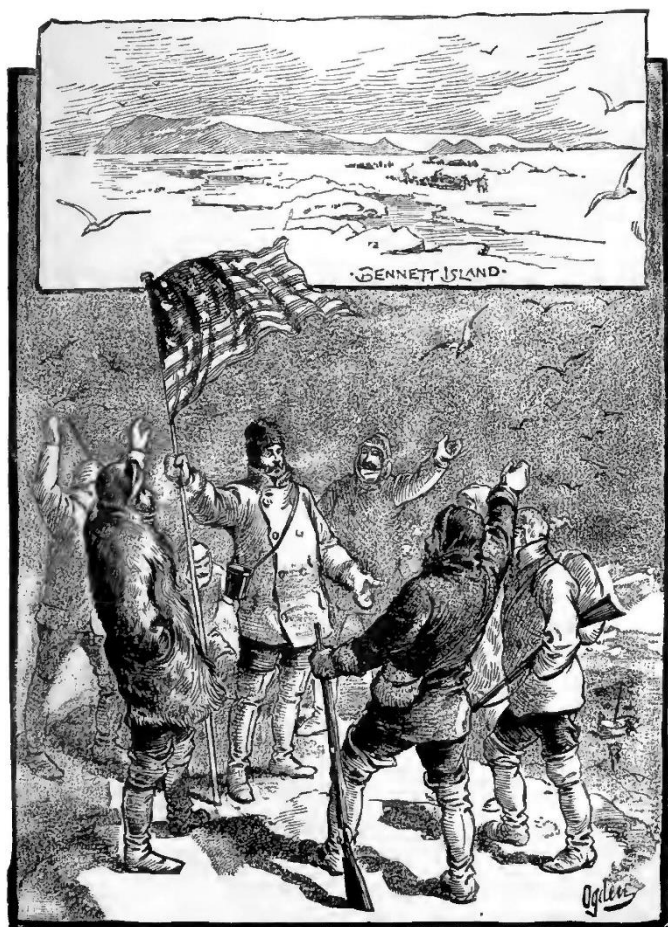
¹ Метод Сомнера — метод определения координат по небесным светилам, предложенный в 1843 году американским моряком Т. Сомнером. — *прим. перев.*

тем, как ступили на землю, Герц застрелил медведя, мясо которого стала самым желанным дополнением к нашему скудному рациону, поскольку мы шли по льду ещё пару дней — в тумане, по мокрому снегу, спали, несчастные, в наших мокрых палатках, мокрой одежде и на наших мокрых снежных постелях. В жестянках из-под пеммикана мы нажарили бифштексов и натушили мяса, используя медвежий жир в качестве топлива.

Лёд тем временем двигался взад-вперёд с приливом и отливом, неуклонно при этом двигаясь на восток. Если мы теперь проплывём мимо острова, то никогда не восстановим утраченные позиции; поэтому утром следующего дня мы приготовились сделать бросок к суше, со стороны которой, хотя её и не было видно, мы слышали постоянный скрежет льда и крики морских птиц. Мы приближались к острову, как внезапно солнце, словно невероятным усилием, разорвало облачную завесу, и вот! — перед нами, так близко, что, казалось, рукой достать, возвышаются на высоту 3000 футов почти отвесные черные базальтовые скалы, испещрённых пятнами красных лишайников, мощные уступы их покрыты вековым слоем растительных остатков, а гигантские утёсы раскрошены неумолимым временем. Зрелище было великолепное, и у всех вырвались невольные восклицания. Это вдохнуло в нас новую энергию, и каждый мужчина почувствовал себя Геркулесом, открывающим свои Столбы. Мы сознавали, что судьба наша решается сейчас или никогда, поэтому схватили лодки и сани и стремительно перебросили их на выступ ледяного припая, к которому наша льдина причалила на какое-то мгновение. Наконец-то! Припай в этом месте лежал на пологом берегу, и многие из нашей команды ступили на твёрдую землю впервые за два года. Выглядели мы вместе со всеми нашими потрёпанными непогодой пожитками весьма жалко: худые, обветренные, оборванные и голодные. Мы и так выглядели довольно плохо, пока шли по льдам; но теперь, после напряжения всех наших сил, под этими гигантскими скалами, палатки наши казались жалкими муравейниками, а сами мы — крошечными трудягами-муравьями, тащивших кучку тряпья, мешков и старых потрёпанных лодок в качестве добычи. После ужина мы построились и с развевающимися флагами направи-

лись к острову, которым капитан Делонг вступил во владение от имени Бога и Соединённых Штатов и назвал его островом Беннетта. Лейтенанту Чиппу было приказано предоставить экипажу полную свободу, какая только возможна на американской земле. Впрочем, возможностей насладиться таковой на самом деле было весьма мало, и Джек по привычке заворчал про «сухие крестины». И действительно, он только что сошёл на берег с двухлетним жалованьем в кармане, а куда он мог его потратить?

Разбив лагерь под хмурыми скалами острова на небольшой полоске льда, которая беспокойно покачивалась под действием прилива,

ВСТУПЛЕНИЕ ВО ВЛАДЕНИЕ ОСТРОВом БЕННЕТТ

мы смотрели на величественную процессию льдин, с шумом проходящую мимо. Ещё дальше шла бесконечная их вереница, тесня и давя друг друга, с редкими промежутками между ними, открывающими глубокую синеву моря, а мы, два долгих года прожившие среди чудес этого ледяного царства, теперь стояли с разинутыми ртами, в восторге от грандиозного парада проплывающих перед нами величественных айсбергов; и вот, наконец, наступила ночь, и мы усталые легли спать.

Между припаем, на котором мы расположились, и островом была полоса шириной около двадцати

ярдов, через которую мы перебирались где по камешкам, где переходили вброд, а где переплывали на лодке или плотах из плавника. И вот, едва мы успели забраться в свои спальные мешки, как земля, на которой покоился лёд припая, закачалась и задрожала с рокотом, похожим на гром далёкой грозы или на звук рушащегося айсберга. В следующее мгновение мы оказались свидетелем зрелища, видеть которое дано лишь немногим смертным. По скалистому склону стреми-

тельно катился оползень, неумолимо приближаясь к нам. Зрелище было грандиозным и устрашающим, и, если бы на пути несущейся массы не оказалось этой полосы воды, мы были бы погребены под оползнем, либо он снёс бы нас в море.

Наше пребывание на острове Беннетта было обусловлено временем, необходимым для ремонта лодок, что позволило нам немного отдохнуть от напряжённого труда. Две группы предприняли исследование побережья: одна под командованием лейтенанта Чиппа на втором куттере проплыла вдоль южного берега, а мистер Данбар с Алексеем на собачьих упряжках прокатились вокруг северной оконечности, названной мысом Эмма. Оба отряда не обнаружили ничего важного, и, оставив записки в пирамиде из камней, вернулись в лагерь, нагруженные дровами, которые они во множестве нашли на берегу. С их помощью мы приготовили пикантное рагу из гагары, альбатроса, чайки, кайры и других морских птиц, которых настреляли за пару дней в таком количестве, что мы на время прекратили выдавать пеммикан.

Мужчины приносили в лагерь все необычные или интересные предметы, которые они находили во время своих вылазок. Среди них были выбеленный солнцем рог северного оленя, найденный на плоскогорье, и часть черепа с рогами, напоминавшие рога мускусного быка, но настолько ветхие, что никто из нас не мог классифицировать их иначе, как «ископаемые», повсеместно встречались раковины. На поверхности скалы, примерно в ста пятидесяти футах над уровнем моря, был обнаружен пласт каменного угля. Толщина его варьировалась от шести до двадцати четырёх дюймов, он тянулся в горизонтальной плоскости на расстояние мили или более. Образцы его были принесены в лагерь и испытаны на горение. Уголь был мягкий и рыхлый от длительного выветривания, изрядно дымил, но сгорал до светлого пепла, оставляя мало золы, пустая порода составляла в нём около половины исходного веса.

Наши исследования и наблюдения подошли к концу, теперь надо было изменить некоторые наши правила, поскольку мы собирались пересечь в лодки. Они были должным образом отремонтированы, а мы облегчили груз, выбросив много бесполезной одежды и всякого

мелкого снаряжения. С самого начала в поход невозможно было взять всех наших собак, даже если бы мы могли кормить их какое-то время, потому что каждая съедала почти фунт пеммикана в день. Поэтому мы оставили только семерых лучших для лёгкой ездовой упряжки, а остальных отвели за торос и застрелили, а их тела бросили в море.

Шесть палаток и их обитатели были распределены по трём лодкам следующим образом: первый куттер: капитан Делонг с частью экипажей палаток четыре и пять; второй куттер: лейтенант Чипп с экипажами второй палатки и частью пятой; вельбот: я с остальными людьми из палаток три, четыре и пять. Между островом и ближайшей льдиной была открытая вода шириной в милю или около того, и мы наконец переплыли её в наших глубоко нагруженных лодках, и потребовалось два рейса, чтобы перевезти туда всю провизию, сани, походное снаряжение, собак и людей.

Мы установили мачты, чтобы при надобности помогать гребцам или плыть полностью под парусами, а сани размещали поперёк лодок впереди или позади мачт вместе с запасными вёслами. Когда нужно было пересечь льдину, лодки швартовали ко льду, разгружали, грузили на сани, перевозили на другой край льдины, спускали на воду, снова загружали, мы садились в лодки и отправлялись в путь, — всё просто, как катание на лодочках в городском пруду! Так что первый день был весьма обнадеживающим, и, за исключением необходимости таскать сани, мы обнаружили, как и ожидали, что наш новый способ передвижения оказался значительным улучшением по сравнению со старым, как в плане затраченного труда, так и в пройденном расстоянии.

В канун нашего отъезда (6 августа) на острове наступила настоящая зима. Когда мы прибыли сюда, с ледника и снежных вершин потоками лилась талая вода, её шум был слышен в ночной тишине на многие мили. Но за время нашего короткого пребывания там всё переменилось. В первые дни мы ещё наполняли чайники из ручьёв, во множестве сбегających со склонов гор, затем пошёл дождь, но перед нашим отъездом ручьи замёрзли, а яркие красные и зелёные пятна, которые так радовали нас, скрылись под снегом. День или два пути,

— и наш прекрасный остров, видимый только в промежутках между снежными зарядами, был, как и всё остальное вокруг нас, укрыт белым саваном. Последнее, что мы увидели, был просто неясный контур, похожий на спину кита, поднимающийся в небеса, как будто для того, чтобы смешать свою снежную чистоту с серебристым сиянием облаков.

До того, как начал образовываться молодой лёд и скреплять между собой льдины, можно было легко привести в движение льдину площадью в акр¹ или более, но теперь это было не под силу даже всем нам, и если процесс смерзания продолжится дальше, нам, видимо, придётся остановиться и подождать, пока лёд не станет достаточно прочным, чтобы выдерживать нас. Но, к счастью, ветра поддерживали лёд в постоянном движении, и потому сохранялось сравнительно много открытой воды. Сидя в тесных лодках, с открытыми руками и ногами, мы теперь очень уставали и мёрзли, отказавшись, по причине нашего долгого путешествия по льду, от всей, кроме самой необходимой одежды, которая была теперь изношена в лохмотья; и, в добавок к неудобствам экипажей первого куттера и вельбота, которые сильно протекали, мы были вынуждены постоянно вычерпывать воду. Второй куттер оставался менее повреждённым при перевозке, так как был лёгким, коротким и плотно сидел в своих санях, не раскачиваясь.

Пока ветер, приводивший в движение лёд, открывал для нас воду, наше продвижение на юг было быстрым; такого не было, когда мы двигались по сплошному льду и было ощущение, что эта ледяная пустыня никогда не кончится.

В один из дней мы прошли со свежим ветром хорошее расстояние и были вынуждены выбраться на льдину из-за усиления ветра, скопления льда и приближающейся темноты. Разбив палатки у края льдины, мы поужинали и заползли, все ужасно мокрые и замёрзшие, в свои спальные мешки, но около полуночи всех нас подняли переносить лодки и палатки — наша льдина разваливалась. Было и больно и забавно видеть друг друга в разной степени «дезабиле», — кто-то босой, а иные без штанов, метались в воющих снежных вихрях, за-

¹ Круг такой площади имеет диаметр примерно 70 метров. — *прим. перев.*

крепляя вещи или перенося их в безопасные места. На рассвете, позавтракав, мы снова пустились в путь. В конце довольно удачного рабочего дня мы оказались перед старыми паковыми льдами, полными полыней и разводьев, которые показались нам непроходимыми. Мы выгрузились на лёд, и тут снова пошёл снег, а вода стала замерзать. Поставив палатки, мы провели этот день в ожидании, пока стихнет шторм.

Тщетно прождав в наблюдении за движением льда весь день, на следующее утро мы отправились по разрозненным льдинам, молодой лёд между которыми вырос до толщины примерно в полдюйма. Выбирать дорогу возможности не было, поэтому мы направились по прямой к ближайшей открытой воде через промоины, трещины и торосы, проваливаясь иногда до колен, а то и по самую шею.

Стараясь продвигаться по полыньям, которые простирались в основном на юг, мы продолжали свой извилистый путь к Новосибирским островам. Открытой воды становилось всё больше, то есть, скорее, полыньи становились все шире и появлялись всё чаще по мере нашего продвижения. На следующее утро, после завтрака, был отдан приказ запастись снегом на всех лодках, — Делонг хотел, чтобы мы варили себе чай на борту, а не высаживались каждый раз на лёд, как было у нас заведено. Мы отплыли с хорошим попутным бризом и обширным пространством открытой воды перед нами — на самом деле даже слишком обширным — имея ввиду вероятность более сильного волнения — для наших тяжело нагруженных лодок. Когда было передано распоряжение приготовить чай и ужин, Делонг шёл впереди, вельбот следом, за нами следовал Чипп. Мы быстро, как только могли, проскакивали между льдин, проворно управляя румпелем и парусом, чтобы не соприкасаться с острыми краями льдин. Лёд был весь в движении, и там, где проходы расширялись в большие бухты, уже покрытые свежими льдинами, наши лодки выделяли такие пируэты, что позавидовали бы и цирковые лошади. Иногда, когда лодки выстраивались в линию и находились не более чем в ста ярдах друг от друга, случалось, что первый куттер проскакивал через промежуток между льдинами, за ним успевал вельбот; но, прежде чем подходил второй куттер, лёд сдвигался и закрывал проход.

Наконец, мы вышли к полынье, где постепенно усиливающийся северный ветер поднял такое волнение, что наши лодки, сильно перегруженные в том числе и дубовыми санями, начали черпать воду. Всем стало очевидно, что, если волнение продолжится, нам придётся облегчить наши лодки. Лёд тоже снова начал надвигаться, и мы пошли на юго-запад по узкой полосе воды; все три лодки держались как можно выше по ветру, одновременно стараясь избежать острых ледяных кромок, и в то же время держась подальше от наветренного края льда, в который волны бились с особенной силой.

Когда в тот день мы с Делонгом высадились на лёд, Чипп в очередной раз отстал, хотя все три судна несли все свои паруса до последнего дюйма; и когда Чипп в конце концов причалил, он впервые пожаловался на свою лодку. До тех пор она была его любимицей, да и сейчас она по-прежнему считалась прочной и исправной, только была перегружена тяжёлыми санями, вес которых, действительно, был близок к тому, чтобы утопить лодку и побольше.

Исходя из опыта прошедшего дня, было ясно, что, если такая погода сохранится, мы не сможем везти с собой сани по открытой воде между островами и побережьем Сибири. Поэтому Делонг очень мудро велел порубить их на дрова, что мы и сделали, рассчитывая утром сложить куски в лодки. Но когда рассвело, обнаружилось, что мы надёжно заперты: нигде не было видно ни пятнышка воды, весь лёд с севера был плотно сбит штормом, обрушившимся на острова, которые теперь были на виду. Хотя было достаточно холодно, постоянное движение льда не позволяло льдинам смерзаться; поэтому нам ничего не оставалось, как ждать благоприятной перемены нашего положения, что мы и продолжили делать, приучая себя извлекать максимум пользы из каждого несчастья. Однако, мы тогда и понятия не имели, что эти обстоятельства продержат нас в плену целых десять дней; хотя, если бы мы это и знали, то всё равно ничего не смогли бы сделать для своего освобождения.

По правде говоря, наше положение сейчас выглядело хуже, чем когда-либо; провизия быстро кончалась, приближалась зима, а острова, лежащие перед нами, были необитаемы. Поэтому Делонг пригласил меня и Чиппа на совет. Обсудив этот вопрос, мы пришли к выводу о

невозможности доставки лодок на сушу, по крайней мере, своим ходом, вплавь. Затем мы обсудили курс, которым нам надо следовать в случае дрейфа по проливу между островами Новая Сибирь и Фаддеевский, и единогласно решили, что будем двигаться вдоль южного берега острова Котельный, пока не достигнем его юго-западной точки, оттуда до острова Столбовой, затем до островов Васильевского¹ и Семёновского² и, наконец, на мыс Баркин³ в дельте Лены, где, как мы были уверены, найдём туземное поселение, указанное на наших картах.

Наше существование теперь стало только вопросом продовольствия. Если бы на Новосибирских островах был склад с восемьюдесятью тысячами фунтов пеммикана, мы могли бы с комфортом там перезимовать. Когда я позднее читал про все эти планы нашего спасения, предложенные, пока нас не было, людьми, которые полагали, что знают, что мы идём тем путём, которым мы действительно шли, я не могу не задаться вопросом, почему кто-то не предложил сделать такой склад. Так или иначе, как и во многом другом, в будущем мы узнали о многом, что нам не удалось тогда предвидеть.

Около полудня нашего десятого дня в лагере лёд стал разреживаться, и мы заметили, что приближаемся к суше. Поэтому мы протаскивали лодки на некоторое расстояние и спустили их на воду, больше похожей в этом месте на водоворот от какого-нибудь водопада. Лёд двигался во всех направлениях сразу, крутясь и сталкиваясь, то открывая нам проходы, в которые мы едва успевали проскочить, то смыкаясь прямо перед нами непреодолимой преградой. Таким невероятным образом мы продолжали свой путь до тех пор, пока не наступила ночь, после чего мы были вынуждены высадиться на лёд и разбить лагерь после тяжёлого, хотя и успешного, дня работы. На следующее утро мы встали пораньше. Спустив на воду лодки, мы мельком увидели землю, когда солнце проглянуло сквозь туман, и

¹ Васильевский — бывший остров (в наст. время Васильевское мелководье, Васильевская банка) примерно в 50 км. к западу от северной оконечности острова Столбовой. — *прим. перев.*

² Семёновский — бывший остров (в настоящее время Семёновское мелководье, Семёновская банка) в нескольких километрах на северо-северо-восток от о-ва Васильевский. — *прим. перев.*

³ Баркин или Баркин-Стан — бывшее поселение на северо-восточной оконечности дельты Лены с координатами примерно 73°5'N, 129°14'E. Сейчас в этом районе находится автоматическая метеорологическая станция с названием Баркин-Стан. — *прим. перев.*

пришли к выводу, что теперь мы находимся намного южнее, между островами Новая Сибирь и Фаддеевский¹. Лёд двигался здесь, как вода в мельничном лотке, мы плыли посередине этого потока на юг, время от времени замечая в густом тумане, окружившем нас, восточные оконечности Фаддеевского. До наступления ночи мы вышли к югу от островов, и перед нами, насколько хватало глаз, раскинулось голубое море, хотя далеко на юге поблёскивал лёд. Следуя вдоль побережья на запад, мы наконец, после больших трудностей, высадились на остров и впервые за два с половиной года хорошо выпалились на твёрдой земле, осуществив, наконец, мечту доктора Эмблера «восстановить энергетический баланс между телом и землёй», или, как кратко выразился Данбар, «почистить копыта»; что мы все и сделали на мшистой тундре острова Фаддеевский.

В течение вечера мы все, офицеры и экипаж, разбрелись по острову в поисках дичи или чего-нибудь полезного в нашем положении потерпевших кораблекрушение. Были найдены несколько старых полуразрушенных хижин охотников за мамонтовой костью, а один из моряков сказал, что видел следы мокасин на берегу реки, но после этого узнал, как набегающие волны до неузнаваемости могут размыть отпечатки оленьих копыт. Несколько черных уток, застигнутых холодами со своими выводками, всё ещё робко плескались на участках незамёрзшей воды. На холмах лежал снег, а вдоль берега и в озерках образовался молодой лёд. Олени ушли в долины среди холмов в глубине острова, чтобы остаться там до возвращения весны и солнечного света, ибо уже через несколько дней на острове воцарится тишина арктической зимы.

Мы осторожно продвигались вдоль берега, обходя мелководные места, время от времени высаживаясь на берег. Вдоль него тянулись валы выброшенного на берег плавника вперемешку со льдом. С берега внутренняя часть острова выглядела высокой и гористой. Холмы и долины были покрыты снегом, а реки высохли и перемёрзли, так как солнце уже перестало давать достаточно тепла даже в полдень. Низкая, неровная береговая линия была усеяна невысокими буграми.

¹ Фаддеевский на самом деле полуостров, восточная часть острова Котельный. То, что это полуостров, стало известно уже в начале XIX века, однако на картах он обозначался, как остров вплоть до начала XX века. — *прим. перев.*

Это результат вековой эрозии, вызванной потоками воды, стекающими со склонов гор: они прорезают долину глубокими оврагами, смывая рыхлый грунт в океан, а плотные породы остаются в виде остроконечных холмов, издали напоминающих африканскую деревню с её коническими хижинами. На вершинах конусов недостаточно места, чтобы снег накапливался и стекал ручейками, поэтому эрозия продолжается в более медленном виде замерзания и таяния, следы этого видны в кучках разрушенных пород у основания конусов.

Хотя нас сильно задерживало мелководье, за два дня мы прошли вдоль островов приличное расстояние и надеялись, что на третий день сможем разбить лагерь на восточной оконечности острова Котельный. Но ветер сменился на встречный, а на нашем пути встала отмель. Весь день мы старались обогнуть эту отмель, которая, как мы обнаружили, оказалась в двадцати или двадцати пяти милях к югу от её указанного на карте положения; ветер усиливался, в лодках было холодно и сыро. Становилось темно, и поэтому, чтобы избежать ночёвки в лодках, мы попытались высадиться на берег с подветренной стороны отмели. Но сильное волнение делало невозможным провести лодки через прибой. После нескольких безуспешных попыток высадиться, нам, в конце концов стало очевидно, что мы должны будем провести ночь в лодках. И это была незабываемая ночь.

Южный ветер гнал на нас лёд и в то же время относил нас к отмели, над которой бушевал яростный прибой. У нас не было якорей, мы закрепили паруса и делали всё возможное, чтобы выполнить приказ держаться вместе. Ночь была тёмной, как смоль, нашими единственными ориентирами были рёв прибоя с подветренной стороны и отблески мокрого льда с другой. Около полуночи мы опасно приблизились к отмели, и, несмотря на приказ держать лодки на месте до последнего, нас неумолимо погнало на буруны и мы, несомненно, утонули бы, если бы вовремя не вернулись обратно на северо-восток к нашему вчерашнему месту.

Спустя некоторое время мы обнаружили, что второго куттера нигде не видно, что весьма обеспокоило нас, принимая во внимание силу ветра и волнение в течение ночи. Проплыв некоторое расстояние вдоль покрытой битым льдом отмели, мы нашли подходящее место,

поставили палатки и вытянули, наконец, уставшие ноги. Вскоре, когда мы ещё завтракали, показался второй куттер. Чипп рассказал, что это была ужасная ночь, и, действительно, команда его выглядела гораздо более измождённой, чем остальные; но у нас не было времени выражать сочувствие, потому что начался прилив, и волны вскоре достигли нашего лагеря. Погрузив наши пожитки в лодки, мы снова отправились в путь, пока не усилился ветер, и вскоре обогнули песчаную косу у восточной оконечности Котельного. К тому времени поднялся сильный ветер, волнение усилилось, и через некоторое время всё, что мы могли — это плыть под взятыми на один риф парусами, стараясь держась впереди волн, которые постоянно накатывали на нас сзади. Удивительно, как мы избежали того, чтобы повредить нашу лодку об острый лёд, но, к счастью, лёд был мелкий; и в то же время не было льдин достаточно больших, чтобы высадиться на них. Через несколько часов второй куттер снова скрылся из виду, и Делонг решил продолжать плавание, пока мы не найдём большой надёжной льдины, и там ждать Чиппа, которому нужно самому позаботиться о себе. Едва мы остановились в бухте, промытой в застрявшем на мелководье льду, где наши лодки расположились, как корабли в доке, как вода внезапно отступила, и мы оказались посреди массива раскрошенного льда, столь же безнадёжного для плавания, как и тот, который задержал нас ранее на десять дней.

С наступлением ночи мы поставили палатки, поужинали и забрались в спальные мешки, измотанные и очень благодарные за отдых. На следующее утро по-прежнему дул сильный ветер со снегом. Чиппа всё также не было видно. Мы подняли на мачте первого куттера чёрный флаг в надежде, что это приведёт его к нам. Ближе к вечеру Инигин, наблюдавший за морем с высокого холма, наконец заметил второй куттер, быстро скользивший по открытой воде. Они заметили наш сигнал и остановилась в миле от нас, и вскоре мы увидели Чиппа и Кюне, пробиравшихся к нам по льду. Излишне говорить, как мы были рады их видеть; после ужина они побывали во всех четырёх палатках и рассказали о своих приключениях.

Утром вовсю светило солнце, море попыталось показать нам свою голубизну, но тут опустился густой туман и закрыл всё от нашего

взора. Вскоре мы уже были в пути. Чипп, пройдя по каналу чистой воды пару миль, в конце концов остановился, лёд впереди превратился в непроходимую массу. Но ранее мы заметили боковое ответвление от нашего канала, поэтому повернули обратно с Делонгом во главе и без особых забот плыли до сумерек, пока снова не оказались в тупике. К северу от нас в глубине острова возвышались величественные горы со снежными вершинами. Мы обогнули мыс и высадились на внутренней стороне длинной песчаной косы, ведущей от Котельного на восток в сторону Фаддеевского.

Теперь мы стояли лагерем на восточной оконечности Котельного. Плавника было в изобилии, мы собрали его в большие кучи и развели огромные костры, перед которыми согрелись сами и высушили промокшую одежду, правда подпалив при этом значительную её часть в наших нетерпеливых попытках воспользоваться первым действительно хорошим походным костром, которым мы наслаждались с тех пор, как покинули Соединённые Штаты. Ночь стала истинной наградой за нашу затянувшуюся усталость, а следующий день начался просто великолепно. Чтобы отдохнуть ещё лучше и размять наши отвыкшие от движений конечности, но особенно для хорошего жареного оленя, мы остались на острове, а те, кто чувствовал себя лучше, набили карманы патронами и отправились на охоту. К вечеру они вернулись, и, хотя некоторые из них прошли невероятные расстояния, и все нашли множество следов, но никто так и не увидел живого оленя.

На следующее утро мы вышли в море рано, в приподнятом настроении в ожидании хорошего дневного путешествия по прибрежной воде. Обогнув песчаную косу на мысу, мы взяли курс на запад, многие мужчины для разминки пошли по берегу. Он был усеян всевозможным плавником. На некоторых брёвнах виднелись признаки цивилизации — следы топора, красноречиво отзываюсь в наших сердцах и безмолвно напоминая о далёком доме и друзьях. После ужина нам пришлось около полумили протащить лодки по небольшой снежной гряде выше отметки прилива. Несколько мужчин продолжали идти пешком, не отставая от лодок, их подбирали в местах, где в море впадали ручьи. Продвигаясь таким образом, ближе к ночи мы высади-

лись на берег и разбили лагерь на возвышенности. Во второй половине дня низкий песчаный и илистый берег сменился длинной линией отвесных скал из сланца и глины; из чего мы сделали вывод, что теперь мы находимся на юго-западном побережье острова Котельный, откуда мы можем отправиться по открытому морю в дельту Лены, через остров Столбовой. Соответственно, мы тщательно переложили вещи, заполнив все свободные ёмкости снегом для питьевой воды, и утром 7 сентября отплыли под свежим северо-восточным ветром. Дул сильный ветер, море было беспокойным, и наши лодки шли с хорошей скоростью и приличной качкой, а мы вычерпывали воду, чтобы удержаться на плаву. Держась южного направления, мы вскоре наткнулись на большую льдину, сплошь покрытую торосами и изрезанную ручья. Мы оказались перед её наветренной стороной, о которую волны разбивались с такой яростью, что для нас соприкосновение с ней означало бы неминуемую гибель. Она возвышалась на четыре-шесть футов над водой, её края были местами отвесные, а где-то разбиты волнами. Они взлетали брызгами на десятки футов вверх и клокотали водоворотами в промоинах. Мы развернулись, спустили паруса и стали грести прочь что есть силы. Делонг, который был в пятидесяти или ста ярдах впереди меня и гораздо ближе к опасности, крикнул мне, чтобы я взял его на буксир, что я и сделал, и вместе нам с трудом удалось остановить опасное развитие ситуации. Второй куттер снова отстал, но, поравнявшись с нами, подхватил фалинь с вельбота, и так мы, выстроившись в линию, боролись все вместе, пока, наконец, не отошли от льдины на безопасное расстояние. Это была долгая и тяжёлая работа. Море с рёвом билось в холодную мрачную массу льда, отлетая от неё замерзающими на лету градинами. Матросы, ослеплённые ветром и брызгами, мужественно работали на вёслах, их голые руки замёрзли и кровоточили, а лодки рывками раскачивались от волн и неравномерного натяжения буксира. Люди промокли до нитки и валялись с ног от неимоверного напряжения сил, но они совершили это чудо — мы избежали гибели в том ужасном прибое.

Несомненно, этот день стал днём бедствий и испытаний для всех нас. Беспокойное и непредсказуемое состояние льдов нуждалось в

умелой навигации, а плачевное состояние наших запасов требовало быстрого передвижения без задержек.

Пока мы находились под прикрытием острова, ветер был ровным и устойчивым с юга и востока, но с наступлением ночи стал шквальным и порывистым, поднялось сильное волнение. Наши лодки держались вместе, и, хотя стояла крошечная тьма, мы всё же иногда могли различать друг друга, появляющихся из чёрной воды, как призраки, и тут же исчезающих за гребнями волн. Вскоре второй куттер пропал из виду, а так как мой был самым быстрым из трёх, я без труда следовал за Делонгом. В своём рвении выполнить приказ «держаться на расстоянии окрика» я временами чуть не налетал на первый куттер. Теперь, когда мы плыли днём и ночью, возникла необходимость сменять рулевого. Не то чтобы кто-то из них мог уснуть; но им необходимо было отдыхать из-за постоянного внимания, необходимого для того, чтобы держать лодку подальше от разных постоянно возникающих опасностей. Малейшая ошибка рулевого, не уловившего в рёве моря плеска волн, разбивающихся о край льдины, или не заметившего волны, набегавшей сзади, могла погубить нас. За исключением коротких моментов, когда я был занят другими делами, грота-шкот никогда не ускользал от моего внимания; кроме того, было весьма холодно управляться с ним в тонких хлопчатобумажных рукавицах, которые я надевал поверх своих меховых варежек.

Ближе к полуночи мы приблизились к краю паковых льдов, и рёв прибоя достиг наших ушей задолго до того, как мы увидели его. Я невольно привёл вельбот круче к ветру и тем самым потерял из виду первый куттер, но грозный рёв и беспорядочное волнение, без сомнения, предупредили меня об опасности, которая ждала нас с подветренной стороны. Вскоре в темноте показалась ужасающая громада льда. Не медля ни секунды, я скомандовал: «На поворот! Приготовить вёсла с подветренного борта, если не развернёмся». Команда была исполнена мгновенно! Когда мы медленно развернулись, через правую скулу лодки прокатилась волна, заполнив лодку до сидений. А в следующее мгновение эта волна из мелкого ледяного крошева отразилась от торца льдины и обрушилась прямо на нас леденящим

душем. Черпаками, вёдрами и насосами мы быстро сделали всё необходимое, с помощью вёсел развернулись и пошли другим галсом, качаясь на крутой волне. Наконец мы вышли на участок мелкого льда, который, утихомилив ярость моря, дал нам некоторую передышку.

Когда рассвело, ни одной из наших лодок не было видно. Ветер окончательно стих, мы стояли в спокойной воде среди неподвижных льдин — наверное, самая жалкая на вид кучка смертных, тесно прижавшихся друг к другу и дрожащих от холода. Чтобы прибодрить людей, да и оживиться самому и как бы оттаять моё застывшее сознание, я разразился залихватской песней. Говоря по правде, положение наше было почти отчаянное; теперь, без Делонга, нам придётся снизить норму воды до пинты на человека в день. Я поставил котелок на огонь и заварил чай. Пока мы завтракали, в поле зрения появился первый куттер. Он сразу присоединился к нам, а вскоре показался и второй куттер, и мы снова были вместе. Море вскоре успокоилось, замёрзшие оттаяли, отчаявшиеся оживились, утро стало казаться приятным, как майский день в родной стороне, а мы снова полны бодрости и надежды.

Вскоре уже вовсю сияло солнце, все окончательно согрелись и повеселели, а когда мы остановились на ужин, Делонг определил наше местоположение к западу от острова Столбовой, который стал уже хорошо виден.

В сумерках, преодолев за день основательное расстояние и хорошо погревшись на солнце, мы выбрались на льдину, очистили ото льда лодки, отжали одежду и после вечерней трапезы, всё ещё мокрые, забрались в палатках в свои спальные мешки и заснули сном праведников. На следующее утро мы продолжили свой путь, наслаждаясь ранним солнечным светом прекрасного дня. Лёд в этом районе был нетолстый, по-видимому, однолетний и не носил следов столкновений — он, очевидно, плавал в спокойном море без сильных течений и островов, которые в более северных широтах разбивают его и превращают в торосы и айсберги. Мы весь день напряжённо трудились на вёслах, буксирных канатах и парусах до десяти вечера, когда глубина моря начала быстро уменьшаться, и мы услышали рёв прибоя. Мы пришвартовались к застрявшей на мелководье льдине, поужина-

ли в палатках при свечах и опять, вполне довольные прошедшим днём, легли отдыхать.

Когда рассвело, перед нами, не более чем в пятистах ярдах, открылся высокий берег острова Семёновский.

Высавившись на берег, мы обнаружили следы оленя, а также медведя или волка. Вода, найденная здесь, хотя и была пресной, но необычного цвета и неприятной на вкус, она отдавала болотом и в ней плавали всякие насекомые и личинки. Мы прошли пару миль, прежде чем увидели прекрасную самку оленя в сопровождении оленёнка, оба в тревоге метались по краю утёса. Наши охотники убили самку, оттащили тушу к краю обрыва и сбросили её на берег. В ней было около ста двадцати фунтов, на каждого из нас пришлось по доброму фунту прекрасной оленины, запитой квартой чая, — поистине королевское пиршество! После ужина мы основательно, но безрезультатно прочесали остров в поисках оленёнка и легли, наконец, спать. Мокрые спальные мешки беспокоили нас, но это было мелочью по сравнению с тем, что впервые за много месяцев мы наслаждались восхитительным и почти забытым ощущением сытости и наполненности вкусной едой, усиленным приятной перспективой завтрашнего супа.

В тот день (11 сентября 1881 года, воскресенье) мы обследовали остров, кто-то провёл своё время в очередных попытках найти оленёнка, а я отремонтировал тент для вельбота и оставил на возвышенности острова записку.

Начиная с предыдущего дня погода была мрачной и облачной, с редкими дождями и снегом. Мы все ужасно мёрзли, мох на острове был насквозь сырым, а костры из-за нехватки дров использовались в основном для приготовления пищи. Почти постоянно дул порывистый ветер, в ночь на воскресенье он усилился до штормового, в понедельник утром он был ещё свеж, а море было всё в белых барашках. Тем не менее, хотя погода в общем выглядела недоброй, не было никаких определённых признаков надвигающегося шторма, и задержка, более продолжительная, чем это было необходимо для отдыха, была бы чрезвычайно опасной, так как потеря дня сейчас может оказаться неделей в ближайшем будущем.

Около восьми часов утра мы отплыли и при хорошем ветре с подветренной стороны острова быстро помчались на юг в направлении Васильевского. Пролив между островами прошли с хорошим креном, почувствовав всю силу ветра. Вскоре Васильевский был уже далеко, а около полудня мы причалили к льдине, чтобы перекусить чаем и пеммиканом, — и это оказался последний ужин, который мы провели вместе. Теперь мы были у кромки льдов, и мыс Баркин, наш пункт назначения, находился всего в девяноста милях или менее того. После ужина мы наполнили все наши ёмкости снегом для питьевой воды; все были радостны в надежде, что с нашим нынешним ветром, если он не станет слишком сильным, мы сможем добраться до мыса Баркин после всего одной ночи в море. Мы с Чиппом долго совещались, расхаживая по льдине. Моя лодка была самой быстрой из трёх, и я не ожидал никаких неприятностей, а Чипп, поскольку его лодка стала легче, считал, что он сможет идти с нами наравне, если первый куттер не будет нести все паруса.

Делонг устно приказал нам обоим держаться, по возможности, в пределах досягаемости голоса и повторил свои приказы на случай, если мы потеряем друг друга.

«Сделайте всё возможное, — сказал он, — чтобы добраться до мыса Баркин, который находится в восьмидесяти или девяноста милях на истинный юго-запад. Не ждите меня, а наймите местного проводника и как можно быстрее отправляйтесь вверх по реке в безопасное место; убедитесь, что с вами и вашими спутниками всё в порядке, прежде чем беспокоиться о ком-либо ещё. Если вы доберётесь до мыса Баркин, вы будете в безопасности, потому что там много туземцев в любое время года». Затем, обращаясь конкретно ко мне, он продолжил:

— «Мельвилль, вам не составит труда не отставать от меня, но, если что-нибудь разлучит нас, вы сможете без труда найти дорогу вдоль берега; и вы знаете о туземцах и их поселениях столько же, сколько и все остальные». Это был наш последний разговор в полном составе.

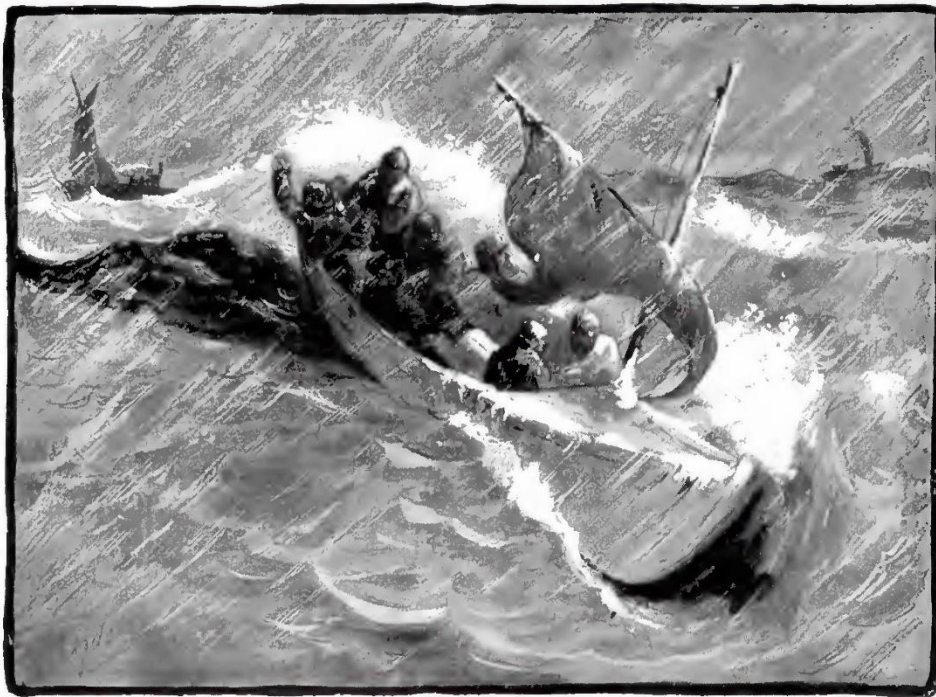
Как только мы сели в лодки, Делонг повёл свой куттер под всеми парусами, взяв курс на юго-запад. Мы шли с хорошей скоростью, но,

когда вышли из льдов, поднялось весьма сильное волнение, что начало беспокоить нас. Из-за большей скорости вельбота нам стало трудно сохранять дистанцию за кормой первого куттера. Я взял один риф, и по этой причине Чипп не отставал от нас. Но волнение становилось всё сильнее, качка усилилась до такой степени, что казалось, что лодки вот-вот потеряют свой рангоут, и вскоре стало необходимо зарифить паруса. На моём вельботе также, как, я думаю, и на куттере Делонга, паруса были зарифлены полностью. Первый куттер, и так не очень быстрый, был нагружен очень сильно, имея на борту, кроме своей доли груза, провизии для тринадцати человек и большие дубовые сани, все записи, книги, бумаги, образцы и тому подобное.

Второй куттер очень плохо справлялся с сильным волнением и временами пропадал из виду. Первый куттер, превосходное морское судно, полностью соответствовал своему назначению, но, при его загрузке, даже защитные брезенты по бортам не могли помешать волнам постоянно заливать его. Волны, конечно, двигались намного быстрее, чем лодка, и разбивались о корму или перелетали через брезенты, обрушиваясь на людей и иногда почти затопляя лодку. К семи часам поднялся настоящий шторм, и казалось невозможным дальше бороться с таким волнением. Опасность для нашего вельбота была серьёзной, так как при попытке снизить скорость, чтобы, как было приказано, следовать за первым куттером, волны обгоняли нас и переливались прямо через корму, угрожая полностью захлестнуть нас. Об аккуратном маневрировании рулём и парусом не могло быть и речи, хотя по предложению некоторых я попробовал пару раз с почти фатальным результатом — это когда я пытался снизить скорость, приводясь к ветру, то мы оказывались далеко впереди и выше по ветру первого куттера. Получалось, что мы никак не могли вернуться на прежнюю позицию, кроме как лечь в дрейф. В такой момент Делонг подал мне знак приблизиться, вероятно, чтобы что-то сообщить. Если бы я направился к нему, я бы, конечно, далеко обогнал его, поэтому оставалось только одно, а именно, опустить парус ниже самого крайнего рифа, — несколько человек сделали это, собрав его у нижней шкаторины и крепко держа руками, несмотря на напор ветра и качку. Этот трюк я практиковал в плохую погоду с тех

пор, как мы достигли открытой воды, и он работал превосходно. Но теперь, когда мы сбавили скорость, лодку начало захлёстывать волнами. Это, естественно, на какое-то время вызвало смятение матросов, которые, цепко держась за парус, внезапно оказались по пояс в ледяной воде. Если бы они ослабили хватку, то парус бы так захлопал, что самый старый морской волк пришёл бы в ужас. После нескольких таких неудач, за которыми следовали яростные вычёрпывания вёдрами и ковшами и немалый ропот со стороны команды, я увидел, что мы оказались почти на расстоянии оклика от Делонга, который жестикулировал и кричал мне что-то совершенно неразборчивое из-за рёва стихии. Как раз в этот момент нахлынула чудовищная волна и затопила обе лодки, но главным образом вельбот, который наполнился почти до краёв. Я вскочил на ноги и прокричал сквозь ветер Делонгу, что я должен двигаться, иначе утону. Он, кажется, сразу понял всю опасность нашего положения и в следующее мгновение энергично взмахнул рукой, указывая мне вперёд или от себя, и в то же время прокричал что-то, что я не услышал в шуме шторма. Однако я чувствовал, что мы поняли друг друга: если я хочу спасти свою лодку и команду, я должен идти вперёд, и что стараться удержаться рядом с Делонгом означало верную гибель, и что, если одна из наших открытых и перегруженных лодок затонет или перевернётся, другая не сможет спасти несчастную команду.

Поэтому, когда Делонг махнул, разрешая покинуть его, я поднял парус, отдал один риф, и мы рванули вперёд так, что только брызги полетели в разные стороны. До сих пор мы шли на юго-запад полным фордевиндом, но сильное волнение и качка заставляли парус постоянно перекидываться и наполняться на другом галсе, в результате чего нас разворачивало боком к волне и заливало. По этой причине я привёл лодку несколько к ветру, и положение сразу улучшилось. Теперь, когда мы расстались, я решил позаботиться непосредственно о безопасности моей собственной лодки; так что, когда один из моих людей сказал, что Делонг подаёт нам сигналы, я ответил, что он, должно быть, ошибается, и распорядился, чтобы никто не замечал никаких сигналов теперь, когда мы предоставлены сами себе.

МЫ ТЕРЯЕМ ДРУГ ДРУГА ВО ВРЕМЯ ШТОРМА

Наш вельбот стремительно нёсся вперёд, быстро удаляясь от первого куттера. Услышав, как кто-то воскликнул, что Делонг подаёт сигнал Чиппу, я обернулся и посмотрел туда, где был второй куттер. Какое-то мгновение его не было видно, но вскоре он мелькнул в сумерках на гребне волны и снова скрылся из виду. Когда куттер снова появился на фоне бушующего моря, он находился боком к волне, и я мог различить человека, пытающегося освободить парус, зацепившийся за мачту; в следующую секунду он снова исчез, и потом я не видел уже ничего, кроме пенных бурунов холодного тёмного моря. В этот момент второй куттер находился примерно в тысяче ярдов позади нас, и я не сомневаюсь, что в этот момент он затонул. Первый куттер в это время находился, вероятно, где-то посередине между нами. Позднее разговор с двумя единственными оставшимися в живых членами экипажа первого куттера (Ниндеманном и Норосом) подтвердил мою уверенность в этом; они тоже были свидетелями сцены, как я её описал, и утверждают, что, по общему мнению команды Делонга, я разделил ту же участь одновременно с Чиппом.

Глава V. На вельботе

Выдерживаем шторм — Наш плавучий якорь — Видим Сибирь.

Задолго до нашего расставания, когда волны и ветер ещё только набирали силу, команда обсуждала, сможет ли наша лодка пережить шторм; и многие желали, чтобы мы смогли найти шугу или мелкий лёд, в котором можно было его переждать. Другой альтернативой мог быть дрейф с плавучим якорем, таким, как использовался у нас во время последней войны. Мы тщательно обсудили размер и вес такого устройства, выдвинув множество предложений, некоторые из которых были новаторскими на грани абсурда. В конце концов я приказал сделать плавучий якорь из трёх связанных вместе палаточных стоек и брезентового мешка так, чтобы получился треугольный парашют. Верёвки взяли от мелких снастей, а всякие железные и латунные детали послужили грузилами для погружения и удержания якоря в нужном положении.

Здесь для читателя, не знакомого с использованием или принципом действия плавучего якоря, могут быть вполне уместны следующие пояснения. Во время шторма волны обычно движутся в направлении ветра даже против течения или прилива (хотя достаточно сильное противное течение может вызывать состояние неподвижного волнения). Следовательно, каждому судну, большому или малому, когда оно идёт по ветру в бурном море, необходимо постоянно держаться впереди волн, — другими словами, идти быстрее, — иначе они будут перекашиваться через корму и заливать судно. Во время сильных штормов судно также может подвергнуться настолько сильным ударам волн, что оно может затонуть, буквально развалившись на части. Или, опять же, существует более распространённая и столь же серьёзная опасность, когда волны, ударяя в судно сбоку, разворачивают его. В этом случае руль, оказавшись на мгновение вне воды, становится бесполезным, парус перебрасывается на другой борт или наполняется с другой стороны, и этим внезапным изменением курса и потерей скорости мгновенно пользуется следующая волна, которая ударяет в борт судна, в большинстве случаев разру-

шая его, каким бы большим оно ни было, или, если это открытая лодка, наверняка затопит его. Именно для того, чтобы избежать этих опасностей, и предназначен плавучий якорь. До тех пор, пока корабль не имеет течи и не затоплен водой, он будет подниматься навстречу волнам, а его нос, если он правильно спроектирован, с плавными обводами, будет разрезать волну, и даже если часть волны пронесётся над носом, она сбросится с полубака. Поэтому главная задача — держать судно носом к волне. На парусных судах это делается с помощью особых парусов, и не дай Бог беспечный рулевой не держит нос судна именно так, ибо, если оно встанет боком к волне, и она ударит в борт, все подвижные, впрочем, как и многие неподвижные предметы, будут сметены с палубы. Пароход держать носом к волне легче, держа небольшие обороты двигателя, достаточные, чтобы судно слушалось руля, или так же держать его в нужном положении с помощью небольшого паруса. Но в то же время, если двигаться со слишком большой скоростью, волны будут захлёстывать бак и заливать палубы парохода, так же, как на парусном судне.

Но для такого маленького судёнышка, как наше, чтобы держать нос против волны, надо использовать плавучий якорь. Для этого надо сделать небольшой брезентовый парашют, прикрепить его на длинном канате к носу лодки и погрузить в воду, и он будет, сопротивляясь движению в воде, удерживать нос лодки против ветра, не давая ей развернуться боком к волне. Если парашют по какой-либо причине всплывёт на поверхность или оборвётся канат, то он сразу потеряет свою эффективность; и точно также, если такой якорь погрузится слишком глубоко и будет висеть под водой перпендикулярно, то он станет дополнительным грузом для лодки и может потопить её. Следует иметь в виду, что плавучий якорь движется в воде по тем же законам, что и воздушный парашют, сбрасываемый с воздушного шара.

Так что теперь не только необходимость его изготовления, но и размер и вес стали для нас важными вопросами, поскольку в нашей команде из одиннадцати человек не было никого, кто уже использовал плавучий якорь для открытой лодки. Те же, которые я видел на пароходах во время войны, не могли дать мне адекватного представ-

ления о том, что требуется сейчас в нашей чрезвычайной ситуации. Таким образом, мне не на что было полагаться, кроме своего здравого смысла, хотя я также внимательно прислушивался и к мнению других. Джек Коул, главный авторитет в моих глазах, как моряк, заявил, что плавучий якорь будет работать, если не будет весить слишком много. Коул и Мэнсон изготовили его, я приделал парусину. Даненхауэр, сидя рядом со мной на корме, расплёл конец каната на три пряди — для трёх углов якоря. Матрос Лич был рулевым, а я, как всегда, следил за парусом. Руки мои в это время были распухшие, покрылись волдырями и потрескались от холода и застоя крови. Джек Коул возражал, что якорь недостаточно тяжёл и наверняка всплывёт, но мне нечем было утяжелить его, кроме кухонного котла и чайника, поэтому я решил попробовать его как есть. Первый куттер пропал из виду уже более час назад, и нам потребовалось ещё часа два, чтобы подготовить якорь, так что на часах в тот момент было девять вечера 12 сентября.

И вот, приготовив чайник на случай, если опасения Джека Коула оправдаются, мы были готовы проверить эффективность нашего якоря. В этот момент мистер Даненхауэр спросил меня, позволю ли я ему развернуть лодку на другой галс. Я немного колебался и ответил, что нет, я сделаю это сам. Но в следующее момент, подумав, что, если в морском искусстве есть какой-то особый смысл разворачивать лодку при штормовом ветре, о котором я мог не знать, а он, как профессиональный моряк, знал, и что мой долг как командира воспользоваться им, как и любым другим шансом, который мог бы обеспечить безопасность моих людей; поэтому я удовлетворил его просьбу, оставаясь, однако, рядом на случай какой-нибудь неожиданности. Весла были подняты, рулевому приказано следить за волной, а якорь перенесли на нос и вручили кочегару Бартлетту. Канат свернули бухтой у него под ногами, и приказали ждать нашей команды бросить якорь за борт. Морякам хорошо известен факт, что морские волны следуют друг за другом по три; то есть после большой волны две следующие наверняка будут такой же высоты, по крайней мере, на вид. Когда такая последовательность прошла, потребовалось лишь мгновение, чтобы выполнить «Право руля! Травить шкоты! Убрать

парус!». После чего последовал приказ: «Левая табань, правая на воду!»¹, но прежде чем мы успели развернуться, на нас медленно и неотвратимо обрушилась огромная волна. Из всех сил вычерпывая воду, мы держали лодку кормой к волне и, дождавшись затишья, снова начали разворот. Когда лодка оказалась носом к волне, Бартлетт швырнул якорь за борт. В этот момент лодка нырнула носом вниз, и я увидел, как Бартлетт потерял равновесие и упал вперёд, прямо в волну. Но одной рукой он успел ухватиться за фалы, свисающие с мачты, и в следующее мгновение, когда лодка поднялась на вершину волны, он повис на этих верёвках, полетел назад к мачте и накрепко вцепился в неё. У меня сердце чуть не выскочило из груди, когда я увидел этот отчаянный кульбит — если бы он упал за борт, то судьба его, несомненно, была бы печальна, несмотря на всю его силу и выносливость. Какое-то время мы кое-как удерживали нос лодки против волн, но якорь оказался слишком лёгким, он поднялся на поверхность и его быстро понесло на подветренную сторону. Лодка, удерживаемая на месте только вёслами, раскачивалась, черпая бортами воду, а Джек Коул заладил своё обычное «Я же говорил!». Однако я был наготове, и тут же пустил по якорному фалу приготовленный медный котелок, который тут же затопил якорь и заставил его работать нужным образом. Теперь можно было поднять весла в лодку и снова установить по бортам защитные брезенты.

Как долго мы должны были дрейфовать на якоре теперь полностью зависело от того, сколько продлится шторм. Мы к тому времени уже чертовски устали от борьбы с волнами и непрерывной работы помпой, вёдрами и котелками. Чтобы было рулевому удобнее работать с румпелем, мы с Даненхауэром освободили наши места на корме. Я разделил людей на две вахты, приказав Коулу и Бартлетту присматривать за передней частью лодки, а Личу, Уилсону и Мэнсону регулярно по два часа дежурить на руле. Остальным велел лечь на сиденья и хорошо отдохнуть. Заснуть было вряд ли возможно, но было большим облегчением хотя бы размять и согреть наши затёкшие и замёрзшие конечности. Брезенты по бортам были ненадёжной защи-

¹ Команда гребцам, означающая: гребите вёслами вперёд по правому борту и назад по левому! — прим. перев.

той, брызги от них летели с обоих бортов. Время от времени раздавалось: «Быстро, быстро, волна идёт!» и мы, ослабевшие от голода и жажды (у нас не осталось воды), снова принимались вычерпывать воду из нашего судёнышка, прежде чем нас накроет и окончательно потопит следующая волна. А в промежутках — колючие ледяные брызги. Так мы провели всю ночь, и к рассвету шторм всё ещё не утих. В аптечке была кварта бренди и бутылка виски, и когда один человек попросил выпить, а другие горячо поддержали его, я достал виски и попросил Бартлетта разделить её поровну между десятью мужчинами; мне самому пить не хотелось, и я даже огорчился, что кому-то это так необходимо. В распределении напитка Бартлетт слишком либеральничал, так что, к несчастью для себя, остался вместе со мной без глотка.

Рассвет не принёс ничего, кроме ещё бóльших страданий — теперь мы видели несчастья друг друга. На завтрак я выдал каждому по четверти фунта пеммикана — столько же, сколько на ужин накануне. Я не смог съесть свою порцию, даже такую маленькую, и вернул её в общий котёл. С этого дня я посадил людей на половину рациона, который они получали до того, как мы потеряли друг друга, то есть на три четверти фунта пеммикана вместо полутора фунтов, надеясь, что благодаря этому нашего четырёх или пятидневного запаса хватит на вдвое дольше, и в этом я преуспел. Во все ёмкости, которые мы наполнили снегом, попала солёная вода, в то время как на других лодках имелись бочонки на пять и десять галлонов. Тот, что принадлежал вельботу, был, как вы помните, оставлен среди обломков «Жаннетты». Все жаловались на жажду, но я не испытывал особой потребности в питье до того момента, когда мы достигли речной воды. Я постоянно жевал кусочек дерева, который вызывал слюноотделение, а потел я мало, как, впрочем, и мои товарищи. Опять же, на протяжении всего моего пребывания в Арктике я привык обходиться без воды; я уверен, что помимо нашей обычной чашки чая или кофе во время утренней и вечерней трапезы и небольшой порции чёрного кофе в полдень, я не выпил за всё время экспедиции и трёх пинт воды¹. Это избавило меня от многих страданий, которые испытывали

¹ 3 пинты ≈ 1.5 литра. — прим. перев.

другие; я замечал, как некоторые, думая, что их никто не видит, пили из луж и ели солоноватый снег, который Делонг запретил им даже пробовать.

По мере того как день клонился к вечеру, ветер сменился и несколько стих, но волнение увеличилось. Тяжело нагруженная лодка осела ещё глубже, и вода при килевой качке поступала теперь через бак и корму. Тем не менее мы терпеливо продолжали свою работу, а бедный Инигин уселся прямо на дно лодки и принялся яростно вычерпывать воду. Вообще, он и наш кок Чарли Тонг Синг были нашим самым лучшим водоотливным средством. Около трёх-четырёх часов пополудни облака начали рассеиваться, кое-где проглядывало голубое небо, всё говорило о том, что шторм исчерпал свою силу. В это время года солнце находилось над горизонтом ровно двенадцать часов, и мы без труда определяли наш курс по моим старым часам. Солнце вставало в шесть утра, в полдень было точно на юге, а в шесть вечера садилось. Поэтому я мог проверять часы два раза в день, кроме ещё одной проверки в полдень по нашему компасу, который был точнее, чем обычный судовой компас, так как имел призматический прицел. Но он был слишком точно подогнан к корпусу, и от просочившейся морской воды его лимб перестал поворачиваться; так что мы решили, что лучше ориентироваться по солнцу и луне.

В пять часов море и ветер успокоились настолько, чтобы мы могли продолжить свой путь, что я сразу же и сделал, взяв курс на юго-запад к мысу Баркин. Ветер повернул к востоку, мы быстро продвигались при свете луны и звёзд. В шесть часов утра 14-го числа мы плыли через молодой лёд, каждую минуту ожидая увидеть землю, и внезапно сели на мель. Мы долго и внимательно вглядывались в горизонт в надежде увидеть берег Ленской дельты, но без всякого успеха. Бартлетту даже показалось, что он увидел землю, но так как никто не подтвердил этого, я пришёл к выводу, что отмель находится далеко от берега; поэтому мы снялись и взяли курс на восток. Мне было приказано следовать на мыс Баркин, где мы обязательно найдём местных жителей, с которыми я мог бы договориться о том, чтобы нас доставили по реке в туземное или казачье селение.

Пока мы лежали в дрейфе, постоянно дул северо-восточный ветер, так что я был уверен, что мы теперь находились к западу от мыса Баркин, к юго-востоку от которого, как я знал, находился залив Буор-Хая. Поэтому я весь день держал курс на восток, в то же время продвигаясь, когда представлялась возможность, на юг. Погода была хорошей, ярко светило солнце, казалось невероятным, что над таким спокойным морем может бушевать шторм. Три раза в день мы съедали по четверти фунта пеммикана без воды и вообще какой-либо жидкости. В шесть часов, когда солнце село на западе, на востоке появилось облако. Начал дуть порывистый ветер, и все заговорили о новом ненастье. Я знал, что наступает сезон осенних штормов, но отказывался думать, что нам предстоит пережить ещё одну бурю, подобную той, которую мы едва выдержали всего пару дней назад. Это казалось слишком суровым испытанием; и всё же, если случится худшее, мы встретимся с ним лицом к лицу и будем бороться честно, каким бы жестоким и неравным ни было соперничество между нашей слабостью и трусливой яростью урагана.

В первую очередь, нам следовало позаботиться, чтобы шторм не застиг нас на мелководье. Я уже не надеялся быстро достичь мыса Баркин или вообще берега, но мы могли найти глубокое место у устья какой-нибудь из протоков дельты. Бартлетт весь день мерил глубину шестом от палатки, но наши усилия продвинуться южнее или достичь берега оказывались тщетными из-за мелей. Поэтому, когда наступила темнота, я решил повернуть от берега и пройти вдоль него на восток, обнаружив, что глубина в этом направлении увеличивается. Мы зарифили парус и шли до шести часов следующего утра, пока не оказались на глубине девяти морских саженей — ещё один признак того, что теперь мы находимся в заливе Буор-Хая примерно в двадцати милях к востоку от мыса Баркин. Теперь я решил попытаться войти в одну из многочисленных протоков Лены и направил лодку на юго-запад. Дул лёгкий ветер, погода стояла прекрасная, и мы прошли так двенадцать часов. Я надеялся, что так будет продолжаться и следующие двенадцать, но, видимо, я что-то упустил в своих расчётах, так как ветер вскоре стих, и мы были вынуждены снова взяться за вёсла, благодаря Бога за то, что нам удалось избе-

жать борьбы со штормом. Но течение реки так сильно сносило нас на восток, что, хотя я сначала надеялся добраться до берега в тот же день, я с сожалением увидел, что вся наша гребля едва ли сделала больше, чем удержала лодку на одном месте. Наступили сумерки, потом ночь, а мы всё работали, сменяясь, на вёслах и откачке воды. Делать это надо было быстро, прежде чем вода, которая и так была уже наполовину замёрзшей, успеет превратиться в лёд на дне лодки. На рассвете 16-го мы снова оказались на мелководье, что указывало, что восточный берег уже близко. Люди испытывали мучительную жажду, и постоянно просили разрешения попробовать воду — достаточно ли она пресная; но вскоре я заметил, что эти «дегустации» были всего лишь уловкой, чтобы утолить жажду и вообще запретил их, пообещав заварить настоящий чай, как только вода будет достаточно пресной.

В это время на юге виднелись возвышенности, по-видимому, горный хребет, но ничто не было видно на западе, где должны были находиться низменности дельты. Меня убеждали держаться по направлению к горам; но нашей главной целью было найти туземцев, которые, согласно нашим сведениям и картам, кочевали по всей дельте от мыса Баркин до мыса Быковский. Наши запасы были почти исчерпаны, и скудный ежедневный паек в три четверти фунта сказывался на настроении и работоспособности экипажа. Итак, всё ещё желая исполнить полученный приказ и достигнуть, насколько возможно, мыса Баркин, а также будучи полностью уверенным в точности моей карты, на которой ясно было указано, что там находятся «зимние хижины туземцев», я держал курс на запад и вскоре увидел две низкие косы с промежутком в четыре или пять миль между ними — очевидно, устье реки. Мы направились прямо к ним и, следуя вверх по пресной воде, вскоре ощутили быстрое течение. Экипаж уверил меня, что вода уже достаточно пресная; поэтому я распорядился заварить чайник чая, который, однако, оказался слишком солёным, и я вылил его за борт. Чтобы возместить потерю, я смешал консервированный бараний бульона с ветчиной, залил водой и хорошо разогрел, превратив всё это в симпатичное рагу, которым мы и позавтракали.

Глава VI. В дельте Лены

Вверх по течению — Хижина — Наши замёрзшие конечности — Встреча с туземцами — Изучаем их язык.

К этому времени, идя курсом запад-северо-запад, мы уже зашли далеко в устье реки. На южном берегу лежало довольно много плавника, и я решил высадиться, чтобы дать команде самое необходимое в этот момент — возможность размять конечности и восстановить в них кровообращение. Наши ноги и руки настолько затекли, что потеряли всякую чувствительность. Правда, некоторые из нас, свободные от вахты, пользовались этим, чтобы время от времени снимать обувь и растирать свои конечности, — выражая при этом большое удивление, что другие не делают то же самое. Я видел у берега мелководье и рябь на нём, но так как волнение показалось мне незначительным, направил лодку к берегу. Но она задела дно в ста ярдах от него и, несмотря на все наши усилия, нас понесло волнами к берегу и чуть не опрокинуло. Это не было следствием какого-либо неверного управления лодкой, просто люди были слишком уставшими и замёрзшими, чтобы действовать быстро и хорошо работать вёслами; холод лишил нас всех жизненных сил, притупил разум, сковал движения и речь. Но вскоре мы снова были на плаву, и теперь я сверялся со своей картой, карандашной копией карты Делонга, которая, в свою очередь, была копией небольшой карты, опубликованной в «Geographische Mitteilungen» Петермана¹, выдающегося немецкого географа, в статье о побережье Сибири и, в частности, о дельте Лены. Из неё я узнал, что все протоки Лены в восточной стороне дельты, кроме одной, несут свои воды на северо-восток, и что ветвь, в которую вошли мы, впадает в море на юго-восток; таким образом, наш курс вверх по реке был примерно на запад-северо-запад, а из-за её широкого устья я пришёл к выводу, что мы должны быть в главной протоке — Бы-

¹ «Petermanns Geographische Mitteilungen» — научный журнал «Географические сообщения Петермана», издававшийся с 1855 до 2004 года в Германии. — прим. перев.

ковской¹. Большой остров, соответствующий нанесённому на карту, подтвердил моё мнение, хотя удивительно было то, что в такой большой протоке было так мало воды, и нам приходилось постоянно промерять шестом глубину, чтобы не сесть на мель. Опасности и невзгоды сплотили нас, и между нами установились более тесное общение, чем обычно допускается между офицерами и матросами. Мы постоянно беседовали о наших многочисленных прошлых злоключениях и гадали что нас ждёт впереди. В одном только были радостно уверены: мы в главной протоке реки! Мы наконец-то утолили жажду, и теперь у нас был большой запас пресной воды. Горячий чай, казалось, разморозил наши языки, мы часто рассуждали о судьбе наших товарищей. Общее мнение сводилось к тому, что наша лодка была единственной, которая пережила шторм. Так что, «Да здравствует вельбот!», — заключили мы.

Но больше всего меня беспокоил вопрос: удалось ли Делонгу и Чиппу добраться до мыса Баркин, и, соответственно, должен ли я в точности исполнить приказ и следовать туда же? Мои действия заключались в первую очередь в том, чтобы найти безопасное место для моей собственной команды, а, если бы другие лодки, прибыв на мыс Баркин, не встретили туземцев, то наше присоединение к ним не принесло бы никакой пользы, а только прибавило бы всем нам трудностей. Мы с мистером Даненхауэром сидели рядом на корме, и, естественно, обсуждали с ним эту проблему. Он настоятельно советовал мне снова выйти в море и подняться до мыса Баркин, где «мы обязательно найдём туземцев», хотя это было «всего» в сорока милях к северу от нас. Тем временем наша протока становилась всё более узкой и извилистой, и я уже стал думать, не ручей ли это, вытекающий из какого-нибудь озера. Поэтому я, наконец, сказал Даненхауэру, что, если к полудню не станет лучше, мы повернём назад и попытаемся добраться до мыса Баркин и туземцев. Это был всего лишь день пути, и я без колебаний предпринял бы попытку, но... тут я взглянул на своих людей — слабых, голодных, с ввалившимися глазами, вспом-

¹ На самом деле Мельвилль со своей командой вошли в протоку Сардахская, которая впадает в море гораздо севернее Быковской (примерно на 60 км.) и которая привела их в затем в Большую Трофимовскую протоку. Этим объясняются некоторые неточности на карте Мельвилля, например, положения деревни Малая Буор-Хая. — *прим. перев.*

нил мелководье, шторм и все наши невзгоды; в то время как впереди — у меня теперь не было ни малейшего сомнения — мы найдём помощь. С другой стороны — приказ, возможный отдых в Баркине и вероятность того, что другие лодки находятся там и они в опасности. В двенадцать часов мы наткнулись на отмель, и в соответствии с моим ранее выраженным намерением я приказал лодке развернуться и объявил, что мы возвращаемся к мысу Баркин. По мрачным лицам многих было видно, что команда не хотела бы пережить ещё один шторм в море. Послышался ропот недовольных, но лодка всё же стала разворачиваться; и вдруг пожарный Бартлетт обратился ко мне: «Мистер Мелвилл, я не думаю, что эта река так мала, как вы себе представляете; воды на самом деле много, если только мы сможем найти проход, вы увидите, что протока эта такая же большая, как Миссисипи в Новом Орлеане».

Наше общее несчастье, я повторяю, было тем, что с некоторых пор связало всех нас вместе; я внимательно выслушивал каждое предложение, которое мне сочли нужным высказать, охотно принимая те, которые, на мой взгляд, могли способствовать нашему благополучию и безопасности, и в тоже время старался избегать, не задевая чувств советующего, того, что не относилось к делу или не подлежало обсуждению. Итак, прислушавшись к словам Бартлетта и вспомнив, как выглядит Миссисипи у Нового Орлеана, я приказал развернуть лодку, и мы снова двинулись вверх по реке. Так своевременное предложение одного человека, подобно пресловутой соломинке, меняющей судьбу, удержало меня от плавания к мысу Баркин, где следующей весной я не нашёл ничего, кроме развалин старых хижин, в которых люди не жили уже много лет.

Теперь мы продвигались вперёд с новой энергией, рождённой надеждой, что скоро мы найдём деревню или хотя бы хижину, встретим лодку, людей — наших спасителей, которых, как нас убеждало всё, что мы об этом читали, было здесь во множестве. Однако нам не удалось убедиться в правоте сообщений, что арктические регионы изобилуют пернатой дичью. Только иногда мы видели гусей, лебедей и уток с поздними выводками, ожидающих, когда подрастут их детёныши, чтобы последовать за другими пернатыми на зимовку в дру-

гие страны. Несколько раз мы видели одиночных тюленей; или, возможно, это был один и тот же тюлень — они весьма любопытны и будут всплывать и смотреть на лодку и людей, пока пуля не положит конец их любознательности. Несомненно, читатель удивится, почему я не остановился и не попытался добыть даже этого единственного тюленя. Но я слишком хорошо знал ненадёжность стрельбы с лодки по цели размером меньше фута на расстоянии ста ярдов, которая к тому же наверняка нырнёт, как только увидит вспышку выстрела. Я видел результат полусотни выстрелов в течении двух часов по такому неуловимому зверю — это была просто пустая трата пороха, свинца и времени.

Вечером поднялся холодный и порывистый ветер. Вокруг нас были песчаные косы и низкие острова, а прямо перед нами — две широких протоки, разделённые большим высоким островом. Потратив целый час на поиски прохода между отмелями, мы заметили какой-то чёрный предмет, рядом с частоколом из палок, по-видимому, образующих вереницу каких-то ловушек. Перспектива провести ещё одну холодную и бессонную ночь в лодке была так ужасна; что, когда мы обнаружили, что сей неясный предмет на берегу — это жилище человека, радость наша была так велика, как если бы мы наткнулись на современный мегаполис. Предприняв несколько безуспешных попыток высадиться рядом с хижинкой, мы наконец пришвартовались в небольшой уютной бухточке, а затем, высадившись на берег впервые за пять дней, попытались размять конечности. Я говорю «пытались», потому что большинство из нас были неспособны вообще их чувствовать. Казалось, у нас нет ни ступней, ни ног, а пальцы задеревенели и не могли разогнуться.

Мы заняли пустующую хижину — старую и обветшалую, грубо сколоченную из тонких круглых брёвен и расщеплённых пополам жердей. Её общие размеры были у основания примерно восемь на восемь футов, стены высотой четыре фута, наклонные под углом около тридцати градусов; всё это было покрыто дёрном и мхом. В центре был очаг три на три фута, над которым в крыше было квадратное отверстие размером около двух футов, обрамлённое деревянной рамой. Крыша из тонких брёвен, как и стены, были покрыты дёрном. Это

была охотничья хижина, временно используемая туземцами в летний сезон, когда они охотятся на гусей или оленей. Люди были в ней всего несколько дней назад, так как вокруг лежали свежие потроха птиц и рыб. Охотники, очевидно, были с детьми, так как мы нашли много маленьких игрушек, среди которых грубо вырезанная из дерева фигурка человека, сидящего на спине северного оленя. Однако не было ничего, что указывало бы на то, куда ушли недавние обитатели и когда они придут снова; хотя, конечно, было естественно предположить, что по окончании охотничьего сезона они вернулись на зиму в свою деревню. Нашлась куча старых капканов, большинство использовались для ловли лис, и среди них несколько более крупных, которые, как мы тогда думали, предназначались для волков.

Разгрузив и закрепив лодку, мы собрали кучу дров, и вскоре у нас весело потрескивал костёр. Мы замечательно поужинали тушёным мясом и супом, приготовленными из птиц, подстреленных ещё на острове Семёновский. Наш мешок с чаем, пролежав на дне лодки, основательно пропитался солёной водой, тем не менее, мы с удовольствием выпили и его. Затем, взяв в руки какую у кого была мокрую одежду, расселись вокруг огня. Так мы наслаждались ласковым теплом нашего костра и были в полной гармонии с нашим новым пристанищем, хотя это была всего лишь полуразрушенная хижина, через широкие щели которой холодный ветер продувал, возможно, лишь чуть меньше, чем через рыболовную сеть. Ещё долго мы разговаривали, перебирая события прошлого, гадая о будущем и сокрушаясь о потере тех унылых «десяти дней», потому что, если бы мы прибыли сюда раньше, — эх, много чего могло бы не случиться!

До этого дня, кроме упомянутого онемения, не было никаких признаков того, что мы получили обморожения конечностей, я полагал, что его не могло быть от купания в ледяной воде, и считал, что нам нет никакого вреда погреться у огня. Но теперь у большинства из нас начались мучительные боли в руках, ногах и ступнях. О сне не могло быть и речи, и многие были вынуждены отодвинуться подальше от костра или даже совсем выйти из хижины — настолько раздражающего действовал на них жар от огня. При осмотре наши ноги ниже колен оказались распухшими донельзя — настолько, что казалось

вот-вот разорвут мокасины у тех, у которые они ещё не были порваны, а швы на них врезались в кровоточащие раны. Их покрывали сплошные волдыри и язвы, кожа набухла и стала рыхлой на ощупь, как будто от цинги. Всякое движение причиняло мучительную боль, и казалось, что в конце концов нас погубит то, что мы считали нашим лучшим другом — огонь. Кое-как передвигаясь в дымной тесноте хижины, мы то и дело наступали друг другу на ноги. Я сидел без мокасинов у двери, и один приятель (или, скорее, неприятель в тот момент) наступил на мою левую ногу всем своим весом; мало того, что при этом он содрал мне лоскут кожи на лодыжке, так ещё и поскользнулся на нём, как на арбузной корке!

Радостно приветствуя утро и кое-как позавтракав скудной четвертинкой фунта пеммикана, мы вновь отправились в путь, полные, по крайней мере, прекрасного настроения и предвкушая хороший день пути, который, по моим расчётам, должен привести нас в первую деревню, отмеченную на нашей карте. Следуя по главному ответвлению реки на запад, мы наткнулись на небольшую группу островков, пронизанную во всех направлениях мелкими протоками, из которых, мы решили, выхода не будет. Было около полудня, поэтому мы съели по порции пеммикана, и пока некоторые остались заваривать чай, другие отправились разведать местность и попытаться найти путь в лабиринте проток. А Ньюкомб взял ружье и попытался подкрасться к стае диких гусей, которых он заметил в тундре. Увы! — то ли ветер был в их пользу, то ли кто-то их спугнул — во всяком случае, гуси наотрез отказались внести свой вклад в рацион нашего питания. Во время разведки к юго-востоку от нас была замечена ещё одна заброшенная хижина, но мы не стали её посещать. Протоки тут текли во всех направлениях, поэтому самым разумным было вести лодку просто против течения — тогда, если у нас хватит провизии, мы должны будем когда-нибудь достичь основного течения реки. Так оно и случилось. Через пару часов мы снова были в судоходной протоке шириной в полторы мили и с приличным течением. Со свежим ветром мы быстро понеслись вверх по реке, миновали длинный высокий остров, соответствующий одному из обозначенных на карте, и без особых трудностей продолжали свой путь, пока не достигли развил-

ки реки. Здесь мы сначала попробовали пройти по северо-западному ответвлению, но, обнаружив, что это просто глухая или заиленная протока, повернули назад и последовали по западному или западнотень-южному¹ ответвлению. Ветер вскоре стих, и нам пришлось взяться за вёсла. Течение было сильным, а гребцы наши уставшими, но в нескольких милях впереди виднелся высокий мыс, после которого река резко поворачивала на юг. Я направился к нему, держась поближе к берегу, где течение было слабее, подбадривая людей тем, что в двенадцати-пятнадцати милях за мысом, где мы остановимся на ночлег, согласно карте, есть деревня, и что на следующий день мы обязательно прибудем туда. Гребля была долгой и трудной; была уже почти ночь, когда мы обогнули мыс и высадились на низком болотистом берегу, который мы называли «Грязевой ванной».

Установив две палатки, мы собрали достаточно сырого дерева, из которого получился хороший дымный костёр, поужинали и легли спать. Даненхауэр, Ньюкомб, Коул и Бартлетт поднялись на небольшой холм и спали в маленькой хижине, построенной там туземцами для наблюдения за оленями. Ночь была холодной и ветреной, шёл небольшой снег. К утру погода ухудшилась. С запада задул сильный ветер, и широкая река, которая здесь текла с севера на юг, волновалась, как море, покрытая белыми барашками, а у берегов образовался молодой лёд. Мы настолько ослабли, что с трудом передвигались. Коул, Лич и Лаутербах особенно жаловались на обмороженные ноги, и так как я хотел, чтобы все оставались, по возможности, сухими, я подтащил лодку как можно ближе к берегу, усадил в неё всех калек, включая себя, и попытался оттолкнуться, но безрезультатно. В конце концов несколько мужчин вылезли из лодки и столкнули её, но прежде чем они смогли запрыгнуть назад, лодку подхватило течением, и стоило больших усилий подобрать их снова. Мы взяли один риф на парусе и пошли вверх по реке в сторону поселений. Даненхауэр попросился исполнять обязанности рулевого весь день. Руки и ноги у него были в хорошем состоянии, и, хотя один глаз был забинтован,

¹ Здесь и далее будет использоваться румбовая система отсчёта направлений. В ней частица «тень» в названии направления означает прибавку одного румба (румб = $\frac{1}{32}$ полного круга 360° или 11.25°). В частности, «запад-тень-юг» означает направление на запад + 1 румб к югу, т.е. 258.75° . Направление норд-ост-тень-ост = северо-восток + 1 румб к востоку = $56,25^\circ$. – прим. перев.

он, вроде, достаточно хорошо видел другим. Я с радостью согласился, довольный тем, что другому нашему рулевому будет облегчение, хотя для меня его не было, так как я не доверил бы управление парусом никому, кроме моих собственных потрескавшихся и распухших рук. Холодный воздух вихрями стекал вниз по холмам и распадкам, окатывая нас брызгами и креня лодку так, что вода бурлила прямо по краю подветренного борта. Вскоре мы заметили несколько оленей, бегущих по холмам так далёко, что нам оставалось только проводить их взглядом и печально вздохнуть. Вообще наше нынешнее состояние вызывало у меня немалое беспокойство; при таких сильных порывах ветра и в нашем искалеченном и ослабленном состоянии, с полуслепым рулевым, если лодка налетит на корягу или отмель и перевернётся, мы едва ли спасёмся в ледяной воде.

Мы были в пути уже больше часа, когда на западном берегу реки показались два больших, в жилом состоянии, жилища. Наши надежды сразу возросли — может, там были туземцы? Подойдя ближе, мы убедились, что это не так. Признаки недавнего присутствия человека были, но из труб не шёл дым — эта безошибочная примета человеческого жилья. Воистину, какой долгожданной радостью для усталого странника в любом уголке Земли бывает видеть дым, который поднимается над жилищами людей! Белое мирное облако любезно сердцу везде, независимо от того, видно ли его, как я видел, мягко вьющимся над бедной хижинкой в джунглях Африки, в густых лесах Южной Америки, в тундрах Сибири, или, освещённый красным отсветом очага, поднимающийся вверх прямо из сугроба, под которым живёт в своём вигваме шумная и гостеприимная семья тунгусов или якутов. И везде ты желанный гость, и всегда тебя готовы встретить, угостить и приютить.

Тем не менее я направил лодку в небольшую бухточку в устье ручья, где стояли эти хижины. Это была, по-видимому, рыболовецкая и охотничья «заимка». Среди плавника было разбросано множество всякой туземной утвари, указывающей, что хижины время от времени посещаются. Дальше откладывать остановку было нельзя, мы и так мало отдыхали последние два дня, и я решил воспользоваться этими изысканными жилищами и вероятностью того, что до следу-

ющего утра сюда могут наведаться туземцы. Перед хижинами стояло несколько столбов, к одному из них я привязал длинную жердь, на верхушке которой повесил чёрный флаг, чтобы привлечь внимание туземцев или наших лодок, на случай если они будут идти этим путём, который я посчитал главным рукавом реки. Лодку разгрузили и вытащили на берег, я распределил людей по хижинам, и вскоре мы уже сушили одежду перед пылающими кострами и располагались на отдых. Утро был ясным, а мы все в отличном настроении после крепкого и столь необходимого сна. Несмотря на то, что у меня несколько замёрзли конечности; кровообращение моё восстановилось, голова была ясная. А ещё у нас теперь были все основания рассчитывать на встречу с туземцами. Перед отъездом я прикрепил к флагштоку на высоте человеческого роста записку, в которой написал, что я со своей командой высаживался в этом месте накануне, все в порядке, и мы отправились на юг в поисках поселения. Затем, отчалив, мы пошли вдоль западного берега реки, пока, неожиданно, не оказались в широкой бухте. Это было странно, так как я полагал, что мы поднимались по главному восточному ответвлению и повернули на юг к основной реке, когда мы обогнули мыс два дня назад. А здесь мы находились в большой бухте шириной в пятнадцать-двадцать миль, с едва видимой на горизонте сушей, и такой мелкой, что лодка почти постоянно садилась на мель. Проложить южный курс через залив с помощью часов и компаса было нетрудно, так как погода стояла хорошая и светило солнце; но трудность заключалась в том, чтобы найти на этом обширном водном пространстве достаточные для нашего судна глубины. Мы находились в путанице отмелей, песчаных кос и протоков, текущих во всех направлениях, в основном на восток и север. Вскоре на высоком мысу на юге, к которому мы постепенно приближались, можно было различить несколько хижин. Мы долго высматривали какие-нибудь признаки жизни, и я сказал команде, что мы поужинаем там, если сможем причалить к берегу. Но течения и отмели оттесняли нас на восток, а из хижин не шёл дым, чтобы побудить нас продолжать наши усилия, хотя мы всё ещё держали курс на юг и проходили всего в миле от хижин. Наконец, когда мы оказались в протоке, которая вела нас на восток, я решил, что глупо ещё больше

утомлять команду в тщетных попытках посетить эти, несомненно заброшенные жилища, и поэтому, когда уже давно миновало наше обеденное время, я решил высадиться на берег в ближайшем удобном месте.

Дичи здесь не было, поэтому мы выпили наш обычный чай с пеммиканом. На косе рядом оказалось несколько шалашей, говоривших о недавнем присутствии туземцев. Как обычно при каждой остановке, я установил компас и сделал заметки об особенностях местности и направлении течений. Люди тем временем бродили вокруг и исследовали кто что хотел, пока я не собрал всю команду грузиться в лодку, намереваясь следовать против течения, которое было прямо противоположно нашему курсу на юго-восток. Я как раз обсуждал это с Даненхауэром, как вдруг увидел выше по реке — чудо! и ура! — приближающиеся к нам три каноэ с туземцами. Не зная, были ли они дружелюбны, но помня, что чукчи временами были очень враждебны, как и туземцы на мысе Принца Уэльского и мысе Барроу в Беринговом проливе, я приказал спешно отчаливать, чтобы встретиться с незнакомцами на равных, и распорядился держать наше огнестрельное оружие наготове, но спрятать. Пока мы шли к ним, я делал им знаки подойти ближе, но они сторонились нас, явно опасаясь встречи. Тогда я обратился к ним по-английски и по-немецки, а все остальные приветливо улыбались (хотя я подозреваю, что они просто смеялись над моими бесплодными попытками завязать разговор на всех современных языках, о которых я имел хоть малейшее представление). Наконец, две лодки прошли мимо, но самый молодой и, по-видимому, самый бесстрашный из туземцев подплыл к нам, чтобы получить кусок пеммикана, который я велел одному из моих людей сначала попробовать, а затем предложить ему.

Его звали, как мы потом узнали, Афоня¹. Точнее, это была часть его имени, потому что туземцы называют друг друга разными именами

¹ Афанасий Осипович Бобровский. — прим. перев.

Здесь и далее имена участников событий и некоторые географические названия выяснены из следующих источников:

а. С.Е.Мостахов «История географического изучения Северо-Востока Сибири», Якутск, 2013 г.

б. «Гибель парохода Жаннетта» ("Loss of the Steamer Jeannette"), Отчёт ст.мех. Мельвилля, Материалы слушаний в 47-м Конгрессе США (II сессия), Палата Представителей, Исх. №108, 1883 г.

— полученными при крещении и родовыми, в зависимости от особенностей характера или роста, возраста или профессии. Например, Василий Ушастый, Старый Николай, Громкий Николай, Большой и Маленький Николаи.

Во всяком случае, пока Маленький Афоня приближался, я велел команде сидеть смирно, а когда он достаточно приблизится — ухватиться за его лодку, что и было сделано. Афоня явно растерялся и испугался. Он просил нас освободить его, показывая жестами, что может опрокинуться. В этот момент мы проплывали вниз по течению мимо нашей стоянки, и я показал ему, что мы приглашаем его причалить с нами к берегу. Он, кажется, понял, что мы не причиним ему никакого вреда и нуждаемся только в помощи, потому что, когда мы пришвартовались, окликнул двух своих спутников, которые выбрались на берег примерно в миле ниже, и они быстро присоединились к нам. Затем началось дружеское общение. Один из моих спутников, более пылкий, чем остальные, расцеловал каждого туземца в обе щеки; они приняли это приветствие с флегматичным удивлением. Я приказал приготовить чайник чая и, пока он заваривался, выложил наши ружья, топоры и другое снаряжение — это их заинтересовало и обрадовало. Матросы тем временем деловито осмотрели их лодки и нашли в них рыбу, гуся и кусок оленины. Туземцы, показывая нам это, говорили: «Кушать, кушать», сопровождая жестом, что кладут пищу в рот. Так это стало первым словом нашего нового словаря — «кушать». Сначала мы все были очень озадачены восклицанием «сити!», которое они часто произносили, и предположили, что это искажённое английское слово «city», которое они, возможно, заимствовали у русских торговцев, поскольку их язык много заимствовал из немецкого, французского и английского. Но вскоре мы узнали, что это было выражение удивления или восхищения. Афоня был смывлёный малый и научил нас названиям всех своих предметов одежды и снаряжения. Он был в восторге от нашего казнозарядного Ремингтона, хотя и испытывал некоторый трепет перед размером его пули,

в. «Поиски лейтенанта Делонга и других» ("Search for Lieut. De Long and Others"). Отчёт лейт. Харбера, 48-й Конгресс США (I сессия), Палата Представителей, Исх. №163, 1884 г.

г. «Миссия лейтенанта Шютца» ("Lieutenant Schuetze's Mission"), 49-й Конгресс США (II сессия), Палата Представителей, Исх. №131, 1887 г.

д. «Гибель парохода "Жанетта"», Томскія Губернскія Вѣдомости, №14, 10.04.1882 г., стр.6.

громким звуком выстрела и особенно дырой, проделанной пулей в бревне плавника. У него самого было небольшое ружьё — «винтовка». Все они с восхищением смотрели на наши топоры и тесаки, но гордились и своими, сделанными из мягкого железа. Лезвия их топоров защищены кожаным чехлом и затачиваются тем же стальным кресалом, который используется с кремнём и трутом. Вскоре мы узнали ещё несколько слов, выяснив, что, то, что они носят на голове — это «шапка», а красные и жёлтые шейные косынки — «платок». Они также объяснили нам, что привезли это из Булуна¹. Это было именно то, чего я хотел! Деревня Булун была отмечена на моей карте, и теперь я старался упросить их провести нас к ней. Мы показали свои ножи, они в ответ достали свои, назвав их: «ножик», и, показав вверх по реке на запад, с поворотом на юг, сказали: «Булун». Они также говорили: «купец», имея в виду торговцев, а Маленький Афоня показал, как кузнец куёт нож. Я чуть не завопил от радости, что нашёл здесь, в дебрях Сибири, последователя Тувалкаина². Да, местные жители показывали нам свои медные крестики, висевшие у них на шеях, как свидетельства их христианства, и крестились, и кланялись, но всё же для меня самым желанным и убедительным доказательством нашей встречи с цивилизацией была эта пантомима Афоня о деревенском кузнеце из Булуна. Я знал, что религия в той или иной форме встречается везде, где поселился человек или куда проник христианский миссионер; но иногда в таких уголках Земли так много религии и так мало цивилизации, и даже если искусства и науки вовсе не процветают в Булуне, там есть кузнец — один из самых важных участников промышленного прогресса — и всё будет хорошо!

Мы разложили вокруг костра брёвна и сидели на них, попивая чай, который для туземцев, оказалось, был хорошо знакомым напитком. Я добавил по ложке спирта в каждую их чашку. Афоне смесь не понравилась, но двое других, по-видимому, знали, что они пили, а Фё-

¹ Булун — бывшее село в Булунском улусе Якутии. Было расположено на левом берегу реки Лены напротив села Кюсюр. Существовало до 1957 года. — *прим. перев.*

² Тувалкаин — библейский персонаж, который «был ковачом всех орудий из меди и железа». (Книга Бытия, глава 4). — *прим. перев.*

дор, который оказался уголовным ссыльным¹, попросил чистого алкоголя. Я дал ему немного и заметил, что на дикаря он произвёл такой же эффект, как и на христианина. У него явно поднялось настроение, и он захотел ещё, но я убрал бутылку в лодку и дал ему понять, что её нельзя трогать. После чаепития мы повесили над огнём котёл, приготовили в нём гуся, рыбу, оленину, и заодно и кусок сырой кожи — всё в одном великолепном рагу, разделили его поровну между всеми и славно поужинали.

Затем я объявил нашим гостям о нашем желании добраться до Булуна. Для этого я прибегнул к наглядному обучению — нарисовал деревню: церковь с большим куполом в центре и несколько таких же маленьких вокруг. Афоня сразу сказал: «Булун», но возразил против разнообразных куполов. Рисунок был изменён по его вкусу, и я изобразил китобойную лодку с парусом, мачтой, рангоутом и экипажем, которая тут же была названа «лодка». Затем я изобразил человека, гребущего в лодке, и две другие лодки на некотором расстоянии от первой, и показал Афоне, что его лодка будет первой, за ней последует вельбот, а затем его соотечественники. Наконец я указал в сторону Булуна и произнёс: «Булун». Он сразу всё понял, и тут же закричал: «Сох, сох! (нет, нет), мус, мус! (лёд, лёд), помри!» — и, улёгшись на землю, закрыл глаза и изобразил покойника.

Я ещё долго не мог убедить их сопроводить нас до Булуна. Они приводили множество оправданий, главным образом что это опасно и далеко, что на реке образовался лёд, мало еды и плоха одежда, при этом демонстрировали свою рваную обувь и платье. Всё это время, однако, они старались убедить нас, что им самим очень хотелось бы побывать в Булуне, так как там они могли бы найти много чего хорошего, в частности, много водки. После чего они показали нам, как они будут много пить, отдавая один воображаемый предмет одежды за другим в залог, пока, наконец, они не смогут больше пить. После чего они легли и показали, как сильно они будут болеть с похмелья. Тем временем мы узнали, что «балаган» — это дом, а «балык» — рыба, а также что такое «спать» и «олень»; и с помощью этих слов я сооб-

¹ Фёдор Иванович Зырянов, якут, житель Намского улуса за кражу лошадей был приговорён местными властями к ссылке на Север. — прим. перев.

шил им о нашем желании поскорее отправиться куда-нибудь, где мы могли бы поесть и поспать. Они охотно согласились и, чтобы показать мне, насколько хорошо они поняли, положили головы на руки, закрыли глаза и захрапели, затем, раздув щеки, сделали вид, что брызнули водой на руки и умылись, говоря: «Кушать, кушать, олень, балык». Это вполне устраивало обе стороны, и мы отчалили и менее чем через полчаса, в сопровождении наших новых друзей, благополучно прибыли к хижинам на мысу, до которых мы так старательно пытались добраться в тот день. Вытащив лодки на берег, мы перенесли большую часть снаряжения в хижины; я был особенно внимателен с бутылкой, перелив её содержимое в маленький бочонок, о котором туземцы не знали, и сам перенёс его. Место было заброшенной деревней, ранее известной как Малый Буор-Хая¹. Она пришла в полный упадок, только несколько хижин ещё были пригодными для жилья, в то время как кладбище рядом было заполнено могилами якутов и тунгусов. Таково, как я узнал позже, положение дел по всей дельте: города мёртвых гораздо более населены и многочисленны, чем города живых. Ибо, как мне потом рассказывали проводники, когда в балагане или хижине кто-то умирает, она тут же забрасывается; случайно наткнувшись на кладбище с грубыми деревянными крестами на могилах, проводники говорили: «Якут помри многа, якут креста многа!».

Мы заняли две хижины, развели огонь, заварили чай, а туземцы, расставив сети, наловили нам на ужин рыбы. Тем временем наше пантомимное общение развивались с большим или меньшим успехом. Имена наших друзей, которые мы узнали, не обмениваясь визитными карточками, были Афоня, Харанай² и Фёдор, причём последний был несчастным приживальцем у двух других. Харанай вскоре уплыл на своей лодке. Афоня сказал, что тот отправился на поиски старика, некоего Василия³, которого он называл «тятя», то

¹ На карте Мельвилля [1] это место обозначено на правом берегу Быковской протоки (куда, как думал Мельвилль, они зашли) под названием Borkhia. На самом деле оно существует до сих пор на Сырдахской (прежнее название «Сардахская») протоке (72°26'57"с.ш. 128°54'07"в.д.) и называется Буор-Хая-Холомото (холомо = чум). — *прим. перев.*

² Максим Степанов. Харанай — его прозвище («Чёрный», по-якутски). — *прим. перев.*

³ Василий Бобровский «Кулгаах» («Ушастый», по-якутски) — староста 2-го Батулинского наслега. — *прим. перев.*

есть отец, но который, как я потом узнал, был его тестем, а также привезёт оленину для еды. Наша трапеза закончилась, мы немного приятно поболтали и отправились на боковую. Это был наш первый балаган, в которой был камин, деревянный пол и койки в виде рундуков вдоль стен. Излишне говорить, насколько всё здесь было удивительно грязно и воняло старой рыбой и костями; и всё же мы были очень рады, что нас так удобно разместили, потому что всю ночь кружила снежная метель.

Глава VII. Вверх по Лене

Наша неудачная самостоятельная попытка — Василий Кулгах — Моя утиная дипломатия — Страх перед цингой — Ары, заброшенная деревня — Спиридон, безобразный староста — Сибирские ледяные погребя — Зимовьялах.

Перед тем как лечь спать, я заметил, что туземцы помолились маленькой медной иконе в углу хижины, дальнем от двери. Рундук в этом углу — это всегда место для гостей, а над ней на небольшой полке — иконы (их часто бывает дюжина или более) и несколько маленьких восковых свечей толщиной с карандаш и длиной около трёх дюймов, которые зажигаются в особых случаях или, как в жилищах богатых туземцев, горят во время молитв. Мы хорошо поспали и проснулись к завтраку из рыбы, пойманной за ночь сетями туземцев. Харанай ещё не вернулся, и я засомневался в добросовестности наших туземцев, замечая в их поведении, каким бы дружелюбными оно ни казалось внешне, некоторый страх перед нами и подозревая, что они готовятся сбежать и бросить нас на произвол судьбы. Я пытался уговорить Афоню отправиться с нами или вести нас за своей лодкой, но всё безрезультатно, и когда я потерял терпение и приказал силой затащить его в лодку, он так трясся от страха, что мы решили продолжать путь без него. Состояние моих людей, недостаток провианта и желание как можно быстрее добраться до Булуна, где я мог бы связаться с российскими властями и организовать поиски Делонга и Чиппа, не терпели отлагательств. Поэтому я забрал всю рыбу,

что была у туземцев, а мистер Ньюкомб обменял нож и шейный платок на рыболовную сеть, которой мы надеялись воспользоваться в пути. Затем мы отчалили и оставили нашего доброго Афоню в слезах стоять на берегу.

Он уверял нас, что мы не сможем добраться до Булуна, но всё же указал направление к населённым местам на юго-восток. Здесь я оказался в затруднении. Течение с западо-северо-запада было сильным, и Даненхауэр предостерегал меня: «Мельвилль, нам следует идти на юг, а не туда!».

Несмотря на то, что я хотел держать курс против течения, доводы моего спутника и указанное Афоней направление всё же возобладали, и я попытался идти вдоль того, что я считал юго-западным побережьем главного течения реки. Но опять помешали мели, заставив нас повернуть на восток, в результате мы совсем немного продвинулись на юг. Наконец, оказавшись в бухте, где мы уже были накануне, я увидел два высоких мыса на юге и, полагая, что река проходит между ними, весь день пытался добраться до них. Погода была сырая и ветреная, волнение интенсивное, и куда бы мы не направлялись, через милю-другую натыкались на мель. В два часа дня я решил вернуться в Малый Буор-Хая. Ветер тем временем несколько уменьшился и стал попутным, но глубина была недостаточной, и волны, перехлёстывая через косы и отмели, окатывали нас и замерзали на дне лодки. Люди были измотаны бесконечной греблей, вычерпыванием воды и работой с парусами. Бартлетт на носу лодки, всё время промеряющий дно и кричавший мне показания глубины, промок до нитки, одежда на нём замёрзла и стояла колом, шест от палатки, который он использовал в качестве футштока, представлял собой сплошной кусок льда, а руки его распухли и потрескались так, что на них было страшно смотреть. Тепло и сравнительный комфорт предыдущей ночи избаловали нас и сделали нас более восприимчивыми к холоду и физической боли, поэтому жалоб теперь было больше, чем когда-либо прежде. Мои ноги ниже колен были покрыты болячками и волдырями, причинявшими мне мучительную боль. Лич, Мэнсон и Уилсон, будучи моложе Коула, выполняли команды несколько быстрее, но они были на вахте весь день и теперь были совершенно вы-

мотаны. Я всё время был на шкотах, управляя парусом, и делал это совершенно механически, так как руки мои были лишены всякой чувствительности. Ближе к ночи вызвался порулить Даненхауэр, но ветер и снег слепили его, и он не смог держать курс в соответствии с направлением ветра, который дул ему в щеку (чтобы он лучше чувствовал ветер, я даже поднял вверх уши его шапки). После нескольких опасных перекидываний паруса на фордевинде, я приказал Личу сменить его у румпеля, и решил бросить якорь под прикрытием первой мели, которая нам попадётся, и там ждать рассвета. После пары попыток мы нашли, наконец, подходящее место и остановились в тихой глубокой воде за песчаной косой.

Но как встать на якорь без якоря или даже без какого-либо его подобия?! Единственной возможностью было бы привязать лодку к какому-нибудь столбику или дереву, и даже этого вблизи не наблюдалось. Тогда я приказал Бартлетту забить в илистый грунт три палаточных шеста с медными наконечниками, а швартовый конец привязать к их нижней части, а чтобы они не потерялись, если вдруг будут вырваны из земли, привязать к их вершинам ещё страховочный конец. Таким образом лодка всю ночь противостояла ветру, который временами дул очень сильно. Затем, опустив весла с обоих бортов, чтобы лодка держалась носом против ветра, и оставив одного человека следить за швартовыми, мы, как могли, укрылись на ночь. Сон, конечно, не шёл в голову; тем не менее, накрывшись штормовками, кусками парусины и прорезиненной тканью, которую мы обычно расстилали в палатках, мы попытались уснуть. Но из-за дождя, ветра и мокрого снега было ужасно холодно. Те из нас, кто ещё не имел обморожений, вскоре их получили, а у тех, кто имел, конечности стали ещё хуже — распухли и еле помещались в обуви и перчатках.

На рассвете ветер стих, волнение улеглось, но сами мы представляли собой унылое зрелище. На лицах каждого были написаны все страдания, которые он перенёс этой ночью; верёвки замёрзли и покрылись инеем, а всё в лодке было покрыто снегом толщиной в несколько дюймов. Холмы и отмели, которые несколько часов назад были зелёными и чёрными, теперь сверкали в своём зимнем одеянии; всё вокруг так изменилось, что мы едва могли различить вче-

рашные ориентиры. Тем не менее, мне казалось простым делом вернуться туда, откуда мы пришли. Мы шли по компасу на юго-восток, соответственно, надо просто идти обратно на северо-запад. Но разнообразие мнений по этому поводу было таким поразительным, что я позволил каждому высказаться по этому поводу. Оживлённое обсуждение продолжалось почти до полудня, когда берег вдруг показался мне очень знакомым, и я решил причалить и приготовить ужин из чая и рыбы. Вскоре у нас ярко пылал костёр, и пока одни готовили ужин, другие, которые особенно яростно спорили о нашем местоположении, пошли на разведку и за первым же мысом обнаружили хижины Малого Буор-Хая. Всё, что заслуживало называться дичью, давно покинуло окружающую нас местность, а с выпадением снега и замерзанием озёр те немногие утки и гуси, которые дождались, наконец, когда поднимется на крыло их запоздалое потомство, теперь летели на юг отдельными парами или небольшими стайками. Только чайки и другие падальщики парили в вышине и с вождением и надеждой смотрели на наши страдания. Поев, мы двинулись дальше и ближе к вечеру, приблизившись к мысу, с радостью увидели наших туземцев, бегущих нам навстречу. Они помогли нам вытащить лодку на берег через заберег, образовавшийся за последние дни. Теперь их было четверо, к ним присоединился старик, которого они представили нам, как своего вождя, называя его «староста», «командир», «тятя» и тому подобное. Он стоял пред нами с шапкой в руках, повторяя: «Здрасте, здрасте».

У меня, Лича, Мэнсона и Лаутербаха были так сильно обморожены конечности, что мы передвигались на четвереньках; Бартлетт, Коул, Ньюкомб и другие, хотя и получили серьёзные повреждения, не были такими калеками; в то время как Даненхауэр и Инигин пострадали меньше всего. Туземцы помогли нам добраться до хижины, где у них ярко горел костёр и был хороший запас рыбы и оленины. Увидев в наших руках чаек, которых подстрелил Ньюкомб, они заявили, что они не годятся в пищу, и вместо этого дали нам рыбу. Я никогда не мог понять, почему они не едят чаек, когда им так часто приходится прибегать к еде гораздо более отвратительной. Я помню, что кто-то в кают-компании «Жаннетты» утверждал, что молодые чайки прода-

вались на рынках больших портовых городов Соединённых Штатов и считались большим деликатесом среди местного «высшего общества». И хотя я готов лично заверить, что есть вещи и более неприятные, в чём мы могли удостовериться, путешествуя в этих местах, я всё же предлагаю не есть чаек или других падальщиков, когда доступна лучшая еда.

Я добавил к ужину ещё один чайник чая, который туземцы обожали, а затем принялся рассказывать старику о нашей крайней нужде и страстном желании найти дорогу в Булун или какое-нибудь другое поселение. Он всё понял и объяснил, что после сна мы все отправимся в некую деревню. Я попытался убедить его проводить нас прямо до Булуна, но тут он был согласен со своими молодыми товарищами, что это невозможно из-за нехватки еды и одежды, и быстрого образования льда на реке. Я уже был полон решимости во второй раз применить насилие и во что бы то ни стало добиться своего. После нашей безуспешной попытки найти проход вверх по реке я уже обещал свои людям, что я вернусь, возьму в плен туземцев, захвачу их лодки и заставлю провести нас в Булун. К счастью, необходимость принуждать к послушанию отпала, потому что на следующее утро после завтрака мы отправились в путь. Прежде чем отчалить, надо было проинструктировать старика Василия, чтобы он избегал отмелей, так как наш вельбот имел гораздо большую осадку, чем их небольшие лодки. Бартлетт объяснил суть дела, показав ему насколько ватерлиния нашей лодки выше, чем их. Василий всё понял, и в доказательство этого сделал ножом отметку на своём двухлопастном весле, предварительно измерив им расстояние от земли до указанной ватерлинии на вельботе. Мы оценили такую сообразительность и с тех пор полностью доверяли нашему новому лоцману. Я снова начал разговор за то, чтобы мы поплыли сразу в Булун, но встретил такой же решительный отказ. Туземцы сказали, что тогда холод, лёд и голод неминуемо настигнут нас и нарисовали на снегу схему течения реки с указанием деревень, в которых мы должны будем останавливаться, и закончили нашу дискуссию, показав трагическую сцену смерти. Итак, взяв с Василия обещание, что когда-нибудь мы всё же доберёмся до Булуна, мы наконец отправились в путь.

Некоторое время Василий вёл нас вдоль берега в том направлении, которым мы шли накануне, продолжая двигаться на юго-восток, пока вельботу хватало глубины. Двое молодых туземцев плыли по обе стороны и несколько впереди от лодки старика, отыскивая глубокие места. Но со временем мели стали попадаться всё чаще, и Василий отказался от этого курса, повернув на восток и иногда на северо-восток. Ближе к вечеру он послал другие лодки вперёд, а сам остался с нами, подбадривая нас продвигаться вперёд, то ворча и что-то бормоча себе под нос, то увещевая, но всегда добродушно, в то же время смеясь вместе с нами над той тарабарщиной, которой мы пытались с ним объясняться. Несколько часов мы из последних сил боролись с сильным течением, и уже казалось, что мы никогда не обогнём одну длинную песчаную косу на нашем пути, как вдруг примерно в миле впереди на берегу показался яркий огонь. Это двое других туземцев, ушедшие вперёд, разожгли для нас путеводный огонь — первый с тех пор, как мы покинули Уналашку. Это придало нам столько сил, что вскоре мы уже вытаскивали нашу лодку на пустынный заснеженный берег, за которым виднелась возвышенность, изрезанная оврагами и промоинами.

Для ночлега мы поставили две палатки для себя, а туземцам соорудили укрытие из паруса от вельбота, и с наступлением темноты легли отдыхать. Снег, выпавший за последние дни, послужил нам мягким матрасом, кроме тех мест, где под ним оказались коряги, валявшиеся на берегу. Да ещё наши спальные мешки от частого намокания и замерзания почти лишились меха и так прохудились и заскорузли, что стали почти бесполезны. И всё же мы были безмерно благодарны туземцам и за эти удобства, и за их дружескую заботу и помощь. Чтобы поторопить их, я спрятал небольшой остаток (около двадцати фунтов) пеммикана и стал убеждать их, что у нас совсем не осталось провизии; в то же время попросил их поставить сети и наловить рыбы, а сам в палатках тайком раздал понемногу пеммикана. Старый Василий заглянул во все наши вёдра и котелки, и, не найдя еды, выдал нам из своих запасов несколько маленьких рыбёшек, из которых мы приготовили жидкую уху.

Ночью было очень холодно, яростно дул ветер, поднявшийся с заходом солнца. Большую часть ночи мы поддерживали большой костёр на безопасном расстоянии от палаток, но, тем не менее, дрожали от холода и к утру чувствовали себя совершенно разбитыми — более, чем когда-либо — чтобы справиться с нашими не уменьшающимися трудностями. Пинта горячей ухи и четверть фунта пеммикана каждому (включая туземцев) составили, вместе с чаем, наш завтрак. Палатки, покрытые льдом и снегом и замёрзшие до состояния дерева, были кое-как свёрнуты и уложены в лодку, и мы снова пустились в путь. Выбравшись из мелководья большого залива, мы вышли по извилинам реки в море, обогнули остров к северу от мыса Быковский и снова вошли в реку, проделав хороший дневной путь, и уже в сумерках прибыли к двум заброшенным хижинам на северной стороне главного ответвления Лены на восток, где я впоследствии дважды побывал во время моих вторых поисков Делонга. Одна из хижин была в гораздо лучшей сохранности, чем другая, но и обе вместе не могли укрыть нас всех; поэтому некоторые предпочли поставить для себя палатку. Туземцы поймали пару рыбёшек, к которым Василий нехотя добавил ещё несколько из рундука в своей лодке. Днём Ньюкомб подстрелил пару уток, и я широким жестом подарил их Василию, сказав, что, хотя нам больше нечего есть, мы всё же чувствуем себя обязанными отдать ему всё, что осталось, чтобы он быстрее доставил нас в безопасное место. Моё лукавое великодушие не прошло даром. Он снова заглянул в наши котелки и ящики и, обнаружив, что они так же пусты, пожелал вернуть уток и предложил нам две последние рыбы из своей лодки, заверив меня, что его запасы теперь так же пусты, как и наши.

Некоторые из команды получили обморожения ещё раз и так ослабли, что не вытащили лодку полностью и просто свалили снаряжение на берегу, вне досягаемости воды. Хижины, как обычно, были построены на высоком берегу, и в нашем состоянии было непросто подняться к ним. Я совершенно не чувствовал ног и потому шёл вверх, опираясь на старого Василия и Хараная, которые таким же образом помогли Личу и Лаутербаху. Наш ужин, как обычно, состоял из ухи, Бартлетт разлил её поровну по мискам и расставил на земле,

каждый мужчина схватил свою, нам с Бартлеттом достались две последние.

Тем временем Василий ощипал уток и сварил суп, которым щедро поделился с нами. Много, много раз после этого я видел, как Василий показывал своим соплеменникам пантомиму, в которой я презентовал ему уток, когда мы сами были полумёртвые от голода, холода и усталости. Так что история с этими двумя утками имела хорошие последствия для моего первого тяжелейшего путешествия в поисках Делонга, а когда я окончательно покидал дельту Лены, я отдал свою немногочисленную оставшуюся рыбу и скромные запасы провизии Василию и его односельчанам.

Заползая на ночь в хижины, мы обязательно снимали обувь, чтобы облегчить наши опухшие, покрытые волдырями и кровоточащие ноги. В эту ночь, после того как я снял мокасины, туземцы наши, один за другим, осмотрели мои ноги и, вдавливая пальцы в бугристую и губчатую плоть, наблюдали, исчезнут ли вмятины. Они долго не проходили. Туземцы, качая головами, устроили консилиум и, по видимому, пришли к выводу, что, хотя я был в очень плохом состоянии, при данных обстоятельствах сделать для меня они ничего не могут. Меня, однако, больше всего беспокоил страх, что среди нас вот-вот разразится цинга. Из того, что я знал об этой ужасной болезни, мне казалось странным, что мы, пережившие наибольшие трудности из всех известных арктических экспедиций, не были ей подвержены. Мы прошли невредимыми (поскольку случай с Алексеем был всего лишь подозрением) через испытания долгим походом в мокрой одежде, в самом тяжёлом труде при самом скудном питании — таком, при котором гибнут даже китобои, оказавшись вдали от своих кораблей. Всё это и многое другое пережили мои доблестные товарищи; но теперь, хотя язвы, волдыри и деформацию ногтей можно было объяснить обморожением, всё же омертвление и опухоль конечностей я приписывал исключительно цинге. Она же, по видимому, была и причиной болезненности дёсен, на которую жаловались Даненхауэр и Ньюкомб. И всё же время показало, что я зря беспокоился, несмотря на то, что мы долгое время жили без каких-либо противцинготных средств.

На следующий день мы рано вышли в путь и то гребли, то поднимали парус, а иногда, когда это было возможно — шли и под вёслами, и под парусом. Наши проводники иногда ставили нас в трудное положение, забывая, что их лодки имеют осадку всего три дюйма, а наш вельбот — двадцать шесть. Но они всегда помнили о нашей слабости и болезнях и делали как можно больше остановок на отдых. К полудню мы оказались в широкой глубокой протоке и резво пошли под вёслами и парусом. Василий отправил обоих своих молодых людей вперёд, а сам остался в нашей лодке, показывая мне, что его руки так устали, что он не может больше грести. Но мне всё же казалось, что он просто хотел задержать нас, пока его товарищи не проведут разведку и не вернутся, и потому попросил нас, чтобы мы перестали грести и спустили парус, хотя ветер был попутный. Вскоре показалась довольно большая деревня, но из труб не поднимался дым, а когда мы приблизились, ни один человек, ни собаки не вышли встречать нас на берег. Поначалу это показалось нам странным — это наше скрытное приближение, отсутствие людей и гнетущая тишина. Я даже заподозрил, что туземцы специально ушли вперёд и предупредили людей, чтобы они ушли, но при ближайшем рассмотрении понял, что поселение было покинуто несколько месяцев назад. Затем до меня дошло, что это зимняя деревня, жители которой ещё не вернулись, и что Василий направил молодых людей, чтобы проверить это и остановиться там, если жители там есть, а если нет, то сразу отправиться на юг в другую деревню, которая, как он знал, была населена. Но так как мы проплыли поворот реки, Василий решил остановиться в этой деревне под названием Ары¹. Мы высадились и заняли одну из хижин. Она была в хорошем состоянии, а оконные проёмы были закрыты от непогоды деревянными щитами. Порывшись в хижинах и складах, мы не нашли там абсолютно ничего съестного. Более преуспел в этом Ньюкомб со своим ружьём, застрелив несколько куропаток, которые тут же пошли в суп. Василий послал одного из товарищей в соседнюю деревню за туземцем, который поведёт нас дальше. Он объяснил, что дальше идти не может и,

¹ Ары — деревня и урочище на одноимённом острове в восточной части дельты (72°8'51"с.ш. 129°14'26"в.д.). На картах обозначена также как Ары-Быковское. — *прим. перев.*

обнажив свою руку, показал место возле бицепса, где она была пронзена пулей или копьём. Рука от этого была усохшей и почти не работала.

Мы развели костёр и приготовили чай, а во второй половине дня заметили приближающуюся лодку и туземную гребную шлюпку. Последняя по форме напоминала вельбот, острая с обоих концов и с гораздо более плоским дном, была обшита внакрой досками примерно один с четвертью дюйма толщиной, десять дюймов шириной и длинной во весь корпус, скреплёнными нагелями диаметром три восьмых дюйма. Шпангоуты из берёзы или ели были примерно в трёх футах друг от друга, а нос и корма, соединённые с внутренним килем, представляли собой массивные деревянные бруски, вырезанные заподлицо с обшивкой. Работа была выполнена грубо, но прочно; и лодка такого рода, от шести до восьми футов в ширину и от двадцати пяти до тридцати футов в длину весила, вероятно, в три раза больше, чем вельбот тех же размеров, даже если он без железного или медного крепежа. Швы снаружи были законопачены оленьим мхом и тонкими корешками торфяного мха-сфагнума.

Наш друг Харанай был в лодке, а в шлюпке сидели двое мужчин и две женщины, трое из них гребли, а старший мужчина был за рулём. Это, как объяснил мне Василий, был староста деревни. Выглядел он страшно, как старый пират из книжек. Невысокий и коренастый, со сверкавшими в глубине головы, как два маленьких огненных шарика глазами под выгнутыми дугой нависшими бровями. Волосы его были коротко подстрижены, маленькие уши прижаты, рот с твёрдо сжатыми губами простирался от уха до уха над большой квадратной челюстью. Тело этого великана по имени Спиридон опиралось на ноги карлика. Две женщины, сопровождавшие его, одна из которых была миссис Спиридон, а другая — его сестра, потеряли каждая по правому глазу; и, хотя они вели себя более скромно, чем их муж и брат, выглядели так же злодейски. Молодой человек был шумным и бесшабашным юношей, одетым в какое-то тряпье и лохмотья, и напоминавшим наших многочисленных бездельников из больших городов, которые довольствуются тем, что веселятся и живут за счёт других.

Спиридон с женщинами сразу же удалился в свой дом, а Капитон, юноша, тут же начал браться с моряками. Василий зашёл к нам, чтобы сказать, что прибыл староста, и в компании с ним и мистером Даненхауэром мы отправились к «большому начальнику». Он был флегматичным и медлительным, и не пытался завязать разговор или вообще стараться быть хоть сколько-нибудь любезным. Принесли большой чайник чая, который я приказал приготовить в нашей хижине, и мы выпили его из глиняных чашек, которые принесли женщины. Затем Спиридон сообщил мне, что Капитон, который был его протеже и хорошим лоцманом, проведёт нас в следующую населённую деревню. Тут Василий объяснил старосте, что нам нечего есть, и перед нашим уходом тот дал нам пять потрошённых гусей. Вскоре мы собрали наши немногочисленные пожитки и, воодушевлённые, отправились в путь; наш добрый друг Василий с шапкой в руках стоял на берегу и кланялся нам на прощанье. Капитон и Харанай сели к нам, а Фёдор поплыл на своей лодке, а время от времени на буксире за нашим вельботом.

Сначала между туземцами не было разногласий относительно курса, которым мы должны следовать; но вскоре мы оказались в месте, где каждый указывал своё направление, и, поскольку Капитон был главным лоцманом, я пошёл в указанную им сторону и вскоре мы оказались в слишком мелком для вельбота месте. Мы этому вовсе не удивились, так как уже не верили, что туземцы когда-нибудь поймут, что вельбот имеет осадку на два фута больше, чем их лодки. Мы попали на мель при попутном ветре и потому были вынуждены сниматься с неё против ветра и течения. Туземцы заверили меня, что мы доберёмся до деревни этой же ночью, но мы настолько задержались в этой извилистой и мелководной протоке, что пришлось снова остановиться и переночевать, что мы и сделали в двух старых хижинах, попавшихся по пути.

Я сварил наших гусей; они оказались весьма «с душком» и возбудили бы аппетит какого-нибудь самого изощрённого гурмана за пределами арктических регионов, где такое мясо хоть и востребовано, но, скорее, по личным пристрастиям, а не по необходимости; ибо, хотя лёд в Арктике в постоянном изобилии, всё же в летние месяцы

настолько тепло, что, если туземцы не построят ледники, дичь, которую они добывают в летнее время, так же легко испортится в устье Лены, как и в Нью-Йорке. Склады и хижины строят на высоких берегах реки, чтобы по возможности избежать наводнений, которые временами заливают всю дельту, так что обычный сибирский ледник здесь невозможен. Затем, опять же, для этих людей это большое и хлопотное дело — выкопать подвал с помощью имеющихся в их распоряжении инструментов, а это только деревянная лопата с окованным железом лезвием. Железо для такой оковки покупается у торговцев, а сама лопата изготавливается чаще всего из ели. Такой инструмент используется всеми туземцами и составляет часть их зимнего снаряжения для очистки от снега их лисьих ловушек. В районе Якутска земля постоянно промерзает на среднюю глубину сорок семь футов¹, и когда нужно вырыть погреб, то сначала на его месте разводят костёр, который оттаивает несколько дюймов земли, её удаляют, снова разводят костёр, оттаивают следующие несколько дюймов и таким образом продолжают до тех пор, пока не будет достигнута нужная глубина. Стенки ямы укрепляют круглыми брёвнами, делают потолок, зимой всё замерзает, как камень, и таким образом получается круглогодичный ледяной погреб.

Этим длинным отступлением я просто хотел сказать, что наши древние и пахучие гуси не хранились в леднике; но так как прошло уже много времени с тех пор, как мы ели приличную еду, и могло пройти ещё больше, прежде чем представится следующая такая возможность, то мы поглотили их и легли спать. На следующее утро было удивительно, как хорошо все чувствовали себя после ночного отдыха. Конечно, тем из нас, у которых ещё не зажили обморожения, лучше не стало и двигаться было всё так же мучительно; но когда мы сидели в лодке, то были бодры и сильны духом, а выше пояса — и телом. Боль в ногах переносилась безропотно до конца каждого второго часа, когда надо было сменяться на вёслах. А уж тогда пострадавшие сыпали проклятиями с удвоенной силой, и их реплики не всегда были выдержаны в примирительных и ласковых выражениях. Тем не

¹ Около 14 метров. На самом деле слой вечной мерзлоты достигает в центральных районах Якутии глубины сотен метров (до 1370 м. в районе верхнего Вилюя). — *прим. перев.*

менее, в целом, каждый был внимателен к удобству других, и было очень мало проявлений неприязни, кроме этих кратковременных и простительных вспышек гнева; а если вспомнить, как переполнена была лодка — по двое мужчин на каждой скамейке, и конечности почти у всех болят, как от огня, — неудивительно, что при каждом резком толчке лодки у кого-нибудь вырывался крик боли.

К полудню мы обогнули длинную песчаную косу и увидели низкий остров, на котором раскинулась деревня, состоящая, вероятно, из дюжины балаганов, чумов и амбаров, а также церкви без шпиля. Фёдор, спеша возвестить о нашем приближении, умчался вперёд, а мы поспешили следом, нетерпеливо вглядываясь в деревню. Вскоре мы увидели дым, вьющийся над хижинами, и все наперебой закричали: «Я вижу человека!.. Вон ещё один!.. Смотрите, собаки!.. Ура! Там женщина!.. Нет, женщины!.. Смотрите, молодые!.. и т.п.» Когда мы приблизились к берегу и стало мелко, от берега отвалила пара лодок, в одном из которых был типичный рыжеволосый русский. Мы все дружно завопили: «Там русский!». Ему это явно понравилось, и он крикнул в ответ: «Русский, русский!». Затем мы засыпали его сотней вопросов на английском, французском, испанском, немецком, шведском и всех остальных ломаных языках, которыми мы хоть немного владели, и даже снизошли до диалекта Инигуина, которому я велел обратиться к молодому человеку на русском, каким он несомненно владел; но это был полный провал, так как Инигуин, кажется, попытался общаться с ним на языке асинибойнов или чинуков.

Глава VIII. В Зимовьялах

Николай Чагра — Впечатляющая пантомима — «Рыжий Чёрт» — Перезрелые гуси — Религиозные обряды — Описание балагана.

Староста деревни Николай Чагра¹ показал, где нет мели, и вскоре наша лодка пришвартовалась к берегу. С ясными головами, но кое как держась на ногах, мы все выкарабкались, как могли, на сушу, в

¹ Николай Дьяконов (ум. до 1885 г.) — староста 2-го Батулинского наслега. «Чагра» (или «Шагра») — его прозвище. — *прим. перев.*

основном на четвереньках. Вся деревня, конечно, пришла поприветствовать нас: мужчины, женщины, дети, собаки и все остальные. На берегу было множество лодок, саней и всякого снаряжения, валялись охотничьи и рыболовные снасти; тут же были навесы, на которых вялилась рыба, а также развешаны сети для сушки и ремонта. Когда большая часть снаряжения была выгружена и лодка надёжно привязана, несколько женщин и детей взялись за сани, на которых я сидел, наблюдая за разгрузкой, и оттащили меня к дому старосты. Лич и Лаутербах, которые тоже не могли самостоятельно передвигаться, следовали за мной на других санях. Николай довольно церемонно провёл нас внутрь, и мы предприняли взаимные попытки завязать разговор, и я попытался сообщить ему о состоянии наших дел. Он разместил меня на почётном месте для гостей, под иконами. Тем временем в дом всей толпой ввалилась остальная команда, вооружённая котелками, чайниками и спальными мешками, к ужасу Николая, который прижал к себе жену и торопливо отвёл её в угол комнаты. Видя его смятение, я сказал мужчинам удалиться, пока я смогу объяснить ему, кто мы такие и чего хотим. Вскоре все снова собрались в хижине. Тут же толпились туземцы, и вскоре все мы были уже в дружеских отношениях и отличном настроении. Немедленно был повешен над огнём котёл и заварен чай. Он был солёным (это был наш чай!), но мы наслаждались им, как и туземцы, для которых это была роскошь в это время, когда торговцев было мало, как, впрочем, и всякая еда, кроме гусяного и оленьего мяса. Жена Николая поставила вариться уху, и вскоре у нас был полный котелок рыбы, сваренной, правда, без соли и каких-либо приправ, но всё равно для нас это было самое вкусное блюдо, которое мы когда-либо ели. Пока готовилась рыба, наш хозяин угостил нас поджаренным оленьим жиром. Всего его было не больше пары унций, он разломал его на кусочки и раздал всем, как леденцы. Некоторые из присутствующих, наиболее впечатлительные, заявили, что это было самое сладкое, что они когда-либо пробовали. Если бы его было достаточно, чтобы всем наесться, мы, возможно, сочли бы это славным пиршеством; но, как бы я ни был голоден, мне показалось, что это всего лишь кусочек

поджаренного на грязной сковороде прогорклого оленьего жира с прилипшими волосками оленьей шерсти.

Я съел кусочек размером с ноготь мизинца, и больше мне не хотелось; но я заметил, что некоторые были не прочь получить и вторую, и третью порцию. На протяжении всей экспедиции я никогда не терял вкуса к хорошей еде, когда она была. На борту «Жаннетты» я ел механически — по долгу службы; ел, чтобы поддерживать силы; ибо, хотя наш корабль был лучше всех, когда-либо пересекавших Полярный круг, снабжён провизией, всё же рацион питания был настолько однообразен, что многие из нас в конце концов возненавидели сам вид и запах консервов, которые в начале путешествия считались самыми вкусными. Это подействовало на нас так же, как куропатка на человека, который обещал есть их по одной штуке каждый день в течение месяца, но я сомневаюсь, что была бы съедена хотя бы дюжина.

Пока готовился ужин, я принялся рассказывать Николаю историю нашего кораблекрушения. Ефим Копылов, русский ссыльный, явно более образованный, чем местные жители, принял в беседе живейшее участие. Красным и синим цветным карандашом я изобразил на листке бумаги американский флаг. Ефим тут же воскликнул: «Ага, американский!», а затем объяснил, что служил солдатом на укреплениях Владивостока и видел много американских судов. Но чтобы якуты поняли, я нарисовал судно, которое Ефим назвал шлюпкой, а туземцам сказал: «большая лодка». Затем, вспомнив якутское слово *мус*, обозначающее лёд, я объяснил, что он раздавил судно, и оно затонуло. Ефим понял это сразу, но туземцы были не так сообразительны, и после долгих споров между ними я воспользовался большим куском дерева, назвав его «шлюпкой». На шлюпку я поместил четыре палочки поменьше — «маленькие лодочки», и тридцать три совсем маленьких кусочков в качестве команды. Затем я стал показывать стол, показывая волнуемое море, которое они называли *бай-хал* (море), и показал, как *мус байхал* (морской лёд) сдавил корабль. Затем, сильно взволновав стол, я высыпал лодки и людей с корабля и бросил последний вместе с маленькой лодкой под стол, чтобы представить, как он ушёл под лёд. Все прекрасно поняли мою пантомиму,

и охи, ахи и вздохи мужчин и женщин выразили их печаль и сожаление. Затем я отсчитал одиннадцать палочек в качестве своей команды и посадил их на борт одной из трёх оставшихся лодок; двум другим было назначено тринадцать и девятнадцать палочек соответственно. Они плыли все вместе много дней и ночей, а затем налетела ужасная *пурга* (я сильно дунул и заревел), *байхал* заволновался (я качал стол), перевернул две лодки и утопил их (я швырнул их на пол). Но одна маленькая лодка осталась, и с одиннадцатью палочками (я со своей командой) пришвартовалась, наконец, в Зимовьялах, так называли эту деревню¹.

Женщины были очень тронуты этой историей; смотря на наши обмороженные конечности, они сочувственно качали головами и даже плакали над нашими страданиями. После ужина Николай дал каждому из нас по листку табака — роскошный подарок для тех, кто к нему пристрастился. Я не курил, но я слышал, как наши курильщики гово-

рили между собой, что это была худшая дрянь, которую они когда-либо курили, включая спитой чай и кофейную гущу, которые они употребляли для этого в походе. Поэтому мы завели обычай сушить нашу чайную заварку для тех, кто хотел курить, к большому удивлению местных жителей, которые свой табак смешивали с примерно таким же количеством коры или древесины. Наши большие трубки тоже вызвали у них удивление, так как их были очень маленькими и по форме напоминали японские курительные трубки, в чашечке

жилище ссыльных в сибире

¹ Зимовьялах («место, где [было] зимовье», якут.) — бывшее (существовало до 1930-х годов) селение на одноимённом острове напротив мыса Быковский, в 7½ километрах от него на ННО, через Быковскую протоку. — прим. перев.

которых помещался шарик табака размером с горошину. Покурив, мы улеглись, чтобы хорошенько выспаться, для этого дом затемнили досками с внутренней стороны окон со льдом вместо стекла. Некоторые из нас улеглись на лежанки, другие растянулись в своих спальных мешках на полу и вскоре все мирно захрапели. Однако те из нас, чьи конечности были обморожены, не находили покоя, ибо каждый удар сердца интенсивно и болезненно проталкивал кровь по нашей распухшей плоти. В сумерках мы все то ли проснулись сами, то ли были разбужены туземцами, готовившими нам ужин. Неизменный чай был передан по кругу, а миссис Чагра со своими подругами поставили вариться большой котёл с традиционными гусями, которые с древних времён верно служат туземцам, поставляя им на стол своё многочисленное потомство. Их забивают летом, когда они ещё не оперились после линьки, и подвешивают парами, связав головами, на шестах, на недоступной для собак и лис высоте. Поскольку их как не ощипывают, так и не потрошат, внутренние органы несчастных естественным образом опускаются вниз. Так они и замерзают, а когда их оттаивают для готовки, то обычно нет необходимости вскрывать их, так как все эти внутренности выпадают из птиц сами по себе — не очень приятное зрелище! Тем не менее гусиное мясо мы ели с удовольствием.

Перед тем как лечь спать, Николай взял несколько маленьких восковых свечей и расставил их перед иконами. Я говорю во множественном числе, потому что у него был ряд их на полочке в северо-западном углу дома. Это были изображения из латуни, квадратные, размером от одного до четырёх с половиной дюймов; некоторые были просто портретами отдельных святых, на других изображены группы из трёх и более фигур, а также медальоны, кресты с распятиями и без, и тому подобное. Всё это продают якутам православные священники. Хозяин дома зажёл свечи, и все туземцы, старые и молодые, с женщинами позади, подходя по очереди, совершили свои молитвы, очевидно, с некоторыми дополнениями по поводу нашего благополучия и безопасности. Служба состояла из разнообразных коленопреклонений, поклонов и крестных знамений, с длинными паузами между ними, во время которых они опускали глаза долу, как

будто в глубокой медитации, и время от времени безмолвно падали ниц, целовали пол и касались его лбом.

Когда всё закончилось, люди отступили, как бы пропуская нас вперёд, и, поклонившись, махнул нам рукой, приглашая на богослужение. Мне показалось, что он немного растерялся, что мы не приняли его приглашение, и поэтому я, чтобы не обидеть хозяина дома, попросил свою команду выполнить всё, что он просит. Джек Коул, чьё хорошее настроение всегда было искренним и несколько излишним, заорал во весь голос, как будто звал на палубу вахту: «Давайте, ребята, идите и помолитесь!».

После чего, сопровождаемый почти всей нашей командой, взял на себя инициативу в проведении совершенно оригинальной церемонии. Затем Николай погасил свечи, и мы легли; некоторые из нас, как и прежде, на рундуках по периметру комнаты, а остальные использовали пол в качестве общей кровати с местными, включая наших лоцманов и русского Ефима Копылова, который, по-видимому, уже присоединился к нам в качестве проводника, советника и друга. Очевидно, он считал себя намного выше туземцев, хотя временами зависел от них в еде, крове и одежде; тем не менее он, как это обычно делает белый человек, принял значительный вид, и туземцы были вынуждены подчиняться ему.

Описание хижины Николая Чагры, лучшей в деревне Зимовьялах, станет хорошим примером лучших постоянных жилищ такого рода, широко известных в дельте Лены и во всех районах Якутской области, как *балаганы* или *юрты*.

Основная или жилая часть здания имеет прямоугольную форму и построена из тёсаного дерева, размеры основания составляют примерно двадцать четыре на шестнадцать футов. Бревна ставятся торцом в землю без лежней, все четыре стороны наклонены внутрь примерно на десять градусов от перпендикуляра; или, если высота хижины внутри составляет, скажем, восемь футов, то отвес от верха стены укажет на полу примерно на два фута от стены. Брёвна аккуратно обтёсаны и выровнены до семи дюймов в ширину, толщина варьируется от семи до семнадцати дюймов, и уложены с удивительно малыми зазорами, если учесть примитивные инструменты тузем-

цев. Они состоят только из долота, острого топора с довольно короткой ручкой и изогнутого скобеля с двумя ручками; пила им неизвестна.

Горизонтальные балки укладываются поверх наклонных стен, и на них, в свою очередь, вдоль длинной стороны и посередине между передней и задней стенами кладётся балка толщиной семь дюймов и шириной двенадцать дюймов. Эту балку поддерживает столб в центре балагана, а что касается крыши, то она делается из такого же тёсаного бруса, как и стены. Она опирается на центральную балку спереди и сзади и, таким образом, придаёт крыше небольшой наклон в обе стороны. Все швы заделаны оленьим мхом. В торцевой стене проделана низкая дверь высотой три и шириной два фута, а всю постройку опоясывает земляная насыпь высотой примерно два фута, чтобы не пропускать холодный воздух. В стенах вырезаны по два квадратные окна размером восемнадцать дюймов, и иногда такое же окно делается на противоположной входу стене. Камин с дымоходом расположен посередине между центральной балкой крыши и дверью и обращён внутрь. Он сделан высотой шестнадцать-двадцать дюймов и шириной и глубиной четыре фута, в задней стенке находится дымоход, сплетённый из прутьев и жердей, он поддерживается двумя подкосами. Они также служат опорами для небольшой каминной полки и на них же держится деревянный крюк, на который туземцы вешают над огнём свои большие чайники. Дымоход и камин обмазаны глиной и со временем обжигаются до полного затвердения. Ящик вокруг камина заполнен землёй, его стенки либо скреплены между собой, либо, что бывает чаще, стенки поддерживаются восемью прочными кольями, вбитыми в землю.

В добротных, правильно построенных юртах пол покрыт досками, их делают из брёвен, раскалывая их деревянными клиньями. Внутри такое жилище устроено следующим образом: низкий ларь-рундук высотой примерно восемнадцать дюймов, проходит вдоль всех стен помещения, кроме той, в которой прорезана дверь. Он около двух с половиной футов в ширину и днём используется как скамейка, а ночью превращается в спальные места, отделённые друг от друга перегородками, обычно высотой в три-четыре фута, но иногда достига-

ющими потолка. У стены, противоположной двери, находятся две койки, а по обеим сторонам — по три, всего восемь спальных мест. Некоторые койки делаются шире или для двух спящих — тогда к ним добавляется доска на кожаных петлях, которая ночью поддерживается подпорками, а днём опускается. Расположение хижин по сторонам света не определяется каким-либо правилом, иногда они стоят задней стеной к преобладающему ветру; хотя часто эта разумная предосторожность не соблюдается. В одной и той же деревне все жилища могут быть расположены в разных направлениях. Однако спальные места в юртах распределяются между обитателями одинаково во всей Северо-Восточной Сибири. Если смотреть от двери, то дальний правый угол неизменно занимают хозяин и его жена; противоположный левый угол всегда отделён как гостевая комната, а над ним находится полка с иконами. Три спальных места, расположенные вдоль правой стороны, предназначены для ближайших родственников, женатые сыновья и их жены находятся рядом или рядом со своими родителями в зависимости от возраста или других условий. Слева места ближайших родственников начинаются от гостевой комнаты, начиная со старшей тёти или дяди и заканчивая у двери не родственником или воспитанником. Во всех хижинах есть небольшие промежутки в четыре-пять футов между последними рундуками с обеих сторон и стеной, в которой дверь. Справа в этом пространстве хранятся котелки, чайники и другая кухонная утварь; слева — небольшой запас сухих дров для растопки и плохой погоды. Перед камином на ремнях подвешена лёгкая полка из жердей и досочек, которая тянется поперёк всего помещения. На неё кладут замороженные продукты для оттаивания и рыбу для собак. Последнее практикуется всегда, когда есть возможность; собак в холодную или плохую погоду кормят горячей пищей. Узкие полки над рундуками для мелких украшений; шкатулка для хранения ценных вещей, таких как иголки и нитки; чайная чашка или какой-нибудь другой красивый предмет, а также несколько небольших, грубо сколоченных столов составляют остальное убранство жилища. Среди туземцев распространены пуховые подушки и постельное бельё из шкур, а матрас делается из двух, трёх или стольких оленьих шкур, сколько позволяет

достаток в доме. Почти в каждой хижине я видел одного-двух стариков или старух, которые занимали угол возле двери; эта «бабушка», как правило, слепая, всегда несчастная, бедная, оборванная и грязная, питается она теми немногими остатками пищи, которые находит в отбросах домашнего хозяйства. Я так и не смог узнать, был ли такой персонаж родителем хозяина или хозяйки, только замечал, что это всегда самый старый и бедный. И эти пожилые пенсионеры любого пола постоянно работают, слепые или нет, изготавливая и ремонтируя сети из конского волоса. Слепота, надо сказать — это болезнь, распространённая среди жителей всего этого региона. Доктор Капелло, главный хирург Якутского округа под командованием генерала Черняева¹, сообщил мне, что сорок процентов всех местных жителей к северу от Якутска полностью слепы, а шестьдесят процентов частично слепы или потеряли один глаз, и я не могу вспомнить, посещал ли я в этих местах какое-нибудь жилище, в которой хотя бы один обитатель не страдал каким-либо заболеванием глаз. Среди них в ужасной степени преобладает сифилис; и это из-за способа умывания туземцев, который заключается в том, что они набирают в рот воды, струйкой выпускают её в ладони и моют лицо, при этом инфекция из больных ртов попадает в глаза. Слепяще-яркий снег, грязь и дымная атмосфера жилищ — всё это порождает и усугубляет этот ужасный недуг.

Когда деревянная основа юрты построена, вокруг неё примерно в двух футах от стен в землю забивается сплошной ряд брёвен высотой три-четыре фута. Промежуток между стенами и брёвнами заполняется землёй и в течение лета утаптывается ногами; и, наконец, слой почвы и тундрового дёрна толщиной в фут укладывается на стены и крышу хижины, хорошо уплотняется и утаптывается. Балаган теперь готов; по форме он представляет собой усечённую пирамиду с прямоугольным основанием, а по внешнему виду — просто земляной холм, в котором на большом расстоянии узнать юрту можно только по дыму из трубы. Со стороны двери к юрте пристраивается внешнее помещение, обычно такой же ширины, но не такое высокое, и примерно вдвое или более короткое. Под прямым углом к нему находит-

¹ Георгий Фёдорович Черняев - генерал-майор, якутский губернатор (1876 – 1885). – *прим. перев.*

ся ещё меньшее и более хлипкое сооружение, достаточно, однако, прочное, чтобы выдерживать ветер и снег.

Эти три помещения являются постоянными и представляют собой собственно жилье, но с приближением зимы возводится ещё лёгкое временное строение из шестов. Его разбирают с приходом весны, и убирают до следующего сезона. Другое подобное сооружение — зимний домик для собак или сук с щенками, в котором их кормят из деревянного корытца. Эти два типа строений строятся только тогда, когда уже выпал снег, он набрасывается на них деревянными лопатами, а позже снегопад заполняет оставшиеся щели.

Первый внешний пристрой к юрте используется в качестве общей кладовой. В нём хранится всякая меховая одежда, рыболовные снасти, собачья упряжь и санное снаряжение, а также здесь оставляют свою верхнюю одежду гости. Он также служит летней верандой, иногда в нём хранится рыба и *тёша*¹, которую продают русским. Меньшая пристройка, вход в которую делается через дверь на петлях, используется в качестве склада провизии, в нём хранятся зимние запасы оленины, рыбы и гусей, а также меха, предназначенные для торговли. В эти помещения не проникает свет, разве что, возможно, через ледяное окно в потолке, которое всегда заморожено. В отличие от основной юрты, где окна застеклены полупрозрачным льдом, который заготавливают осенью на всю зиму. Сквозь него поступает достаточное количество света, хотя, конечно, детально через них ничего не рассмотришь. Тепло внутри помещения подтаивает такие окна, а каждое утро их чистят специальным железным инструментом, так как ночью, когда огонь в очаге гаснет, на внутренней поверхности ледяного стекла от дыхания спящих образуется слой инея. Я сам видел, как сорок человек спали в юрте, размеры которой были шестнадцать на двадцать четыре фута и семь футов в высоту. Дымоход на ночь всегда закрывается, чтобы предотвратить утечку тепла. Льдины медленно тают, пока, наконец, не наступает время заменить их свежим льдом. Остекление окон делается просто. Когда водоёмы с пресной водой замерзают на глубину шести дюймов, из них вырезаются плиты льда и переносятся на крыши домов, подальше от собак.

¹ Копчёные или солёные рыбные брюшки. — прим. перев.

Так что зимой, когда окно требует нового остекления, старый лёд выбивается изнутри, и на его место вставляется свежий кусок льда нужного размера; щели замазываются снаружи мокрым снегом, всё это немедленно замерзает, и ледяное «стекло» размером восемнадцать на восемнадцать дюймов и толщиной шесть дюймов, устанавливается, таким образом, за несколько минут. Перед тем как лечь спать, в оконных проёмах устанавливаются специальные доски, чтобы защитить лёд от тепла в помещении. Интересно наблюдать за постепенным разрушением льда от тёплого воздуха, которое определяется расположением камина, глубиной оконных ниш и положением коек.

Таково общее описание жилища Николая Чагры и, с некоторыми вариациями, и той хижины, в которой позднее мы провели тридцать дней после нашего непредвиденного возвращения в Зимовьялах.

Итак, возвращаемся к событиям тех дней. Мы проснулись на следующее утро (28 сентября) хорошо выспавшиеся, ободрились холодным умыванием и позавтракали варёной рыбой и традиционным чаем. День был ненастный, но я сказал Николаю, что мы должны немедленно отправиться в Булун. Он бурно протестовал, говоря, что плохая погода, снег и лёд, несомненно, приведут к нашей гибели. Выбравшись на улицу, я взглянул на погоду. Дул сильный ветер, по небу неслись тяжёлые облака, предвещая снежную бурю. Так что ничего не оставалось делать, кроме как ждать затишья, и оно наступило раньше, чем я ожидал. В десять часов солнце уже просвечивало сквозь облака, ветер стих до умеренного, и вскоре я усадил Николая и двух наших лоцманов в их лодки, а Ефима «Рыжего Чёрта» в наш вельбот. Николай выдал нам пять дюжин рыб, и, помимо того, положил кусок оленины в свою лодку, но, как он сказал мне, чтобы добраться до Булуна, потребуется пятнадцать дней, я возразил, что запаса рыбы недостаточно. Он показал на сети в трёх лодках, показывая, что мы будем ловить рыбу по пути, и я успокоился, вспомнив хорошие уловы старого Василия. Перед стартом я максимально облегчил вельбот, оставив Николаю одну палатку с шестами, пустой бочонок из-под спирта (перелив драгоценную жидкость в резиновые бутылки, которые мы первоначально использовали для воды и лимон-

ного сока), большой топор и некоторые другие предметы. Наконец, подождав, когда туземцы расцелуются на прощание с родственниками и поднесут пожертвования своим идолам, мы доковыляли до реки и заползли в вельбот. Лич, чьи ноги были обморожены хуже всех, попросил оставить его, уверяя, что ему лучше остаться в Зимовьялах, чем рисковать, отправляясь в путь. Он и Лаутербах потеряли всякое присутствие духа, а больше всего меня удивил внезапный переход Лича от его обычной жизнерадостности к унынию. Конечно, я не стал слушать его уговоры, и он с неохотой сел в лодку вместе с остальными.

Глава IX. Жизнь в сибирской деревне

Снова неудача — «Американский Балаган» — Ссора со старостой — Ловля рыбы — Охота на оленей и гусей.

После сердечных пожеланий доброго пути от жителей деревни и слёзных увещеваний миссис Чагра, мы отправились в путь — на вёслах и под парусом — во главе с лодками проводников. Вскоре мы встретили молодой лёд, плывущий плотными массами, ветер усилился так, что лодка стала почти неуправляемой. Наши лоцманы повернули, чтобы обогнуть мыс, и мы оказались прямо против ветра, что в нашем немощем состоянии было непростой проблемой. Лодка была загружена до предела и часто садилась на мель, несколько раз при сильном волнении мы едва не опрокинулись. Тут уже наши туземцы испугались надвигающегося льда и, видя, как быстро нам приходится вычерпывать воду и нашу неспособность продвигаться более вперёд, знаками показали нам поворачивать назад. Они уже покинули мелководье, вышли на фарватер и направились домой. Как бы я ни стремился добраться до Булуна, сейчас крайне важно было быть осторожным в своих действиях и не рисковать жизнями тех, кто был вверен моей заботе, ибо, если мы вмёрзнем в лёд между Зимовьялом и Булуном, большинство из нас погибнет от холода и голода, так как только двое-трое в отряде могли ходить, и даже их трудоспособность была весьма сомнительной. Кроме того, путешество-

вать самостоятельно, без туземцев, как мы убедились, было почти невозможно.

Итак, мы повернули назад и меньше чем через час снова были в деревне. Жители вышли поприветствовать нас, и, когда мы, наконец, вскарабкались на крутой берег, а лодка была разгружена, туземцы стали убеждать меня вытащить её на сушу. Сначала я отказывался это делать, всё ещё надеясь добраться до Булуна на лодке и опасаясь, что из-за неосторожного обращения они могут повредить её, так как она и так была в плачевном состоянии, всё щелястая и расшатанная. Тем не менее, поняв из их объяснений и энергичных пантомимы, что они боялись, что лёд и ветер унесут её в море, я, в конце концов, согласился, и последующие события подтвердили правильность их совета. Мы с Личом и Лаутербахом, из-за нашей немоги, сидели на саях, а когда всё закончилось, нас всех отвели в хижину некоего Гаврилы Пасхина, охотника на оленей, — временно, пока для нас не приведут в порядок одну пустующую хижину, в которую мы вскоре и переехали. И как раз во время переезда в это новое жилище, я, к своему большому огорчению, обнаружил, что Николай Чагра забрал себе сумку, в которой были шестьдесят рыб для нашего путешествия. И теперь в плане продовольствия мы стали зависимы от щедрости местных жителей.

Наш балаган, хотя и прохладный и с дымящим камином, был в приличном состоянии. Я распределил места для людей как можно более равномерно и установил такие правила нашей жизни, которые казались мне необходимыми для их здоровья и удобства. Из семи двухместных коек пять были заняты двумя мужчинами каждая. Даненхауэр и я спали поодиночке на оставшихся двух. С добавлением Рыжего Чёрта отряд насчитывал теперь двенадцать человек. Я определил людей на две ежедневные вахты для заготовки дров и воды или льда, которых на острове было в изобилии. О том, чтобы Лич выполнял какие-либо обязанности, не могло быть и речи, и я также отстранил от работ Даненхауэра и Ньюкомба, поскольку они ничего или почти ничего не могли делать, кроме необходимых упражнений. На кухне работали люди, которые лучше всего могли ходить и носить дрова: стюард Чарли Тонг Синг исполнял эти обязанности в

первую неделю, далее его сменили Мэнсон, Уилсон и другие. Я собрал команду и напомнил им об обстоятельствах, в которых мы оказались. Так как после долгого путешествия мы лишились почти всей одежды и теперь полностью зависели от туземцев и, поскольку мы, очевидно, останемся здесь на какое-то время, необходимость проявлять мудрость и вести себя мирно должны быть очевидны для всех. Также, после всех наших лишений, среди нас возникла опасность цинги и других болезней. Единственным способом бороться с этим было жить так, как мы жили на корабле — в добром и весёлом общении, в тепле и сухости, насколько это возможно, постоянно тренируясь, но не утомляя себя; а когда река замёрзнет, мы сразу же предпримем попытку связаться с Булуном.

Николай Чагра ежедневно приносил нам четыре рыбы общим весом около шестнадцати фунтов, и из них мы готовили «длинную» уху, то есть пожиже, чтобы надолго хватило. Я всё ещё придерживался своей старой привычки разливать содержимое котла по мискам поровну, чтобы было справедливо; хотя иногда было забавно видеть, как два человека хватают одну и ту же миску и тянут её каждый к себе, пока другой не уступит; или наблюдать за тем, как те, чей голод пересиливал гордость, глотая слюну, жадными глазами смотрели на миски в процессе наполнения, подбираясь всё время к той, которая казалось им самой большой, а при команде «Разбирай!» торжествуя хватали её. Ефим ел свою уху вместе с нами, и так мы вели сравнительно счастливую жизнь в нашем «Американском балагане». Кроме мелких размолвок, возникающих из-за споров, в которых, как правило, было больше слов, чем аргументов, между членами экипажа практически не возникало ссор. А их дискуссии обычно заканчивались взрывом хохота по поводу какой-нибудь удачной шутки одного из спорщиков.

Ефим учил нас русскому и якутскому и выступал в качестве переводчика. Мужчины в свободное время играли в самодельные шахматы или чинили свою одежду. В первую ночь в нашей новой хижине я составил письмо офицеру, командующему округом, в котором изложил обстоятельства, приведшие нас в Зимовьялах, и просил его переслать копию моего письма американскому послу в Санкт-Петербурге.

Копии были написаны на французском, немецком и шведском языках; в них приложены в качестве доказательства нашей личности несколько старых писем и конвертов, принадлежащих членам экипажа. Всё было упаковано в пакет и надёжно зашито в мешок из промасленной ткани, вырезанной из старой одежды. Мистер Даненхауэр и я пошли к старосте и убедили его в важности немедленной отправки посылки коменданту в Булуне. Он понял и пообещал отправить её как можно скорее, а чтобы побудить его к действию, посылка была зашита в его присутствии его женой. Затем он сказал нам, что бухту можно будет безопасно пересечь через десять или пятнадцать дней. Ночью выпал небольшой снег, а река, насколько хватало глаз, покрылась льдом, кроме середины фарватера и ещё в некоторых местах. Теперь я понял, почему туземцы так хотели, чтобы мы вытащили вельбот на берег. Я предполагал, что они боялись шторма, но это было из-за опасения, что лодка вмёрзнет, а затем шторм расколёт лёд и унесёт её в море.

Так что ничего другого теперь не оставалось делать, как дожидаться полного замерзания залива. Миссис Чагра накормила нас рыбой, и мы поплелись в нашу хижину.

В то время положение наше было очень неопределённым. Мы ещё не совсем изучили нравы туземцев, о которых известно и написано очень мало. На «Жаннетте» была записка о русском офицере, который в сопровождении своей жены и более тридцати казаков пытался перезимовать в устье Лены. У них было достаточно продовольствия и хорошие отношения с туземцами, но вместе со всей своей партией он умер от цинги¹. Каковы же тогда были перспективы для нас, чудом спасшихся, и которые теперь, совершенно измученные, травмированные и больные, жили на тухлых гусях и очень ограниченном рыбном рационе? Мы, конечно, могли бы прожить зиму в Зимовьялах, если чудесным образом избежим цинги, но я был уверен, что то-

¹ Речь идёт, очевидно, об отряде Василия Васильевича Прончищева (1702-1736) — морского офицера, исследователя Арктики. Этот отряд был частью Великой Северной экспедиции (1733-1743) под руководством В.Беринга. На самом деле никто в отряде не умирал, тем более от цинги, а от случайной травмы умер только сам Прончищев, а позднее по неизвестной причине — и его жена Татьяна. Но действительно, долгое время, до вскрытия могилы Прончищева в 1999 году, считалось, что он умер от цинги. — *прим. перев.*

гда среди нас либо разразится брюшной тиф, либо случится какое-нибудь отравление.

У нас было очень мало вещей, на которые мы могли бы обменять что-нибудь у туземцев, да и у них, на самом деле, почти ничего не было. Наша одежда изнашивалась до крайней степени, мы чинили её, пришивая заплату на заплате. Погружение наших распухших конечностей в тёплую воду оказалось приятным, хотя и временным облегчением от боли. И тем не менее, обморожение и язвы быстро заживали, опухоли спадали, мы набирались сил и здоровья — все, кроме Лича, с пальцев ног которого сошла плоть, обнажив кости. По-видимому, началась гангрена, и, если его раны не обрабатывались в течение дня, запах становился невыносимым. Бартлетт был его постоянным сиделкой; ежедневно кипятил чайник с водой, в которой промывал раны, и с помощью складного ножа мастерски срезал сгнившую плоть. Лич, казалось, был болен всем телом. Он совсем пал духом и стал ко всему равнодушен. Хотя в очаге постоянно горел яркий огонь, а он сидел к нему так близко, что одежда начинала тлеть, он всё жаловался на холод, а когда ему сказали, что он подпалил куртку, отвечал, что ему всё равно, он получит другую куртку. Судя по всему, ему стоило немалых усилий терпеть любезное внимание «доктора» Бартлетта.

Так проходили наши дни. Гуси, которых мы ели каждый день, были заготовлены летом во время гнездования и, как следствие, были необычайно худые и столь же жёсткие. Всё же, несмотря на это, можно считать, что наша еда была приемлемой. Как я уже упоминал, гуси помогают туземцам пережить трудные времена, которые случаются между уходом оленя и наступлением сезона рыбалки. Тогда их снова достают из хранилищ и употребляют в пищу, хотя вкус их оказывается не совсем приятным.

Ежедневной обязанностью Бартлетта было получать у Николая Чагры наш дневной рацион из четырёх гусей и четырёх рыб, и мы жили в хороших отношениях с нашими неприметными соседями, пока однажды утром, отправившись, как обычно, по своим обязанностям, Бартлетт не был удивлён, когда Чагра вручил ему три вместо четырёх рыб на завтрак. Конечно, он возразил, и тогда Чагра, после

долгих разговоров и жестикуляции, в гневе бросил попавшимся под руку полупротухшим гусём в Бартлетта, который вслед за этим, в хорошем американском стиле, бросился на тут же раскаявшегося старосту и погнался за ним по деревне. Так мы узнали о том, что рыбы, да и вообще любой пищи, в деревне было очень мало, и существовала опасность полного прекращения нашего снабжения. Ефим предостерегал нас от слишком щедрого обмена нашего небольшого запаса вещей на еду; но больше всего я боялся, что туземцы, будучи в своих привычках вполне кочевниками, могут, ничего нам не говоря, сложить свои чумы, как арабы, и так же тихо ускользнуть ночью, оставив нас наедине со своими проблемами. В конце концов, обмениваясь или нет, мы будем зависеть от них в провизии, и когда она закончится, они, конечно, не будут сидеть на месте, а двинутся куда-нибудь, может, поселятся у своих более удачливых соседей, предложив им свою помощь в ловле рыбы и починке сетей.

Тем временем Рыжий Чёрт продолжал обучать нас тайнам русского и якутского языков, с которыми мы теперь все более или менее познакомились. Инигуин, наш североамериканский индеец из Нортон-Саунда, вызвал у местных жителей неподдельный интерес и попал в ещё бóльшую милость, когда стало известно, что он тоже кочевник, как и они. Они называли себя тунгусами, и мы сообщили им, что Инигуин — это американский тунгус. Вскоре он стал посещать своих меднолицых братьев и сестёр, которые начали чинить его мокасины и одежду, и, наконец, стало известно, что Инигин нашёл себе возлюбленную, которую он, смущаясь, представил нам: «Он очень хороший маленький старушка».

Наши дни проходили в ежедневном посещении берега реки, чтобы проверить прочность льда; в беседах о том, о сём; в размышлениях о судьбе наших куттеров и сколько мы ещё задержимся в Зимовьялах. Некоторые из наших спускались на берег и смотрели, как туземцы вытаскивают сети, а, когда улов был хороший — пополняли наши скудные запасы... неважно, как.

И, говоря о рыбалке, я в нескольких словах отвечаю тем критикам бедняги Делонга, которые удивляются, почему «этот глупец не ловил рыбу, которой изобилуют реки»? Дело в том, что на самом деле он

пытался ловить рыбу, но единственным средством, которое у него было — крючком и лесками, которые я позднее нашёл и привёз в Соединённые Штаты. Но рыбу в реке Лена нельзя добыть в любое время года, а когда можно (в течение всего лишь нескольких месяцев), туземцы ловят её исключительно сетями, даже не подозревая, что такое крючок с леской. Очевидно, что для нас не могло быть и речи о том, чтобы обременять себя в походе сетями, и, следовательно, думающему читателю должно быть ясно, почему Делонг и его отряд не питались рыбой.

Рыболовный сезон в полной мере начинается здесь только в октябре, когда река покрывается льдом. Затем рыбье племя кочует, как ему и положено, вверх по рекам на нерест и затем спускается. Сети для их ловли делаются исключительно из белого конского волоса, потому белые гривы и хвосты составляют значительную часть товарных запасов торговцев. Туземцы предпочитают белый волос, так как рыба его не так хорошо видит в воде. Изготовление сетей — один из самых трудоёмких процессов, которые только можно представить. Им почти постоянно заняты женщины, старые и молодые, сети плетут и слепые родственники-приживальцы, и старые родители, сидящие дни напролёт у камина. Первый делом они берут пять, семь или девять волосков и связывают вместе у корней, предварительно намочив во рту — так на волосе легче завязать узел. После чего они скручиваются в пряди, а затем связываются в сеть, деревянная палочка при этом служит меркой для размера ячейки, но для продевания прядей не используется челнок или сетевязальная игла, как это принято у наших рыбаков. При этом в плетении сетей язык и зубы играют заметную роль. Сети, когда они закончены, имеют ячею размером от двух с половиной до трёх с половиной дюймов, от сажени до полутора в глубину и от пятнадцати до двадцати саженей в длину. Верхние верёвки сети удерживаются на плаву с помощью деревянных поплавков; а нижние снабжаются грузилами из плетёных из ивы колец диаметром шесть дюймов, в которых жгутами из камыша закреплены камни.

Когда сеть должна быть установлена подо льдом, поперёк течения делается ряд лунок, и под льдом от отверстия к отверстию протал-

кивается длинный шест, несущий с собой верёвку из конского волоса немного длиннее сети, длина которой, соответственно, на пару сажень меньше, чем расстояние между крайними лунками. Затем через эти лунки под лёд верёвкой протягивают сеть, пока она вся не окажется подо льдом. Концы верёвок крепятся к кольям, и сеть готова к лову рыбы. Промежуточным отверстиям теперь можно дать замёрзнуть, но крайние лунки необходимо держать свободными ото льда, чтобы вытаскивать сеть, что делается каждое утро и ночь, или, если рыба идёт в больших количествах, то и каждые несколько часов, независимо от того, как холодно или насколько сильный ветер. Чтобы разбивать лёд в лунках, используется железный ледоруб, насаженный на короткий шест, а разбитый лёд вылавливается из лунки и складывается в кучи овальным деревянным «дуршлагом» с рукояткой.

Местные жители здесь, как, впрочем, и по всему Сибирскому побережью, питаются дичью, свойственной определённому сезону. Весной они лежат в засаде в своих лодках под высоким берегом реки, и ждут прохода северных оленей, у которых есть любимые места переправ во время их ежегодных миграций на север. Стадо идёт по тундре, и, подойдя к реке, вожак смело направляется к противоположному берегу. Они идут вброд и плывут, ничего не подозревая, пока всё стадо не окажется далеко от берега, и в этот момент охотники всей своей «флотилией» вылетают из засады. В каждой лодке двое гребцов вооружены копьями и дротиками, которые они держат наготове в специальных рогулинах из оленьих рогов. Когда охотники с криками и воплями бросаются в гущу стада, олени впадают в панику и, потеряв своего вожака, бросаются во все стороны. Несмотря на то, что они отличные пловцы, бедные животные, которые могут нестись, как ветер, по гладкой тундре, сейчас находятся в самом невыгодном положении, а туземцы находятся в своей наиболее благоприятной стихии и, проворно работая вёслами, несутся от одной жертвы к другой, производя быстрое опустошение среди стада смертельными ударами своих копий. Бойня продолжается, пока хоть один живой олень находится в воде, и, когда и его не останется, плавающие туши буксируются к берегу, где все женщины и дети, какие есть

под рукой, помогают в свеживании туш и заготовке мяса. Те животные, которые избежали ран, выбираются на противоположный берег и бегут дальше, а раненых преследуют молодые охотники, а иногда и собаки.

Осенью, когда стада мигрируют на юг, забой повторяется, и таким образом проходят два охотничьих сезона, в течение которых туземцы сравнительно хорошо питаются; в то время как летом и зимой они полагаются на рыбу и гусей. Этих последних иногда убивают из лука. Другой способ охоты на них состоит в том, что на месте, часто посещаемое гусями расставляют петли из конского волоса. Они крепятся к коротким гибким удилищам на манер рыболовных удочек, воткнутым в землю, а петли находятся так близко друг к другу, что дичь не может пробраться сквозь них, не попавшись. Когда гуси садятся на землю, чтобы покормиться, туземный мальчик или женщина идут к ним, они постепенно отступают в силки, и петли затягиваются на их шеях, пока вся стая не пройдёт через линию ловушек или не будет испугнута трепещущими крыльями попавшихся, которых туземцы потом убивают тяжёлыми палками. Во время гнездования также в больших количествах собираются яйца. Они закапываются в землю до зимы; состояние их созревания, как бы далеко оно ни продвинулось, мало что значит для непритязательного вкуса туземца, который, по сути, употребляет любые яйца и не только свежие. И хотя, когда он ест их сырыми, присутствие птенца в скорлупе, кажется, несколько его не беспокоит, я всё же заметил, что, когда он жарит яйца, то тщательно выбирает молодые перья из сковороды. Ефим иногда снабжал нас этими яйцами, которые мы жарили в привычном американском стиле — без перьев. Сначала в хижине была небольшая дискуссия о целесообразности использования перезрелых яиц, но в конце концов я решил жарить их все вместе, и бедные маленькие гусята терялись в общей свалке.

Глава X. Кузьма спешит за помощью

Инциденты в нашем балагане — Кузьма — Коварный Спиридон.

Среди прожектов, которые мы тогда обсуждали, многие были посвящены тому, как побыстрее добраться из Зимовьяелаха в Булун. Правда, у нас не было ни еды, ни одежды, ни саней, ни проводника, а расстояние составляло двести восемьдесят вёрст — через залив, через горный хребет и вдоль забитой торосами, но всё ещё не полностью замёрзшей реки Лены. Приятно было сидеть и слушать многочисленные и разнообразные планы, предлагаемые для нашего спасения всеми и каждым; и я даже подумал, что смогу почерпнуть из них какой-нибудь мудрости. Но во всех схемах было слишком много «если». «Если бы у нас было...», «если бы мы могли...».

Тем не менее, за исключением небольшой трудности, возникшей из-за торговых привычек одного из моих спутников, дни наши в деревне проходили достаточно хорошо. Мы починили нашу одежду и поправили здоровье, наши конечности быстро заживали, отношения с нашими соседями были хорошие. В упомянутом затруднении наш торговец-янки был не так опытен, как русский купец, и пожелал отступить после того, как сделка была уже частично выполнена. Дело было передано мне, и, обдумав его, я решил, что сделка есть сделка, даже если в проигрыше окажется один из моих людей, и, несмотря на то, что он утверждал, что в дополнение к выгоде купца, он не взял с него плату за лечение последнего от сильной простуды с помощью гомеопатических средств из личных запасов. За исключением этого, а также одного доказанного обвинения, выдвинутого против одного из наших в том, что он украл и съел из нашего скудного запаса оленины, между нами не было ни споров, ни неприязни — кроме обычной матросской грызни, которая ничем особым не заканчивалась. Я должен отметить только одно исключение в случае с Уилсоном, который, временно исполняя обязанности повара, однажды повесил над своей койкой гусей, чтобы они могли за ночь оттаять и к утру быть готовыми, чтобы их ощипали, выпотрошили и приготовили на завтрак. Они оттаяли, это правда, но слишком, и внутренности их

выпали прямо на Лича, который спал рядом с Уилсоном. И всё же даже этот инцидент был дружески сглажен кем-то, кто сказал, что Личу не следует ругаться, так как он получил больше положенной порции гуся, а если ему это не нравится, он может запихать её обратно.

Однажды днём, когда мы все ждали, когда замёрзнет залив, и гадали, что принесёт этот день, в балаган неожиданно ворвался наш Рыжий Чёрт и очень церемонно представил своего друга Кузьму Гермаева, русского солдата. Это был живой, умный с виду мужчина, и я сразу же понадеялся на него гораздо больше, чем на кого-либо из тех, кого мы встречали до этого. Я рассказал ему, кто мы такие, что Ефим наверняка уже сделал и пожаловался ему, что туземцы нас обманывают, что Николай Чагра кормит нас гнилыми гусями, от которых, как я опасался, мы заболеем и умрём, что мы военнослужащие Америки и что генерал Черняев, якутский губернатор, наверняка накажет любого из своих людей, кто позволит нам пострадать от отсутствия у нас чего-то жизненно необходимого. И, наконец, я сказал, что, если он, Кузьма, доберётся до Булуна с моими письмами и доставит нам еду, одежду и оленьи упряжки, я отдам ему вельбот и заплачу пятьсот рублей, при условии, однако, что он отправится немедленно.

Это невозможно, сказал он. Залив местами ещё не замёрз, и, хотя ему удалось пересечь его с материка, это было очень опасно. Он был мелким торговцем и пошёл на риск, чтобы поторговать с туземцами. Хотя у него было немного провизии, он обещал, что пришлёт нам всё, что сможет, и, отдав мне соль, которая была при нём, заверил меня, что через четыре дня, в четверг, придёт снова. Он предложил мне купить для еды оленя — у друга в его деревне, который принял бы моё обещание заплатить, а мистер Даненхауэр, в свою очередь, взялся сопровождать Кузьму и помочь ему в покупке и перевозке провизии. Я благословил их на его отъезд с обещанием вернуться как можно скорее.

Когда они отправились в путь, была уже ночь, а на следующее утро Даненхауэр вернулся, привезя с собой немного листового табака, сахара, пять фунтов соли, около пяти фунтов ржаной муки и разделанную тушу молодого оленя весом около девяноста фунтов. Оленина была для нас большой роскошью, но гораздо большей, чем она, была

соль, вкус которой мы не знали уже несколько недель. Мы взяли с корабля соль, но её было всего четыре фунта, и она быстро исчезла в желудках тридцати трёх человек, хотя мы экономно использовали её только для мяса медведей, тюленей и моржей. Когда соль кончилась, мы ей нашли замену в виде солёной воды, но, если её добавлять в тушёное мясо слишком много или на ранней стадии приготовления, то это сделает пищу малопригодной для еды из-за присутствия горьких и слабительных солей в морской воде, которые при промышленном производстве соли удаляются. Солёную воду, к тому же, нельзя добыть в Зимовьялах, который расположен на берегу пресноводного лимана между устьем Лены и островами. Поэтому в дельте соль стоит рубль за фунт, и туземцы используют её так же экономно, как наши хозяйки — кайенский перец; щепотка соли в день здесь достаточна для семьи из десяти человек — если, конечно, им вообще посчастливится иметь её каждый месяц.

Благодаря этим свежим припасам и запасу рыбы наши перспективы начали проясняться, и ожидаемый приезд Кузьмы, чтобы окончательно подготовиться к поездке в Булун, теперь был темой наших ежечасных и почти постоянных разговоров. Возник вопрос, не было бы целесообразно послать одного из членов отряда вместе с Кузьмой, чтобы облегчить дело и расшевелить российских чиновников, которые, как класс, являются самыми отъявленными волокитчиками. Бартлетт, которому я полностью доверял во всём, попросил разрешения поехать, и я был склонен удовлетворить его просьбу, но мистер Даненхауэр возразил, что это было бы обидно для него, и я отложил своё решение. Я был в затруднительном положении. Капитан Делонг приказал мне не позволять мистеру Даненхауэру выполнять какие-либо обязанности, и, хотя теперь я был независим от Делонга, всё же я не чувствовал себя вправе нарушать его приказы, поскольку было вероятно, что по прибытии в Булун я мог бы найти там его или Чиппа, хотя общее мнение было, что оба погибли во время шторма.

Наконец настал долгожданный день, а с ним, как и обещал, явился Кузьма. Я снова прошёлся по пунктам нашего соглашения и призвал его поторопиться с отъездом. Он заверил меня, что сможет совершить путешествие в Булун и обратно за пять дней. Затем, когда я

спросил, может ли он взять с собой нашего курьера, его ответ был краток и убедителен. Нет, он не мог. Почему? У него было всего семь собак, и ему пришлось бы взять ещё, так как один человек со своим снаряжением и собачьим кормом весил четыреста фунтов, а добавление ещё одного человека с экипировкой увеличило бы груз до восьмисот фунтов. Кроме того, ему нужно идти быстро, а пассажир требует заботы и внимания; если бы это был помощник — тогда другое дело, а так это будет только обузой. Так что один он может дойти и вернуться через пять дней, а в противном случае — нет. И это решило вопрос.

Я давно подготовил депеши посланнику Соединённых Штатов в Санкт-Петербурге и министру ВМФ; но так как я ожидал уже скоро связаться с российскими властями, то не счёл разумным отправлять их сейчас; поскольку с тех пор, как я написал их, наше положение существенно улучшилось, и у меня не было желания тревожить весь мир новостями, в которых я не был полностью уверен; поэтому я воздержался от телеграфирования информации о судьбе Делонга, пока я не увижу его мёртвое тело. Как покажет будущее, эта задержка с отправкой депеш не повлияла на окончательный результат, за исключением отсрочки прибытия в Соединённые Штаты новостей о нашей высадке в дельте Лены.

14 октября Кузьма покинул Зимовьялах, пообещав вернуться через пять дней. Сдержит ли он своё слово? К тому времени я уже понял, что обман не считается большим грехом ни у туземцев, ни у русских крестьян; напротив, если он сделан умно, то скорее рассматривается как достоинство. В течение всего моего пребывания в Сибири я обнаружил, что обман практикуется повсеместно, как в самых повседневных, так и в самых исключительных обстоятельствах. Сразу же после того, как Кузьма отбыл в Тумус¹, его место жительства, Даненхауэр вдруг напомнил мне, что я забыл попросить его рассказывать всем по дороге о потере двух других отрядов экспедиции и предложить от моего имени вознаграждение в тысячу рублей любому, кто

¹ «Тумус» — по-якутски означает «мыс». Ближайший (по крайней мере в одном дне пути) к Зимовьялаху мыс — это Быков мыс, который в то время назывался по-якутски Хара-Тумус (т.е. «Чёрный Мыс»). На старых картах поселение Тумус (Tamoose) обозначено на узком перешейке между заливом Неёлова и губой Буор-Хая. — *прим. перев.*

предоставит мне информацию об их местонахождении. Чтобы исправить это упущение, я послал Даненхауэра, по его собственной просьбе, в Тумус. Он вернулся на следующий день и сообщил мне, что Николай Чагра, наш староста, будет сопровождать Кузьму до Булуна. Поначалу это было для меня очень неожиданным и тревожным известием, и я заподозрил, что это не что иное, как какая-то сделка между ними, рассчитанная на то, чтобы помешать моим планам; но спустя некоторое время узнал, что Кузьме, который был уголовным ссыльным, под страхом наказания было запрещено посещать Булун без сопровождения старосты. Они выехали, как мне сказали, 16-го числа, а мы остались с нетерпением считать дни их отсутствия.

Когда мистер Даненхауэр был в Тумусе, Кузьма и местные жители сказали ему, что мыс Баркин находится всего в сорока верстах к северо-востоку от нас, — ужасная неправда, расстояние по прямой составляет около ста десяти вёрст¹. Однако мистеру Даненхауэру не терпелось отправиться туда на поиски, и я неохотно разрешил ему ехать, но предупредил, чтобы он не пересекал открытую воду или разбитый лёд, и не подвергал себя любой опасности, чтобы не задержать нас после возвращения Кузьмы, что мы ожидали через четыре дня. До этого он съездил в Тумус и обратно в компании со Спиридоном, злодейского вида тунгусом, которого мы встретили в заброшенной деревне Ары, и о котором у всех нас сложилось неблагоприятное мнение. Но теперь, к моему великому удивлению, мистер Даненхауэр заявил, что считает его самым превосходным погонщиком собак и что он «может делать с ним всё, что заблагорассудится».

Итак, когда всё было готово, Даненхауэр и Спиридон отправились в Тумус, чтобы оставить там несколько фунтов чая и табака, которые Спиридон получил авансом за аренду себя и собак. А затем этот пройдоха отвёз нашего недоумевающего товарища в свою хижину в Ары, где они поужинали и легли спать, а когда наутро мистер Даненхауэр потребовал от него, чтобы они немедленно отправились на мыс Баркин, этот хитрец превратился в невозмутимого, как камень, сфинкса. И никакие угрозы и уговоры не могли сдвинуть его с места.

¹ Мельвилль весьма точен в указанном расстоянии, но не совсем — в направлении. На самом деле от Зимовьялаха до Баркин-Стана по прямой 107 вёрст строго на север. — *прим. перев.*

Ещё недавно преданный и надёжный, готовый пойти куда угодно и сделать всё, что приказали, теперь, когда ему заплатили, даже отказался вернуть своего хозяина в наш «Американский балаган». Со временем, конечно же, наш незадачливый товарищ добрался до дома и с горестным лицом Дон Кихота Ламанчского поведал нам скорбную историю о двуличии Спиридона, бесславной потере чая и табака и последующем позорном поражении «первого организованного поиска» наших потерянных товарищей, — и сначала улыбка прокралась по хижине, затем хихиканье и, наконец, громкий хохот, когда «верный друг» был обличён, в конце концов, как «бесчестный пират».

Тем не менее, добрый и честный Василий Кулгах был готов со своей собачьей упряжкой вернуть потерянное время нашему скорбному несостоявшемуся герою. Конечно, теперь надо было достать ещё чая и табака для старого Василия; поэтому они поехали, переночевали в хижине Кузьмы, а на следующее утро отправились на остров Муостах¹. Последующий отчёт мистера Даненхауэра об этой поездке заключался в том, что они, к его большому недоумению, поехали на юго-восток, а не на север или северо-восток, в каком направлении, как мы все знали, находится мыс Баркин. Они прошли так около сорока вёрст и увидели большой остров, достичь который им помешал ненадёжный лёд; затем они переночевали в какой-то хижине, на следующий день несколько раз попытались перейти по небезопасному льду к острову и, потерпев неудачу, быстро вернулись в Зимовьялах в объятия своих друзей.

Миссис Кузьма дважды заходила к нам, принося в подарок чай и табак. Последний она раздавала по листу, всем поровну; потом делила с нами трапезу — пила чай и ела рыбу. Позже она прислала нам несколько ржанных лепёшек, поджаренных на рыбьем жире; но мука была очень дорогая, и она могла позволить себе только две-три штуки, весом около двух унций каждая. Несколько фунтов муки, которые дал нам Кузьма, я приберёг и понемногу добавлял в уху в качестве загустителя. Кстати, о Кузьме: пять дней, назначенных для его возвращения, уже прошли, а Кузьмы всё ещё не было, и мы уже начина-

¹ Остров в заливе Буор-Хая на юго-восток от полуострова Быковский. От его юго-восточного мыса Муостах до острова Муостах расстояние 16 км. — *прим. перев.*

ли терять терпение. Мы снова и снова обсуждали ситуацию, серьёзно рассматривая возможность совершить переход в Булун. Американский Балаган был похож теперь на древнегреческий симпозиум, где царила абсолютная свобода слова, и я вмешивался только для того, чтобы остановить излишнее веселье или предотвратить развитие ссор. Мы пристрастились к пению, некоторые мужчины играли в занимательные игры, а Бартлетт однажды поджарил над огнём кусок оленины в качестве лакомства. Это было вкусно, но не так практично, как наши обычные супы, животворящей влаги которых нам так не хватало.

Глава XI. Двигаемся дальше

Возвращение Кузьмы — Ниндемани и Норос — Я отправляюсь в Булун — Сибирские собачьи упряжки — Шторм — Кумах-Сурт.

Мы уже ежечасно лазили на крышу нашего балагана и тревожно вглядывались вдаль — где там наш Кузьма?! Соседи-туземцы стали чаще навещать нас, иногда приносили рыбу или привозили на собачьих упряжках дрова. Мы все чувствовали себя хорошо, за исключением Лича, у которого большой палец на ноге продолжал чернеть и гноиться, несмотря на постоянную заботу «доктора» Бартлетта, прилагающего все усилия, чтобы спасти его, с хирургическим оснащением, состоящим из горячей воды, складного ножа и глазной мази мистера Даненхауэра.

Однажды к нам пришла миссис Кузьма и сообщила, что в Булуне погиб какой-то чиновник, что, вероятно, и стало причиной задержки её мужа. Но по ней было видно, что она соврала, хотя впоследствии, где-то дней через пять, я узнал, что там действительно умер некий служащий. Тем временем установилась холодная погода, дул пронизывающий ветер со снегом, о которого не спасала наша рваная одежда. Но бездействие, как известно, хуже смерти; и я почти поддался соблазнительным доводам своих людей, некоторые из которых, во главе с Бартлеттом, вызвались тащить Лича на санях вместе с провизией, если бы я только отдал приказ трогаться. И всё же, взглянув на

свою полураздетую команду, всё ещё не отошедшую от обморожений, полученных несколько недель назад, и прислушавшись к воющему ветру снаружи, я осознал, что было бы верхом безрассудства решиться на такое предприятие. Но в то же время, теперь у нас было много рыбы, и с подходящим проводником мы могли бы дойти до Булуна! И вот, подгоняемый собственным нетерпением из-за невыносимой задержки Кузьмы и нашего вынужденного безделья, в то время как наши товарищи, возможно, умирают без нашей помощи, я наконец объявил, что мы загрузим одни сани рыбой, на другие положим Лича и с местным проводником отправимся в Булун. Но кто будет проводником? Как только я распорядился об отправке, мне тут же возразил уже мистер Даненхауэр, который сказал, что это безумие пытаться идти в путь, в котором половина людей точно погибнет, если вообще кто-нибудь сможет в нашем состоянии пережить это путешествие. Бартлетт, который никогда не терял рассудка и, казалось, был готов ко всему, уговаривал попробовать; но, ещё раз взглянув на нас, нашу убогую изодранную одежду, искалеченные конечности, я окончательно и твёрдо решил, что риск слишком велик и не оправдан. Незачем подвергаться такой опасности и снова испытывать страдания. Тем более, что наш посланник Кузьма может появиться в любой момент. Да, пять дней, отведённых на его поездку, уже прошли, но мы можем подождать ещё столько же. Так что моё предложение сыграть в псевдогероизм и пройти с отрядом двести восемьдесят вёрст закончилось, к счастью, ничем.

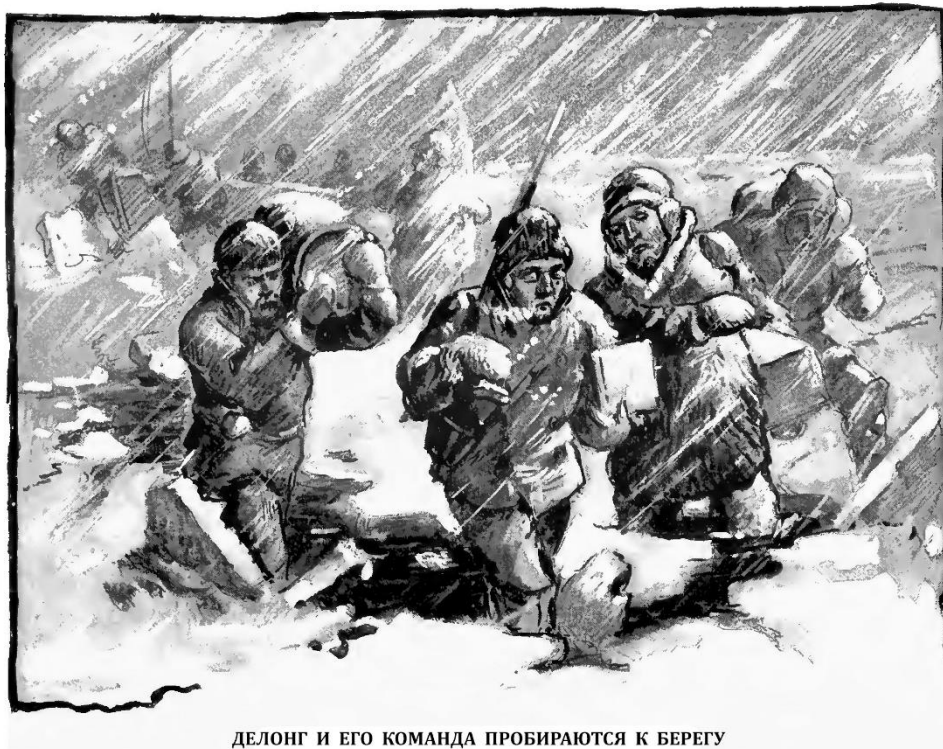
Днём 29 октября, на тринадцатый день после отъезда Кузьмы, на льду залива была замечена пара саней. Все мгновенно вывалились из балагана встречать нашего долгожданного курьера. Никогда ещё никакого самого дорогого гостя не встречали так искренне и радостно, как Кузьму с Николаем. Когда утихли положенные по случаю приветствия, сани разгружены, а чайник поставлен на огонь, Кузьму засыпали вопросами о причине его задержки. Он путанно объяснял, что на Лена вскрылся лёд, бессвязно рассказывал ещё какую-то историю о двух встреченных оленьих упряжках с туземцами и двумя американцами, обмороженными и едва живыми от голода, и которые, в свою очередь, говорили о смерти каких-то своих товарищей.

Всё это и многое другое Кузьма рассказывал на сумбурной смеси русского, якутского и тунгусского языков, когда, внезапно вспомнив о чём-то, он полез за пазуху и вытащил два конверта и сложенный листок бумаги, которые он передал мне, объяснив, что одно письмо было от булунского казачьего командира, а другое от «маленький поп», то есть от молодого священника. Но главной ценностью оказался грязный, смятый клочок бумаги, который, когда я развернул и прочитал его, просто потряс всех нас:

Арктический пароход «Жаннетта» утонул 11 июня; высадились на берег Сибири примерно 25 сентября; нужна помощь, чтобы отправиться за Капитаном и Доктором и (9) другими людьми.

Уильям Ф.К. Ниндемманн, Луис П. Норос, моряки ВМФ США

Отвечайте немедленно: нужна еда и одежда.

ДЕЛОНГ И ЕГО КОМАНДА ПРОБИРАЮТСЯ К БЕРЕГУ

Снова расспросив Кузьму, я узнал, что Ниндемманн и Норос направлялись в Булун, что их нашли в хижине в местности Булкур¹, у первого изгиба реки на запад, в двадцати милях к югу от деревни Тит-Ары², что они были очень больны, сильно страдали от голода и холода, и что он, Кузьма, понял, что многие из их товарищей погибли. Но,

¹ Местность в устье реки Булкур – левого притока Лены, недалеко от южной оконечности острова Тит-Ары. – прим. перев.

² Тит-Ары – деревня на восточном берегу острова Тит-Ары недалеко от дельты Лены (71°59'18" с.ш. 127°05'28" в.д.). В настоящее время – небольшой летний рыбацкий посёлок. – прим. перев.

сверившись с запиской, я увидел, что не хватает только одного человека, так как там было написано: «Капитан и Доктор и (9) других людей», число девять было выделено скобками. Поэтому у нас сразу возник вопрос: кто мог быть тем несчастным? Никто тогда не догадался, что это был Эриксен, рыбак с Северного моря и один из лучших людей в экипаже корабля. Датчанин, конечно же, измотал себя и отморозил ноги во время шторма из-за слишком большого напряжения сил, когда было небезопасно поручать кому-нибудь ещё управление лодкой.

Пока все гадали, кем мог быть пропавший человек, упомянутый в записке, я решил, что правильнее всего было бы немедленно встретиться с Ниндеманом и узнать местонахождение Делонга и его спутников; поэтому я сказал Кузьме, что он должен немедленно снова погрузить в сани небольшой запас еды и отвезти меня в Булун. Он возразил, что это невозможно. Дело было в собаках: они бежали несколько дней подряд, изранили лапы и не могли снова отправиться в путь, пока их не накормят и не дадут отдохнуть. Но мне не терпелось, и я настоял, чтобы он немедленно отправился сам или послал кого-нибудь в Ары, в десяти верстах к северу, за свежей упряжкой собак, чтобы мы могли отправиться в ту же ночь или на следующее утро. Поэтому туда был немедленно отправлен гонец, а мы продолжили перекрёстный допрос Кузьмы.

Он рассказал, как они со старостой пересекли горный хребет на восточном берегу Лены и обнаружили, что лёд на реке вскрылся. Лдины громоздились огромными массами, образуя заторы, вода затопила берега, и, поскольку их путь лежал вдоль реки и по льду, то они уже думали повернуть назад из-за нехватки провизии, но всё же дождались в поварне, пока лёд снова покроет реку, и тогда им удалось пробраться по краю берега под крутыми горами, которые возвышаются над рекой в этом месте.

Особенностью местных рек является то, что их воды в основном образуются в результате таяния снегов в июне и июле, когда, например, Лена, выходя из берегов, растекается в иных местах на ширину

шестидесяти миль и более¹. К концу лета объем воды уменьшается, и в течение августа уровень воды быстро падает, а в сентябре прекращается всякое таяние и начинает формироваться первый лёд; уровень воды, которая держит лёд на своей поверхности, продолжает падать из-за прекращения таяния на юге, и огромный ледяной покров, который более не поддерживается водой, оседает, ломается и уносится течением. Плывущий лёд образует заторы, река позади них поднимается, сносит их и гонит лёд перед собой, чтобы снова замёрзнуть и затем снова сбросить свои ледяные оковы. Это продолжается до поздней осени, пока уровень воды не уменьшится до минимума. Тогда река успокаивается, находит себе путь подо льдом и тихо продолжает своё течение к морю. Такова была причина задержки Кузьмы по дороге до Булуна.

Но по прибытии туда казачий командир Баишев² разрешил ему задержаться и отдохнуть только одну ночь и затем поторопил его вернуться в Зимовьялах с небольшим грузом провизии и письмом от него и священника, а также устным сообщением о том, что он, Баишев, прибудет в Зимовьялах послезавтра и привезёт еду, одежду и оленей достаточно, чтобы доставить всю нашу команду в Булун.

Какой-то недоброжелательный распространил сообщение о том, что задержка Кузьмы случилась оттого, что он в пути напился; но я рад сообщить, что это не было ни утверждением самого Баишева, ни заключением официального расследования, проведённого по моей просьбе Ипатьевым³, исправником округа. Оно показало, что между деревней Кузьмы и Булуном нельзя было найти ни капли спиртного; что Баишев разрешил Кузьме остаться в Булуне только на одну ночь; и поскольку он последовал за ним на следующий день на оленьих упряжках, а Кузьма прибыл в Зимовьялах днём раньше, сообщение это, следовательно, было подлой клеветой и имело свой источник в

¹ Так в оригинальном тексте – sixty miles, т.е. больше 100 километров! Мельвилль явно преувеличивает или просто ошибается – речь может идти в крайнем случае о двух-трёх десятках километров (с островами!) в самых широких местах. – *прим. перев.*

² Григорий Н. Баишев – пятидесятник, надзиратель Жиганского улуса. В конце 1881 года за участие в поисках и спасении экипажа «Жаннетты» ему была объявлена «сердечная благодарность» от губернатора Якутской области. – *прим. перев.*

³ Харлампий Назарович Ипатьев – в то время помощник верхоянского окружного исправника. За участие в поисках и спасении экипажа «Жаннетты» был награждён золотыми часами и серебряной медалью от правительства США. – *прим. перев.*

тех низменных проявлениях человеческой натуры, которые у некоторых людей превалируют и являются неуправляемыми — эти люди, живущие среди нас, обманывают, унижают, очерняют и оскорбляют тех из своих собратьев, которые искренне пытаются выполнять свой долг и стараются быть лучше.

Кузьма действительно уехал и вернулся так быстро, как это было возможно в то время года, и, кстати, помните, что в этих краях нет никаких дорог. Состояние маршрута здесь меняется в течение всего года, и только те, кто имеет опыт путешествий, могут найти в этих местах правильный путь без компаса, ориентируясь по горным вершинам и снежным застругам от господствующих ветров. Кузьма и все местные жители, заинтересованные в том, чтобы снабжать нас продовольствием и проводниками, были, по приказу генерала Черняева, тщательно опрошены в моем присутствии Ипатьевым, и было сделано единственное верное заключение, что все они сделали всё, что было в их силах, для нашего здоровья, удобства и безопасности; что Кузьма доставил сообщения из Зимовьялаха в Булун как можно быстро (он, на самом деле, был первым человеком, пересёкшим эту местность в это время года, с большим риском и самопожертвованием), и что его преданность и усилия, безусловно, заслуживают чего-то лучшего, чем подозрения и клевета. Интересно, однако, что самая беспощадная и бессмысленная критика делалась теми, кто находился за 10 000 миль от мест событий, людьми, которые, несомненно, сочли бы самым ужасным испытанием в своей жизни, если бы им пришлось завтракать раньше десяти часов утра.

Я не смог выехать из Зимовьялаха в ночь возвращения Кузьмы, но всё было готово к отъезду на следующий день. Ранним ясным утром 30 октября прибыл Василий Кулгах с прекрасной собачьей упряжкой. Правда, сани его были слишком старыми для столь долгого путешествия, но мы рассчитывали по дороге приобрести новые. Перед отъездом я дал мистеру Даненхауэру устные распоряжения, которые впоследствии, когда бумаги у меня стало больше, я изложил письменно, в которых я дал ему указание немедленно по прибытии Баишева с оленьими упряжками и одеждой отправиться в Булун и ожидать там моего прибытия. Я сообщил ему, что рассчитываю перехва-

тить Баишева по дороге и повернуть его назад, чтобы он сопровождал меня в поисках пропавшей команда первого куттера, но, если этого не случится, я поспешу в Булун с целью поскорее узнать у Ниндеманна подробности об отряде Делонга и, следовательно, прибытие Баишева в Зимовьялах будет означать, что мы не встретились.

Я взял с собой остатки одежды, которые остались у меня ещё с корабля; состояли он из остатков нижней рубашки и кальсон, которые служили мне верой и правдой с июня месяца, пары тонких шерстяных штанов, которые я не только не снимал с себя в течение нескольких месяцев после того, как покинул корабль, но и носил ещё во время моего путешествия по Китаю задолго до того, как поднялся на борт «Жаннетты» и штанины которых были отрезаны ниже колен на материал для заплат на более важные места; дырявые чулки, мокасины из тюленьей кожи, голубая фланелевая рубашка, которую я носил целый год, и моё старое дырявое пальто из тюленьей кожи, севшее, потёртое и без подкладки. меховая шапка и пара брезентовых рукавиц завершали мой костюм. Я также взял с собой свой старый верный спальный мешок — в дороге я натяну его на ноги, чтобы они не мёрзли. Со всем этим, а также с небольшим запасом из пяти фунтов хлеба, чая, фунтом пеммикана, который я припрятал как раз на такой крайний случай, и кучей замороженной рыбы мы, наконец, отправились в Булун. Температура была где-то между десятью и двадцатью градусами ниже нуля (по Фаренгейту)¹.

До жилища Кузьмы в Тумусе было всего несколько миль через залив. Здесь мы приобретём новые сани, которые должны выдержать тяжёлое путешествие по горам и речным торосам. Прибыв в Тумус, мы сразу же занялись этим, и тут я с удивлением узнал, что новые сани ещё нужно будет построить, то есть на эти «новые» сани нужно будет поставить новые полозья и стойки. Ничего не поделаешь — старые наши сани были бесполезны, так что придётся делать новые, и немедленно. Мне, по крайней мере, было интересно наблюдать, как наш новый транспорт обретает форму прямо на моих глазах, это делалось так ловко и со знанием дела, что ещё до вечера мы были полностью готовы к путешествию.

¹ От -23° до -29° по Цельсию. — прим. перев.

Это было 30 октября 1881 года. В этот день, примерно в ста милях от Тумуса, печально решилась судьба Делонга и его товарищей; а пять месяцев спустя я нашёл их тела, открыл последнюю написанную страницу записной книжки Делонга — его «ледяного дневника», как его теперь называют, и прочитал последнюю горестную запись написанную, очевидно, утром: «30 октября, воскресенье. — Сто сороковой день. Бойд и Герц умерли ночью, мистер Коллинз умирает...». Таким образом, в конце дня, когда я загружал свои сани в Тумусе, закрылись глаза и закончился земной путь капитана и его доблестных людей, до конца боровшихся с Судьбой и её безжалостными демонами — льдом, ветром, голодом и холодом...

На следующее утро, 31 октября, было очень холодно, с востока дул сильный ветер, гнавший тучи снега, заслонявшие слабый свет солнца, которое уже село за горным хребтом на юге, чтобы не показываться до следующей весны. Старый Василий пополнил свою упряжку новыми собаками из Тумуса и вместе с жителями деревни и обитателями хижины Кузьмы, подобно древним мореплавателям, отправлявшимся в долгое и опасное путешествие, со всеми положенными церемониями они совершили свои религиозные обряды перед иконой в гостевом углу. Поклонившись до земли, коснувшись её лбом и поцеловав, он выпрямился и сказал: «Ну, пошли!».

Собаки были уже запряжены, и теперь им не терпелось поскорее пуститься в путь. Их было одиннадцать, разных по размеру и окрасу, некоторые были пёстрой масти, хотя в большинстве были рыжие, как лиса. Были они разных пород, самая крупная весила около сорока пяти, а самая лёгкая — около двадцати пяти фунтов; и вся эта разношёрстная компания сотрясала ледяной воздух оглушительно-звонким лаем.

Я сел боком на сани, волоча ноги по снегу, оставив место впереди для Василия. Тот схватил длинную, окованную на конце железом палку — остол, которым он управляет санями и собаками (а когда в плохом настроении, и лупит их тоже), и, схватившись за луки саней, слегка покачал их и крикнул что-то упряжке. Сани рванули, собаки дружно залаяли, завизжали, зарычали, задние кусали передних, те оборачивались, чтобы дать отпор, кто-то упал, кого-то сбили с ног и

потащили за постромки, Василий кричал во весь голос, уговаривал, ругал и проклинал всех по очереди, пока, наконец, вся стая окончательно не запуталась в визжащий и рычащий живой клубок. Чтобы успокоить и распутать сумасшедших собак, Василий набросился на них со своим посохом, и единственное, что меня удивляло, — это как бедные животные переносили такие тяжёлые удары. Правда, некоторые из них, получив сильный удар по пояснице, несколько минут волочили задние лапы, но в конце концов это, похоже, не уменьшило их желания драться и кусаться. Тем не менее, они стали значительно послушнее после этого избиения, и побежали ровнее, следуя за вожаком, который, в свою очередь, слушался приказов Василия: «Тук, тук! Тадак, тадак! Стой, стой!», то есть «Направо! Налево!..», и всякие ободряющие и ругательные слова.

Как только собаки пережили своё возбуждение и всерьёз приступили к работе, они стали выглядеть очень живописно — с опущенными головами, загривками дыбом и виляющими хвостами, лишь изредка повизгивая, они неслись по лощинам и руслам рек со скоростью около шести миль в час. Перед крутыми спусками собак иногда отвязывают, а сани спускают вручную, но даже когда уклон не слишком крутой, упряжка устремляется вниз с такой скоростью, что, если водитель недостаточно ловко действует своим остолом, сани могут перевернуться, и не всегда без серьёзных травм. Такой несчастный случай случился и с нами в первый же день после отъезда из Тумуса, и я так сильно ушиб левую руку выше локтя, что она несколько часов не могла двигаться, и опухоль потом ещё долго не спадала.

Сибирские сани имеют от двенадцати до четырнадцати футов в длину, около двадцати дюймов в ширину и примерно десять дюймов в высоту. Полозья их пяти-шести дюймов в ширину, загнуты с одной стороны и сделаны, если есть возможность, из берёзы. Стойки на них, которых обычно по пять на каждый полоз, возвышаются над настилом саней, сверху к ним прикреплены продольные поручни, которые не только добавляет прочности хрупкой на вид раме, но и образуют ограждение для груза. Стойки имеют заострённые концы, которые вставляются в соответствующие отверстия в полозьях, а в середине каждой стойки (в этом месте стойка имеет утолщение для прочно-

сти) сделано коническое отверстие с бóльшим диаметром, обращённым внутрь. В эти отверстия вставляются поперечины, на которые укладывается настил из одной-двух тонких деревянных досок, сделанных из расколотого вдоль бревна и гладко выструганных лезвием топора, используемого в качестве рубанка. Кормовые стойки наклонены на несколько градусов от вертикали. К полозьям стойки крепятся ремнями, которые проходят через отверстия, просверленные у основания стоек и через парные отверстия в полозьях. На нижних поверхностях полозьев ремни утоплены в древесину.

Всё это дело связано вместе, но остаётся гибким, как ивовая корзина, ни одна из частей не закрепляется жёстко, иначе сани развалятся от тряски на ухабах и неровностях пути. Если какая-либо из связок порвётся или износится, всегда можно использовать ремни от собачьей упряжи. Спереди оба полоза прикреплены к дуге из берёзы диаметром полтора дюйма, она защищает их от твёрдых препятствий, например, ледяных торосов, к дуге также крепится потяг — центральный ремень, к которому постромками привязаны собаки.

Я уже говорил, что наша упряжка состояла из одиннадцати собак. Они привязаны к потягу с интервалом примерно в четыре фута, с лидером впереди. На некотором расстоянии от саней на потяге располагаются застёжки, с помощью которых к нему крепятся постромки от каждой собаки. Сибирская собачья упряжь известна в Сибири как «голландская упряжь», с нагрудными ремнями. Я считаю её не такой удобной, как та, что используется жителями Нортон-Саунда и Сент-Майкла. При неправильной регулировке — а в холодную погоду не всегда может найти для этого время — такие ремни сползают вверх и начинают душить собак за шею. В то время как в американской упряжи сбруя собаки лежит на задней части собачьей шеи и при движении усилие тяги прилагается к её плечам. Она выполнена в форме восьмёрки, голова проходит через одну из петель, а другая достаточно длинная, чтобы пройти под передними лапами и охватывает туловище, а на спине к ней привязан короткий постромок, прикреплённый к потягу за застёжку. Эти застёжки делают сравнительно лёгкой задачей распутать упряжку, если собаки запутались в драке.

Я заметил, что у обученной сибирской собаки есть особенность: если её отвязать для какой-либо цели, то она сразу же снова вернётся на своё место в упряжи, как только её позовут; хотя новую собаку иногда нужно немного уговаривать, что туземцы делают, игриво подбрасывая свои рукавицы, чтобы привлечь её внимание и таким образом защитить от гнева «бывалых» членов упряжки. В пути каждый час или менее упряжку обычно останавливают и собакам дают отдохнуть; на остановках они валяются на снегу, стряхивают иней с глаз и ушей, лежат и облизывают лапы, которые через какое-то время начинают болеть от бега. Упряжка редко может выдержать более десяти дней непрерывного движения, потому что, как бы хорошо её ни кормили, лапы у собак ранятся и кровоточат, а собаки вскоре так ослабевают, что становятся почти не способными работать. Туземец не будет без крайней необходимости заставлять работать свою упряжку два дня подряд, обычно один день он путешествует, а на следующий отдыхает.

В моём случае было, однако, не так, потому что я настоял на том, чтобы мы двигались как можно быстрее, и когда наступила первая ночь, мы остановились в поварне, примерно в шестидесяти верстах от Тумуса. Здесь собралась разномастная толпа туземцев и мелких торговцев, которые ехали по своим делам осенней торговли. Все вместе, мужчины, женщины и дети, собрались в хижине двенадцать на двенадцать футов и высотой четыре с половиной, с камином в центре, в котором в доброй дюжине котелков и чайников готовилась еда на всех присутствующих. При нашем появлении все обернулись и уставились на нас, затем подвинулись, освобождая место. Василий отнёс мой спальный мешок в угол поварни и поставил на огонь наш чайник и котелок, в котором была половина головы северного оленя. Затем, привязав и накормив собак и поужинав, мы легли спать. Тридцать человек в хижине размером не более двенадцати футов! После дневного путешествия я чувствовал себя неплохо, если не считать ушиба, который я получил, когда опрокинулись сани. Также ужасно болели ноги, которые ещё не полностью оправились после обморожения, при этом на пятках и голеньях опять образовались волдыри, а ногти на ногах почернели и начали отслаиваться. Тем не ме-

нее, через некоторое время все спали, время от времени просыпаясь от воя собак или укусов паразитов.

День начался с яростного ветра, несущего облака снега. Бедных собак это заставило страдать из последних сил, какие ещё остались в их слабых дрожащих телах. Ибо в путешествиях их никогда не пускают на ночь в жилище — ни в поварню, ни куда-нибудь ещё. В снег в носу саней вбивают кол, чтобы удержать их на месте, центральный потяг хорошо натягивается и крепится к другому столбу, а остол погонщика втыкается в центре и потяг поднимается так высоко, что средние собаки едва могли лечь. Это делается чтобы собаки не дрались и не запутывались, и, пока они таким образом ограничены, их кормят. Каждая собака жадно поедает свою порцию рыбы. Молодые и сильные, с хорошими, острыми зубами, быстро проглатывают свою порцию, а потом пытаются урвать кусок у своих пожилых товарищей. Те огрызаются, рычат и щелкают зубами, отбиваются от яростных укусов и всё равно глотают, не прожёвывая, свою замороженную еду. А тут ещё нападают сзади — какой-нибудь только что ограбленный сотоварищ, или молодой и злобный мародёр, побуждаемый к нападению уверенностью, что старый и беззащитный может только с трудом жевать беззубым ртом. Часто в делах такого рода ни одной из сторон в конце концов не удаётся заполучить рыбу, потому что, в то время как жертва и грабитель ведут войну за её обладание, какая-нибудь хитрая дворняжка, подобно адвокату, незаметно подползает и уносит добычу.

Собак наших сейчас можно было найти только по кучкам снега, под которыми они лежали, и Василий не хотел трогаться в путь, пока погода не прояснится и ветер не стихнет. Никто из наших товарищей не хотел встретиться с бурей лицом к лицу, и только те, кому ветер был попутный, собрали свои вещи и отправились в путь немного позже в тот же день, когда шторм слегка стих. Теперь уже Василий намекнул на свою готовность продолжить путешествие, выразив, правда, свои опасения за нашу безопасность в такую погоду. Я всё ещё хромал от болей в ногах и дрожал от холода и ветра в своей изодранной одежде. Туземцы, видя мои страдания, качали головами и бормотали что-то про мороз и ветер. Но я поддержал Василия, и отряд наш, помолив-

шись, перекрестившись и получив в подарок сушёной рыбы от сочувствующих туземцев, начал свой второй день путешествия в Булун.

По мере того как мы продвигались, погода прояснялась, но холод становился всё сильнее, и ноги мои сильно замерзали. Василий останавливал упряжку примерно каждые полчаса, и, пока собаки отдыхали, я массировал и разминал конечности, разгоняя кровь. Если бы я бежал рядом с санями, то с облегчённым грузом собаки двигались бы быстрее, но об этом не могло быть и речи — такому калеке, как я, не в силах было поспевать за ними. День сменился ночью, мы прошли горы и теперь брели по руслу реки. Именно здесь я надеялся встретить Баишева с оленьими упряжками и намеревался либо повернуть его обратно в Булун, либо немедленно отправиться с ним на север, если он знал местонахождение Делонга с людьми по рассказам Ниндемана и Нороса или туземцев, которые нашли их голодающими в Бултуре. Лёд в русле реки был чрезвычайно торосистый и громоздился огромными кучами и валами, это часто заставляло нас идти в обход, то выбираясь на берег, то снова спускаясь на лёд. Я думал, что умру от холода, прежде чем мы доберёмся до Кумах-Сурта¹, потому что я не мог ничего, кроме как сидеть на санях и колотить себя по конечностям, чтобы согреться. Темнело и становилось всё холоднее, а добрый старый Василий продолжал подбадривать меня, говоря: «Маленько-маленько, балаган». Так он болтал без умолку, ругался на собак и время от времени трогал меня рукой, как бы для того, чтобы убедиться, что я живой и не свалился с саней, а убедившись, заливался весёлым смехом и казался совершенно довольным.

Далеко за полночь, когда мы ненадолго остановились, чтобы дать упряжке передышку, Василий указал своим посохом вперёд и сказал: «Кумах-Сурт», и потом, вытянув руки с опущенными и дрожащими пальцами, подобно ветвям дерева, повторил несколько раз: «Мас, мас» (дерево). Тут я различил на берегу очертания низких карликовых сосен, и понял, что мы пришли к месту, где росли деревья, или, другими словами, достигли границы леса в этом регионе. Зрелище это было для меня более, чем приятным — это был первый живой

¹ Кумах-Сурт («Песчаное стойбище», по-якутски) — бывшее поселение на левом берегу Лены ≈100 км. вниз от Булуна. Ныне называется просто «Урочище Кумах-Сурт». — *прим. перев.*

лес, который я увидел за последние два с лишним года, и каким бы жалким и чахлым он ни был, я чувствовал себя так, словно встретил старого доброго друга.

Вскоре мы слышали в отдалении лай собак, и наша упряжка, на мгновение прислушавшись, ответила звонким лаем и с новой силой бросилась вперёд. Через некоторое время мы увидели искры из печных труб на высоком западном берегу реки, и вскоре жители деревни, числом три-четыре семьи, разбуженные лаем собак, подхватили нашу упряжку и помогли ей подняться на берег. Нас пригласили в новую, уютную и тёплую юрту, где зажиточная семья из вдовы с тремя сыновьями (у одного были парализованы ноги), двух дочерей, старой тёти и слепого родственника, жила в настоящей якутской роскоши. У них была хорошее жилище, много свежей и копчёной рыбы, чай и немного соли. Василий рассказал им нашу историю, и, конечно, пришли соседи, чтобы увидеть и подивиться чудищу из ледяного моря, — *мус байхал*, — мысль о котором, кажется, наполняет их ужасом, потому что я обнаружил, что все они готовы выполнять любые обязанности, кроме выхода в открытое море.

Глава XII. В Булуне

Я вызываю восхищение! — Оленьи упряжки — Бурулах — Местные сплетни — Встреча с Ниндеманом и Норосом — Их печальная история — Маленький поп — Неожиданный приезд Бартлетта — Возвращаемся в Бурулах.

Жители деревни, которые либо видели, либо слышали о Норосе и Ниндеманне, стали рассказывать мне о них, о том, как они выглядели, и о том, что они и их товарищи перенесли. Затем, пока все занимались приготовлением ужина из горячего чая и варёной рыбы, меня угостили несколькими свежеморожеными рыбьими брюшками, которые растаяли у меня во рту, как масло, и туземцы очень удивились, увидев, что я предпочитаю другие части рыбы, нарезанные тонкими стружками и без жира. Для них вершина счастья и хорошей жизни состоит в наслаждении жирной пищей, а поскольку рыбы

брюшки — самое жирное блюдо на Севере, они с удовольствием съели то, что я отверг, и, несомненно, немало удивились моему неразвитому вкусу. На ужин была также копчёная рыба, и после того, как мы от души поели, все легли и крепко проспали до самого рассвета.

Когда я проснулся, на полу передо мной стояло небольшое деревянное корытце, и один из домочадцев стоял наготове с ковшом воды, из которого он поливал мне на руки, пока я умывался. Когда был приготовлен завтрак, который отличался от нашей вечерней трапезы только временем дня, домочадцы внимательно осмотрели и восхитились моим жестяным чайничком; а когда я снял верхнюю одежду и предстал в своём красном фланелевом нижнем белье, весьма выцветшем и латаным-перелатанным, все уставились на меня — старые и молодые, мужчины и женщины, даже немощный слепой старик в углу, который не мог увидеть мой пёстрый наряд, был проведён через юрту, чтобы он мог оценить качество ткани и выразить своё мнение о покрое одежды чужестранца. Все были также в восторге от моего спального мешка, — действительно, он был значительно лучше тех, что используют туземцы. Они спят на оленьих шкурах, под длинным узким одеялом из песцовых и заячьих шкур с подкладкой из лёгкого хлопчатобумажного ситца. Одеяло подвёрнуто так, чтобы образовать короткий мешок, в него засовывают ноги до колен и заправляют под себя свободные края одеяла. Для супружеской пары одеяло, конечно, шире. Единственное различие в том, как туземец спит в помещении или на улице, состоит в том, что, когда он находится дома, он раздевается догола, тогда как ложась спать в сугроб, он обычно сохраняет, по крайней мере, часть своей одежды.

После завтрака Василий сказал мне, что из-за нехватки корма для собак он не может ехать дальше, но что староста деревни отвезёт меня на оленьих упряжках до Бурулаха¹, следующего стойбища; и через некоторое время я снова отправился в путь, тепло попрощавшись с моим хорошим другом Василием, который заботился о своём подопечном, как о ребёнке. Мой спальный мешок и небольшой запас провизии были уложены в небольшие сани около шести футов в

¹ Бурулах — когда-то существовавшее поселение в устье реки Бурулах, правого притока Лены, ≈80 км. ниже Булуна. — *прим. перев.*

длину и двадцати дюймов в ширину, по устройству своему очень похожие на собачьи, но по сравнению с которыми сработанными, однако, весьма грубо. У моего возницы были другие сани, и в каждые были запряжены по два прекрасных молодых оленя. Ремень из сыромятной кожи шириной в полтора дюйма проходил от недоуздка одного оленя через его шею, плечо и под передней ногой, тянулся к саням, огибал их носовую дугу и затем возвращался к другому оленю — это обеспечивало равномерную нагрузку на каждое животное. Длинный повод от головы правого оленя держался в левой руке возницы, который, сидя на передней части своих саней, подгонял упряжку с помощью слегка сужающегося шеста длиной десять-двенадцать футов и диаметром около дюйма, тонкий конец которого заканчивался крючком из оленьего рога, которым он бил оленей по ляжкам. Моя упряжка была без возницы — её просто привязали за другими санями.

Дальше наш путь проходил по ровным берегам реки. Когда возможно — по суше, когда нет — по льду у берега, а иногда погонщик вёл упряжки за повод по торосам или вокруг них — тропа по реке ещё не была проложена. В такие моменты было невозможно удержаться на санях, так как они постоянно переворачивались. Так или иначе, всякий раз, когда представлялась возможность, мы позволяли себе быструю езду, хотя такие участки были короткими и весьма неприятными, так как, когда оленей гнали на предельной скорости, казалось, что это давалось им мучительно трудно: вытянутые шеи, раздутые ноздри, высунутые языки, бока раздуваются, как кузнечные меха, а дыхание — как шум паровоза. После получаса такой гонки олени иной раз внезапно сворачивают в сторону — в лес или на крутой берег, чтобы убежать от своего мучителя, или падают головой в сугроб и жадно едят освежающий снег.

Ещё до наступления ночи мы прибыли в Бурулах, оленьё стойбище на восточном берегу реки Лены, в восьмидесяти верстах от Булуна. В тот день не произошло ничего достойного внимания, кроме новизны катания на оленях, кроме того я узнал, почему собаки и олени не могут путешествовать по одной и той же дороге — причина просто в том, что собаки настолько свирепы, что нападут и загрызут послед-

них. И вот, недалеко от Бурулаха, когда мы издалека увидели приближающуюся к нам собачью упряжку, мой возница свернул с дороги и повёл наши упряжки вверх по склону в лес, а меня оставил с огромной палкой, чтобы я не дал собакам следовать за ним. Собаки увидели оленей и с воем бросились за ними, а их погонщик делал всё возможное, чтобы остановить их. К счастью, упряжка была небольшой, всего семь собак, и, когда они повернули на тропинку, по которой ушли олени, я хорошенько огрел жоака по голове и спине. Тот мгновенно развернулся и напал на своего соседа, и в одно мгновение вся свора уже дралась в лучших традициях салунов Дикого Запада. Оставив погонщика восстанавливать мир, я быстро вернулся к своим упряжкам и вскоре мы въехали в Бурулах.

Из печных труб вырывался огонь с искрами, и по своеобразному расположению и внешнему виду хижин они невольно напомнили мне землянки наших углежогов. Как только разнеслось известие, что прибыл незнакомец, все жители столпились у жилища старосты, спрашивая его: «Кэпсэ, кэпсэ», то есть «Рассказывай, какие новости?». Два якута, встретившись, ещё издалека начинают приветствовать друг друга словами «Кэпсэ, кэпсэ». Так они передают новости друг другу, без всяких цивилизованных газет и телеграфов. Забавно наблюдать, как встречаются два путешествующих жителя здешних мест. Остановившись недалеко друг от друга, они неторопливо ставят на прикол свои сани, привязывают собак или оленей, откидывают капюшоны и снимают рукавицы, торжественно смотрят друг на друга, а затем целуются в щеку, лоб или губы — в зависимости от возраста и степени родства, при этом сперва приветствуют мужчины, затем женщины. Затем они надевают капюшоны и рукавицы, усаживаются на снег, достают свои трубки, кисеты с табаком, мешочки с кремнем, кресалом и трuтом и закуривают, используя шарик табака размером с небольшую горошину, которая, на самом деле представляет собой смесь табака и коры или древесной трухи. Маленькие чашечки их курительных трубок изготовлены из латуни или оловянного сплава и прикреплены к деревянному мундштуку. Не имея возможности просверлить в мундштуке отверстие, его делают из двух половинок, в каждой вырезают канавку, а затем соединяют их вме-

сте, — таким образом мундштук легко очищать от смолы и нагара. И когда встречаются два старых приятеля или когда туземец чувствует себя особенно хорошо и доволен супругой, они достают свои трубки, разделяют половинки, очищают их от никотина, облизывая языками, после чего соединяют, скрепляют, закуривают и заводят светскую беседу.

Мой погонщик повторил для присутствующих нашу историю так, как он слышал её от Василия, и с большой заботой и сочувствием меня, наконец, накормили и уложили спать. Там был якутский купец, которому очень понравилась моя винтовка, и он хотел предложить за неё бóльшую часть своего мешка, но ему не нравилось, что она заряжается с казённой части. Он не одобрял такого стиля и считал, что отверстие в казённой части слишком велико, но его можно чем-то заткнуть и установить кремневый замок. В конце концов я притворился спящим, чтобы избавиться от своего мучителя, и рано утром был готов к поездке на новых оленьих упряжках.

Хозяйка была на месте, но владелец упряжек куда-то запропастился. Бедной женщине не терпелось проводить меня, потому что мой прежний возница сказал ей, что я должен ехать без промедления, к тому же её тревожили некоторые мои выражения — как на грубом англосаксонском, так и вполне понятные ей «пойдём-пойдём!». Вскоре на сцене появился погонщик с санями и оленями, и мы помчались в сторону Булуна. Хозяйка осталась в юрте кормить грудью большого неуклюжего мальчика лет пяти. У якутских женщин есть обычай кормить грудью своих детей до тех пор, пока не родится следующий ребёнок, и очень часто двое или трое разных возрастов получают питание из одного и того же источника.

Было уже почти темно, когда мы подъехали к Булуну. Мой возница дал оленям отдохнуть на небольшом расстоянии от деревни, а затем с шиком промчался по главной улице прямо к дому старосты, или, может, это была общественная поварня — претенциозных размеров здание, окружённое россыпью мелких хижин. Мы ещё только въезжали в деревню, как слух о том, что прибыл незнакомец, достиг уже каждого уха, и вокруг нас сразу же столпились люди. Мой возница сказал зевакам, кто я такой и кого мне надо, после чего некоторые

засуетились и открыли передо мной наружную дверь, но воздержались от прикосновения к внутренней, которая вела в квартиру, где находились мои товарищи Ниндемани и Норос. Помедлив мгновение, я толкнул дверь, обтянутую с одной стороны оленьей шкурой, а с другой — войлоком. Я был одет так же, как когда мы виделись в последний раз, за исключением лёгкой рубашки из оленьей кожи поверх моей старой куртки, и некоторое время молча стоял в дверях, чтобы посмотреть, узнает ли меня Норос. Он стоял лицом ко мне, за грубым столом, не более чем в десяти футах, держа в одной руке буханку чёрного хлеба, которую он как раз резал охотничьим ножом, когда я вошёл. Ниндемани нигде не было видно. Тусклый свет пробивался сквозь ледяное окно позади Нороса, а слева, возле очага в небольшой нише, готовили ужин несколько якутов. При моем появлении Норос оторвал взгляд от хлеба, но не узнал меня и уже собирался продолжить резать, когда... «Привет, Норос! — сказал я. — Как дела?», подходя к нему с протянутой рукой.

«Боже мой, мистер Мельвилль, — воскликнул он, — вы живы?!» Тогда и Ниндемани, услышав мой

голос, поднялся с грубо сколоченной кровати и закричал: «Мы думали, вы все мертвы, и мы единственные, кто остался в живых! Мы были уверены, что все с вельбота погибли, и со второго куттера тоже!».

Как только я смог совладать со своими чувствами, я рассказал, что мы, команда вельбота, все живы-здоровы и оплакивали наших товарищей с куттеров как погибших; что я пытался связаться с Булуном в течение тридцати дней; что это был мой посланник Кузьма, которого они встретили, и который передал мне их сооб-

1. НИНДЕМАНИ И НОРОС ОТПРАВЛЯЮТСЯ ЗА ПОМОЩЬЮ
2. ВСТРЕЧА МЕЛЬВИЛЛЯ С НИНДЕМАНИ И НОРОСОМ
3. ОЛЕНЬИ УПРЯЖКИ

щение, написанное карандашом; и что я поспешил сюда сразу после его получения, чтобы узнать о местонахождении Делонга и его отряда. Тут всё выяснилось в подробностях. Ниндеманн и Норос заявили, что бесполезно искать их товарищей, они давно умерли; что они расстались с ними двадцать пять дней назад, и уже несколько дней до их разлуки они абсолютно ничего не ели, питаясь своей кожаной одеждой и алкоголем, оливковым маслом и глицерином из медицинских запасов; каждый получал всего пару унций алкоголя в день с чайной ложкой масла или глицерина, пока и это не кончилось; и что, наконец, на прощание Делонг разделил спиртное поровну и повёл их форсированным маршем вдоль западного берега реки к поселению, удалённому, как он полагал, примерно на двадцать пять миль.

Они рассказали мне о своих несчастьях: как они съели собаку и сумели проползти за раз несколько ярдов; как Эриксен умер и был похоронен в реке; и как Делонг, видя, что его отряд не может дальше бороться, выбрал двух более или менее здоровых, чтобы послать их за помощью — Ниндеманна и Иверсена, но, поскольку накануне Иверсен жаловался на обмороженные ноги, выбор пал на Нороса. Им было поручено идти как можно быстрее, держась западного берега реки, и, если они найдут какую-либо помощь, то вернуться к оставшимся, которые тем временем последует по их стопам. Они оставили Делонга с людьми в лагере на берегу небольшой протоки, текущей на северо-запад от одного из главных ответвлений реки, и последовали по западному берегу к большой бухте, затем, следуя инструкциям, продолжили свой путь вокруг неё на запад, а оттуда в восточном направлении к собственно реке, где она впадает в широкий залив, по берегу которого Делонга и его отряд пришёл к своему последнему лагерю.

Это и многое другое они рассказывали мне снова и снова, начиная с высадки на берег океана и заканчивая прибытием в Булун. У Ниндеманна был небольшой фрагмент карты, которую мистер Коллинз скопировал для него с той небольшой карты, которая была у Делонга, и которую я признал похожей на мою собственную копию. Затем я составил по их описанию приблизительную карту местности к северу и югу от вероятного местоположения Делонга в качестве путево-

теля для моих поисков. О том, чтобы Ниндеманн или Норос сопровождали меня, не могло быть и речи; ибо, не говоря уже о трудностях с транспортом и питанием, оба были так больны, что едва могли ходить, у них был сильный понос и рвота — последствия того, что они наелись гнилых рыбных отбросов, которые они нашли в хижине в Булкуре. Они с горечью жаловались на плохое обращение со стороны старосты и местных жителей; молодой священник дал им немного чёрного хлеба и только копчёной рыбы, хотя свежей рыбы и оленины было вдоволь.

Первую ночь я спал в поварне с моими товарищами и несколькими туземцами. Перед сном я составил телеграмму министру военно-морского флота, копию её посланнику Соединённых Штатов в Санкт-Петербурге и ещё одну мистеру Джеймсу Гордону Беннетту. Это послание я сначала написал по-английски, затем, как смог, перевёл священнику, который в конце концов написал его по-русски. Затем запечатал конверт двумя скрещенными перьями, чтобы показать, что он должен «лететь» как можно быстрее, и вручил посыльному. На следующий день я активно занялся тем, чтобы лучше устроить моих больных товарищей. Норос знал в деревне пару хороших свободных хижин; поэтому мы вместе навестили священника, который, однако, сказал, что он очень беден, и уже отдал этим двум мужчинам всю провизию, какую мог, и у него нет права заставлять других делать то же самое. Он показал мне пустующие жилища, но не осмеливался входить в них; поэтому я сказал, что буду поступать так, как посчитаю нужным, а американское правительство за всё заплатит, и что генерал Черняев, генерал-губернатор области — бывший военнослужащий и не допустит, чтобы страдали солдаты Соединённых Штатов. После чего упёрся плечом в дверь и, распахнув её, пригласил священника войти. Он немного колебался, сказав, что хижина принадлежит богатому купцу, который может потребовать от него возмещения убытков, но я развеял его опасения, сказав, что беру ответственность на себя, а затем, позвав якутского старосту, сказал, что мне немедленно нужны котелки, сковородки, чайники и другая домашняя утварь для Ниндемана и Нороса, а также много хлеба и оленины, чтобы они могли поесть. Я также приказал ему чтобы кто-

нибудь из туземцев принёс дрова и поддерживал огонь для двух больных. Затем, позаботившись о всяких других подобных вещах и когда жилище хорошо прогрелось, отправил туда мужчин и, убедившись, что они устроены должным образом, оставил их на попечение женщин, которые заглянули «починить вещи», а сам направился с молодым священником в дом старого священника, который ждал меня на ужин.

Я рассказал ему, как мог, свою историю, но, кажется, она не произвела на него впечатления из-за помрачения его рассудка от беспробудного пьянства. Однако он по-доброму отнёсся ко мне и пообещал на следующий день оленя в качестве еды для нас троих. Теперь я несколько успокоился и стал ждать возвращения Баишева, казачьего командира, который один имел полномочия снабдить меня всем необходимым для поисков Делонга и его отряда. Ниндемманн рассказал, что сразу по прибытии в Булун он подготовил послание, которое хотел отправить посланнику Соединённых Штатов в Санкт-Петербурге. Баишев взял послание, сказал: «Да, да» и положил его в сумку, чтобы отвезти мне. Дело в том, что к тому времени он уже видел Кузьму, и тот сообщил ему обо мне и моём отряде из одиннадцати человек, а поскольку Ниндемманн говорил о Делонге и его людях как о отряде из одиннадцати человек, и к тому же Кузьма называл меня «капитаном», это заставило Баишева спутать меня с Делонгом и думать, что оба отряда — это один и тот же. Поэтому он взял послание Ниндемана и поспешил ко мне на помощь в Зимовьялах, где узнал о моем отъезде с намерением перехватить его по дороге. Во время своей поездки он обнаружил в горах так мало снега, что олени упряжки, которые он взял с собой, не могли бы перевезти наш отряд, и поэтому он отправил их обратно в Булун.

Письмо Ниндемана он передал мистеру Даненхауэру, который, по-видимому, расценил его как очень важное, поскольку он сразу же отправил его с Бартлеттом ко мне, хотя я тогда был уже в личном контакте с человеком, который его написал.

Я как раз обедал со священником, когда в дом прибежала пожилая женщина и, сильно волнуясь, объявила, что в деревню прибыл ещё один американец. Я немедленно отправился в «Американский бала-

ган», как называлось наше жилище и здесь, и встретил там Бартлетта. Конечно, я был рад его видеть, хотя и разочарован, что с ним не было никого из остальных, и особенно Баишева, в чьей помощи я сейчас так нуждался для снаряжения спасательной экспедиции, хотя Ниндеманн и Норос продолжали уверять, что все они мертвы и что бесполезно и опасно искать их тела до наступления весны. Читатель может представить себе моё удивление, когда, спросив Бартлетта, что побудило его преследовать меня по горячим следам, я получил ответ, что мистер Даненхауэр послал его со старым сообщением Ниндемана посланнику Соединённых Штатов.

Поэтому я ещё немного побеседовал с Ниндеманом, закончив письменное описание их путешествия после расставания с Делонгом, и почти закончил свою карту, когда в нашу хижину вошли староста деревни и молодой священник, последний принёс письмо, которое, по его словам, было написано Баишевым и в котором он приказывал старосте предоставить мне две оленье упряжки, чтобы я мог встретиться с ним, Баишевым, на следующий день или через день в Бурулахе, где он тем временем приготовит две собачьи упряжки и проводников, которые поведут меня на север для поисков Делонга. Я уже встретился с двумя из тех трёх туземцев, которые нашли Ниндемана и Нороса в хижине в Бултуре. Один из них, Константин¹, был кандидатом на должность старосты Северного Булуна² и, следовательно, авторитетным человеком среди своих соплеменников; и поскольку он знал где находится Бултур, а также хижина, описанная Ниндеманом как «место саней», я выбрал его в качестве одного из своих проводников.

Затем я подготовил письмо мистеру Даненхауэру, в котором приказал ему отвести всех людей на юг до Якутска и там ждать моего прибытия; но в то же время я сказал Бартлетту, чтобы он оставался в Булуне, пока я не вернусь из поездки на север, добавив, что я устно

¹ Константин Гаврилович Мухоплёв – в то время кандидат на должность головы Северного Булуна. Среди других, был награждён серебряной медалью за участие в спасении членов экспедиции Делонга. – *прим. перев.*

² Северный Булун – бывшее поселение (73°21'39"с.ш. 126°33'25"в.д.) на северной оконечности дельты Лены, на острове Булунг-Арыта на слиянии Малой Туматской и Большой Туматской проток, 45 км. на SWW от места высадки отряда Делонга (о-в. Америка-Куба-Арыта). Отмечено на некоторых старых картах, как Upper Bulun (т.е. Верхний Булун), или просто Булун. Также назывался Тумат (по названию протоки), в оригинальном тексте Мельвилля — Tomat. – *прим. перев.*

прикажу мистеру Даненхауэру оставить его, когда он поедет в Якутск, чтобы у меня был кто-нибудь, кто мог найти меня, если я не вернусь в Булун в течение тридцати дней. А затем, со всеми попрощавшись, я отправился в Бурулах, куда прибыл поздно вечером того же дня. Из-за того, что начались зимние бури и усилились снегопады, мне потребовалось почти двенадцать часов, чтобы преодолеть восемьдесят вёрст, тогда как раньше я делал это за восемь.

Глава XIII. Поиски Делонга

Баишев — Бедный Джек Коул — Я начинаю поиски Делонга — Снова в Кумах-Сурте — Как едят сырую рыбу — Девушка и волосы — Булкур — «Место трёх крестов» — Ночёвка в снегу — Матвей — Подсказка.

Когда я прибыл в Бурулах, мои ноги распухли почти вдвое по сравнению со нормальными размерами, а на коже образовались большие волдыри. Я вскрыл их, и старуха смазала мои ноги гусиным жиром. На следующее утро я поднялся пораньше, с волнением ожидая прибытия Баишева и моих людей. Примерно за час до полудня лай собак возвестил об их приближении, и вскоре меня представили Баишеву, прекрасному образцу казацкой мужественности, очень большого роста, с властной осанкой и спокойным характером. Мы обменялись рукопожатием и вместе позавтракали, а затем, к моему большому сожалению, я узнал, что бедный Джек Коул сошёл с ума. Он и ранее спрашивал меня, увидим ли мы капитана через несколько дней, жаловался, что он устал от этих странных, таинственных парней, говорил, что хочет пойти и увидеть «старушку» и уже тогда потерял, по видимому, ощущение реальности. Он был тих и совершенно послушен, хотя мистер Даненхауэр потом рассказывал, что иногда он упрямился и по дороге из Зимовьялаха его с большим трудом можно было удержать на санях, и как однажды он действительно незаметно вывалился из саней, и никто не хватился его, пока они не отъехали на значительное расстояние, а вернувшись, нашли его лежащим в снегу. Теперь он требовал постоянного внимания и заботы. Не скажу, что я не был готов к этому, так как в последние несколько недель за-

мечал, что Джек стал настолько бестолковый в ремонте своей одежды, напрасно тратя нитки и иголки, что матросы отобрали у него эти предметы.

Я был рад снова встретиться с моим хорошим другом Василием Кулгахом, который приехал на одних из саней из Зимовьялаха; и я поспешил взять его на поиски в качестве одного из моих собственных погонщиков. К этому времени я уже знал, что предел выносливости собачьей упряжки составляет около десяти дней, поэтому Баишев усердно занялся подготовкой меня на этот промежуток времени, предоставив две упряжки по одиннадцать собак в каждой, двух возниц и запас еды на десять дней для всех нас. Устроив всё к поездке и попрощавшись со своими друзьями, которые должны были провести ночь в Бурулахе и следующим утром отправиться в Булун, Верхоянск и Якутск, я отправился в Кумах-Сурт, куда прибыл в ту же ночь и лёг спать, полный надежд и сомнений — надеясь на лучшее и опасаясь худшего. Судя по рассказу Ниндемана, у меня было очень мало надежды — почти никакой — найти своих товарищей живыми; но даже если они будут мертвы, я хотя бы не оставлю их на растерзание хищниками.

Моё намерение состояло в том, чтобы следовать, насколько это возможно, обратно по пути двух наших спасшихся товарищей до тех пор, пока не найду отряд, живой или мёртвый; затем, руководствуясь записями, которые я сделал во время бесед с Ниндеманом, последую по западному берегу реки на север, пока я не достигну точки на берегу океана, где после высадки на сушу они сделали тайник со своими книгами, бумагами, хронометрами и другими вещами.

Мои старые друзья в Кумах-Сурте были рады видеть меня, тем более, что я привёз им из Булуна немного соли. Пожилая хозяйка дома настойчиво просила меня осмотреть парализованные ноги её сына в надежде, что я смогу его вылечить или облегчить его состояние; ей сказали, что в Москве, где находится царь, он может снова стать здоровым и сильным. Но я ответил, что теперь он слишком стар, а несчастье случилось с ним в юности. Все они очень хорошо меня понимали, — «Малачик — бар, бар; мущина — суох»; то есть «Если ребёнок, то да, но мужчина — нет». И вся семья сочувствовала бедному калеке,

вздыхая: «Мущина — суох». После ужина, состоявшего из чая и варёной рыбы, мы забрались на наши спальные места и встали рано утром. Пока домочадцы занимались приготовлением завтрака, у меня была возможность понаблюдать за некоторыми из их домашних дел. Рыбу, которую предстояло сварить, они сначала размораживали перед огнём, а затем должным образом чистили от чешуи, мыли, нарезали на куски и бросали в котёл рядом с огнём, где она могла вариться на медленном огне, но никогда не доводилась до кипения. Рыбу, которую едят замороженной, выбирают нежно-жирную, если она сильно замороженная, ненадолго кладут в тёплое место, чтобы только оттаяла кожа. Затем несколькими ловкими взмахами ножа удаляются спинной плавник и узкая полоска кожи на животе, затем кожа надрезается от хвоста до жабр, захватывается зубами у хвоста и одним рывком сдирается до головы, сперва с одного бока, затем с другого. Эти шкурки выделывают и шьют из них водонепроницаемые мешочки, в которых туземцы хранят свои трут, стружку для растопки и тому подобное во время путешествий.

Затем поставили чайник и вскипятили несколько галлонов воды, отдельно для старика наполнили особый маленький чайник. Затем настрогали тонкой стружкой замороженную рыбу, а жирные кусочки из спины и живота нарезали кубиками и положили ближе к гостю как особый деликатес; с этого блюда и началась трапеза. Пока готовился завтрак, я с интересом наблюдал, как туземцы, старые и молодые, совершали свои утренние омовения: набирали в рот воды, выпускали струйкой себе на руки, а затем умывали лица, — вместе с остальными, как цыплята, плескались детишки четырёх-пяти лет. После этого юная хозяйка дома, лет четырнадцати-пятнадцати, стала расчёсывать свои черные как смоль волосы. Туземцы изготавливают свои гребни из бивня мамонта, великолепно выполняя эту очень тонкую работу, учитывая их простой инструмент — удобный и практичный охотничий нож.

Я заметил, что юная леди, распустив волосы, приспособила у себя на коленях круглое деревянное блюдо диаметром около восемнадцати дюймов, похожее на крышку от шляпной коробки. Я также обратил внимание, что это было то самое блюдо, из которого мы в про-

шлый раз ели настроганную сырую рыбу. Устроившись поудобнее, девушка начала расчёсываться с ловкостью, достижимой только долгой практикой: нисходящий ход гребня по волосам — резкий стук в блюдо на коленях чтобы вытряхнуть из зубьев гребня всё, что там застряло (или кто там спрятался) — движение гребня по блюду, чтобы собрать всё к центру — быстрый удар гребнем плашмя, чтобы раздавить тех, кто там ползает — и, наконец, остатки сметены в огонь, где готовится наш завтрак, а очищенное таким образом блюдо готово к подаче еды. На него вываливается настроганная рыба, и все мужчины сразу же приступают к еде. Излишне говорить, что, хотя теперь у нас и была соль, замороженная рыба в этот раз мне не понравилась, и я сдерживал свой аппетит до второго блюда из варёной рыбы; на котелке, правда, не было крышки, но, поскольку старуха тщательно снимала с кипящей воды пену, мне показалось вероятным, что ей удалось убрать волосы и всё, что там ещё могло упасть в котёл.

После завтрака мы запрягли собак, и отправились в путь в сплошную метель. До Булкура, где были найдены Ниндеманн и Норос, было пятьдесят пять вёрст; старый Константин знал это место, и поэтому не было никаких сомнений что мы найдём все ориентиры на нашем пути. Невозможно толком описать как мы двигались по руслу реки — какими-то зигзагами, чтобы найти путь среди торчащих, как разбитое стекло, торосов; спотыкаясь и падая; опрокидываясь с санями и уговаривая собак, которые, в свою очередь, уговаривали друг друга так, что шерсть летела клочьями. Сильный западный ветер хлестал в лицо, и было очень холодно. Ноги мои снова начали опухать так, что мокасины готовы были лопнуть.

Это не причиняло мне боли, так как, казалось, их покинула всякая чувствительность, но больше всего меня беспокоило то, что я потерял над ногами всякий контроль, и, будучи не в состоянии встать, а тем более ходить, я был вынужден отказаться от упражнений, которые предотвращали образование волдырей, что происходит из-за нарушения кровообращения, и, следовательно, чем теснее становились от отёка мокасины, тем сильнее мёрзли ноги. Было уже далеко за полдень, когда мы прибыли в Булкур. Это место состоит из двух

жилищ и амбара; одно из жилищ — балаган, а другое — чум. Разница между ними в том, что первая представляет собой усечённую правильную четырёхугольную пирамиду высотой от четырёх до семи футов, покрытую землёй и имеющую в центре крыши отверстие для выхода дыма; в то время как последняя — это конус из жердей с квадратной рамой внутри у вершины, на которую опираются жерди и через которую выходит дым. В этом месте в Лену с северо-запада впадает небольшая река, между крутыми берегами которой примерно сотня ярдов. Лена тоже круто поворачивает здесь с востока-северо-востока на север. Балаган расположен на северо-западном берегу этой речки, а чум — на северо-восточном, вместе с отдельно стоящим амбаром. Его можно описать как квадратный сруб высотой десять-двенадцать футов, приподнятый над землёй на сваях. Эти два сооружения находятся ближе всего к главной реке, но всё равно так высоко и далеко в глубине берега, что для меня удивительно, что Ниндемани и Норос вообще их увидели! Действительно, они уже собирались вернуться в «место саней», примерно в двадцати милях к северу, чтобы там лечь и умереть, когда, выйдя из-под берега в русло реки, один из них заметил чум и амбар, и они нашли там убежище. Это одна из лучших рыбацких стоянок для ловли некоторых видов мелкой рыбы. В это время года в ней никого не было, но туземцы оставили там часть своих сетей и других снастей, а Ниндемани и Норос повсюду безуспешно искали еду. В амбаре, однако, они нашли кучу заплесневелой рыбы, из которой туземцы вытапливали масло для своих ламп, и, хотя эти отбросы разложились и покрылись плесенью, ничего другого не было; люди долго были без пищи, только поймав несколько дней назад лемминга, которого они зажарили и съели вместе со шкуркой и всем остальным; поэтому вполне естественно, что они попытались утолить свой голод рыбными отбросами, которые, по крайней мере, хоть немного наполнили бы их пустые желудки.

Они съели часть этого месива, а затем развели огонь в чуме, заварили немного ивового чая и согрелись. После этого положили на огонь несколько больших плоских камней, на которых можно было приготовить или разогреть гнилую массу, но она оказалась на вкус

хуже, чем в замороженном виде. Нехватка дров вынудила их сжечь часть внутренней деревянной отделки чума, а также старую лодку. Они пробыли здесь два дня, пытаясь восстановить силы рыбными отбросами, которые вскоре стали вызывать у них такое отвращение, что они испугались, что не смогут продолжать идти. Поэтому, собрав все свои силы, они наполнили сумки и карманы тухлой рыбой и двинулись в сторону поселения, до которого они надеялись добраться задолго до этого, но которое на самом деле находилось в пятидесяти пяти верстах дальше. Было очень холодно, дул жестокий ветер, и через некоторое время Норос стал жаловаться, что он так ослаб от сильного поноса, рвоты и обморожений, что не может идти дальше, и умолял Ниндеманна вернуться хотя бы ещё на один день.

Так они и сделали, и когда Ниндеманн сидел в хижине и занимался починкой своих мокасин, он услышал снаружи непонятный шорох. От голода слух их обострился, и Ниндеманн, думая, что это подошёл олень, схватил ружье, зарядил его и, подойдя к двери, собирался выглянуть наружу, как вдруг она распахнулась, и он оказался лицом к лицу с якутом. Естественно, что первым его побуждением было обнять своего спасителя, но этот добрый человек, увидев похожего больше на призрак человека, оборванного, истощённого, обмороженного, с закопчённым лицом, покрытым струпьями, и с ружьём наготове, в ужасе отскочил и, повалившись на колени, умолял не стрелять. Через мгновение Ниндеманн бросил ружьё и обнял дорогого гостя, а затем они втащили его в хижину — его собственную хижину, потому что это был Иван Андросов¹, её владелец, который оставил свои сети в амбаре, ожидая, пока встанет лёд, и теперь приехал забрать их для рыбалки на одной из северо-западных протоков реки.

Этот счастливый случай спас им жизнь, так как вместо того, чтобы отдыхать и выздоравливать, они тратили остатки своих сил, питаясь гнилой рыбой, состояние их кишечника было таким, что вскоре они не смогли бы даже ползать. Якут был немало встревожен своим положением, так как принял двух мужчин за беглых ссыльных, которых

¹ Иван Лаврентьевич Андросов получил серебряную медаль от правительства России, а также золотую медаль «For courage and humanity» и 100 долларов от правительства США — прим. перев.

он должен был задержать и выдать властям под страхом наказания. Однако они дали Ивану понять, что очень голодны, показывая рыбные отбросы, которые они ели, он с отвращением отвернулся и велел им выбросить их.

Побыв некоторое время, он дал им понять, что уйдёт и скоро вернётся с помощью; и прежде чем они опомнились, он поднял три пальца и вышел. Когда он ушёл, Ниндемманн сказал, что сомневается, означают ли три пальца три мили, три часа или три дня; и упрекнул себя за то, что позволил туземцу уйти. Тем не менее, через несколько часов Иван вернулся с двумя товарищами и парой оленьих упряжек. Они увезли мужчин в юрту в лесу, где была женщина с детьми. Здесь Ниндемманн и Норос попытались объяснить туземцам, что они недавно оставили людей умирающими на севере; но из-за своих собственных страданий и воспоминаний о печальной участи своих товарищей полностью потеряли самообладание и разрыдались. Добросердечные туземцы решили, что люди стремятся добраться до Булуна и убеждали их сначала поспать, а утром они все вместе поедут туда.

На следующий день они отправились в Булун, в дорогу добрые туземцы одолжили им одежду. Бедный Ниндемманн делал всё возможное, чтобы объяснить, что они должны вернуться и спасти капитана с людьми, но безрезультатно — туземцы решили, что он хочет поторопить их; и именно по пути в Булун они встретили Кузьму, моего посланника, возвращающегося в Зимовьялах.

Я поспешил в чум. Наши собаки не смогли взобраться на крутой берег с нагруженными санями, поэтому я пополз на четвереньках и поднялся даже прежде, чем туземцам удалось поднять упряжки. Ветер усилился почти до штормового, собак привязали с подветренной стороны хижины и накормили, после чего Константин и Василий принялись хозяйничать, и вскоре в центре чума уже пылал огонь. Они принесли с реки лёд для чая и ухи, так как туземцы, как и китобои, верят, что вода из снега порождает цингу; и я видел, как они идут иной раз более мили за льдом, тогда как вокруг полно снега. Вскоре мы поужинали горячим чаем и варёной рыбой, а я порадовал своих спутников, угостив их маленькими кусочками сахара, подаренным мне Баишевым, сам я его не ел и хранил на всякий случай вроде

этого. Хижина прогрелась, а мы порылись в пепле и нашли несколько мелких предметов, которые были оставлены или потеряны Ниндеманом и Норосом — это убедило меня, что они тут были, и я на правильном пути.

Онемение и нечувствительность моих ног вскоре сменились самыми мучительными болями. Я убрал ноги как можно дальше от огня и даже сунул их в снег, покрывавший пол хижины, но не испытал никакого облегчения. Я не решался снять мокасины, так как опухоль настолько увеличилась, что я боялся, что не смогу снова их надеть. Так что всю ту ночь я в мучениях катался по полу, мне стало так плохо, что я отказался от ужина. Снаружи бушевал шторм, и когда рассветло, он всё ещё дул так яростно, что туземцы, выглянув наружу, сказали: «Пагода, пурга... пойдём суох».

Бессмысленно было лезть на рожон — ни человек, ни собака не могли противостоять такому шторму; поэтому мы занялись единственным, что возможно, когда надо переждать непогоду: туземцы подтянули все соединения на санях и починили собачью упряжь. Так прошёл день, а ночью шторм стих настолько, что к утру мы снова смогли отправиться в путь. Задержка была бесполезной, за это время я получил возможность обсудить с проводниками мой письменный отчёт о путешествии Ниндемана. Теперь нашей следующей целью было «место саней». Ни Константин, ни Василий никогда там не были, но из моего краткого пересказа того, что рассказал мне Ниндемани они довольно ясно поняли, куда я хотел идти. И, выехав пораньше, мы быстро достигли нужного места. Это была очень маленькая хижина, без двери и крышки для дымового отверстия, и, соответственно, вся заполненная снегом. Я нашёл обломки саней, которые Ниндемани разломал на топливо, и тщетно искал признаки того, что кто-нибудь прошёл по его стопам. Мы двинулись дальше, на этот раз к «три большой кресты», месту, где «три якута пропали» — там было три мёртвых якута в гробах, поднятых над землёй на деревянных козлах, и три больших креста. Туземцы сказали, что там «много, много якут помри» и «кресты много», но я дал им понять, что там должна быть старая хижина на высоком берегу, а у реки — две лодки и старый сарай.

Наступившая ночь застала нас в пути. Туземцы вырыли в снегу квадрат примерно семь на семь футов и поставили с наветренной стороны сани, чтобы защитить нас от ветра и задержать снег, потом достали замороженную рыбу, настрогали её и поели. Собак привязали и накормили, мы забрались в спальные мешки, а несколько собак, которых мы не привязывали, уютно устроились на нас сверху. Час или два мы спали довольно хорошо, но задолго до рассвета я так замёрз, что чувствовал, что никогда больше не разогнусь. И правда, как это часто бывало, как только я лёг, мне было очень холодно, но в толстом спальном мешке я вскоре согрелся, за исключением ног, где мне не удавалось поддерживать нормальное кровообращение. И вот через некоторое время, убаюканный уютным теплом моего тела, я погрузился в глубокий сон. Мне снились долгие, утомительные пешие переходы, а снежинки, залетавшие в дыры моего старого спального мешка и таявшие на моём лице, казались мне назойливыми комарами. Когда спишь таким образом в течение пяти-шести часов, тело охлаждается, конечности начинают сводить судороги, снег забивается в рукава и за воротник, сон становится беспокойным и, наконец, вскакиваешь, как будто тебя обожгли калёным железом! Ибо снег под курткой растаял, тело вот-вот примёрзнет к мешку, мокрый рукав уже примёрз к запястью, и в спешке, чтобы отделаться от обжигающей одежды, ты стягиваешь её со своей воспалённой плоти, она срывает волдыри, оставляя мокрые пятна с налипшими шерстинками оленьей шкуры, которые потом загноятся и покроются струпьями.

Поэтому я был рад, когда наконец рассвело. Мы вылезли из сугроба, вытряхнули снег из одежды и спальных мешков и съели завтрак из замороженной рыбы, — туземцы завершили её курением трубок. Затем, когда сани были загружены, из своих сугробиков вытряхнулись бедные наши собаки и, недовольно ворча, дрожа и огрызаясь, без всякого завтрака выстроились в очередь в упряжку, и начался ещё один день пути. Придерживаясь западного берега реки, мы приглядывались к каждому предмету по ходу нашего движения, время от времени останавливаясь, чтобы внимательно посмотреть всё вокруг в надежде отыскать какие-нибудь следы, идущие с севера вслед за

теми двоими, которые вырвались из пасти смерти. Тут и там мы видели, где под этими двоими ломался лёд, тогда ещё молодой, но кроме этого не осталось никаких следов, которые вели бы нас к остальному отряду. Вскоре нас снова окутала тьма, принеся с собой ещё одну трудную ночь в снегу. А утром, после скромной трапезы из мороженой рыбы, запитой тепловатым чаем, кое как заваренным на костре на снегу, мы продолжили наше путешествие.

В одном месте мы заметили следы двух мужчин, пересекавших залив и направлявшихся на восточный берег и вернувшихся, но отпечатки были старые. Ближе к ночи мы прибыли на место трёх крестов и обнаружили две старые хижины, лодку и рыбацкий сарай, как и было описано, а также гробы с телами якутов на кóзлах. Я смог найти следы двух мужчин в хижинах и вокруг них, но не более того. В этих жилищах, полуразрушенных и засыпанных снегом, не было никаких признаков того, что кто-то побывал в них после Ниндеманна и Нороса. Теперь я почти умирал от голода. Предыдущие две ночи дали мне лишь небольшой отдых и никакого восстановления сил, а ледяная рыба, казалось, только заморозила меня. Я спросил туземцев, далеко ли до Матвея¹, они сказали, что двадцать пять вёрст, и там у нас может быть огонь, кров, горячий чай и варёная рыба. Поэтому, хотя было уже далеко за полночь, я отдал приказ: «Пойдём Матвей».

Теперь я прошёл по следам Ниндеманна и Нороса до того места, где, по их словам, они набрали на первые хижины после расставания с Делонгом; и поскольку я неуклонно придерживался западного берега реки, ошибки быть не могло. Поэтому я решил остановиться в Матвее с намерением возобновить завтра свои поиски по отмелям, по которым мы ехали весь день, до острова Столб, одной из самых главных ориентиров Ниндемана. Мы поспешили далее в темноте, ориентируясь только по западному берегу, и далеко за полночь подъехали к хижине. Тело моё окоченело так, что я едва мог двигаться и говорить; я сел на снег, туземцы открыли мне вход в хижину, заползая в неё на четвереньках, я закричал: «Огонь, огонь!».

¹ Местность на островах дельты Лены примерно в 15 км. на северо-запад от острова Столб. Состоит из протоки Матвей-Тёбюлеге и островов Матвей-Арыта и Матвей-Белькёё. — прим. перев.

Вскоре огонь уже пылал в очаге, распространяя живительное тепло, и тогда в его ярком свете я увидел, что, хотя дверь хижины была завалена снегом, дымовое отверстие оставалось открытым, и, как следствие, в хижину намело много снега. Но по мере того, как огонь разгорался и всё ярче освещал комнату, я обратил внимание на необычное расположение ложа из палок и сказал: «Якут суох». Они с серьёзным видом покачали головами и повторили: «Суох» (нет); а затем, указав на открытый дымоход и снег в хижине, добавили: «Американски!».

Теперь я был спокоен, так как чувствовал, что нашёл новый след. Ниндемани и Норос заверили меня, что они не видели ни одной хижины, пока не добрались до «Крестов» южнее, и не спали ни в одной из них, пока не достигли «Места саней»; а особенность в расположении палок, которая привлекла моё внимание, заключалась в том, что они были извлечены из земли с трёх сторон хижины, где они были согласно обычаю якутов, и расположены в форме кровати, принятой североамериканскими индейцами, ногами к огню и бревном под голову. Поэтому я тогда подумал, что вторая группа, по всей вероятности, Алексей и, может быть, ещё кто-то, была послана Делонгом следом за Ниндеманом; что, наткнувшись на эту хижину и не сумев открыть дверь, он спустился через дымовое отверстие и провёл здесь ночь; и что, уходя, он забыл закрыть дыру в крыше, оплошность, которую не допустил бы ни один якут.

Дальнейший поиск не выявил в хижине никаких записей или других свидетельств; и вот, когда мы переделали наши спальные места снова по-якутски, поужинали и легли спать, — мне приснилось, что я нашёл первую разгадку судьбы Делонга.

Глава XIV. Теряем след

Бунт — Мои людоедские угрозы — Хас-Хата — Ужин из оленьих копыт и рогов — В оцепенении — Ещё одна ночь в снегу — «Балаган суох» — Северный Булун — Я ныряю в хижину — Две драгоценные записки — Якутские молодожёны — Ночь в тесном помещении — Туземная бережливость — Важные новости.

На следующее утро я заметил, что туземцы много разговаривали между собой и, когда я поторопил их, упаковывали груз с большим недовольством и таинственностью, разговаривая при этом шёпотом, как будто боясь, что я их подслушаю. Наконец, когда мы уже собирались тронуться в путь и я вышел из хижины, Константин, который вернулся, чтобы убедиться, что из неё всё вынесли, появился из неё с сияющим лицом и подал мне кожаный ремень, сказав, что нашёл его в хижине. Взглянув на большую медную пряжку ручной работы, я понял, что пояс был сделан на борту «Жаннетты»; поэтому я вернулся в хижину и провёл более тщательный осмотр, выгребая весь снег, но безрезультатно. Однако теперь я был более чем уверен, что там была вторая группа, посланная Делонгом. Поэтому, запрыгнув в сани, я приказал погонщикам поторопиться.

Они оба на мгновение посмотрели на меня, явно не осмеливаясь заговорить, а затем Константин решился: «Суох, суох!».

Повернувшись к Василию, который стоял в стороне, я спросил: «Как суох?».

«Кушать суох», — ответили оба.

«Бар, бар, кушать многа», — сказал я.

Но они настаивали: «Балык суох, олень суох, собака устал».

Я был поражён! Баишев сказал мне, что он снабдил нас едой на десять дней, а здесь всё кончилось за четыре. Я сразу заподозрил, что якуты трусили и обманывают меня, и поэтому заставил их полностью разгрузить сани; но никакой еды не было. И всё же я полностью доверял Баишеву, и поэтому подумал, что туземцы, боясь идти дальше, просто тайком закопали её в Булкуре или где-нибудь ещё.

Сама мысль об этом привела меня в ярость. Повернуть назад теперь, когда я обнаружил новый след, было невозможно. Оба туземца казались невозмутимыми, а Константин о чём-то оживлённо болтал. Я схватил чей-то остол и одним ударом сбил его с ног, после чего Василий бросился наутёк, а бедный Константин, ошеломлённый и испуганный, последовал за ним на четвереньках. Я погнался было за ними, размахивая остолом, однако был так слаб, что они быстро оставили меня позади. Впрочем, мне удалось напугать их, а это было всё, чего я хотел. Собаки бросились было за ними, но, к счастью, я остановил сани, быстро воткнув перед ними остол. Затем, опасаясь, как бы туземцы не покинули меня совсем, я схватил ружье и с криком «Винтовка, винтовка!» выстрелил им вслед. Пуля просвистела у них над головами, и при звуке выстрела оба туземца упали ничком, затем, повернувшись на коленях, стали в ужасе креститься и низко кланяться, утыкаясь носами в снег.

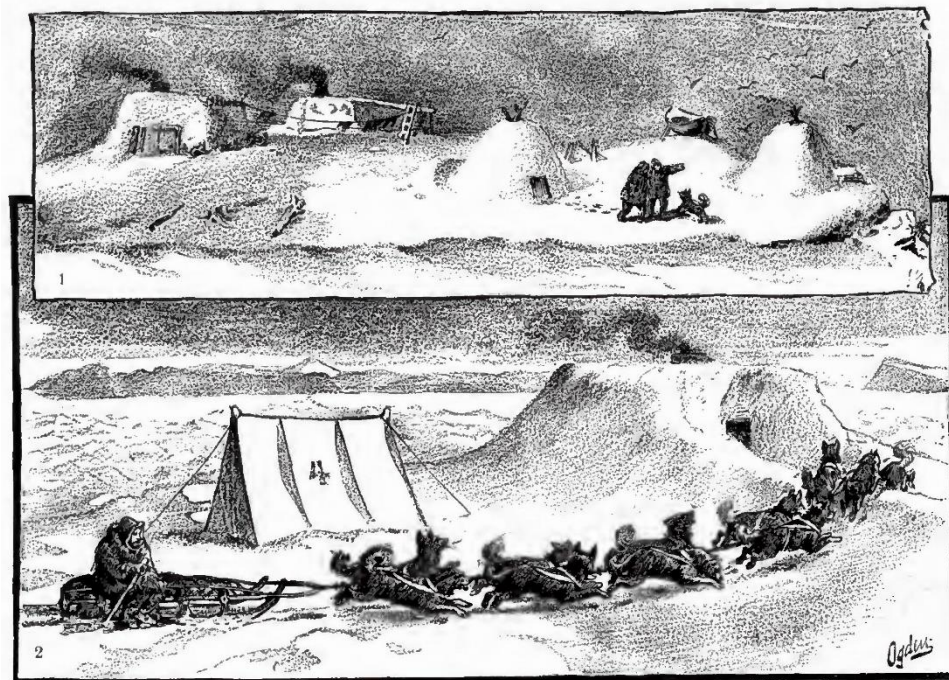
Я поманил их к себе, одновременно перезаряжая ружьё и потрясая остолом. Они вернулись очень раскаявшимися и умоляющими: «Палка суох, палка суох»; а затем принялись умолять меня об опасности дальнейшего путешествия. У нас не было еды ни для себя, ни для собак.

«Оленя суох, балык суох, собака помре, мы помре, как помре?». И опять: «Снег много, пурга много!». И наконец: «Вы можете найти своих мёртвых товарищей весной, когда сойдёт снег» и, положив свои палки на землю, они дули на них и посыпали снегом, показывая, как он похоронил моих друзей. Затем, схватив себя за горло, они легли на снег и притворились мёртвыми, потом старый Василий изобразил волка или лису, которые непременно придут и съедят нас.

Тем временем я несколько отошёл от гнева, вызванного внезапным истощением нашей провизии, и теперь осведомился о расстоянии до ближайшей деревни. «Двести пятьдесят вёрст», — объявили они, сосчитав десятками на пальцах. В каком это направлении? Они положили свои остолы, направив их на северо-запад, и сказали: «Се-

вер запад»¹. Тогда я твёрдо потребовал: «Пошли, скорее, Север Булун, Константин балаган».

Они ошеломлённо посмотрели на меня, как бы желая убедиться, что я не сумасшедший, а затем разразились протестами. «Есть нечего! Ты хромой и слабый, дрожишь от холода и наверняка умрёшь! Мы все умрём!» Сидя на санях с ружьём в руках, я только ответил: «Собака кушать, кушать много, якут кушать!»

1. ЖИЛИЩА ТУЗЕМЦЕВ В ХАС-ХАТА. 2. ЖИЛИЩА МЕЛЬВИЛЛЯ В МАТВЕЕ.

При этих словах они перекрестились, переглянулись и, видя, что я серьёзен и неумолим, начали торопливо готовиться к поездке, бормоча под нос: «Якут кушать, якут кушать». Потому что, когда я сказал, что съем собак, которых было много, они только улыбнулись, но когда я пригрозил съесть и их тоже, они явно перетрусили и теперь боязливо посматривали в мою сторону.

Отправляясь в путь, я осмотрел реку и мелководье перед нами, и приказал туземцам следовать вдоль западного берега главного ответвления по пути, который описал мне Ниндемани. Река здесь делает плавный поворот на запад, здесь множество протоков, текущих на север в западной части дельты, и, наконец, на восток, куда направляется и самая большая протока, а в заливе было видно более дюжины мысов, каждый из которых указывал на вход в большую протоку. Мы

¹ На самом деле даже до Северного Булуна (не самое ближнее селение на их пути) около 90 вёрст по прямой строго на север. — прим. перев.

прошли совсем немного и наткнулись на несколько старых хижин, я остановил упряжки, чтобы осмотреть их, но там не было ничего интересного и мы продолжили наше путешествие, на этот раз без остановок до поздней ночи, когда мы остановились в месте под названием Хас-Хата¹ (Гусиное место), где было две хорошие хижины и пара амбаров.

Во время дневного пути я убедился, что мы сошли с тропы из-за необычного количества хижин, которые мы видели; хотя Ниндеманн говорил мне о многих старых и новых хижинах, которые он видел, когда они шли с Делонгом. Однако, прибыв в Хас-Хата, я убедился, что потерял след, потому что в этих хижинах мы нашли и съели много отбросов, которыми люди отряда Делонга, если бы они шли этим путём, наверняка не побрезговали бы. Эта неожиданная добыча состояла из оленьих костей с сухожилиями и остатками мяса, — некоторые из них с копытами, которые мы поджаривали на огне, и, когда пяточные части копыт размягчались, нарезали их ножами и ели, нахваливая. Находили также оленьи рога, обладателей которых убили, когда рога были ещё молодые, в бархате — они были пористые и наполнены кровью; мы измельчали их топорами и тоже с удовольствием ели. Для собак там ничего не было, и они были поставлены на самообеспечение, а поскольку Хас-Хата — это большой охотничий стан для заготовки гусей, им удалось найти гусиные шкуры, крылья, лапы и тому подобное, выброшенные прошлым летом. Но они были очень слабы, некоторые уже не могли идти в упряжке, и их на самом деле освободили от этой обязанности и поставили перед выбором: следовать за упряжкой как могут, или умереть на дороге.

Мы пили горячий чай в уютной тёплой хижине, укутанной вихрями грозного шторма, бушевавшего всю ночь. Мне не терпелось добраться до Северного Булуна, где я рассчитывал раздобыть свежих собак и еду и последовать вдоль главной реки на юг до того места, откуда я начал, а если я потерплю неудачу в поисках Делонга, то вернусь в Булун и снаряжу новую экспедицию, чтобы продолжить поиски весной. Теперь я так сильно хромотал, что совершенно не мог встать без посто-

¹ Местность Хас-Хата (72°52'с.ш. 126°17'в.д.) на Большой Туматской протоке в ≈50 км. на север от острова Столб. — прим. перев.

ронней помощи; но я настаивал на том, чтобы с утра пораньше отправиться из Хас-Хата, чтобы в тот же день добраться до Хойгуолаха¹. Дул сильный ветер, к счастью, боковой, а не навстречу, и облака несущегося снега почти скрывали передних собак. Упряжки были совершенно измотаны, и мы продвигались в глубоком снегу очень медленно, а когда наступила ночь, я до того хотел спать, что чувствовал полное безразличие жив я или мёртв. Собаки ползли с такой черепашьей скоростью, что я мог просто лежать на санях, не опасаясь свалиться. А если бы это случилось, Василий, наверное, даже бы и не заметил.

Наконец туземцы пришли к выводу, что им лучше разбить лагерь и уложить меня в спальный мешок, так как они были очень обеспокоены моей сонливостью, и вскоре мне стало тепло, уютно, и я крепко заснул посреди заснеженной тундры.

Мы поднялись при свете звёзд и снова тронулись в путь. Вскоре борьба со стихией развеяла остатки моего сна. Лица туземцев были обморожены и покрыты волдырями, собаки еле шевелились, и не более того, и наши перспективы были действительно мрачными. Я то и дело спрашивал Василия, скоро ли мы подъедем к следующей хижине, и тот неизменно отвечал: «Скоро!», указывая вперёд своим остолом, как будто хижина была сразу за холмом. Но день сменился сумерками, снова наступила ночь, и я уже потерял всякое терпение. На каждой из наших всё более частых остановок для отдыха упряжек, туземцы трогали меня за рукав и что-то говорили. Я отвечал им, снова спрашивая про балаган, и они продолжали уверять меня: «Да, да, скоро, скоро». В конце концов, когда они в очередной раз начали рассказать мне о своём выдуманном балагане, я в ярости заорал: «Балаган суох!»

После этого они, видимо, сочли неразумным спорить и оставили меня в покое, рассудив, по всей видимости, что не будет большой беды, если такой упрямец помрёт, пусть даже от голода и холода. Их, конечно, несколько оправдывало то, что я протяну ещё какое-то время, суда по тому, как я энергично рявкнул «суох!» и сопровождал

¹ Хойгуолах – поварня (73°12'1"с.ш. 126°11'47"в.д.) на протоке Малая Туматская в 20 км. на юго-запад от Северного Булуна. На старых картах обозначена как Хайгалах, Kürgalach и Changalak. Местность к западу от протоки М.Туматская называется остров Хайгалахский. – прим. перев.

его отборной руганью на моём богатом родном языке, которой они не поняли, но общий смысл, несомненно, угадали. Наконец, далеко за полночь, Василий потряс меня за плечо и крикнул: «Балаган, майора, балаган!». Я привычно отмахнулся, но он продолжал свои попытки привести меня в чувство, повторяя: «Да, да, огонь!». Упряжки остановились, я поднял голову, и увидел, что прямо рядом со мной из сугроба вырывается пламя. Так, по крайней мере, это выглядело, поскольку, хотя хижины и возвышаются над землёй, их так засыпает снегом, что к середине зимы собачьи упряжки бегают прямо по их крышам, вкушая аромат варенных гусей или рыбы, которые струятся из дымовых отверстий. С каждым снегопадом вход в хижину всё больше скрывается из виду, пока не окажется где-то на четыре-пять футов ниже уровня снега; и тогда, чтобы входить и выходить из балагана, приходится делать в снегу ступеньки вниз.

При виде весёлых красных искр, вылетающих из холодной белой поверхности, и яркого света из ближайших дверей, в котором стояли женщины, предупреждённые лаем собак и держа в руках зажжённые факелы, чтобы провести нас в хижину, моё настроение сразу улучшилось, я поднялся и сел в сани. Константин с Василием помогли мне подняться на ноги с намерением помочь спуститься по ступеням, но внезапно собаки, ещё не привязанные, учуяв запах еды, рванули вперёд. Туземцы, естественно, отпустили меня и бросились к своим упряжкам. Ноги подо мной тут же задрожали, затем подогнулись, я покачнулся взад-вперёд, а затем рухнул лицом вниз. Но тут же пополз к сверкающему впереди дверному проёму, к темнолицым женщинам с факелами. Они с удивлением уставились на странное существо, которое приближалось к ним на четвереньках. Добравшись до снежной лестницы, я сначала попытался развернуться и спуститься по ступенькам подобающим цивилизованному американцу образом, но, потеряв терпение от долгого и холодного процесса, свалился головой вперёд и без всяких церемоний скатился к ногам испуганных женщин, которые отступили и смотрели на меня с поднятыми факелами, крича по-якутски: «Кто? Кто это?!». Мой ответ на хорошем английском только усилил их смятение, — «How do you do, girls?». За-

тем, протянув к ним руки, я выразил желание, чтобы мне помогли войти в хижину.

Увидев, что я белый человек и говорю на незнакомом языке, они на мгновение отступили, а затем, набравшись храбрости и видя моё беспомощное состояние и покрытое шрамами обмороженное лицо, двое из них подошли, а другие зажгли больше факелов и помогли мне пройти через низкие двери пристроек в большой, хорошо обустроенный и удобный балаган. В нём был пол, довольно высокой, с трёх сторон были обычные рундуки-койки, в центре стоял большой камин с обмазанным глиной дымоходом и излучал тепло и свет из своего вместительного жерла.

Меня провели в традиционный гостевой угол под иконой, а затем женщины отступили, чтобы получше рассмотреть незнакомца. Тем временем весть о моём прибытии разлетелась по деревне, и в хижину уже хлынули зеваки. Женщины сразу же принялись освобождать меня от верхней одежды — куртки, штанов, обуви и так далее, так как все меховые изделия для лучшей сохранности хранятся в другом, прохладном помещении. Я сам сбросил варежки и шапку, когда вошёл, и теперь Василий и Константин принесли мой спальный мешок и другие вещи. Они рассказали людям, кто я такой и зачем здесь, что, по-видимому, вызвало у них большое сочувствие; глядя на мои обмороженные и распухшие руки, туземцы, полные любопытства и сострадания, разразились восклицаниями и вопросами: «Ах, ох! Правда?! Воистину!»

Вскоре я начал ощущать воздействие тепла. Моя застоявшаяся кровь начала наконец циркулировать и болезненно пульсировала в конечностях, а когда женщины, не зная о моем состоянии, начали стягивать с меня мокасины, они также кое-где содрали кожу и заживающие раны. Увидевшие это отшатнулись, как от удара, в то время как остальные столпились вокруг и вытягивали шеи, чтобы взглянуть на кровоточащие, покрытые спутанными волосами язвы, приговаривая: «Бедный белый человек! Он совсем замёрз!» Затем женщины разрезали ножом внешние швы мокасин и сняли их как можно осторожнее, оставив в ранах множество волос от меховых чулок. Затем они посовещались над обмороженными конечностями и после

оживлённой дискуссии и покачиваний головами омыли их водой и, когда они высохли, смазали гусиным жиром, что было не совсем приятной процедурой.

Тут меня охватила неудержимая сонливость, и под бормотание дюжины языков вокруг меня я погрузился в долгий крепкий сон, а проснувшись, обнаружил, что заботливо укутан мехами. У меня не было ни бинтов, ни ткани, чтобы сделать то же самое для моих ног, и я попросил женщин сделать из пары шарфов «рукавицы для ног» — так я их назвал, не зная правильного имени. Туземцы предложили мне пару рукавов от оленьей шубы чтобы укрыть мои ноги — временно, но я их потом «оставил себе в подарок». Никогда я ещё не видел такой пёстрой и пахучей толпы в таком маленьком пространстве. На стол, поставленный передо мной у койки, был подан горячий чай и восхитительная замороженная рыба, а затем мы насладились котелком варёной рыбы и ухой, то есть, горячей водой от рыбы, которая, однако, была вкусной и питательной.

Когда ужин закончился, появился довольно симпатичный молодой человеком, который подошёл ко мне, и, очень низко поклонившись, сказал: «Здрасте, здрасте!» и протянул мне сложенный листок бумаги. Нетерпеливо развернув его, я прочёл: —

Арктический исследовательский пароход «Жаннетта».

В хижине в дельте Лены, полагаем, недалеко от Чолбогой¹,

Широта: ____ , Долгота: ____.

Четверг, 22 сентября 1881 года.

Того, кто найдёт эту бумагу, просят переслать её министру военно-морского флота с пометкой о времени и месте, в котором она была найдена.

Далее следовало краткое описание путешествия и гибели «Жаннетты», нашего похода по льду и потери друг друга в шторм. Затем

¹Делонг имел ввиду, вероятно, местность Чолбогой (протока Чолбогой-Уэся, остров Чолбогой-Арыта, поварня 72°52'14"с.ш. 127°16'24"в.д.) примерно в 75 км. на юго-юго-запад от места высадки его отряда. Она обозначена на некоторых старых картах (Tscholbogoi).

Из дальнейшего повествования следует, однако, что был и другой Чолбогой. Он обозначен на некоторых картах (Cholbogoi) на Сардахской (Сырдахской) протоке немного западнее селения Малый Буор-Хая. (На других картах в этом месте обозначена поварня Крестях. Возможно, что это другое или более позднее название Чолбогая.) Далее в тексте будет иметься ввиду именно этот, второй Чолбогой (72°30'41"с.ш. 128°21'58"в.д.) — прим. перев.

рассказывалось о высадке на сушу отряда с первого куттера и продолжалось:

В понедельник, 19 сентября, мы оставили наши вещи в куче на берегу и поставили высокий шест. Там находятся навигационные приборы, хронометр, судовые журналы за два года, палатка, лекарства и т.д., которые мы не имели никакой возможности нести. Нам потребовалось сорок восемь часов, чтобы преодолеть эти двенадцать миль, из-за наших больных, и две хижины показались мне хорошим местом для остановки на время, пока хирург и Ниндеманн, которых я послал вперёд, не найдут нам помощь. Но вчера вечером мы подстрелили двух оленей, что дало нам много пищи на первое время, и мы видели там много других, так что не беспокоимся о будущем. Как только трое наших больных смогут ходить, мы возобновим поиски поселения на реке Лена.

Суббота, 24 сентября, 8 часов утра — Трое наших хромых теперь могут ходить, и мы собираемся продолжить наше путешествие с двухдневным рационом оленьего мяса, двухдневным рационом пеммикана и тремя фунтами чая.

*Джордж В. Делонг,
Лейтенант-коммандер*

Закончив читать, я повернулся к молодому человеку, которого, по его словам, звали Иннокентий Шумилов¹, и спросил, где он её нашёл. В хижине, ответил он, называемой Белёх², на восточном берегу протоки Осоктох-Уэся³, примерно в пятидесяти пяти верстах к востоку от Северного Булуна. Тут мне повезло ещё больше, когда вперёд вышла пожилая женщина, порылась за пазухой и, наконец, вытащила ещё одну бумагу, которая тоже оказалась запиской, оставленной Де-

¹ Иннокентий Шумилов в ноябре 1881 года получил «сердечную благодарность» от губернатора Якутской области за участие в поисках и спасении экипажа «Жаннетты». — прим. перев.

² Белёх (в оригинальном тексте Ballok) — бывшее селение или рыбацкий стан на правом берегу протоки Осоктох-Уэся. Точное местоположение неизвестно, должно быть где-то в районе островов Белёх-Арыта и Арга-Белёх-Арыта, между которыми как раз протекает протока с названием «Де-Лонга (Белёх-Уэся)», что может означать, что вдоль неё и прошёл отряд Делонга. На старинных картах обозначено как Bollok, Belock или Beljoch-Ary. — прим. перев.

³ В оригинальном тексте название протоки Oshee Lena. Возможно, это юкагирское название, означающее «конец Лены» (Өйчэ Йойлэнун). — прим. перев.

лонгом в хижине под названием Осохтох¹, примерно в 70 верстах к юго-востоку от Северного Булуна и немного к югу от Белёха. В ней говорилось следующее:

*В хижине, дельта Лены,
около 12 миль от вершины дельты²,
понедельник, 26 сентября 1881.*

Четырнадцать офицеров и матросов американского арктического парохода «Жаннетта» прибыли сюда вчера вечером и сегодня утром направляются на юг. Более полную запись ищите в мешочке, висящем в хижине в пятнадцати милях дальше по реке, на правом берегу большего рукава.

Джордж В. Делонг, Лейтенант-коммандер.

Пом. хирурга Дж.М. Эмблер, г-н Дж.Дж. Коллинз

У.Ф. Ниндемманн, Н. Иверсен, Х.Х. Эриксен, А. Герц, Г. Каак, А. Дресслер, Дж. Бойд, Ах Сэм, В. Ли, Л.П. Норос, Алексей.

Теперь туземцы сказали мне, что в соседней деревне была ещё одна бумага и ружье, которые были найдены ещё дальше на юг, на восточном берегу реки, в хижине, известной как Уэс-Тёрдюн³, примерно в девяноста верстах на юго-юго-восток («на юг, маленько восток»). Здесь я достал свою карту и с помощью долгих объяснений вдолбил её смысл в головы деревенских тугодумов, заставив их, в конце концов, согласиться с тем, что возле Уэс-Тёрдюне есть ответвление реки, которое течёт на восток или на восток-тень-север. Затем я дал им понять, что в этом месте Делонг и его отряд останавливались на четыре дня, а затем переправились на западный берег и направились на юг к небольшой хижине на западном берегу, где они разбили лагерь на несколько дней и похоронили одного из своих в

¹ Осохтох – возможно, это была поварня на левом берегу протоки Осохтох-Уэся напротив острова Осохтох-Бёлькёё (47 км. от места высадки отряда Делонга). На старинных картах обозначена как Usotok. – прим. перев.

² «Вершина дельты» (head of Delta) – это исток, начало дельты. То есть Делонг считал, что 26 сентября они находились всего в 20-ти км. от начала дельты! Это значит, что в зависимости от того, что считать «вершиной дельты» – о.Столб (85 км от Осохтоха) или о.Тит-Ары (130 км) – Делонг ошибался на 65-110 км, в несколько раз! Это же следует из дневника Делонга: например, 5 октября, за 25 дней до своей гибели, он считал, что они уже на острове Тит-Ары, послал Ниндемманна и Нороса за помощью в Кумах-Сурт (по расчётам Делонга – 25 миль от Тит-Ары) и ждал их возвращения уже через несколько дней! Что ж, такая у него была «точная» карта... – прим. перев.

³ Уэс-Тёрдюн – местность (остров Уэс-Тёрдюн-Арыта 73°5'27"с.ш. 127°14'28"в.д.) в районе развития протока Умайбыт-Уэся (на восток) и Осохтох-Уэся (на север) в 50 км. на юго-юго-восток от места высадки отряда Делонга. На старинных картах обозначена как Usterda. – прим. перев.

реке; эта маленькая старая хижина была примерно в двадцати верстах на юг от Уэс-Тёрдюна.

Туземцы со всем этим согласились и проследили на карте курс от Северного Булуна до Белёха, Осохтоха, Уэс-Тёрдюна, затем через реку и на юг до «Маленькой Старой Хижины», и сказали, что если я подожду ещё пару дней, то мне принесут ту другую бумагу и ружьё. Они пришли в ужас, когда я рассказал им о погребении в реке Эриксена, содрогаясь при мысли о том, что его плоть поедают рыбы. Юрта, в которой я остановился, принадлежала Константину, с ним жили его жена и дети, в том числе женатый сын с женой, а также обычный набор тётушек, слепых стариков и прочих, которые занимали спальные места, в то время как многим другим приходилось спать на полу.

Младший сын только что женился, то есть он совсем недавно вступил во владение своей невестой, ибо в этой части Сибири существует обычай, согласно которому жених и невеста расстаются сразу после церемонии бракосочетания и живут отдельно со своими родителями до истечения одного года. И вот недавно молодая жена присоединилась к мужу во всём великолепии своего свадебного наряда, сшитого из квадратиков и полосок меха молодого оленёнка и покрытого оригинальной вышивкой бисером, перемежающейся с окрашенными полосками кожи, и обрамлённого мехом по низу и спереди.

Забавный кожаный пояс с пряжкой стягивал под мышками платье, у которого не было талии, а голову украшала изящная лента, украшенная бисером и блёстками. Она была хорошенькой в своём роде, пухленькой и кругленькой, довольно озорной, и никогда не упускала случая подразнить своего молодого мужа, который был очень скромным и застенчивым, но, по-видимому, очень любил её. Константин представил её мне как жену своего сына, и она быстро покинула нас, вернувшись к своему супругу. Вскоре она закончила свои ухаживания, ласки и прочие проявления любви, сняв с него сапоги и верхнюю одежду, а затем, уложив краснеющего юношу в их маленькую кроватку, она, наконец, опустила засаленную ситцевую занавеску, которая скрывает их любовь от наших нескромных взглядов.

Уже почти рассвело, когда другие обитатели хижины улеглись отдыхать. Все ждали, когда старик заберётся на свою койку, и тогда те,

у кого не было спальных мест, расстелили свои шкуры на полу. Тут старая леди потушила огонь и, выйдя на улицу, положила несколько досок на дымоход, с помощью которых, конечно, она сохранила в хижине тепло, но в то же время лишила свежего воздуха сорок голых немытых тел всех возрастов, стиснутых на площади где-то четырнадцать на двадцать два фута! Атмосфера стала просто неопишная... Тем не менее мы все уснули, а утром оказалось, что буря бушует по-прежнему неистово.

Забавно было наблюдать, как туземцы просыпаются и зевают. Многие сцены были такими нелепыми и даже странными, что я не решился пересказывать их добропорядочным ушам. Все выполнили надлежащее омовение рта, после чего совершили свою религиозную службу перед иконами. Затем один из сыновей принёс железный ковш, полный воды, и полил мне на руки, я умылся и высушился перед огнём. Вскоре был подан завтрак, состоящий из горячего чая, настроганной мороженой рыбы и котелка с варёной рыбой и олениной. Я заметил, что у каждого из присутствующих был свой отдельный маленький котелок с чаем и рыбой. Дети вели себя прилично, мать готовила горячие блюда, а муж строгал мороженую рыбу охотничьим ножом. И вот благородная бережливость: то, что остаётся от рыбы, когда её остругают до костей, неизменно отдаётся женщине, в то время как его светлость ест хорошие жирные ломтики, а то немного, что остаётся, делятся между женщинами и детьми. Точно так же, когда варёная рыба съедена, а кости обглоданы дочиста, женщина и дети снова начинают их обсасывать, что редко бывает прибыльным предприятием; и, если каким-то неожиданным образом в хижине окажется всего вдоволь, тогда бедные старые слепые мама и бабушка, которые живут за камином, могут надеяться обглодать косточки первыми, но не раньше. Здесь, как и во всех варварских странах: женщина — рабыня мужчины; она выполняет всю домашнюю работу, носит дрова, шьёт и чинит одежду, выделяет шкуры, помогает в перевозке рыбы и дичи, а также в изготовлении и ремонте сетей, помимо того, что рожает и воспитывает детей.

Погода была такой ужасной, что я стал опасаться за моего посыльного, который поехал за ружьём и бумагами, как было договорено.

Ожидая его возвращения, я расспрашивал местных жителей об их местности, её жителях, какая водится дичь и т.д. Оказалось, что первым нашёл ружьё старший сын Константина, он и отдал его старосте деревни на хранение. Я сделал его рисунок, к большому удивлению и восторгу сына; а затем, чтобы я ещё лучше опознал ружьё, он вырезал из палки спиральную стружку, чтобы изобразить пружину, которая установлена под стволом винчестера, и показал мне, как он отвинтил колпачок, и пружина выскочила из трубки. Теперь туземцы хорошо уяснили, что я ищу группу из двенадцати людей, которые, по всей вероятности, уже умерли от холода и голода; и именно здесь они спросили меня, почему Делонг и его люди не пришли в их деревню, ведь её можно было увидеть с протоки невооружённым глазом и очень ясно с помощью «стёкол» — туземцы показали, что они имеют в виду, глядя сквозь кулаки, как в бинокли. Тут Константин рассказал мне о том, что примерно в шестнадцати верстах к западу от Уэс-Тёрдюна, где разбили лагерь Делонг и его спутники, на противоположной стороне реки¹, которая в этом месте имеет около тысячи ярдов в ширину и пять или шесть саженей в глубину, были заготовлены и хранились в лабазе на столбах двадцать три оленьих головы. Тем не менее, без возможности пересечь протоку, — их попытки переправиться оказались безуспешными, — сомнительно, что они увидели этот склад, потому что, как мне сказали, он был едва виден на горизонте. И даже если бы Делонг действительно разглядел его, после неоднократных разочарований, с которыми он столкнулся, находя на своём пути пустующие хижины, он вряд ли посчитал оправданным проехать двенадцать миль, чтобы изучить природу некоего объекта, который к тому же издалека выглядел как обычный холмик земли, не говоря уже о быстрой реке, через которую надо было переправляться.

Туземцы сказали, что записи и ружьё находились у них около двадцати дней. Когда лёд затвердел, они отправились по реке к своему жилью и заметили след от саней и множество следов обуви на снегу, и гадали, кем они были оставлены, поначалу опасаясь, что это прошла какая-то банда грабителей или беглых ссыльных. Они обнару-

¹ Протока Большая Туматская. — *прим. перев.*

жили, что многие из их вещей были разломаны на дрова, а когда зашли внутрь жилищ, то обнаружили записи и ружьё, а также всякие мелкие предметы одежды, брошенные или потерянные. Мне с трудом удалось убедить их, что бедняга Делонг и его измученный отряд абсолютно ничего не знали о местонахождении Северного Булуна, не говоря уже о складе с олениной. И очень прискорбно, что они были, сами того не сознавая, так близки к спасению. А если бы что-нибудь, пусть даже какое-нибудь несчастье, задержало их ещё на десять дней в этих хижинах, — им помогли бы туземцы! Однако всё произошло иначе: подождав четыре дня, пока река замёрзнет, они осторожно перебрались через неё, таща бедного Эриксена на санях, а затем, держась западного берега, направились на юг, в надежде, как было сказано в записке, достичь какого-нибудь поселения, — надежда, которая вскоре превратилась в отчаяние и закончилась мучительной смертью.

Именно во время моей беседы с жителями, проводимой с помощью смеси пантомимы, рисунков и тех немногих якутских, тунгусских и русских слов, которые я знал, появился посланник в сопровождении одного из самых страшных на вид уголовных ссыльных, которых я когда-либо видел. Староста принёс ружьё и третью записку, которая оказалась в правильной хронологической последовательности и была очень важной. В ней говорилось следующее:

Суббота, 1 октября 1881 года.

Четырнадцать офицеров и матросов американского арктического парохода «Жаннетта» достигли этой хижины в среду, 28 сентября, и, подождав, пока река замёрзнет, сегодня утром переходим на западную сторону, направляясь в какое-нибудь поселение на реке Лена. У нас есть провизия на два дня, но, поскольку до сих пор нам посчастливилось добывать дичь для наших насущных потребностей, мы не боимся за будущее.

С нашей группой всё в порядке, за исключением одного человека, Эриксена, у которого ампутированы пальцы ног в результате обморожения. Другие записки можно найти в нескольких хижинах на восточном берегу этой реки, вдоль которой мы пришли с севера.

Джордж В. Делонг,

лейтенант ВМС США, командующий экспедицией.

Пом. хирурга Эмблер, м-р Дж.Дж. Коллинз... и т.д.

Это была хорошая весть. Теперь в качестве путеводаителя у меня был подлинный рассказ Делонга, рассказывающий о месте его высадки на берег океана, где он спрятал свои вещи примерно в трёх милях к востоку от главной реки¹; как он посетил одну за одной три хижины, местоположение которых я знал; а что касается остального, я мог положиться на свои письменные заметки, составленные по рассказу Ниндемана.

Поэтому я немедленно решил сначала дойти до берега океана и забрать судовые журналы, хронометр, навигационный ящик, секстант и другие ценные вещи, принадлежащие экспедиции, затем пройти через Белёх, Осохтох и Уэс-Тёрдюн, пересечь протоку в том месте, где это сделал Делонг, и, наконец, следовать по западному берегу, пока не найду группу живой или мёртвой.

Глава XV. Поездка на побережье

Белёх — «Мус байхал» — Склад — Я снова обманут — Топографические откровения — Путеводные знаки — Мои презренные мхи и камни — Желанная бутылъ — Фаддей Ачин.

Женщины сшили мне пару большой тёплой обуви из оленьей шкуры, так как ноги были слишком воспалены и опухли, чтобы я мог снова надеть мокасины. Я также зафрахтовал новую куртку из оленьей кожи и штаны, что существенно улучшило моё удобство в дороге, нанял три собачьи упряжки с погонщиками и договорился о поставке рыбы на десять дней. Утром я, прихрамывая, пошёл к саням и наблюдал за подсчётом и погрузкой рыбы для нашего путешествия, не больше доверяя честности туземцев из-за обмана Василия и Константина. Затем я вернулся в хижину, оделся в свои меха, попрощался с приветливой хозяйкой и соседями и отправился в путь на трёх саях, управляемых Иннокентием, Константином и Кириком. Старый

¹ Имеется в виду протока Осохтох-Уэся. — прим. перев.

Василий, с благодарностью освобождённый от своих обязанностей, отправился домой.

Погода была благоприятной, собаки свежими и сильными, и с лёгким попутным ветерком мы ехали довольно быстро. Вскоре мы миновали небольшое кладбище, на котором было около сорока могил с крестами и к сумеркам прибыли в Белёх. Здесь мы разместились в той хижине, которая приютила Делонга и его людей. Я нашёл в пепле лезвие ножа, несколько бутылочных осколков и другие мелкие предметы, свидетельствующие об их присутствии. Хижина была частично засыпана снегом, туземцы её расчистили, и, разведя огонь, приготовили ужин из рыбы, затем мы легли спать и на следующее утро выехали пораньше. Я прочитал и объяснил своим сопровождающим, что говорилось в первой записке, что к северу на берегу океана мы найдём склад, над которым в качестве ориентира установлен большой столб; туземцы очень удивились, что, ещё не побывав там, я уже мог знать об этом.

Следуя по восточному берегу реки на север, мы, наконец, наткнулись на тяжёлый зелёный океанский лёд, и туземцы, показывая руками волнение моря, закричали: «Мус байхал!» и протянули мне кусок льда, чтобы я попробовал, говоря: «Туус, туус!» (соль, соль). Затем мы повернул на восток и, проехали почти час, пока я, наконец, не заметил высокий флагшток и указал на него туземцам, которые едва могли сдержать своё любопытство, желая увидеть, что там спрятано. Добравшись до склада, я открыл его, а извлёк всё, что в нём было, к удивлению, и восторгу моих проводников, которые никогда раньше не видели столько ценностей в одной месте, и которые были особенно взволнованы двумя ружьями. Я погрузил всё на сани, кроме длинного тяжёлого рулевого весла, и оставил стоять флагшток. Лодки нигде не было видно, хотя я внимательно искал её на берегу; но так как он был весь забит льдом, то я пришёл к выводу, что она была раздавлена или, возможно, занесена снегом. На самом деле искать лодку уже не имело смысла, поскольку склад был найден, но тогда я хотел удалить все следы их высадки, чтобы не вводить будущие поисковые отряды в заблуждение и задерживать их продвижение. По этой причине я забрал все старые спальные мешки, одежду и т.п. с намерени-

ем уничтожить то, что было непригодно, а остальное отдать туземцам в деревне на хранение.

Я вернулся в Белёх, вполне удовлетворённый своей работой, и, поужинав горячим чаем и варёной рыбой, заснул в надежде на то, что завтра мы проедем до самого Осохтоха. Я крепко спал на ложе из мягкого снега в своём спальнике, и когда наступило утро, был готов немедленно ехать. Моя новая меховая обувь была мягкая и тёплая, ноги быстро заживали, а язвы подсыхали, за исключением тех мест, где в раны попала оленья шерсть. Тут я заметил, что туземцы о чём-то тайно совещаются, а когда я был готов ехать и сказал им, что мы отправляемся, обозначив курс, которым мы будем следовать, они тут же отказались идти. «Почему нет?», — спросил я. «Там нет еды», — был ответ. Это меня ошарашило, потому что я собственными глазами видел, как на сани грузили десятидневный запас рыбы. Старый Константин и раньше попадал в передряги подобного рода и теперь быстренько протиснулся мимо меня к двери хижины. Я заметил его движение и, схватив полено, принялся колотить Иннокентия и сына старосты. Первый был большим, степенным человеком и не привык к такому обращению, но, когда на него посыпались удары, поспешил унести ноги, чуть не сбив меня с ног по пути к выходу. Я быстро последовал за ними с ружьём в руках, крича: «Винтовка, винтовка!», опасаясь, что они могут совсем бросить меня. Старый Константин, очень довольный тем, что избежал наказания, стоял поодаль и от души смеялся над поражением своих товарищей. Иннокентий был угрюм, страдая как морально, так и телом, и ему не нравилось веселье, которое он доставил Константину; в то время как Кирик, младший сын старосты, стоял, растирая в смятении ту свою часть, которую он представил мне в качестве мишени, когда выбегал из хижины на четвереньках. Я подозревал их, но так как Иннокентий не проявил желание повиноваться, я поднял ружьё и выстрелил, как и раньше, в воздух. Это произвело точно такой же эффект. Все трое упали на колени и быстро начали креститься. Старый Томат укрылся за Иннокентием и подло соврал, сказав, что «Иннокентий украл рыбу, не я, я ничего не знал!».

Тем не менее они подошли, я пообещал больше их не бить, а затем узнал, что жители деревни стащили рыбу с наших саней и вернули её в свои амбары, потому что, как они объяснили, я забрал всю рыбу в деревне, а в этой местности сейчас был голод, восемьдесят их собак уже умерли, и что, если бы я унёс рыбу, умерли бы женщины и дети — они показали это втянув животы и сделав впалые щеки. Что мне оставалось делать? — только проглотить своё недовольство и вернуться назад...

Мы отправились обратно в сильную снежный шторм, который, к счастью, дул с востока, нам в спину. Собаки уже ослабели от голода, хотя не ели всего три дня, но, как я уже упоминал ранее, туземцы не ездят на собачьих упряжках, по возможности, два дня подряд. Так образом, мы продвигались с черепашей скоростью, и только к ночи достигли Северного Булуна, потратив на путешествие девять часов, в то время как путь «туда» мы проделали за шесть. Я удивлялся количеству протоков, которые мы пересекли, направляясь из Верхнего Булуна в Белёх, потому что на моей карте (копия карты Петермана, безусловно, самой точной из известных на момент нашей экспедиции) были нанесены только три основных рукава Лены. Поэтому на обратном пути я пересчитал протоки, спрашивая Иннокентия название каждого ручья, который нам встретился. Мы пересекли тринадцать протоков, некоторые из которых были такими же широкими, хотя, возможно, и не такими глубокими, как главная протока, вдоль которой шёл Делонг, так что можно представить, какую «ценность» представляли для нас наши карты, на которых на пространстве в сорок миль были указаны всего два ручья. Находясь в Белёхе и по дороге к океану, я подробно расспрашивал туземцев о местонахождении Сагастыра¹, но они ничего не знали о таком месте. Однако они рассказали мне о Барчахе² и многих старых хижинах в районе Баркина, но сказали, что в последнем месте уже много лет никто не живёт. А в том, что

¹ Сагастыр — местность и остров в нескольких километрах севернее Северного Булуна (острова Булунг-Арыта), до 1987 года там был посёлок с таким именем. С августа 1882 по июнь 1884 года там была полярная станция в рамках первого Международного полярного года (1882-1883 гг.) под эгидой Русского географического общества. По-английски это место называется Signalthorp. Очевидно, что Ниндемманн видел знак не в этом месте — *прим. перев.*

² Барчах — вероятно, поварни Барчах-Джиете (72.906°N 127.67°E) на протоке Барчах-Уэся, около 55 км на юго-запад-запад от Баркин-Стана. Сейчас там автоматическая метеостанция. — *прим. перев.*

Сагастыра не существует, они были убеждены. Я был так скрупулёзен в установлении этого факта, потому что Ниндеманн сообщил мне, что, когда они похоронили Эриксена, они видели сигнальный знак, который, по мнению Делонга, был «Signalthorp», отмеченным на карте Петерманна. Но туземцы взяли на себя труд показать мне дюжину или более своих сигнальных знаков, которые они устанавливают для ориентирования на местности, особенно в полярную ночь или во время метели. Путешествуя, они останавливаются у каждого такого знака, осматривают его и при необходимости устанавливают новый знак или поправляют упавший. Треугольный знак состоит из двух коротких палок, поддерживающих более длинную, которая либо указывает на какую-нибудь из сторон света, либо на конкретную хижину или деревню. На этих указателях вырезаны специальные метки, значение которых понимают все туземцы, и однажды я видел, как они, заблудившись в метель, казалось, бесцельно ездили по кругу, пока не нашли знак, и тогда, начав с него и ориентируясь по направлению ветра и снежным застругам, успешно добрались до места назначения.

Вся деревня была свидетелем нашего унылого возвращения. Жители помогли нам перенести содержимое склада в хижину Константина, и я отложил всё, что представляло какую-либо ценность для экспедиции или правительства, и отдал всё, что осталось — множество старых спальных мешков и одежды, железную печку, а также верёвки и парусину — Константину и Иннокентию в качестве частичной оплаты за их услуги. Среди вещей, которые я отобрал, чтобы взять с собой в Булун, была жестяная коробка ёмкостью около кубического фута, наполненная образцами горных пород, мхов и тому подобным с острова Беннетта. Я аккуратно отставил её в сторону и увидел, как туземцы сначала заглянули в коробку, затем перебрали её содержимое, и после некоторого обсуждения разразились, наконец, громким хохотом над идиотизмом человека, который, находясь на грани голодной смерти, намеревался отправиться в долгий путь с грузом бесполезных камней. Я отчётливо слышал их насмешливые комментарии по поводу камней и мха, а Константин чтобы убедиться, что он правильно меня понял, ещё раз спросил, действительно ли

я собираюсь везти их в Булун, и после моего утвердительного ответа с досадой бросил коробку в кучу вещей с выражением крайнего недовольства и предупредил меня, что собаки и сани столько наверняка не вынесут.

Среди вещей, которые я забрал из склада, были бутыль и бочонок, оба с небольшим количеством алкоголя. Туземцы вскоре узнали, что у меня есть спиртное, и все собрались вокруг меня в надежде повеселиться. Но, зная, как поведёт себя сей сорняк на такой благодатной почве, я наотрез отказался слушать мольбы Константина про «совсем маленько». «Он пригоден только для огня», — объяснял я им, изображая, как он горит в спиртовой горелке, но они всё равно уговаривали и уговаривали меня, пока, наконец, некий молодой человек схватил бутыль и побежал. Я поймал его прежде, чем он добрался до двери, и, оторвав бутылку от его губ, ударил его ею, расплескав спирт на пол — он тут же лёг на живот и стал жадно лакать драгоценную жидкость. Я выказал немалый гнев по поводу такой дерзости, а затем вылил содержимое бутылки в горящий камин, к величайшему огорчению и ужасу бедного Константина и его друзей.

Перед тем как лечь спать в тот вечер, я договорился об упряжках, которые доставят меня в Булун. С Иннокентия и Кирика было достаточно, а у Константина, хотя ему и надо было вернуться в Булун, не хватало для этого собак. И всё же, поскольку я должен был найти каюров, чтобы упряжки могли быть возвращены в Верхний Булун, Константин стал моим пассажиром. Смышлёный молодой парень по имени Георгий Николаев добровольно предложил свои услуги и прекрасную упряжку собак. Георгий был прилично для местного жителя воспитан (и я всегда находил, что те, кого хорошо кормили и воспитывали, значительно превосходили своих пресмыкающихся собратьев), он был умён и хорошо знал дорогу, и он так мне понравился, что позднее, во время моих вторых поисков Делонга, я снова нанял его. Ещё одним моим погонщиком был тунгус-полукровка по имени Фаддей Ачин, с квадратной челюстью, квадратной головой и весьма решительный. В его натуре всё было разумно и осмыслено. Лицо его уже тогда было покрыто волдырями и язвами, скулы ободраны, цвет лица был необычно серо-свинцовым, а губы черными. Широкогру-

дый, широкоплечий, стройный, он был намного выше любого якута, которого я видел в этих местах.

И всё же меня поразило не столько его лицо, каким бы чудным оно ни было, сколько своеобразие его имени, когда он представился как Пади. «Хорошо, Пэдди¹, — сказал я, — у тебя первоклассное имя!» Мне, конечно, показалось, что это странное совпадение, потому что у него был облик типичного ширококостного, крепкого ирландца, хотя и темнокожего, и я было подумал, что какой-то предприимчивый кельт добрался до этих безлюдных холодных мест в давние времена. Поэтому я так и стал звать его — Пэдди — и нанял вместе с упряжкой. Изъяснялся он весьма односложно. Сколько у него собак? Одиннадцать, ответил он, показав 11 на пальцах. Когда он сможет начать? Сейчас. Есть у него какая-нибудь еда для себя или упряжки? Нет. Как он собирается жить дальше? Я спросил: «Кушать суох?» Ответом было: «Кушать суох». «Ну что ж, дружище, — подумал я, — если ты можешь это выдержать, то и я смогу».

Вскоре стало ясно, что двух саней недостаточно, чтобы перевезти весь мой груз, поэтому понадобилось нанять третью упряжку, чтобы она помогла нам, по крайней мере, до середины пути и вернулась, когда собаки устанут или не будет хватать еды. Для этого мне рекомендовали старика по имени Старый Николай, как человека, который проходил весь путь от берега Северного Ледовитого океана до Булуна без еды и в разгар зимы; рассказ об этом подвиге он признал, просто сказав: «Верно». Он был не только стар, но и очень беден, и у него не было упряжки, но жители деревни обещали дать ему семь собак. И вот, когда всё было готово, — за исключением, правда, весьма важного продукта питания, который, как заверили меня туземцы, будет предоставлен в надлежащее время, — я, наконец, лёг спать. Ветер к этому времени усилился почти до урагана и дул до утра. Я боялся, что это помешает нашему отъезду, но тем не менее оделся и приготовился к отъезду, плотно позавтракав мороженой и варёной рыбой. Пришёл Константин и сказал: «Погода, пурга, пойдём суох». Я уже выходил наружу и не был так уверен; ветер, конечно, чуть не сбил меня с ног; но он был с северо-запада, и, указав в том направле-

¹ Paddy, уменьш. от Patrick — популярное имя в Ирландии. — прим. перев.

нии, я сказал ему об этом. Тем не менее, когда он помотал головой и настойчиво повторил «пойдём суох», мне не оставалось ничего, кроме как согласиться.

И всё же мне очень хотелось выехать поскорее, я был уверен, что, если мне удастся напасть на след Делонга, я вскоре найду его отряд, несомненно, мёртвых, в какой-нибудь хижине или овраге на берегу реки. Тогда я должен немедленно начать поиски, прежде чем долины покроются глубоким снегом — тогда надежда будет только на то, что они установят флагштоки, чтобы привлечь внимание спасателей или проезжающих мимо туземцев. Я не ожидал найти их живыми, моя единственная надежда заключалась в том, что они, как Ниндемани и Норос, вышли к туземцам, если таковые могли им встретиться где-нибудь посередине между Ары на юго-востоке, и Северным Булуном на северо-западе. По крайней мере, я мог бы успеть спасти их тела от диких зверей и сохранить наши ценные записи. К тому времени я уже понимал, что если я задержусь до весны, то все следы моих несчастных товарищей будут сметены потоками воды, которая в это время года полностью затопляет дельту и оставляет на берегах на высоте сорок футов над рекой огромные бревна размером с корабельные мачты. Когда завтрак закончился, вошёл Георгий и твёрдо заключил: «Пурга, пешком суох, завтра».

Но вскоре торжественно явился Пэдди, вооружённый с головы до пят для битвы со штормом: головной убор, рукавицы, остол и всё такое. Он уже собирался, как я подумал, тоже одобрить отсрочку нашей поездки, поэтому поспешил обратиться к нему:

«Пойдём, Пэдди?» — спросил я.

«Пойдём», — согласился он, не меняя выражения лица.

Константин энергично запротестовал, но так как уже пришёл Старый Николай, явно готовый к отъезду, хотя, правда, сильно склонный встать на сторону Константина, я почувствовал, что Пэдди значительно усилил мои позиции, поэтому повелительно скомандовал: «Поторопитесь, идём!».

Глава XVI. Сражение с бореем

В шторм — Страдания собак — В Маче — «Балык суох!» — Следы — Заблудились — Сыстыганнах — Пахучие потроха на ужин — Безжалостная погода — Кувина — Опять потроха — Воскресенье — Склад с костями — Речные айсберги — Убежище в снегу — Завтрак из старых оленьих костей.

Мы отправились в снежную бурю, взяв курс на Осохтох, где была найдена вторая записка Делонга. Если бы только шёл снег, наши трудности были бы сравнительно небольшими; но яростно дувший ветер повернул сперва с северо-запада на север, а вскоре и на восток, прямо нам в лицо. Собаки были слабы, сани перегружены, а старый Константин продолжал уныло пророчить, что шторм будет продолжаться десять дней. Я уже сожалел, что заставил туземцев идти, потому что они не любят идти против ветра, как и собаки, которые отказывались работать, опускали головы и отворачивались от слепящих порывов ветра. Это, соответственно, создавало проблемы для погонщиков, и я почти отчаялся; собаки выли в унисон с бурей, а туземцы не покладали своих дубинок. Пэдди наглядно описал мне ситуацию, усаживаясь на сани после того, как в сотый раз распутал упряжь и выстроил упряжку в линию, — «Собака и мужчина, пурга беда!», — сказал он, приложив указательный палец к переносице. — «Пурга помри». Под этим он подразумевал, что ветер, ударяющий им в глаза, убьёт всех. И он был прав: холодный ветер сначала вызывает головную боль, затем сонливость и, наконец, сон, от которого нет пробуждения.

Мы терпеливо продвигались дальше и уже гораздо позднее времени, когда мы должны были добраться до Осохтоха, остановились у маленькой старой хижины, вернее, её развалин. Туземцы подъехали к ней просто как к ориентиру и чтобы передохнуть. Попасть внутрь было невозможно, поэтому мы просто уселись на снег с её подветренной стороны. Туземцы покурили, потом пообедали мороженой рыбой, смеясь над моим отказом присоединиться к ним; ибо я решил дожидаться горячей еды в Осохтохе, куда мы прибыли значительно

позже полуночи, крайне утомлённые дорогой. Собаки так устали, что, как только сани привязали, свернулись калачиками и заснули, даже не дожидаясь своей привычной рыбы; и это было к лучшему, потому что дать им было нечего. По прибытии я с удовольствием заметил высокую жердь с прикреплённым к ней указателем на склад с оленьей, про который мне сказал один из сыновей Константина.

Дверь и крыша были все в дырах, внутри хижины полно снега. Всё это мы поправили, устроили наши постели, расчистили камин и через некоторое время расслабились за котелком ухи и чайником чая. Всё это время я предполагал, что туземцы везут с собой рыбу или какую-нибудь еду для себя; но, какими бы замечательными ребятами они ни были, мой мешок с десятью рыбами, согласно их обычаю делиться припасами в дороге, был единственным, из которого они доставали рыбу; и так как раньше они съели две замороженными, а теперь, пока кипел котёл с тремя — ещё две, то осталось только три рыбы, а это был только наш первый день путешествия. К тому же я вообразил, что только одна рыба попала в котелок в качестве моего вклада в трапезу, и поэтому продолжал спокойно есть, так же, как и они. Потом я обыскал хижину в поисках каких-либо предметов, которые люди Делонга могла оставить или обронить, но не нашёл ничего, кроме нескольких обглоданных оленьих костей.

Спокойный сон, и рано утром мы снова отправились в путь. Я заметил, что мои смуглолицые спутники воздержались от своей замороженной рыбы, и в котелке с ухой было меньше рыбы, чем раньше; но так как её было достаточно, я не беспокоился. Снег и ветер продолжали бушевать, а несчастные собаки повизгивали и дрожали от голода и холода. Они теперь больше походили на диких волков, чем на домашних животных, в своём безумном нетерпении идти, хотя некоторые были слишком слабы, даже чтобы встать. Следуя по руслу протоки, мы пробивались против снежной метели, такой плотной, что не было видно передних собак; которые, наконец, совершенно обессиленные, легли и отказались двигаться. Теперь уже туземцы по очереди перекидывали верёвку через плечо и тащили вожаков за собой, а за ними плелись остальные. Я мало что мог сделать, кроме как сидеть на своих санях и подбадривать. Положение наше было дей-

ствительно серьёзным; четыреста вёрст отделяли нас от ближайшей помощи в Кумах-Сурте, а туземцы заверяли меня, что такие штормы обычно продолжаются по десять дней, а то и две недели. Если бы это не было исключением, нас, несомненно, занесло бы снегом; ибо, если бы наши двадцать девять собак полностью отказались идти, туземцы, возможно, не смогли бы тащить сани, так как даже сейчас, когда оба трудились в упряжи, мы едва плелись. Во всяком случае, мы должны были преодолеть расстояние в пятьдесят вёрст между Осохтохом и Уэс-Тёрдюном за один день пути, что мы и сделали, добравшись до хижины далеко за полночь. Она находилась между Леной и протокой Умайбыт-Уэся, текущей на северо-восток, но когда туземцы заглянули внутрь, они обнаружили, что там полно снега, и мы продолжили путь до Мачи¹, хижине примерно в миле южнее или сразу за устьем северо-восточного ответвления. Это было сравнительно новое и тёплое жилище с хорошей крышей, и вскоре мы сидели у хорошего огня, потягивая горячий чай. Я заметил, что туземцы обходились без своей обычной порции замороженной рыбы и медлили с приготовлением ужина, поэтому я поторопил Константина поставить котелок с рыбой на огонь.

«Балык суох», — сказал он.

«Что?!» — воскликнул я в изумлении. Он только пожал плечами и протянул мне открытые ладони, повторяя с искренней печалью: «Балык суох».

Зная, что с ними всё в порядке, пока у меня есть рыба, и нисколько не заботясь о будущем, негодяи поспешили съесть мою провизию, не подумав обо мне, и теперь, когда я обвинил Константина в краже, он просто указал на Пэдди и солгал, сказав, что, по его мнению, рыба у него, после чего Пэдди указал на Георгия, и так оно и пошло по кругу, всё их детское вранье вместо того, чтобы мужественно объяснить своё поведение простительной нуждой. На этом вопрос был исчерпан. Я свернулся калачиком в своём спальном мешке и постарался заснуть без ужина, но не для того, чтобы отдохнуть; я не был очень голоден, но старые боли, оживлённые теплом хижины, снова мучили

¹ Эта хижина где-то на протоке Мача-Уэся, текущей на северо-восток параллельно вышеупомянутой протоке Умайбыт-Уэся, которая является северо-восточным ответвлением от протоки Осохтох-Уэся. На картах Мельвилля это название искажено до Mesja. — *прим. перев.*

мои ноги. Новых волдырей не появилось, и раны заживали, но боль была ужасной, я ворочался, страстно желая сунуть ноги в снег, пока, наконец, не заснул просто от изнеможения.

После утреннего чая туземцы порылись в кучах мусора в поисках каких-нибудь съедобных отбросов, но не нашли ни кусочка. Затем еле живых собак вытащили из их снежных постелей, и мы направились обратно к хижине в Уэс-Тёрдюне, так как я намеревался пересечь протоку там, где это сделал Делонг, а затем, как и он, держаться её западного берега в надежде достичь поселения. Соответственно, мы искали вокруг хижины, нашли следы людей и саней, на которых они тащили Эриксена, а затем пошли по ним. Они были совершенно отчётливо видны на льду протоки, потому что сильные ветра очистили его от снега, а когда отряд пересекал реку, полозья глубоко врезались в мягкий молодой лёд. Я также видел, где они пробовали лёд, пробивая его чем-то острым, и где несколько человек провалились и затем выбрались.

Переправившись через протоку, мы повернули на юг, обогнули излучину, а оттуда на высокий берег, где следы отряда были отчётливо видны на мягком снегу. Теперь я намеревался идти по этим следам, пока не дойду до маленькой старой хижины, до которой, как сказал мне Ниндемманн, они добрались после медленного двухдневного перехода; место, где Эриксену стало слишком плохо, чтобы его можно было нести дальше, и где они, дождавшись его смерти, похоронили его в реке. Хижина эта должна была находиться на расстоянии около двадцати вёрст, и когда я объяснил туземцам, куда хочу отправиться, они сказали, что знают это место. Так мы плелись весь день и, наконец, пришли к хижине, которая соответствовала описанию Ниндеммана, по крайней мере, на указанном расстоянии от Уэс-Тёрдюна. Однако он сказал, что, когда Эриксена хоронили, они вырезали надпись на доске, которая раньше служила им столом, и повесили её над входом в хижину, оставив рядом ружьё и немного патронов. Я тщательно обследовал это место, отряхнул везде снег, но ни доски, ни оружия, ни каких-либо доказательств присутствия там отряда найти не смог.

Очевидно, я потерял след, но как? — я не мог понять. Не было никаких сомнений в том, что я правильно следовал по главному от-

ветвлению реки, и, конечно же, придерживался западного берега; так в чём же была ошибка? Вскоре после отъезда из Уэс-Тёрдюна я заметил, что протока сделала большой поворот на запад, и спросил у проводников, была ли это протока Осохтох-Уэся и вела ли она к Матвею; и, получив их заверения, что это так, я продолжил путь, обнаружив впоследствии, что главная ветвь снова повернула на юг, а дальше на юго-восток. Теперь я спросил туземцев, знают ли они о каких-либо других хижинах на западном берегу. Да, но они были далеко вверх по протоке или далеко к западу от неё. Но они знали об одной хижине поблизости, на восточном берегу.

Теперь мне пришло в голову, что вполне вероятно, что Ниндемани перепутал или забыл точное местоположение хижины, ибо вся дельта Лены — это не что иное, как скопление островов, и Эриксен умер на каком-нибудь из них, возле высокого сигнального столба или какого-то сооружения, которое они приняли за путевой знак. Это было для меня ключом к разгадке, но как только я поделился этим с туземцами, они сразу же нашли мне дюжину путевых знаков. Поэтому я решил идти к хижине на восточном берегу, о которой они говорили. Мы медленно брели дальше, бедные собаки шатались от слабости, безропотно тащились туземцы. Прогноз до костей, я сидел на саях в каком-то сонном оцепенении, не испытывая никакого другого чувства, кроме голода. Наконец мы остановились перед хижинкой. Посмотрев над вход, я увидел, что доски над дверью нет, и понял, что мы только ещё больше сбились с пути. Туземцы, проникнув внутрь через дымовое отверстие, обыскали всё вокруг, но ничего не нашли, а так как хижина была заполнена снегом, мы не могли там спать.

Туземцы сказали, что недалеко есть место под названием Сыстыганнах¹, туда мы и направили наши усталые упряжки. Пэдди становился всё более мрачным, уговаривал и бил всех собак по очереди и иногда останавливался, только чтобы поругаться со старым Константином из-за того, что тот работал не так усердно, как он. Дороге, казалась, не будет конца, буря торопилась похоронить нас прежде, чем мы доберёмся до укрытия, и я, окоченевший и голодный, не видел уже ничего, кроме белого пространства тундры, непрерывно

¹ Остров Сыстыганнах-Арыта (72°54'с.ш. 126°42'в.д.). — прим. перев.

ползущего под нами, пока, наконец, не показалась хижина, и вскоре я уже сидел в ней перед гудящим и потрескивающим камином. Жилище было просторным и уютным, без снега внутри, и, согретые горячим чаем и живым огнём, мы вскоре забыли о дневных страданиях. Обследовав окрестности, туземцы обнаружили рыбы внутренности, несколько засохших рыбьих голов, нанизанных на прутья для приманки в песцовых ловушках, и несколько оленьих костей с остатками мяса и сухожилиями. Всё это убедило меня в том, что отряд Делонга здесь не был, ибо они бы, конечно, не отказались даже от таких отбросов. Мы поджарили кости и рыбы головы на огне, и я бы с удовольствием съел их, если бы не мерзкий запах, который они издавали. Туземцы поставили на огонь котелок и сварили суп из всех отбросов, которые смогли найти и казались такими счастливыми, как будто их никогда не мучили муки голода. Не то что наши несчастные собаки, которые жалобно выли всю ночь; хотя Пэдди отпустил двух своих вожakov и позволил им поискать в куче мусора что-нибудь, что мы проглядели.

Неужели буря никогда не прекратится! Я спросил туземцев, далеко ли до следующей хижины на реке, и они сказали, что сорок вёрст, от которой до Матвея ещё семьдесят. Действительно, великолепная перспектива: почти триста вёрст до ближайшего населённого пункта, беспощадная погода, ни крошки еды, сами мы обморожены, а наши собаки, на которых мы только и могли рассчитывать, уже на грани смерти. Утром оказалось, что это буря ночью отдыхала, чтобы набраться сил для следующего дня! Чайник чая на завтрак, а затем, хотя туземцы настойчиво просили о дневном отдыхе, я настоял на том, чтобы продолжить путешествие за сорок вёрст до Кувины¹, следующей хижины. Они возражали, что собаки не могут идти дальше без еды и отдыха, но здесь я объяснил им, что нужно двигаться дальше, пообещав, что мы остановимся на один день восстановить силы в Кувине, и они, наконец, неохотно согласились. Мы снова вы-

¹ Где была расположена эта хижина и как она на самом деле называлась – осталось загадкой. В оригинальном тексте она называется Qu Vina, на карте Мельвилля [1] обозначена, как Qurina. В протоколах слушаний дела о гибели «Жаннетты» в Конгрессе США и на карте [2] она также называется Qu Vina, но и оттуда не ясно, где же она была расположена. Предположительно только, что где-то между Сыстыганнахом и Матвеем (и ближе к Хас-Хата). Никаких даже отчасти похожих названий в этом районе нет. В дальнейшем в тексте она будет называться Кувина. – прим. перев.

шли в шторм, ещё более слабые и голодные. Ноги мои, однако, так зажили в моей новой обуви, что я постепенно восстанавливал способность пользоваться ими и мог, когда собаки шли достаточно медленно, ковылять рядом с санями, держась рукой за поручень. Переход в этот день ничем не отличался от предыдущих, разве что наши бедные собаки ещё больше ослабели; они сильно хромали, требуя всё большей помощи от погонщиков.

Снег теперь был таким глубоким, что временами собаки не тянули сани, а просто беспомощно барахтались, путаясь в упряжи. Они подолгу отдыхали, потом трудились несколько минут, а затем, когда сани крепко застревали, обессиленные ложились, выли и скулили, как будто в ожидании побоев. Так мы боролись и отдыхали, и снова боролись, и каждый раз казалось, что это наш последний в жизни рывок; но скоро всё повторялось и казалось, этому ужасу не будет конца. Время от времени я в отчаянии решал спрятать экспедиционный груз в первом же безопасном месте, чтобы возвратиться за ним позднее, когда смогу, но после минутного размышления, вспомнив, как бережно мы хранили эти сокровища — научные данные и записи, результат двух лет тяжёлого труда и лишений, — я, стиснув зубы, дал клятву донести их, что бы ни случилось.

Несмотря на наше ограниченное знание местности и мою утраченную веру в наши карты, я всё ещё надеялся найти своих погибших товарищей живыми или мёртвыми. Туземцы, с которыми я теперь мог вполне вразумительно разговаривать, сказали мне, что протока, по которой мы шли, вела к Матвею и была одним из западных ответвлений Лены. Поэтому я был уверен, что даже если Делонг отклонился от неё, он в конце концов должен вернулся к ней снова, так как я шёл по следам Ниндемана и Нороса на север до самого Матвея и там нашёл пояс с «Жаннетты». Но я не подозревал, что к востоку от нас есть ещё дюжина рек, вдоль которых они могли пройти, а то, что они действительно отклонились от протоки, которой следовали мы, было видно хотя бы по количеству отбросов, которые мы находили в хижинах. И к тому же, мы не нашли никаких их следов после Уэс-Тёрдюна. Но это стало ясно мне только пять месяцев спустя, когда, возвращаясь из моей второй поисковой экспедиции в сопровожде-

нии Ниндемана, мы переправились через протоку в Уэс-Тёрдюне, а затем пошли на юг по западному берегу; и в том месте, где протока делает плавный поворот на запад, он заявил: «Здесь, сэр, мы снова переправились через реку и пошли на юг и восток».

Это и стало причиной того, что я потерял след, и тогда у меня не было возможности узнать об этом; но теперь, оглядываясь назад, я вполне понимаю, как легко и естественно было Делонгу совершить такую ошибку. Река повернула на запад. Он хотел идти не на запад, а на юг, и поэтому они снова пересекли её. Опять же на его карте, как, впрочем, и на всех картах, примерно там, где он думал они находятся, отмечена большая протока, которая течёт на запад почти до самого устья Оленька, и он, несомненно, полагал, что это главная западная ветвь, и что, пересекая её, он был на пути на юг к населённым местам.

Дни стали очень короткими, мы не видели солнца с тех пор, как выехали и Зимовьялаха в Булун; так что, когда мы добрались до Кувины, уже несколько часов было совершенно темно. Это был старый охотничий домик, принадлежавший Константину, и он был в плохом состоянии, но я не могу вспомнить, чтобы вид какого-нибудь жилища когда-либо наполнял меня хотя бы наполовину такой радостью, как вид этой хижины. Ибо я был измучен до обморока и замёрз до полного окоченения, а осознавал только то, что действую абсолютно механически. Я бодрствовал и понимал всё, что происходит вокруг, но потерял все ощущения и способность говорить и существовал как заводная кукла. Я лежал на санях, пока не разожгли огонь, и наблюдая, как туземцы ходят взад-вперёд, заметил, как работают их челюсти, и понял, что они нашли что-то поесть. Забравшись на четвереньках в хижину, я занял место у огня. Снег, покрывавший земляной пол, показался мне мягкой постелью, и я тут же заснул там, где лежал.

Разместив наши спальные принадлежности и устроив всё на ночь, туземцы разбудили меня, чтобы я принял участие в приготовленном ими ужине. Хижина эта была построена на одном из их оленьих пастбищ, и потому внутри было множество мясных отходов, которые висели около двери. Шкурки с оленьих ног применяют для изготовле-

ния обуви, их снимают с только что убитого животного и отдают женщинам для выделки. После того, как шкурки сняты, с ног снимают то небольшое, что есть на них съедобного, а затем подвешивают для просушки и по мере необходимости отрезают от них сухожилия, используемые в качестве ниток для шитья. Их в хижине было довольно много, в основном с копытами, которые, если их нагреть на огне или сварить в супе, вполне можно есть.

Я выпил пинту чая и почувствовал себя значительно лучше, а затем опорожнил деревянную миску, полную пахучего, почти пикантного, бульона, который туземцы наливали из большого котла с голеньями, копытами и костями. А когда котёл покипел ещё некоторое время, туземцы дали мне вонючего разваренного месива, и, проглотив его немного с бульоном, я, наконец, закрыл глаза и провалился в столь необходимый мне сон.

Собак накормили объедками, вожак получил остатки горячего месива, а самых слабых привели в хижину, чтобы они отогрелись. На следующее утро мы проснулись и обнаружили, что шторм всё такой же сильный; но так как до Матвея оставалось всего сорока вёрст, я решил ехать немедленно, так как от этого места самым близким убежищем был Булкур, а населённое место, Кумах-Сурт — ещё дальше на юг, в пятидесяти пяти верстах. Туземцы снова умоляли меня задержаться, говоря, что сегодня воскресенье. «Вот и хорошо, — сказал я, — благословим наш день отдохновения, но мы должны идти дальше или погибнем». На меня напала изнуряющая диарея, и теперь, помимо холода, усталости и недостатка пищи, у меня был новый враг, с которым нужно было бороться.

Теперь я был удовлетворён тем, что сделал всё, что мог сделать в это время года; если Делонг и его люди живы и находятся у туземцев, с ними, безусловно, всё более или менее в порядке, как и у меня; а если мертвы, и в этом тоже едва ли можно было сомневаться, то туземцы поступили мудро, предупредив меня, что я тоже умру, если буду упорствовать в поисках в это время года в поисках кучи трупов, которые я могу безопасно найти и ранней весной. Поэтому я настаивал на немедленном отъезде, говоря, что медлить — значит умереть с голоду, но туземцы смотрели на меня недоверчиво и, указывая на

кучу из рыбьих голов, шкур, костей, гусиных крыльев, только улыбались и повторяли: «Кушать много!».

Да, подумал я, «много»... но Боже мой! — каким голодным должен быть человек, чтобы признать такую пададь пищей. Бóльшая её часть кишела червями, удалением которых туземцы особо себя не утруждали. И вот тут я отдал должное пищеварению моего друга Пэдди. Его квадратная нижняя челюсть поднималась и опускалась как жернова, с лёгкостью дробя мягкие кости рыб и птиц. Пэдди был добр ко мне, он размалывая для меня своим топориком мелкие кости, давая мне уверенность, что мне не нужно бояться голодной смерти, и он, как говорится, не пустит голод на порог нашего жилища.

Туземцы также уверяли меня, что собаки должны хорошо отдохнуть и поесть, после чего мы пойдём прямо до того места, где недалеко от Кувины зарыта оленина, и что, если я подожду до понедельника, они остановятся и заберут её, и тогда у нас будет достаточно еды, чтобы дойти до Кумах-Сурта. Я ни в коем случае не был против восстановить силы и поесть ещё из нашего обильного запаса субпродуктов, да и, как говорится, тише едешь — дальше будешь, так что, давая отдых упряжкам, мы, несомненно, делали добродетель необходимостью. Тем не менее, я сказал туземцам, что если погода улучшится, мы не будем останавливаться в Матвее, а немедленно продолжим путь и устроим стоянку в снегу, потому что туземец никогда добровольно не покинет хижину в плохую погоду, если у него есть еда.

Утро понедельника выдалось тихим и ясным, с великолепными крупными звёздами, но очень холодным. Пробежав несколько часов в восточном направлении, мы остановились. Константин разложил мой спальный мешок на снегу рядом с санями и сказал мне залезть в него и поспать, пока они не вернутся. Около часа я лежал в уютном тепле, а потом собаки с лаем вернулись. Туземцы нашли много костей, которые были закопаны прошлым летом, они были все в чёрной земле тундры. У якутов есть обычай срезать мясо с костей своей дичи для удобства транспортировки, а кости закапывать с прицелом

на будущее — на случай голода или чрезвычайной ситуации, подобной той, что постигла нас.

Привязав кости поверх наших саней, мы снова двинулись в путь, держась направления вдоль ответвления русла реки к востоку от того, по которому мы шли ранее; миновав пару хижин, которые я велел туземцам тщательно осмотреть, мы, наконец, увидели далеко на юге Матвей.

Погода была ясной, а путешествие благополучным, если не считать песчаных кос в реке, которые истирали полозья саней и замедляли бег собак. Теперь у меня была только одна цель: добраться до Булуна, а оттуда поспешить в Якутск, где я мог бы снарядить ещё одну экспедицию для продолжения поисков ранней весной, прежде чем паводок унесёт мёртвых и их вещи в море. Так что, в соответствии с моим выраженным намерением, мы проследовали мимо Матвея, хотя туземцы с тоской смотрели на хижину и только и ждали, что я подам им сигнал свернуть. Но мы продолжали идти, следуя по главному руслу реки, между огромными льдинами и торосами, которые, остались там с прошлой весны и пережили летнюю жару.

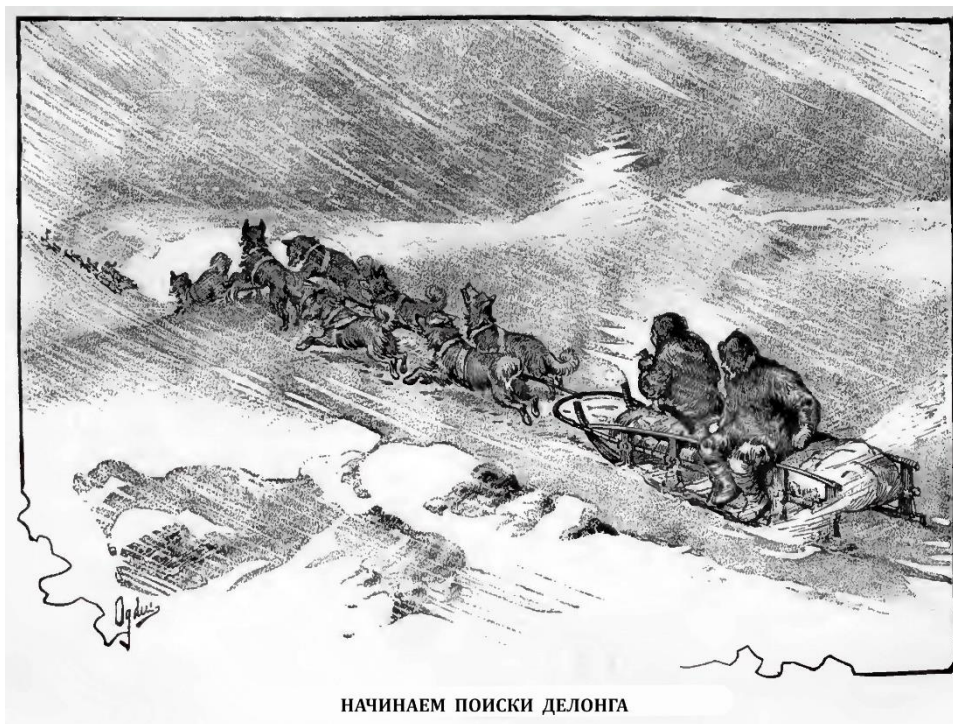
Это были огромные глыбы сплошного льда, размером с жилой дом среднего размера; и что меня больше всего удивило, так это то, как такие громадины могли образоваться за один сезон. Очевидно, это весенний паводок собрал в огромные кучи лёд, образовавшийся на реке за зиму, они не растаяли за короткое полярное лето и теперь были в состоянии сыграть свою пагубную роль в большом ледяном заторе, который ежегодно возникает в устье Лены и наносит такой ущерб туземцам в дельте, которым приходится спасаться от наводнения на возвышенностях. Когда мы вошли в устье большой реки, где эти гигантские ледяные глыбы лежали на мели, как монолиты Стоунхеджа, внезапно поднялся сильный встречный ветер. В этом месте Лена выходит из горных хребтов, обрамляющих её берега, и сюда устремляется холодный воздух, собравшийся в долине реки.

Восхищённый видом этих ледяных громадин, я был поглощён изучением их своеобразной структуры, не обращая внимания на ветер и монотонное «йап» и «тук» погонщиков. Тут Георгий бесцеремонно рассеял мои грёзы наяву, — в которых исполины метали друг в друга

ледяные горы, — чтобы сказать, показывая на очередную глыбу: «Большой балаган, майора!».

Очнувшись от своих мечтаний, я огляделся и увидел, как каюры ведут неравную борьбу со стихией —

Борей... вооружившись градом, снегом, льдом,
Гнетёт леса, морей вздымает глубь.¹

На открытых участках льда было невозможно устоять против порывов ветра, который одним своим напором сносил сани, собак и людей. Было дьявольски холодно! Ветер, казалось, продувал меня насквозь, и вскоре, видя, что против него почти невозможно идти, я велел туземцам разбить лагерь под защитой одной из глыб льда. Но нет, никто и не подумал послушаться моего приказа — они слишком хорошо знали коварство реки — она в любую минуту может выйти из берегов и принести в долину гибель и разрушение. Так мы пробирались среди ледяных глыб больше мили, и, наконец, вышли на открытое русло реки, повернули к западному берегу, где был достаточно глубокий снега, и, вырыв в нём квадратную яму и поставив сани с наветренной стороны, заползли, замёрзшие и голодные, в наши спальные мешки, подальше от свирепой ярости шторма. Это правда было невыразимое удовольствие — лежать, вытянувшись в полный рост под защитой снега и меха, чувствовать, как тёплая кровь мед-

¹ Строки из «Потерянного рая» Дж.Мильтона, книга X. Перевод Арк. Штейнберга. — прим. перев.

ленно растекается по жилам, и погружаться в глубокий освежающий сон.

Я уже описывал неудобства ночёвок в снегу; как сначала прилив приятного тепла, вызванный дополнительной одеждой, постепенно угасает, а влага и пот остывают, пока спящий внезапно не просыпается, дрожа от холода и с досадой осознавая, что пушистый снег воспользовался его сном, чтобы проникнуть под одежду. К этому я могу добавить, что это обычно для такой погоды, что сперва замерзает нос спящего, он согревает его в кулаке, в это время начинает мёрзнуть большой палец, он суёт его в рот, чтобы отогреть, тогда замерзают все остальные пальцы, которые он также пытается отогреть все по очереди, в это время опять мёрзнет нос... и так далее...

Так мы пролежали всю ночь, а когда наступило утро, оно не принесло улучшения погоды и, поскольку мы не могли надеяться, что продвинемся хоть сколько-нибудь вперёд, мы оставались весь день без еды, в тесноте и неподвижности, с нашими бедными собаками, которые лежали на нас сверху, прижавшись друг к другу.

Но когда наступило второе утро и шторм стих до лёгкого бриза, нам надо было обязательно выползти из нашего убежища и восстановить кровообращение. И сделать это потребовало немалых усилий, поскольку все мы кое-как могли распрямить наших спины. Туземцы тщетно пытались развести костёр из обледеневшего плавника, собранного вокруг, пока, наконец, в нетерпении отправиться в путь, я не велел им собираться и идти, надеясь в ближайшем будущем на тёплую хижину и чашку горячего чая. Но здесь наша дополнительная упряжка, управляемая старым Николаем, должна была покинуть нас. Он прошёл, согласно договорённости, столько, сколько мог без еды для себя или собак, и теперь вернётся в Северный Булун. При этом, прежде чем мы расстались, было более чем справедливо, чтобы ему дали поесть лучшего, что мы могли себе позволить; и поэтому, когда его груз был переложён на две другие упряжки, а я обменял наших самых худых собак на лучших из его упряжки, Константин достал оленьи ребра, выкопанные возле Кувины.

Туземцы отрубили ребра от позвоночника, вырезали полоски мяса между ними и протянули мне кусок от поясницы в качестве завтрака.

Я вгрызся в него без всяких церемоний, в то время как собаки отчаянно требовали своей доли. Пока мясо оставалось замороженным, оно не проявляло отвратительной степени своей гнилости; но как только я взял его в рот, оно растаяло, и стало так отвратительно вонять, что я поспешно выплюнул его, и собаки тут же схватили его. Туземцы сначала с неподдельным изумлением уставились на то, как я бросаю такую вкусную еду собакам, а затем разразились искренним смехом над моей брезгливостью. Но я не хотел, чтобы какой-то якут меня превзошёл, а тем более смеялся надо мной, и поэтому попросил ещё немного, скажем, фунт этого мяса, нарезанного на мелкие кусочки. Я проглотил их, как таблетки, не разжёвывая, и с торжеством посмотрел на своих якутских друзей... но недолго, потому что вскоре разложившаяся масса растаяла в моём желудке, в животе невыносимо забурлило и меня вырвало, и я снова оказался без завтрака — моя потеря, однако, стала желанным приобретением для собак.

Тут туземцев охватило безудержное веселье, но я удивил их своей настойчивостью, попросив третью порцию, хотя уже вторая была полна личинок. В этот раз желудок удержал тошнотворные блюдо — видимо, просто от изнеможения.

И вот теперь старый Николай был готов отправиться в обратный путь почти в двести восемьдесят вёрст. Я дал ему четверть фунта кирпичного чая, и кроме этого у него не было никакой еды для его долгого и одинокого путешествия. Он настойчиво просил одну из жестяных кружек, но я был вынужден отказать ему в этой простой вещи, опасаясь, что это может сбить с пути другой поисковый отряд, и моё сердце сжалось, когда я смотрел, как он, со своей жалкой маленькой упряжкой собак и старыми расшатанными санями, медленно скрылся из виду. И всё же мои опасения, к счастью, оказались напрасными, потому что следующей весной я снова нанял его, и он продолжал водить для меня упряжки, пока я окончательно не покинул эти места.

Глава XVII. Окончание поисков

Идём без остановок — «У, у!» — Булкур — Скверный ремонт — Пэдди в отчаянии... — Но быстро оживает... — И творит чудеса! — Кумах-Сурт — Бурулах — Мои оленьи упряжки — На Булун — Утомительный путь — Эекит — Булун — Ипатьев.

И вот начался самый трудный и мучительный этап нашего путешествия. Едва мы тронулись в путь, как снова задул ветер и, поднимая снег и песок из русла реки, налетел на нас с новой силой. Крупные песчинки больно секли наши лица и проникали в одежду. Ослабевших собак ветер сбивал с ног и носил по гладком льду, как беспомощных котят, песок засыпал им глаза и настолько деморализовал, что они только лежали и выли от ужаса. Кроме того, полозья саней плохо скользили по гальке, а когда туземцы вели упряжки по песчаным косам, собаки едва могли тащить свой груз. Более того, полозья изнашивались до такой степени, что некоторые из кожаных креплений, которые соединяли их со стойками, порвались, и требовали немедленного ремонта. Но туземцы были полны решимости завершить переход до Булкура в тот же день, и когда я предложил Пэдди разбить лагерь с наступлением ночи, он решительно ответил: «Суох, помри, пурга многа!».

Туземцы видели, что мне было очень плохо от гнилой оленины, но очень боялись останавливаться без укрытия и огня. А тут ещё у саней отвалился полоз. Туземцы перевернули сани, нашли кусок плавника, придали ему нужную форму, просверлили необходимые отверстия с помощью смычковой дрели и привязали ремнями, отрезанными от собачьей упряжи, и вскоре мы снова тронулись в путь. Но крепления продолжали рваться одно за другим, так что казалось, сани скоро совсем развалятся на куски. Тогда я попытался убедить туземцев разгрузить сани, поспешить на ночь в Булкур и послать за ними на следующий день. Константин был совершенно согласен, но Пэдди был неумолим и постоянно повторял мне: «Ещё немного, ещё немного». Мы уже проехали «Место саней», а Пэдди опять только сказал: «Ещё немного» и отказался остановиться у хижины. Я уже со-

вершенно обессилел. Всё это время я валялся в санях, корчась от боли, и прошла, казалось, целая вечность, пока упряжки не остановились, и я услышал, как туземцы говорят о воде «У, у» и ударяют по льду своими окованными железом остолами. Приподнявшись, я увидел, что мы достигли течения реки со сравнительно тёплой водой, — до сих пор толщина льда составляла в среднем четыре фута, а здесь была гораздо тоньше — и что водители растянулись на животах, жадно всасывая воду через лунки, которые они пробili в тонком льду. Мои усилия последовать их примеру не увенчались успехом, так как вода не поднималась до самой поверхности, а пить хотя бы с небольшой глубины у меня не было сил. Впоследствии, особенно между Булуном и Верхоянском, я встречал множество таких выходов воды на поверхность, затопляющих лёд на многие мили.

Было раннее утро, когда после череды мелких задержек мы прибыли к подножию холмов, на которых расположились хижины Булкура. Собак, которые были слишком слабы, чтобы тащить сани вверх по склону, отвязали, затем туземцы разгрузили сани и отнесли их в хижину для ремонта. Пока они этим занимались, я из последних сил старался вскарабкаться на берег, но он был таким крутым, что я постоянно соскальзывал назад и не добился ничего, кроме как утрамбовал в снегу приличных размеров траншею. Так что я решил подождать, пока туземцы не найдут, наконец, времени помочь мне, уселся в снег и, успокоившись после своих бесплодных усилий, крепко заснул. Там я и оставался до тех пор, пока туземцы, хватившись меня, не организовали лихорадочные поиски, который в конце концов привели к тому, что они обнаружили меня, уютно расположившегося внизу той самой траншеи. Спустив меня к подножию берега, они усадили меня на сани и подтащили к хижине, и как только я забрался в свой спальный мешок, глаза мои закрылись сами собой. Горячий чай, который они всё же заставили меня выпить, был всем, что я ел на ужин, так как, по правде говоря, больше ничего и не было, кроме гнилых оленьих костей, а их я уже наелся более чем достаточно.

Проснувшись, туземцы занялись ремонтом саней; но делали они это так скверно, сращивая полозья короткими кусками плавника, что я попробовал убедить их, что сани наверняка сломаются, прежде чем

проедут хоть сколько-нибудь приличное расстояние. Они только насмешливо посмотрели на меня, как будто хотели сказать: «Отойди, мальчик, что ты знаешь о санях и оленях!», а Георгий шутливо предложил мне кусочек последнего, который он жевал. Так что они сделали всё по-своему, и ближе к полудню нам удалось снова выйти в путь. И снова я попытался убедить туземцев оставить все тяжёлые грузы в Бултуре и послать за ними из Кумах-Сурта, который теперь находился всего в пятидесяти пяти верстах. Но Пэдди был упрям и уверен, что довезёт весь груз, поэтому я не стал с ним спорить. Однако мы едва проехали сотню ярдов, как одна из упряжек остановилась. Теперь я посмеялся над туземцами, сказав, что, хотя они могут есть гнилое мясо, я могу лучше их починить сломанные сани. И после этого постоянно случались остановки из-за поломок саней, так что я стал опасаться, что они вообще не выдержат путешествия.

Снег был значительно глубже с тех пор, как я отправился на север около двадцати дней назад, собаки отощали, и расстояние, которое раньше мы преодолевали менее чем за восемь часов, а на обратном пути я рассчитывал проходить за десять-двенадцать, теперь выглядело так, как будто мы не пройдем его никогда. В Кумах-Сурте было всё необходимое для нашего отдыха и восстановления сил; но было очевидно, что мы переутомились сами и истощили собак. Туземцы были так измотаны, и даже Пэдди устало отбросил свой остол и опустился на снег, отчаянно ругаясь по-якутски. Но всё это всегда заканчивалось курением трубки и небольшим отдыхом, после чего путешествие продолжалось. Так закончился ещё один день, и, наконец, уже глубокой ночью мы все так устали, что я предложил разбить лагерь в снегу, а утром закончить путь до Кумах-Сурта, до которого оставалось уже немного. Пэдди, обессиленный и унылый, сидел у своих саней, поэтому я приказал разбить лагерь Георгию и Константину, что они и собирались сделать, когда Пэдди внезапно ожил и заявил, что до деревни осталось совсем немного. Затем, подойдя к своей упряжке, схватил жожака за загривок, вытащил его из снега, энергично встряхнул, и, задрав голову к звёздам, как это делают собаки, завыл по-волчьи.

Сначала я подумал, что он сошёл с ума, но тут пёс понял своего хозяина и, подняв голову, тоже мрачно завыл. Видимо, это было именно то, чего хотел Пэдди; он принялся энергично подбадривать других собак, и через несколько минут были уже обе упряжки. Приложив к ушам ладони, Пэдди стоял, прислушиваясь; собачий хор становился всё громче и громче, пока, наконец, во время короткого затишья, когда собаки остановились, чтобы перевести дыхание, Пэдди торжественно воскликнул: «Собаки! Собаки в Кумах-Сурте!»

Я наклонился вперёд, прислушиваясь, но не мог услышать собак в деревне, но Пэдди заверил меня, что они слышны — далеко-далеко. Теперь я заметил беспокойство наших упряжек; они лаяли, грызлись и нетерпеливо подпрыгивали — они слышали далёкий вой своих товарищей, слабый, но различимый в морозном воздухе. Пэдди крикнул мне, чтобы я поторопился, и вовремя — я только успел упасть поперёк саней, как возбуждённые упряжки рванули с места и помчались, соперничая друг с другом в своём неуёмном желании добраться до деревни. Мы понеслись вперёд, но Георгий и Константин не были так проворны, и, соответственно, им пришлось тащиться по нашему следу, нагруженными лопатами для снега и прочим снаряжением. Они так и не догнали нас, потому что трюк Пэдди был блестящим ходом, а ответный вой на его боевой клич вдохновил наших собак на борьбу и дал им крылья, а когда они остановились, тяжело дыша, под крутым берегом, множество их друзей-собак приветствовали их оглушительным лаем, из дымоходов вырывалось снопы искр, а женщины зажигали факелы у хижин, готовясь к нашему прибытию.

Вскоре сани были доставлены в предназначенные для них места, упряжки отвязали от саней, а позже, когда собаки отдохнули, накормили их рыбьими головами. Нас провели в наши старые жилища — главный балаган и юрту молодой леди, которая так искусно расчёсывала свои струящиеся блестящие волосы. Здесь меня развлекли бессвязным рассказом об игре в «прятки» между мной и исправником: они сказали, что я отправился в дорогу, а исправник повсюду следовал за мной с мешком хлеба, — это их очень забавляло. Некоторые из местных жителей побывали в Булуне и видели моряков, и по-

этому считали своим долгом рассказать нам обо всех их особенностях: как один потерял глаз, а другой, потерявший рассудок, постоянно хотел боксировать с якутами; и они подражали ему с таким же совершенством, как мартышки подражают человеку, отчётливо произнося слова «Джек Коул». Они болтали о ружьях, топорах и других сокровищах белых людей, которых они явно считали великим народом и очень богатыми, несмотря на то, что мы, экипаж «Жаннетты», жили исключительно за счёт их щедрости и на самом деле сами были нищими.

Нет нужды говорить, как я наслаждался нашим рыбным ужином и последовавшим за ним освежающим сном. Прежде чем лечь спать, я снял верхнюю одежду и вымыл ноги в лохани с горячей водой, приготовленной женщинами. Затем они смазали мои конечности рыбьим и гусиным жиром, который смягчил и успокоил запёкшиеся раны. Я обнаружил, что ногти на моих ногах и руках почернели, загнулись и были болезненными на ощупь. Я заснул с сознанием, что сделал всё, что мог, для поиска моих товарищей, и как бы я ни сожалел о том, что не смог найти их самих, я всё же смог вернуть наши записи и ценности.

На следующий день рано утром я прошёл по деревне, но не смог раздобыть оленью упряжку, как мне удавалось раньше, поэтому надо было опять прибегнуть к помощи наших собак, подкреплённых несколькими новыми из деревни. Теперь перед нами лежала сравнительно хорошая дорога, проложенная множеством людей, которые путешествовали по берегам реки, весь путь был обозначено вешками и ветками, установленными друг от друга в пределах видимости. Прибыв в Бурулах, олений стан, я отпустил Георгия и Фаддея, отдав им весь чай и всякую мелочь, которой я мог поделиться, вместе с заверением, что им будет должным образом заплачено за ценные услуги, которые они мне оказали. После нашего расставания они отдохнули и невозмутимо отправились в обратный путь до Северного Булуна.

Бурулах — первая казённая оленья станция на этой дороге, сюда постоянно прибывают собачьи и оленьи упряжки. Чтобы защитить оленей, которых отпускают бродить по лесу и питаться мхом, кото-

рого много в этих местах, собак содержат в нескольких больших загонах с высоким забором. Владелец станции пожаловался мне на большие потери оленей от волков в этой местности, и потому у него были некоторые трудности с тем, чтобы собрать достаточно животных, чтобы перевезти меня с вещами в Булун. Проведя здесь ночь, включая ужин и завтрак из варёной оленины, которая в лучшем случае намного хуже, чем очень плохая баранина, я наблюдал за тем, как составляются мои упряжки. Первым по порядку шёл ведущий погонщик с двумя оленями, запряжёнными в ряд в сани, к которым сзади была привязана моя упряжка. Следующим шёл Константин со своим собственным оленем, его сани были нагружены частью моих вещей; затем следовал погонщик, который, как и первый, вёл две упряжки, по два оленя в каждой, они везли остальной груз, и, наконец, сзади шли две запасные упряжки, всего шестнадцать оленей.

Из этого читатель может хотя бы в общих чертах оценить сложности путешествий по Сибири, даже если оно происходит в самых благоприятных условиях.

Одна упряжка оленей должна перевозить не более пяти пудов, или двести фунтов, или одного пассажира, чей ящик с провизией, не превышающий тот же вес, требует второй упряжки, а его погонщик должен иметь ещё третью, так что один путешественник для своей перевозки должен иметь шесть оленей. Ящик с провизией является необходимой частью его снаряжения, поскольку он не может рассчитывать на обеспечение какой-либо едой в пути. Так что он должен принять меры предосторожности, купив и забив оленя для собственного употребления. Поскольку это далеко от моря, рыбы нельзя купить сколько хочешь, а о хлебе или муке к северу от Верхоянска не может быть и речи. Правда, торговцы и купцы привозят ржаные сухари, но население употребляет их очень экономно, а в основном едят оленину, рыбу и говядину; в то время как к югу от Якутска чёрный хлеб уже буквально основа жизни; а среди туземцев между Верхоянском и Якутском основным продуктом питания является топлёное молоко, загущённое ржаной мукой, хотя, конечно, оленина и говядина, когда их можно достать, — как, впрочем, и мясо любой лоша-

ди, даже умершей от болезни или убитой, — всё это съедается с хорошим аппетитом.

Мы выехали из Бурулаха пораньше, и я надеялся добраться до Булуна за десять часов, как легко делал раньше. Снег, правда, был теперь глубже, но у меня было много оленей и два хороших проводника. И всё же весьма скоро я понял, что сложность путешествия пропорциональна количеству упряжек. Ибо, если первые сани ехали медленно, вторые обязательно наезжали на них и опрокидывались, и это случалось с удручающим постоянством. Также, когда проводники сбились с пути (а у кого был проводник, с которым это не случилось?), мы снова пересекли реку в поисках дороги, которую так и не смогли найти, и потому часть пути пробирались по нагромождению торосов в русле реки обратно на западный берег. Время шло, погода становилась всё холоднее и ветренее, и всё, что нам оставалось, — это просто держаться намеченного пути. Тут я обнаружил, что я почему-то мёрзну сильнее, чем обычно. Я не мог понять почему, ведь я был хорошо накормлен и отдыхал последние двое суток... И вдруг мне пришло в голову, что то, что в Кумах-Сурте я отпарил и удалил струпья со ступней и ног, как раз и привело с моей повышенной чувствительности к холоду. И это была единственная причина, которую я мог придумать. Туземцы тоже жаловались на ужасный холод и, ещё раз попетляв среди торосов, пересекли реку и остановились у хижин на восточном берегу. Здесь мы отдохнули и согрелись, а затем снова перешли на другую сторону и, преодолев густо поросший лесом склон, приехали в дикое, романтическое место в лесу, где стояло несколько хижин. Мы остановились в одной из них и заварили горячий чай, а туземцы наелись мороженой рыбы, к которой я не притронулся. Хотя я был еле жив от холода и усталости, мне очень хотелось поскорее ехать дальше, и я без околичностей упрекнул проводников за то, что они съехали с дороги и теперь бездельничают в тепле.

Это место, как я потом узнал, называлось Эекит¹, недалеко от Булуна, но далеко от реки; и когда я выговорил туземцам за то, что они

¹ Эекит — бывшее поселение на левом берегу реки Эекит (левый приток Лены), ≈5.5 км. от устья. На старых картах обозначено как Аякиит, Аякит, Якид, Ajaket, Ajakit, Ayakid, Ayachit и т.п. От устья реки Эекит до Булуна остаётся примерно 20 км. вверх по Лене. — *прим. перев.*

так далеко отклонились от нашего пути, просто чтобы выпить чаю, они объяснили, что ночь была намного холоднее, чем обычно, и они боялись, что я замёрзну до смерти. Но правда была и есть в том, что якут проедет сорок вёрст, чтобы выпить чаю со своим соседом, и тем более охотно, если заварка будет соседская. Теперь наша дорога лежала через низкорослые леса, холмы и глубокие овраги, пока мы снова не вышли на берег реки, и менее чем за час прибыли в Булун.

Деревня мирно дремала, и потребовалось долго стучать в дверь, чтобы разбудить командира Баишева, чей приём, однако, был в высшей степени сердечным. Всё же этот последний короткий переезд истощил остатки всех моих сил. Я чувствовал, как будто все мои жизненные силы покинули меня; и, если бы к этим двадцати трём дням пути прибавилось хоть несколько часов, я не смог бы их пережить.

Мои туземцы отправились в «Американский Балаган» и предупредили о моём прибытии, и вскоре меня приветствовали Бартлетт и Ниндемани. Выпив немного чая и перекусив, мы затем вернулись в их хижину, и я обнаружил, что мистер Даненхауэр не смог обеспечить, как я приказал, транспорт для всего нашего отряда, но снабдил пятерых человек, кроме себя, меховой одеждой, большим запасом еды, и отправился в лучшем виде в Верхоянск, оставив остальных ждать моего возвращения.

Также Бартлетт сообщил, что Кочаровский¹, исправник Верхоянского округа, направил в дельту Лены своего помощника Ипатьева, чтобы узнать, кто мы такие. Никто в Восточной Сибири не слышал об экспедиции «Жаннетты», а когда мои депеши были доставлены в Верхоянск, исправник увидел, что они написаны не по-русски, но к ним было приложено объяснительное письмо от молодого священника. Он попросил ссыльного Лиона², который владел французским, немецким и английским, перевести депеши, — и сразу же отправил их специальным курьером в Якутск. Затем он тут же отправил своего

¹ Болеслав Фелицианович Кочаровский (ум.1908) — коллежский советник, в то время верхоянский окружной исправник. Был членом Восточно-Сибирского отделения Русского Географического Общества, принимал активное участие в организации многих научных экспедиций. До 1906 года более 20 лет прослужил исправником во всех округах Якутской области. За участие в поисках и спасении экипажа «Жаннетты» был награждён золотыми часами и серебряной медалью от правительства США. — *прим. перев.*

² Соломон (Сергей) Ефремович Лион (1856-1936) — русский прозаик, публицист, адвокат, редактор и издатель. Отбывал ссылку в Верхоянске и Среднеколымске с 1879 до 1886 года. — *прим. перев.*

помощника в Булун, снабдив его коробкой лекарств, приготовленных ещё одним ссыльным, доктором Белым¹, и письмом, переведённым под его диктовку Лионом на французский, немецкий и английский языки, с вопросами, кто мы такие и что он может для нас сделать.

Теперь я решил подождать, когда Ипатьев вернётся из своих затянувшихся поисков, а тем временем убедил казачьего командира Баишева приложить все усилия, чтобы раздобыть меховую одежду, а также обувь, рукавицы, шапки и тому подобное для всех моих людей для нашего санного путешествия в Якутск.

Я прибыл в Булун 27 ноября 1881 года, и, хотя мне не удалось найти тела Делонга и его спутников, я всё же сократил расстояние, на котором нужно было проводить поиски, до пространства между Уэс-Тёрдюном и Матвеем, которое составляет менее ста миль по прямой. Кстати, тут выяснилось, что пояс, который я нашёл в Матвее и думал, что он принадлежит одному из членов отряда Делонга, на самом деле принадлежит Норосу! Во время моего путешествия я проехал по прямой 1140 вёрст; но, учитывая извилистый путь, повороты и блуждания, расстояние можно увеличить раза в полтора, то есть считать, что это 1140 сухопутных миль. Я также хорошо познакомился с характером местных жителей, расположением их деревень, ресурсами для снабжения продовольствием и собаками, то есть, по сути, всем тем, что обеспечит успешный поиск следующей весной. В дополнение к этому теперь мною была составлена очень точная карта дельты Лены, и, если такая была у Делонга, никто бы из его отряда не погиб.

Помощник исправника Ипатьев прибыл в Булун 29-го, и я сразу же получил у него аудиенцию. Поначалу наш прогресс в понимании друг друга был весьма медленным, но Баишев, с которым у меня было два дня оживлённых бесед, выступил в качестве переводчика, и вскоре наша тарабарщина и жестикуляция дошли до того, что Ипатьев мог сказать «Very good», когда кто-нибудь из нас особенно хорошо понимал собеседника. Так что к тому времени, когда мы были готовы от-

¹ Яков Моисеевич Белый (1847-1922) – врач, выпускник Киевского университета, в 1880-1883 годах отбывал ссылку в Верхоянске, где работал в местной больнице сперва неофициально, а затем по просьбе властей. Оставил воспоминания «Три года в Верхоянске». – *прим. перев.*

правиться в Верхоянск, мы уже довольно оживлённо разговаривали, а в дороге, на остановках в поварнях, мы уже болтали о чём угодно — о политике, религии и всём остальном. Конечно, время от времени мы не понимали друг друга, как, например, когда говорили об относительной стоимости пароходов на реке Лена, некоторые из которых были деревянные, а другие сделаны из железа, — дерева здесь очень много, а железа очень мало, настолько мало, что Ипатьев подчеркнул его ценность, сказав, что оно «на вес золота». При этом я рассказал ему о большой редкости и, следовательно, ценности железа в Центральном Китае, отметив также, что я видел там котёл весом в тридцать тонн, разрезанный на куски и отправленный в центральную часть страны на спинах людей. Чтобы было понятнее, я назвал его вес в фунтах, 60 000, и назвал «котелком». Всё было хорошо, но, описывая его, я сказал, что он был сделан из «золота», вместо «железа»; после чего Ипатьев выглядел очень озадаченным, пока, наконец, не показал своё кольцо на пальце и не постучал по одному из ножей, и попросил уточнить, имел ли я в виду «золото» или всё-таки «железо». Тут мы поняли друг друга и от души рассмеялись.

1 декабря всё было готово, и мы с Ипатьевым отправились в Верхоянск. Перед отъездом я убедился, что остальные мои люди должным образом экипированы и снабжены провизией, чтобы следовать за нами. Я назначил Бартлетта командиром отряда, я приказал ему не уезжать из Булуна, если кто-нибудь будет жаловаться на одежду или снаряжение, а немедленно встретиться с Баишевым, который позаботится обо всех их нуждах. Сам я выехал раньше, чтобы подготовить дорогу к их проезду и сэкономить время, тем более, что со мной был помощник исправника, который имеет право на первоочередное обслуживание в дороге. Кроме того, группа из шести человек со снаряжением не всегда может быть полностью обеспечена транспортом одновременно, закон ограничивает их число тремя; но мне удалось сделать специальное разрешение для всей группы, и таким образом избежать многих неудобств и задержек, поскольку, хотя здоровье у всех нас было довольно крепкое, наши лишения оставили свой след, а ноги у всех оставались чувствительны от последствий обморожения.

Глава XVIII. От Булуна до Верхоянска

Дневник путешествия — Минус 45° по Реомюру — Взгляды русских на Америку и её институты — Кочаровский — Лион — Моё письмо с инструкциями — Посещение балагана ссыльных — Дело Лиона — Жизнь в Верхоянске — О политических ссыльных.

Вот что записано в моем дневнике о путешествии в Верхоянск:

1 декабря. — Проехали девяносто вёрст и остановились в поварне выпить чаю.

2 декабря. — Ехали днём и ночью, спали в санях во время движения, подложив под голову спальный мешок вместо подушки, но не прикрываясь ничем, кроме одежды из оленьих шкур. Ужасно досаждают опрокидывания саней и ужасные боли в ногах. Олени бегут слишком быстро, чтобы я мог бежать рядом с санями, чтобы согреться и размяться, поэтому приходится терпеть и улыбаться. Остановились в шесть утра и выпили чаю. Проехали восемьдесят вёрст, снова остановились на два часа на отдых, покормить оленей и позавтракать самим. Затем до темноты сделали семьдесят вёрст, остановились на чай и сменить оленей и отправились за сто вёрст по тундре.

3 декабря. — В пути всю ночь, в тундре сбиваемся с пути и беспомощно бродим кругами. Наш проводник был лучшим, которого можно было найти, но и он безнадежно заблудился. Ипатьев нашёл, наконец, дорогу, вспомнив небольшой овраг, который мы уже пересекали. У меня был с собой компас, но в тундре никто не знал курса, которым надо ехать. Мы должны были преодолеть это расстояние за десять часов, но у нас это заняло пятнадцать с половиной; и когда мы остановились, наши ноги, руки и лица были обморожены.

4 декабря, воскресенье. — Ехали днём и ночью, прибыв в час ночи на первую станцию. Здесь меня ждали две записки от Даненхауэра, в которых говорилось, что он купил здесь оленину и замороженное молоко. Мы сменили упряжки и погонщиков и снова отправились в путь. Перед отъездом со станции поужинали олениной, поджаренной на углях, и супом с лапшой. Ипатьев был настолько предусмотрите-

лен, что имел для нашего путешествия запас лапши. Сделали шестьдесят вёрст, а затем, после остановки у балагана, ещё шестьдесят, и, наконец, остановились в пять часов, сделав сто сорок вёрст с четырёх часов утра до пяти вечера.

5 декабря. — Проехали десять вёрст; остановились, чтобы дать отдых оленям и пообедать, а затем снова до следующей станций, и ещё восемьдесят вёрст добавилось к нашему списку расстояний. С полудня перед нами было восемьдесят вёрст до пункта, который находится в двухстах двадцати верстах от Верхоянска. С остановкой в восемь вечера на чай преодолели эти восемьдесят вёрст за шесть часов с четвертью.

6 декабря. — Остановились в три часа ночи, имея на своём счету шестьдесят вёрст за пять с четвертью часов. Снова обморозил левую ногу, и она вся кровоточит. Холодно!! Термометр Ипатьева показывает -45° по Реомюру¹. Проехали шестьдесят вёрст и выпили ещё чаю. Снова в путь, оставалось пройти всего тридцать вёрст, и мы преодолели их к шести часам вечера.

Девятьсот вёрст за пять дней и восемнадцать часов. Прекрасный результат! Но мы путешествовали день и ночь и ни разу не ночевали в хижине или станции. Во время наших остановок у меня было несколько интересных бесед с Ипатьевым, русским, родившимся в Якутске, общительным, умным и вообще хорошим малым. У него было много курьёзных вопросов, касающихся Америки, «Великой Республики» и её конституции. Он живёт надеждой, что в России когда-нибудь появится конституция, и многие несчастные будут тем самым спасены от ссылок. У него нет веры преступникам, он полагает, и справедливо, что они должны наказываться. Он рассказал мне всё об убийстве президента Гарфилда², но сказал, что его ударили ножом, и сделал вывод, что слишком много свободы — это смерть как президентов, так и царей; а республика не может быть идеальной, иначе мы бы не убили нашего президента. Он искренний православ-

¹ -56° Цельсия

² Джеймс Абрам Гарфилд (1831-1881) — 20-й президент США. Покушение на него было совершено психически больным человеком 2 июля 1881 года, т.е. во время экспедиции «Жаннетты». Он был ранен из револьвера, но умер в результате некавалифицированного хирургического вмешательства. Покушение имело большой резонанс в России, т.к. за 4 месяца до этого в С.-Петербурге террористами «Народной воли» был убит Александр II. — прим. перев.

ный верующий, но имеет странные взгляды на религию; человек, родившийся русским и воспитанный православной церковью, не имеет права менять свои религиозные убеждения или саму религию, которой принадлежит, а те люди, которые это делают, по его мнению, заслуживают ссылки. Человек, родившийся и получивший образование католика или лютеранина (никакой другой протестантской веры он не знал), может, однако, сохранять свою религию и быть верным своему государству, но ему кажется невозможным, чтобы русский мог отказаться от национальной религии и при этом оставаться верным своей стране. Он очень интересуется нашими законами о браках и разводах и, в частности, поинтересовался, необходимо ли проводить как гражданскую, так и религиозную церемонию; он был несколько удивлён, когда я сообщил ему, что каждая имеет одинаковую юридическую силу, хотя некоторые американцы, для полной уверенности, женятся трижды: один раз с помощью государственного служащего и дважды с помощью священнослужителей разных конфессий. Что касается развода, то это чисто гражданский процесс, и брак можно прекратить только по уважительной причине. У него было очень ошибочное представление в этом вопросе, каким-то образом он пришёл к выводу, что мужчины и женщины в Америке вступают в брак и разводятся по собственному желанию. Я прямо сказал ему, что Сибирь — это единственная страна, в которой я когда-либо был, где у каждого мужчины была семья, но лишь у немногих были жёны. Возможно, это слишком сильно сказано, но по всей Восточной Сибири я нашёл столько же мужчин с сожительницами, сколько и с жёнами, и, более того, много раз встречал этих сожительниц в домах, где они свободно общались с жёнами, и это казалось нормальным.

Сразу же по прибытии в Верхоянск меня отвезли в резиденцию исправника Кочаровского, который принял меня с большим радушием. Даненхауэра и первую часть моего отряда приняли здесь очень хорошо, мужчин разместили в доме одной вдовы, их хорошо кормили, снабдили большим количеством табака и очень ограниченным количеством водки, так что они были совершенно довольны. Джек Коул, бедняга, хоть и был не в своём уме, был весел, вёл себя хорошо, ни с кем не ссорился, хотя и молол всякую чепуху. Но в конце концов он

стал вести себя так странно, что мистер Даненхауэр счёл необходимым передать его на попечение казака, а затем, после нескольких дней отдыха и подготовки, все они отправились в Якутск в сопровождении казака, которому поручались их дорожные нужды и расходы. Путешествие было приятным и весёлым, так как в Верхоянске их вдоволь снабдили провизией, и, хотя было очень холодно, никто сильно не пострадал, так как станции находились на небольшом расстоянии. Когда они были ещё в Верхоянске, прибыл курьер от генерала Георгия Черняева с пятьюстами рублями из его личных средств, переданными на нужды нашего отряда. Мистер Даненхауэр взял двести рублей, а остальное оставил мне, но так как деньги мне не были нужны, я передал их Кочаровскому на будущие расходы; это я сделал, чтобы упростить наши расчёты.

Сразу после моего прибытия исправник послал за Лионом, одним из находящихся у него политических ссыльных, чтобы он служил нам переводчиком. Лион пришёл и представился как тот, который написал мне письмо для исправника, когда я был в дельте; и теперь, когда он переводил для нас, ему удалось между делом поведать мне часть своей истории. Мы вместе отлично поужинали уткой, бекасом и другой дичью, которую Кочаровский хранил замороженной в своём леднике круглый год. Лион сказал мне, что он никогда раньше не ел за этим столом, хотя поначалу его часто приглашали отобедать. Но Лион был совершенно бескомпромиссным нигилистом и не хотел браться со своими охранниками. У Кочаровского был сын, которого я назвал «Маленький солдат», к большому удовольствию нас обоих. Миссис Кочаровская была приятной, светловолосой, симпатичной женщиной, по-видимому, вполне довольной тем, что проводит свои дни в этой отдалённой заснеженной глуши, готовя и заботясь о своём доме, супруге и маленьком сыне. Она прислуживала нам за столом и не садилась с нами. Это была первая хорошая еда, которую я ел с тех пор, как покинул Сан-Франциско. На столе было красное вино, называемое «наливка», которое делается из разбавленной водки и диких ягод, приятное на вкус и не очень пьянящее, а также был коньяк и обычная водка, которая представляет собой не что иное, как очищенное ржаное виски крепостью около шестидесяти процентов.

Наш разговор затянулся до трёх или четырёх утра из-за того, что мне, конечно, нужно было рассказать историю «Жаннетты» во всех её скорбных подробностях.

Лион сообщил мне, что до них никогда не доходило никаких известий о нашей экспедиции; что они недавно слышали о немецкой экспедиции, но ничего не знали ни о нас, ни о нашем путешествии, пока мы не пришли на их берег с Ледовитого океана. Я видел, как его глаза заблестели, когда я заговорил о том, с какой лёгкостью я мог бы плавать вдоль побережья Сибири на таком маленьком судне, как наш вельбот. Кочаровскому очень хотелось узнать всё об одежде и провизии, необходимых для таких путешествий, какие совершали мы; и когда я рассказывал, было видно, как молодой человек впитывал каждое моё слово, а его лицо светилось надеждой и радостью, когда я открыл его горящему взору великолепное видение побега из ненавистного заточения.

На следующее утро Лион снова пришёл позавтракать с нами и продолжить свою работу в качестве переводчика. За столом он сказал мне, что, задавая вопросы Кочаровскому, он возьмёт на себя смелость задать несколько своих собственных. Когда мы закончили трапезу, я попросил Кочаровского отправить Баишеву распоряжение с указанием продолжать поиски до моего возвращения или прибытия на место какого-либо другого американского офицера. Ниже приводится моё письмо с инструкциями, которое перевёл Лион; и оно было немедленно отправлено в Булун специальным курьером, а копия была направлена генералу Черняеву.

Верхоянск, 7 декабря 1881 года.

Сэр,

Это моё желание и пожелание правительства Соединённых Штатов Америки и руководителя американской экспедиции, чтобы были проведены тщательные и постоянные поиски моих пропавших товарищей с обеих лодок. Лейтенант Делонг и его отряд, состоящий из двенадцати человек, должны находиться недалеко от берега реки Лена, на западном берегу, к югу от небольшого охотничьего стана, известной среди якутов, как Кувина. Они не могли пройти на юг дальше, чем Булкур, поэтому, живы они или мертвы, они находятся между

Булкуром и Кувиной. Я уже прошёл по этой местности, но следовал по берегу реки, поэтому необходимо провести более тщательный поиск на возвышенности на небольшом расстоянии от реки. Я осмотрел много хижин и небольших жилищ, но не мог обследовать их все; поэтому необходимо, чтобы все — каждый дом и хижина, большие и маленькие, должны быть обследованы на предмет записей, бумаг или людей из экипажей лодок. Люди без еды и почти без одежды, естественно, будут искать убежища в хижинах вдоль линии своего маршрута, и если они были истощены, то могли умереть в одной из них. Они оставляли свои записи и бумаги в хижинах, если не могли нести их дальше. Если они перенесли свои записи и бумаги к югу от этой местности между Матвеем и Булкуром, их записи и бумаги могут быть найдены сложенными стопками, а рядом с ними будет установлен какой-нибудь заметный предмет, чтобы привлечь внимание поисковых отрядов; рядом с ними, если не на них, будет сложен знак из дерева или деревянный столб. В случае обнаружения книг или документов они должны быть отправлены американскому посланнику, проживающему в Санкт-Петербурге. Если они будут найдены и могут быть пересланы мне до того, как я покину Россию, я возьму их с собой в Америку.

Если мои товарищи будут найдены мёртвыми, я желаю, чтобы все записи и бумаги были изъяты из их одежды и переданы американскому посланнику в Санкт-Петербурге или мне, если они успеют связаться со мной до моего отъезда из России. Личности умерших, которых я хотел бы перенести в место, наиболее удобное для доступа из Булуна, чтобы все они были помещены в хижину и положены бок о бок для будущего опознания, чтобы хижина была надёжно закрыта и засыпана снегом или землёй до тех пор, пока из Америки не прибудет специальный человек, чтобы окончательно распорядиться телами. При закрывании хижины сделайте это таким образом, чтобы животные не могли проникнуть внутрь и уничтожить тела.

Поиски нашей третьей, малой лодки, вмещающей восемь человек, следует вести от западного устья реки Лена до восточного устья реки Яна и за их пределами. С момента, когда три лодки потеряли друг друга не было получено никаких известий о третьей лодке; но по-

сколько все три лодки направлялись в Баркин, а затем в устье Лены, естественно предположить, что лейтенант Чипп направил свою лодку в Баркин, если ему удалось пережить шторм; но, если по какой-либо причине он не смог добраться до устья Лены, лейтенант Чипп продолжил бы движение вдоль побережья от Баркина на запад до северного устья Лены или на юг до восточного устья реки Лены. Если ему не удалось войти в реку Лена, он мог из-за погодных условий или по другой причине вынужден идти вдоль побережья к реке Яна.

Тщательные и постоянные поиски должны начаться сейчас, в декабре, и продолжаться до тех пор, пока не будут найдены люди, записи и бумаги, при этом следует позаботиться о том, чтобы тщательное обследование той местности, где находятся лейтенант Делонг и его отряд, проводилось ранней весной, когда снег только начинает таять и до того, как начнутся весенние паводки на реке. Один или несколько американских представителей, по всей вероятности, прибудут в это время в Булун, чтобы помочь в поисках, но поиск, упомянутый в этом письме, должен проводиться независимо от какого-либо другого поискового отряда и полностью находиться под контролем компетентных лиц России.

Теперь Лион пригласил меня к своим товарищам по ссылке. Я спросил Кочаровского, есть ли у него какие-либо возражения, но он сказал: «О нет! Я не думаю, что нигилист может причинить вред республиканцу, но ужин будет готов в четыре.» Поэтому он отправил меня в жилище ссыльных на своих санях, которые потом вернулись за мной с Лионом, чтобы отвезти меня на обед.

Господин Лион был стройным темноволосым молодым человеком с мертвенно-бледным еврейским лицом, хотя, когда я спросил его, он сказал, что он не еврей. У него были чёрные волосы, достигающие до плеч. Он рассказал мне, что был студентом юридического факультета и его арестовали во время студенческих волнений, затем он предстал перед тремя разными трибуналами по очереди, ни один из которых, однако, не смог найти ничего предосудительного в его образе жизни, о чём и было указано в его препроводительных документах. По пути в Сибирь он попросил казачьего офицера своей охраны, добродушного парня, разрешить ему взглянуть на эти бумаги. Его просьба была

удовлетворена, и он узнал, что после того, как различные суды оправдали его, он был выслан так называемым «административным порядком» — сей замечательный документ заканчивался следующим образцом юридической логики: «Мы ничего не можем доказать против этого человека, но он изучает право и, без сомнения, очень опасен».

И, соответственно, он был сослан в Верхоянск на всю жизнь¹. У Лиона сохранилась копия его препроводительных документов, которые он показал мне, усмехаясь над своеобразной философией властей.

В доме было ещё четыре молодых человека: господа Люно, Зак, Арцыбушев и Царевский — все политические ссыльные; старшему двадцать семь, а младшему восемнадцать лет. Все они были людьми свободных профессий и свободно говорили по-французски; некоторые также по-немецки, а другие немного по-английски. Все они были убеждёнными нигилистами, хотя некоторые утверждали, что не были таковыми до своей ссылки. У каждого была своя печальная история, которую он мог рассказать, и все они смотрели на меня как на самое любопытное явление. Они приехали из разных уголков империи, познакомившись с российскими тюрьмами от Архангельска до Крыма. Они охотно задавали вопросы о навигации по сибирскому побережью; имея в своём распоряжении множество карт и схем, они часто мечтали и говорили, по их словам, о попытке к бегству, но две тысячи миль береговой линии и более тысячи миль речных путей казались непреодолимыми, пока это не совершили мы и не дали им новую надежду.

Ожидая прибытия моих людей из Булуна, я, с разрешения Кочаровского, навещал их ежедневно. По вечерам у исправника собиралась немногочисленная «элита» Верхоянска, там я и познакомился с их образом жизни. На этих вечеринках люди пели, играли, ели, и все поголовно играли в азартные игры, пили и курили, но женщины собирались отдельно, хотя и занимались тем же самым. Я, наверное, немало изумил собравшихся, сказав им, что никогда не играл в карты, даже в своей собственной стране. Лион, который присутствовал при этом, сказал:

¹ По другим данным — на 10 лет. — *прим. перев.*

«Теперь они заподозрят вас в каком-нибудь пороке, потому что они рассуждают так: человек, который не играет в азартные игры и не пьёт, очень подозрителен: он, должно быть, много думает, а у человека, который много думает, должны быть какие-то злые мысли!»

Но это была речь бедного изгнанника, чья жизнь была разрушена, потому что, читая и размышляя, он научился говорить правду о морали и политике, но неразумно произносил их слишком громко, и поэтому позволил навлечь на себя обвинения в искажении истины. Он был хорошо знаком с работами наших современных философов и политических экономистов, Джона Стюарта Милля, Ричарда Кобдена, Герберта Спенсера и других, и хотел бы пополнить свою библиотеку английскими книгами, ибо, хотя у них были словари французского, немецкого и английского языков, у них не было никакого материала для чтения на нашем языке, и поэтому они умоляли меня отдать им Библию или любую другую английскую книгу, которая была у меня в навигационном ящике; но так как это были реликвии экспедиции, я не смог расстаться с ними.

Моё пребывание в Верхоянске было как приятным, так и полезным. Я сделал себе копию российской карты дельты Лены для будущего использования и часто беседовал с политическими ссыльными. Их жилище была жалким сооружением, построенным на манер якутской юрты, из вертикальных брёвен, покрытых глиной с навозом. Там были обычные наружные и внутренние помещения, что-то вроде крытой веранды и кухни, в которой был камин и кухонные принадлежности. Во внутренней квартире они жили и хранили свои книги, постели, одежду и тому подобное. Стены были завешаны бумажными картинками, но комната была такой низкой, темной и затхлой, что в ней было неприятно находиться, а уж тем более жить. И даже в полдень необходимо было зажигать свечи для освещения. Так они были вынуждены жить из-за своей бедности. Правительство выделяло каждому на все нужды ежемесячную субсидию в размере двадцати пяти рублей — сумму, эквивалентную примерно двенадцати с половиной долларам, на которые они должны были кормиться, одеваться и покупать дрова и прочее. И это в местности, где ржаная мука стоит пять рублей за пуд, который равен сорока российским фунтам, или

примерно тридцати шести наших фунтов, так как российский фунт содержит около четырнадцати унций, по сравнению с шестнадцатью в американском фунте. Сахар оценивается в один рубль за фунт, но оленина, говядина, конина и дрова стоят не очень дорого. И всё же все предметы первой необходимости — всё, что делает нашу жизнь удобной, — чрезвычайно дорого. У некоторых из ссыльных были богатые родственники, которые присылали им деньги, но такие суммы не могли превышать трёхсот рублей за раз, а почта доставляется очень нерегулярно, обычно раз в полгода, хотя зимой иногда может приходиться чаще, — с какой-нибудь оказией в виде купца или чиновника. Тем не менее, вся почта, поступающая ссыльным или посылаемая ими должна вскрываться, прочитываться или осматриваться исправником округа, или начальником почты, или полицмейстером и, возможно, может быть присвоена.

Мой приезд преисполнил их самыми смелыми надеждами, ибо до сих пор считалось невозможным совершить побег по льду Северного Ледовитого океана, к тому же в их числе не было ни одного моряка, или, я подозреваю, ни одного, кто когда-либо видел волнующийся океан. Однако перед моим отъездом они сказали мне, что намерены предпринять эту попытку, и я очень надеялся, что она увенчается успехом. Ибо в них я увидел молодость, ум и благородство, заточенные на всю жизнь в арктической пустыне, без общения с книгами или образованным обществом, в окружении грязных и отвратительных туземцев, которые отчасти были их охранниками. Дело в том, что туземцы несут за побег ссыльного строгую ответственность, под страхом наказания кнутом и тюремным заключением, поскольку совершенно невозможно, чтобы кто-либо проехал в этих местах более или менее порядочное расстояние без их помощи или ведома. Как гость в этой стране, пользующийся её помощью и гостеприимством, я не мог, из соображений порядочности, содействовать ссыльным в их планах побега; тем не менее, как республиканец, я могу сказать, что все мои симпатии были на их стороне — угнетённых ради свободы слова. Ибо именно один из этих молодых людей сказал мне, что всё, о чём они просили и к чему стремились, — это конституционная форма правления, пусть конституция будет хотя бы такой, какой мо-

жет. Они хотели только привилегии быть заключёнными в тюрьму или повешенными, если так случится, в соответствии с российским законом и конституцией, и не загнанный, как стадо овец, полицеймейстером города в тюрьму или ссылку без судебного разбирательства, или, как в случае с Лионом, с имитацией суда.

Как бы то ни было, Лион, служа нам переводчиком, получил из моего рассказа Кочаровскому ценную информацию для себя и своих спутников об экспедиции «Жаннетты» и её снаряжении, нашем переходе на лодках и пешком, припасах, одежде и маршруте. Самый молодой из ссыльных, по прозвищу «Маленький кузнец», был студентом-политехником и, похоже, их «главным механиком». Он с восхищением смотрел на мой секстант, потому что с его помощью они могли найти дорогу в тундре и океане. У них были часы и компасы, но не было средств определения широты или таблиц для вычисления долготы, но этот серьёзный молодой нигилист начал мастерить самодельный секстант и уже составил свои собственные навигационные таблицы, используя русский альманах для определения склонений солнца. Они намеревались построить на реке Яна, недалеко от Верхоянска, лодку и попытаться пройти на ней тысячу миль до берега моря, а затем совершить путешествие почти в две тысячи миль вдоль побережья Сибири до Берингова пролива.

Впоследствии я с сожалением узнал, что они действительно пытались осуществить свой смелый замысел, но безуспешно. Ускользнув от охраны, им удалось, после многих трудностей, спуститься вниз по Яне, мимо большой деревни у её устья, и они уже достигли моря и могли сравнительно легко совершить побег, но по неопытности не смогли справиться с волнами и перегруженную лодку залило водой, а когда они выбросились на берег, её затопило, и вода промочила их провизию. Среди них была молодая женщина, о которой я ещё расскажу, но даже она была более стойкая, чем две другие, которые, испугавшись, сразу же сдались властям в Усть-Янске. Вскоре после этого были пойманы остальные, и их отправили в ещё худшую, если это вообще возможно, ссылку. Лиона сослали на Колыму, а других вывезли из населённых местностей и поселили среди якутов. А мне оставалось только восхищаться ими и их мужеством. Их худшими

преступлениями были мальчишеские глупости и уличные протесты. И поэтому в глазах каждого американца, рождённого с верой в то, что свобода слова и свободная пресса являются абсолютными и неоспоримыми правами, ужасное наказание, назначенное этим молодым людям, должно выглядеть постыдно деспотичным и жестоким.

Глава XIX. Из Верхоянска в Якутск

Паневич — Доктор Белый — Его печальная история — «Эти ужасные нигилисты!» — «Мёртвый нигилист и Мёртвый Царь» — Счастливые влюблённые — Я принимаю впечатляющую русскую баню и очень сильно простужаюсь — Уезжаю в Якутск — Сибирские пейзажи — Лошадь и её проблемы — Неожиданное препятствие — Киенг-Юрях — Водораздел — Опасный спуск — Жилище тунгусов — Несносные ящики — Бедные тунгусы — Местные мельницы — Учёный ссыльный — Скопцы.

Во время моего пребывания в Верхоянске из Якутска прибыл полицейский чин по фамилии Паневич, который также был одним из секретарей генерала Черняева. Они с Кочаровским были близкими друзьями, и, находясь в Верхоянске, он остановился в доме исправника. Я договорился, что поеду с ним в Якутск, и поэтому с нетерпением ждал прибытия Бартлетта и его компании.

Паневич был отличным добродушным малым, он познакомил меня с местными купцами, которые тоже были, в некотором роде, отличными парнями, всегда готовыми заработать рубль, но добродушными и гостеприимными до крайней степени, часто превышающей их возможности. Все они носят особую одежду, предписанную их гильдией — длинные шерстяные рубашки навывпуск, подпоясанные в талии, я также видел молодого якутского купца, одетого в подражание белым коллегам в широченную цветастую фланелевую рубаху, развевающуюся по ветру.

Я также нанёс визит другому ссыльному по имени доктор Белый, который жил отдельно от своих товарищей и выполнял обязанности казённого хирурга. Он ослеп от катаракты и собирался поехать на

лечение. Доктор Белый был очень добр к Даненхауэру и Личу, и именно он подготовил коробку с лекарствами, отправленную нам в Булун. На его долю выпало много горя, больше, чем в жизни большинства людей. Когда-то он был практикующим врачом в небольшом городке в Малороссии, никогда не совершил никаких преступлений и не принадлежал ни к какому тайному обществу.¹ Он считал, что его единственным проступком была женитьба на женщине из соседней деревни, а он не знал, что у него есть соперник.

Историю его ареста и ссылки в Верхоянск мне со слезами на глазах перевёл Лион, его друг и товарищ по несчастью. Оказалось, что однажды он лечил маленькую дочь полицмейстера, которая в конце концов настолько поправилась, что он перестал её посещать. Но однажды утром к нему от полицмейстера прибыл казак, который сказал, что его присутствие немедленно требуется в доме его командира, так как у ребёнка случился очередной приступ болезни.

«Я думаю, что ничего серьёзного, — ответил доктор. — Передай, что я буду после завтрака».

Но казак настаивал пойти немедленно, и поэтому он попросил его подождать, пока он не наденет пальто, но тут казак снова вмешался, сказав, что в этом нет необходимости, дом был всего в нескольких шагах, и что полицмейстер просил передать, что он позавтракает у него. Поэтому, опасаясь, как бы с ребёнком действительно не случилось что-нибудь серьёзного, он поспешил, но по дороге казак сказал, что сначала они должны зайти в кабинет его начальника. Он с удивлением последовал за ним, ни на мгновение не заподозрив, что что-то не так; и вот его провели в полицейское управление, прямо в приёмную, где полицмейстер объявил ему, что он арестован.

«Партия ссыльных, — сказал бессердечный негодяй, — готова отправиться в Сибирь, и вы отправитесь с ними».

Белый рассмеялся — это была хорошая шутка, но полицмейстер заверил его, что это серьёзно, и тогда бедняга, совершенно обескураженный, взмолился. Почему его лишили свободы? Кто его обвиня-

¹ Согласно «официальной» биографии Я.М.Белого (см. «Деятели революционного движения в России», Био-библиографический словарь, т.2, М., 1919) в первый раз он был арестован в 1869 г. и затем в 1979 году за организацию политических кружков. — *прим. перев.*

ет? В чём его обвиняют? Никакого ответа, кроме «в административном порядке».

Но не мог ли он вернуться домой под охраной и взять с собой самое необходимое? Или, по крайней мере, попрощаться со своей молодой женой? Жестокий полицейский отказал ему во всём. «А потом, — сказал он, — я был от отчаяния, но меня поместили в одиночную камеру, чтобы дожидаться отбытия партии, и через двенадцать часов я отправился в Сибирь».

Конечно, он чуть не сошёл с ума. Что будет с его молодой женой — и что она подумает о нём? Несомненно, подумает, что он её бросил. Тысячи мыслей и подозрений терзали его разум, он пережил дни и ночи душевных мук, и однажды, случайно, на одной железнодорожной станции он увидел из своего тюремного вагона своего старого друга-торговца. Тут же окликнув его, он вкратце рассказал об ужасном несчастье, которое с ним приключилось, и умолял его навестить жену и родственников и сообщить им о его судьбе.

Здесь следует сказать, что сразу же после вынесения приговора ссыльный теряет свою личность — лишается своего имени и становится «Номером таким-то», а его имуществом распоряжаются так, как если бы он был мёртв, — оно конфискуется государством или делится среди наследников. Так что практически никому, кроме властей, не известно его местонахождение.

Когда доктор Белый прибыл в Иркутск, он задержался там на некоторое время, а в это время его друг, купец, верный своему обещанию, поспешил рассказать бедной молодой жене доктора о его несчастье, и она, как только смогла, отправилась к нему в ссылку. С женской изобретательностью она сумела уведомить его письмом о своём приезде. Ежедневно, ежечасно, постоянно ждал он её, и как раз тогда, когда она вот-вот должна была приехать, его выслали в Якутск, а оттуда в Верхоянск.

Она, бедняжка, прибыла в Иркутск двумя днями позже. Представьте себе её страдания — когда, проехав 4000 миль, она узнаёт жестокую новость: он ещё в 2000 милях отсюда, и неизвестно, найдёт ли она его даже там! Это было слишком для бедного сердца — она потеряла рассудок, некоторое время бредила в сумасшедшем доме и

умерла. Он получил печальную весть, столь отличную от того, что он ожидал; когда я увидел его, он только что оправился от последствий попытки самоубийства с помощью яда.

Это печальная история одного из тех, с кем я познакомился в Верхоянске, рассказанная им самим и переведённая мне Лионом. Доктор Белый не был нигилистом или вообще воинственным в своих политических взглядах, и, следовательно, не пользовался особой благосклонностью Лиона и его товарищей. Однако он был в хороших отношениях с исправником и другими, которые искренне его любили; и всё же ему не разрешалось заниматься своей профессией ради заработка, а только заменять старого слепого врача.

Действительно, ссыльным не разрешается заниматься каким-либо бизнесом, работать по своей профессии, преподавать в школе, обрабатывать землю, или наниматься на какую-нибудь работу иначе, чем через начальство. Если мне нужна была какая-нибудь услуга, ссыльный иногда приходил и предлагал её выполнить, но мне приходилось платить его начальнику, от щедрости которого зависело его вознаграждение. Это чудовищная ошибка! Россия тщетно стремилась заселить Сибирь в течение тысячи лет, и она никогда не добьётся успеха, пока будет продолжать свою нынешнюю политику превращения страны в огромную тюрьму, где заключённым не дают честно зарабатывать на жизнь, и поэтому их, если они уголовные преступники, толкают к совершению следующих преступлений. Несомненно, в России и Сибири есть преступники самого худшего сорта, но очевидно, что их способ наказания никогда не будет способствовать их перевоспитанию и исправлению; и совершенно невозможно, чтобы Сибирь при её нынешней системе управления когда-либо будет заселяться и развиваться, как это было в исправительных колониях Франции и Англии.

Невежественные туземцы очень боятся всех ссыльных, потому что им рассказывают всякие преувеличенные истории о зверствах нигилистов, а полицейское начальство всегда настороже в ожидании протестов или восстания. Меня очень позабавил Кочаровский, который рассказывал мне, что живёт в постоянном страхе, как бы кто-нибудь из ссыльных не убил его. Он показал мне длинный нож и револьвер,

которые, по его словам, всегда лежат рядом с его кроватью, а в прихожей всегда ночевал казак. Лион подтвердил это, сказав, что он и его товарищи находили неиссякаемый источник веселья в запугивании полицмейстера, казачьей стражи и торговцев, которые продавали им товары с разорительной скидкой, чтобы, как они сами признавались, задобрить их и избежать их мести.

«Но, — говорили Леон и его друзья. — чего ради мы должны убивать этих бедолаг? Что хорошего это принесёт? Конечно, если бы их смерть могла принести нам свободу, мы были бы не прочь убить хоть тысячу, но это никак нам не поможет».

Ещё один эпизод из жизни ссыльных в Верхоянске, и я оставляю их наедине с их горестями. Я заметил, что стены их жалкого жилища были украшены картинками из журналов, но были и две заметные картины: одна фотография, а другая гравюра из какого-то журнала. Они висели лицом друг к другу на противоположных стенах, и я был поражён их сходством; на гравюре я узнал мёртвого царя. Он лежал в торжественной позе у окна, одетый в свой мундир, его руки держали распятие и покоились на груди.

Один из ссыльных, Арцыбушев, наблюдая, как я молчаливо рассматриваю картины, подошёл и сказал: «Эти два человека очень похожи, не так ли?»

Они, конечно, были похожи; заострённые смертью лица, одинаково уложены волосы и бороды, и я подумал, что оба были изображениями царя, о чём и сказал. Ссылный улыбнулся: «Нет, — сказал он, — на фотографии мой брат, погибший от холода и голода в проклятых застенках Петропавловской крепости на Неве. Его тело было сфотографировано на носилках возле одного из оружейных портов, который похож на дворцовое окно, возле которого лежит труп царя. Мои враги убили моего брата в крепости, а мои друзья убили царя в его дворце — "то, что равно — равно во всех своих частях" — мёртвый нигилист и мёртвый царь!»

Он засмеялся и добавил, что его арестовали и отправили в ссылку из-за смерти брата, что у него была возлюбленная, с которой он был помолвлен, и что она тоже была сослана в Архангельск; но ей было разрешено присоединиться к своему возлюбленному в Верхоянске.

Он был типичным нигилистом, какими их изображают в наших комиксах: с длинными густыми черными волосами, смуглый, стройный, с тонкими чертами лица, с блестящими глазами и блистательным умом. Он с улыбкой рассказывал мне, что каждый день ожидает свою возлюбленную и что если я не увижу её в Верхоянске, то непременно встречу по дороге. Она приехала в день моего отъезда — молодая и привлекательная, среднего роста и с прекрасной фигурой, у неё были светлые глаза и волосы, слегка вздёрнутый нос и красивый рот с пухлыми вишнёво-красными губами. У неё было с собой несколько французских книг, которые она, по её словам, намеревалась перевести. Она свободно говорила по-французски и по-немецки, но очень плохо знала английский. В этот раз я видел её всего несколько минут, но мы ещё встретились позже, когда я ехал на поиски на север и возвращался с них.

Вечером 15 декабря Бартлетт и его спутники благополучно прибыли из Булуна, и я немедленно приступил к подготовке для их поездки в Якутск. Они основательно разместились в доме казачьего командира, где у них было много хорошей еды и достаточно водки, чтобы хорошо провести время. К их прибытию я заготовил хороший запас хлеба и говядины, нарезанной и замороженной для путешествия кусками нужных размеров. А сам я страдал от сильной простуды, первой, которую я подхватил с тех пор, как покинул Соединённые Штаты, и произошло это следующим образом.

Когда я впервые заявился в дом исправника, он, кажется, что-то заподозрил насчёт моей чистоплотности, в чём, впрочем, был прав, потому что у меня самого были большие подозрения в том же направлении; поэтому, когда он предложил принять ванну, я с радостью согласился. Затем он приказал казаку приготовить ванну и принёс мне чистое нижнее бельё и костюм из серой ткани.

«Вы знакомы с баней?» — спросил он.

«О, да!» — самоуверенно ответил я, потому что не мог подумать, что в таком простом деле могут быть какие-то непостижимые нюансы.

Итак, в сопровождении казака, который нёс мою одежду, полотенца и тому подобное, я отправился в баню, которая находилась в сотне

ярдов от дома исправника. Я обнаружил, что это здание, примерно восемь на десять футов, и высотой семь футов, дверь была обита коровьей шкурой и войлоком, чтобы избежать потери тепла, но пол был земляной, а в углу стояла каменная печь с дымоходом. Мебель в бане состояла из одного табурета и маленького столика, также были две большие ванны, наполненные водой, одна горячая, а другая холодная, с плавающими в ней кусочками льда, две полки, одна примерно в двух футах от земли, другая около пяти футов, и обе достаточно широкие, чтобы на них мог лежать купальщик, несколько небольших деревянных сосудов, железный ковш и пара простыней, для обёртывания. В боковой части печи было большое отверстие, из которого пламя и дым устремлялись в комнату, а сверху дымохода в качестве заслонки была положена доска.

Теперь казак велел мне раздеться. Я так и сделал. Он наполнил водой ковш и спросил, готов ли я. Я сказал: «Да», и он плеснул водой в раскалённую печь через отверстие. Оттуда вырвался густой пар, и казак, посмотрев на меня, спросил: «Ещё?» Я согласился, и он вылил ещё один ковш, после чего верхняя часть здания наполнилась паром. Он искоса взглянул на меня и снова спросил: «Ещё?»

«Да, да! — сказал я нетерпеливо, — Лей ещё, много!»

Казак быстро плеснул пару ковшей в печь, а затем, пригнув голову, выскочил из дверей, как будто бросил в огонь гранату.

В комнате горели две свечи — одна на столе, другая на верхней полке. Последняя погасла в одно мгновение. Я снова зажёг её от другой и, предчувствуя недоброе, поставил обе на пол, где их пламя стало синим. Тем временем обжигающе горячий пар опускался всё ниже и ниже. Я присел на корточки, но он последовал за мной. Свечи замерцали и погасли. Перспектива оставаться в темноте и быть задушенным или ошпаренным до смерти мне не понравилась, поэтому, забыв о простынях, я бросился к двери и выскочил наружу, окутанный густыми клубами пара.

Казак в испуге убежал домой, а я остался ждать выхода пара, в голлом виде пританцовывая на пятидесятиградусном морозе. Вскоре я увидел, как поток холодного воздуха втекает в двери бани, вытесняя из неё раскалённый пар, и пополз внутрь на четвереньках, а когда

всё остыло, закрыл дверь и неторопливо искупался в одной из ванн, разбавив в ней воду до нужной температуры. Когда я, наконец, вернулся обратно и рассказал Кочаровскому о своих приключениях, он сказал, что казак подумал, что я намеревался сварить себя, и правда, на меня это так подействовало, что первое восклицание Бартлетта при встрече со мной было: «Ого! — что это они с вами сделали?»

Возможно, он имел в виду мою новую одежду, но, во всяком случае, простуда не отпускала меня, пока я снова не начал жить на открытом воздухе и спать в снегу.

Время моего отъезда из Верхоянска было назначено на утро 18 декабря, но у исправника оказалось много почты для отправки, так что в последний момент отъезд пришлось отложить, и мы отправились в полночь. Перед отъездом Кочаровский сказал мне, что, как только мои депеши прошли через его руки, он послал сообщение в Нижне-Колымск, чтобы там внимательно следили, не появятся ли на побережье какие-нибудь незнакомцы, и вот он получил известия с Колымы о том, что пока второй куттер или его люди замечены не были.

Моё путешествие в Якутск, хотя и проходило по большей части на северных оленях, было не таким быстрым, как между Булуном и Верхоянском. Зимой места здесь удивительно красивые: холодно, безлюдно, высокие густые леса с проблесками неба в вышине, стремительный бег оленей под ветвями вечнозелёных деревьев, миля за милей деревья, склонившегося под тяжестью снега до самой земли, неопишуемая гонка по холмам и горам, вокруг оврагов и ущелий, через многочисленные реки, речки и ручьи, по шатким мостам и краю глубоких оврагов, — я не смыкал глаз, очарованный быстрой сменой пейзажей, диких и странных.

На станциях мы встречали бродячих торговцев с их длинными вереницами саней, запряжённых оленями и с караванами навьюченных лошадей. Пять пудов — стандартный вес груза для одной лошади, груз укладывается в ящики, которые перевязываются сыромятными ремнями и привязываются к седлу по бокам лошади. Многие торговцы используют лошадей и северных оленей для перевозки своих товаров круглый год. Мы иногда встречали длинные караваны вьючных лошадей, привязанных друг за другом к хвостам, с одним про-

водником рядом или впереди и другим всадником сзади, чтобы присматривать, чтобы никто из лошадей не отбился и не потерялся груз. Станции сдаются правительством своим представителям, которые сдают их в субаренду якутам и другим подрядчикам, которые, в свою очередь, содержат станции в порядке и перевозят пассажиров и грузы по цене три копейки за версту для пассажира или каждые пять пудов груза. Конечно, между зрителями станций и путешественниками или торговцами идут бесконечные споры.

В этой части Сибири очень много тягловых лошадей и крупного рогатого скота, которые в зимние месяцы содержатся, как правило, под одной крышей со своими владельцами — часто в одних и тех же помещениях. Однако я заметил, что лошади не содержались в конюшнях даже в самую суровую погоду, за исключением, конечно, лошадей богатых людей, которые используются только для экипажей или саней. Бедные животные вынуждены рыться в глубоком снегу в поисках травы, как олени в поисках своего мха. Травы здесь, хотя и грубые, но сочные и питательные, так как за короткое жаркое лето они едва успевают вырасти, и когда быстро наступает зима, она замораживает и сохраняет их питательные соки; однако сибирская лошадь, как и испанский мул, не ограничивает свой рацион одной травой, а, по-видимому, может есть гораздо более грубую пищу. Я видел, как лошадь на ходу, пошатываясь под тяжестью груза, срывает зубами ветки берёзы и даже сосны. Лошади на станциях получают лучший уход, так как их кормят сеном, подстригают и лечат в течение лета, но к северу от Якутска лошади очень редко получают какой-нибудь уход или кров. Их можно видеть до самого Верхоянска, где по снежным равнинам бродят много диких лошадей, но я видел их нечасто. Погонщик лошадей имеет при себе приспособление в виде деревянной палки, в которую вделана полоса железа с треугольными зубьями, и этим он соскабливает иней и снег с лошадей, когда они останавливаются отдохнуть или прибывают на станцию.

Первую часть нашего путешествия, до станции Киенг-Юрях¹, мы проделали на оленьих упряжках. Пересекая один из притоков реки

¹ Киенг-Юрях — местность в устье реки Киенг-Юрях, левого притока реки Сартанг, в её верховьях. От Верхоянска до сюда около более 400 км., здесь путь продолжается через водораздел в горах (в

Яна¹, мы внезапно оказались в странном затруднительном положении, хотя температура упала до минус 40° по Реомюру², на льду реки было от десяти до пятнадцати дюймов воды; и, прежде чем мы смогли что-то понять, на полном ходу въехали прямо в неё. Лёд под водой был очень скользким, олени едва могли удержаться на ногах и кое-как брели в воде, которая текла здесь поверх льда на расстоянии нескольких миль. Олень, запряжённый в сани Паневича, упал, погонщики спешили и, по колесо в воде, отнесли моего друга на берег, где ему предстояло совершить одинокую прогулку в милю или две. Тем временем туземцам кое-как удалось поднять и удержать упавшего оленя; а мой ямщик пробрался вброд вперёд и, возглавив обе наши упряжки, добрался до крутого берега и взобрался на него. Такие затопления льда, которое якуты считают очень опасным, вызвано гидравлическим давлением воды подо льдом, которое поднимает ледяное ложе и, наконец, разрывает его, и вода продолжает вытекать до тех пор, пока давление не уменьшится, после чего снова замерзает.

Но мы были здесь в полночь, в тридцати верстах от какой-либо станции или поварни, и при такой низкой температуре, что я до сих пор с дрожью вспоминаю это. К счастью, якуты знали, что недалеко в лесу есть хижина, и мы отправились туда, где они развели костёр и высушили свою обувь и одежду; а Паневич заслужил их наилучшей похвалы, угостив каждого глотком водки. На рассвете мы снова отправились в путь, пробираясь в обход затопленного льда, а Паневич, который, как я заметил, так же, как и ямщики, был очень встревожен, воспользовался случаем и рассказал мне, что эти разливы очень опасны. Они происходят иногда с такой силой, что гибнут люди, и бывало, что целые упряжки с оленями, погонщиками и пассажирами замерзали до смерти, когда внезапно попадали в воду и промокали насквозь.

районе озёр Сис-Кюеле) до верховьев реки Тукулан, по которой спускается до Алдана. – *прим. перев.*

¹ На самом деле – реки Сартанг (правой составляющей реки Яна, т.к. собственно Яна начинается после слияния её с левой составляющей, рекой Дулгалах немного выше Верхоянска.). Вероятно, в то время Сартанг тоже назывался Яной. – *прим. перев.*

² -50° по Цельсию. – *прим. перев.*

24 декабря, в темноте, мы прибыли на станцию Киенг-Юрях. Здесь мы встретили замечательного толстого купца, только что прибывшего из Якутска, который знал моего попутчика и был полон гостеприимства и добродушия. Этот восторженный парень устроил шикарный ужин первому американцу, которого он когда-либо видел. Тем более, что нам и так надо было остановиться здесь отдохнуть, так как это последняя оленья станция на дороге в Якутск, и расположена она на горном водоразделе между Верхоянским и Якутским округами. Уже на следующий день мы тронулись в путь около десяти вечера и ехали всю ночь, перейдя через водораздел примерно в полночь.

Было очень холодно — просто ужасно! — где-то минус 40°-45° по Реомюру, мягко светил чудный лунный свет! Мы находились примерно в 4500 футах над уровнем моря, в безлюдных величественных горах, и, сняв с себя лишнее, пешком поднимались по крутому склону вслед за нашими упряжками. Над нами по обе стороны высились гигантские вершины, безмолвные, холодные и белые. Ах, как это было великолепно! Я наслаждался этой тихой и морозной ночью, а эти снежные вершины, купающиеся в серебряном сиянии полярной луны, наполняли меня благоговением. Я ещё раз был потом в этом месте, но уже не был так очарован, как в ту чудесную ночь, и великолепие, которое я тогда увидел, никогда не исчезнет из моей памяти.

Добравшись до перевала, мы на некоторое время остановились отдохнуть, а затем связали четверо саней по двое в ряд, с погонщиком, сидящим впереди на каждой паре, и оленями, запряжёнными сзади. Когда всё было готово, туземцы подвели сани к краю спуска, и они нырнули вниз. Я ожидал увидеть, что они кубарем покатятся вниз, но нет, погонщики тормозили и управляли ногами, а олени в это время придерживали сзади. Так они благополучно проехали около ста ярдов, потом остановились в глубоком снегу, подождали пока испуганные животные не успокоятся, а затем снова покатались ещё полторы мили. Склон был так крут, что я с трудом мог стоять на нём, поэтому я взял в руки палку, сел и помчался вниз, как на санках. Напрасно я пытался уменьшить скорость, вонзая палку в снег между ног, это только развернуло меня, и дальше я уже то скользил, то кувыркался

до конца склона, пока, наконец, не остановился возле саней, обалдевший от такого спуска. Да ещё пришлось раздеваться на холоде, чтобы вытряхнуть снег из одежды, которого туда набилось великое множество, особенно в выпуклую часть моих штанов.

Ближе к рассвету мы наткнулись на семейство кочевых тунгусов, которые расположились в распадке в шатре из бересты и оленьих шкур. Нижняя его часть, высотой около трёх футов, была в виде вертикального цилиндра, а выше вокруг шестов, образующих конус, были натянуты шкуры. Обитатели выглядели совершенно убого: две или три женщины и выводок детей в рваных мехах лежали на полу вокруг тусклого костра. Мы приготовили наш чай, а женщины принесли свой чайник, чтобы заварить наш чай для себя. Вскоре мы снова двинулись в путь, и остановились у поварни, в которой бедная женщина только что родила маленького якута. Наши погонщики развели костёр и согрели хижину, а мы заварили чай и напоили её. Она уложила своего ребёнка в деревянную люльку и казалась здоровой и совершенно счастливой.

Туземцы становились всё более опустившимися и развращёнными по мере того, как мы продвигались на юг; те, кто жил ближе всего к Якутску, были самыми отвратительными по своей внешности и привычкам и, по-видимому, лишены какой-либо морали. Все они живут под одной крышей со своим скотом, некоторые, однако, с перегородкой из прутьев между их комнатами и стойлами. Здесь требуется огромное терпение, чтобы справиться с невыносимо ленивыми ямщиками. Когда упряжка запряжена и пассажир собирается уже сесть в сани, его ямщик неспешно произносит: «Одну минуту, я не курил», что обычно означает, что он не обедал, не пил чай, не курил трубку и не пил чай снова, пока всё это не затянется на час или два. Поторопить их нет никакой возможности, сколько бы вы ни старались. При необходимости они удирали к соседям и пили чай там, а потом ещё где-нибудь, пока я тщетно рыскал по лесу и обыскивал юрты и конюшни.

В одном месте, где мы остановились на несколько часов, у туземцев в хижине лежала мёртвая лошадь, где, я думаю, она и сдохла. Туша была цела, за исключением того места, где они частично содрали ко-

жу от живота до задних ног, а также срезали и съели мясо с бёдер. Животное даже не было выпотрошено, и смрад, исходящая от него, была настолько невыносимой, что я забрался в свой спальный мешок и лёг в сани, чтобы не оставаться в хижине, пока мы ждали смены лошадей. А туземцы отрезали мясо и готовили его, даже не морщась. И при этом здесь производится много говядины для якутских рынков и золотых приисков на юге, хотя, это правда, что у туземцев, когда они заплатят все налоги, почти ничего не остаётся, а сборщики налогов в Сибири неумолимы.

Почти все жилища зажиточных якутов имеют примитивные мельницы, на которых туземцы перемалывают за раз пригоршню ржи и запекают тесто на конце палки или размешивают муку в горячем молоке. Эти мельницы сделаны из деревянного круга из ствола большого дерева и пары каменных жерновов. Круг устанавливается на трёх ножках, с штифтом в центре на который насаживаются нижний и верхний каменные жернова. По периферии круга прикреплён жёлоб из бычьей шкуры, в который сыпется из-под жерновов готовая мука и затем под наклоном ссыпается в ёмкость, стоящую на полу. В верхний камень вставлена вертикальная ручка для вращения одним или двумя людьми, а иногда крепится жердь, подвешенная к потолку, и две женщины, сидящие друг напротив друга, крутят его, одна из них время от времени бросает щепотку зерна в отверстие верхнего жернова. Сначала я был немного удивлён тем, с какой лёгкостью эти примитивные жернова вращались; но, подняв верхний камень, я обнаружил, что хитрый якут вставил в трущиеся поверхности обоих жерновов маленькие кубики кремня. Мука непросеянная и грубая, а мякина подмешивается в хлеб, как в дельте во времена голода для этого используют древесную труху. Из муки замешивают тесто, лепят продолговатые, в виде огурца, булочки на палочке, втыкают в золу и медленно поворачивают перед огнём, а иногда делают лепёшки и запекают на доске, установленной под углом перед огнём.

Якуты ведут жалкое существование, а их женщины особенно. Все они попрошайничают, лгут и воруют; они оборваны, больны и нечисты. По мере того, как мы подъезжали к Якутску, я заметил, что число слепых стариков и женщин не уменьшалось, и что способ омовения,

закрывающийся в том, чтобы брызгать водой изо рта в ладони, а затем мыть ею лицо, таким образом передавая болезнетворные бактерии изо рта в глаза, был общим для всех. В их жалких хижинах я иногда встречал ссыльных, политических или уголовных, расселённых по туземцам. Среди ссыльных было много евреев, которых как якуты, так и русские называли иудеями, которые, верные своим традициям, упорно стремились, хотя и были бедны, как церковные мыши, заниматься мелкой торговлей.

Ссыльные изгнанники! Захватывающая тема, на которую, имея больше времени, я с удовольствием бы распространялся, ибо видел и слышал столь многих из них, что, я уверен, это было бы интересно читателю. Представьте себе поэта и литератора, ту редкую русскую душу, подобную Тургеневу, чьё чудотворное влияние должно в конечном счёте просветить и освободить людей, замурованных на всю жизнь в этой снежной пустыне. И такой человек существовал, и даже варварство его окружения не смогло привести его в уныние и охладить пыл их таланта. Из-под его плодовитого пера лился непрерывный поток знаний и света, он писал и писал, забывая в этом свои обиды и печали. Власти были вне себя от радости, увидев его в таком умонастроении; они поощряли его творческую фантазию, ибо его слава опередила его; они поселили его в удобном доме и берегли, как курицу, несущую золотые яйца, чтобы они могли их собрать и продать; они дали ему прислугу, которая могла следить, чтобы ни одно яйцо не пропало; и даже архиерей соизволил присвоить себе перевод Библии, который сделал для него учёный изгнанник.

Но вскоре он увидел всё это и понял, насколько ценным он стал в глазах своих похитителей, и поэтому предусмотрительно стал использовать свои таланты в своих интересах. Его друзья в России усердно искали и нашли, наконец, казака, который имел заметное сходство с ним, — его двойника — чтобы заручиться его согласием, обучить его манерам и речи, подстричь-побрить, вылепить его личность по образцу ссыльного, пока внешне они не станут одним и тем же, и подмена будет почти совершенной, и, в конце концов, отвезти его в Сибирь и подменить, — для достижения этой цели изгнанник трудился со сверхчеловеческими усилиями, и плодовитость его ума

умножилась многократно от опьяняющей надежды на свободу, — один благословенный час которой, как говорят, стоит целой вечности рабства. И настал, наконец, славный день, когда, оставив своего хорошо обученного двойника играть свою роль и прикрывать свой побег, счастливый изгнанник обрёл свободу и отправился в обратный путь, который он — увы! — так и не закончил... непостоянство судьбы и необязательность друзей, небольшой сбой в тщательно разработанных планах, какая-то соринка в отлаженном механизме — и все надежды рухнули, — его схватили и снова похоронили заживо, на этот раз без всякой возможности воскрешения!¹

Самыми хорошо одетыми и счастливыми из всех ссыльных, которых я видел в Сибири, были те, кого называли «скопцы». Это религиозная секта, чьё учение в последние годы широко распространилось по империи, и чьи приверженцы, похоже, успешно противостоят преследованию со стороны российского правительства. Особенностью секты является то, что она может существовать и расти только путём приёма новых членов, поскольку члены её обоих полов настолько калечат свои детородные органы, что не могут ни зачинать, ни рожать детей. Однако они не живут отдельно от других мирян, в отличие от американских «шейкеров», с которыми они, похоже, очень хорошо знакомы и называют их «влажными», а себя — «сухими» скопцами. Они обучаются всяким ремёслам, не пьют спиртного и не едят мяса, они живут в общинах, подчиняются законам и полиции, занимаются исключительно сельским хозяйством, и, подобно шейкерам, поставляют на рынки всевозможные продукты. Женщины иногда покидают общины, но мужчины не могут, и я видел одну женщину, которая вышла из секты и родила ребёнка своему новому мужу; но из-за того, что у неё были удалены молочные железы, она не могла кормить грудью.

Мужчины-скопцы, которых я видел очень много в верховьях Лены, были крупными, толстыми, бледного или желтоватого цвета кожи, и, как правило, безбородыми, потому что бороды даже у тех, у кого они вырастали, в конце концов постепенно выпадали. Я нашёл их вполне

¹ Автор прозрачно намекает здесь на судьбу Н.Г. Чернышевского, его вилуюскую ссылку и попытку его освобождения Ипполитом Мышкиным в 1875 году. Обстоятельства и события описаны весьма причудливо, но такова была, по-видимому, версия, которую он слышал. — *прим. перев.*

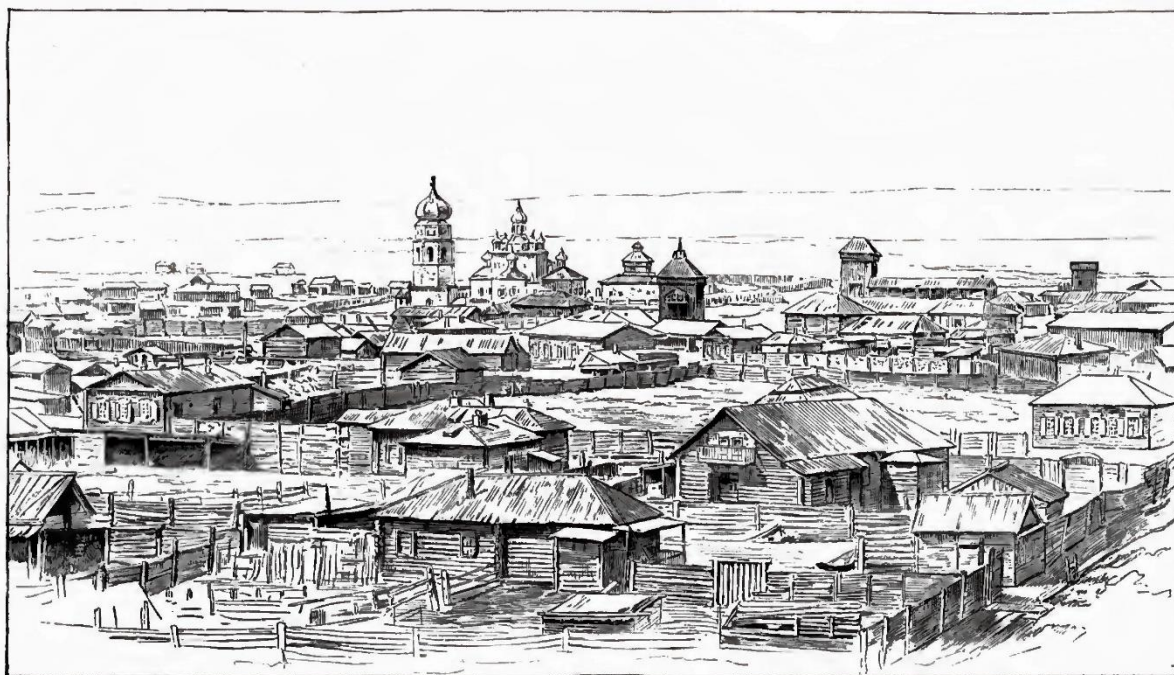
сообразительными, но не очень умными; они были бесстрастными и какими-то вялыми, как загнанные быки. В разговоре с несколькими из них, которые пришли в базарный день пообедать в нашу гостиницу в Якутске, меня спросили, нет ли у нас в Соединённых Штатах членов их секты. Нет, сказал я им, но у нас в Юте есть их противоположность — мормоны. Они, очевидно, не увидели иронии в моём ответе и сказали, что да, они слышали о многоженцах и думают, что это большой грех. Тем не менее, они, кажется, единственные богатые и успешные люди в окрестностях Якутска, потому что всегда трезвы, бережливы и трудолюбивы. Генерал Черняев рассказывал мне, что до их появления каждый фунт муки, используемой в Якутске, завозился из южных провинций, в то время как сейчас они экспортируют зерно, муку, говядину, масло и овощи. Генерал считал, что единственной целью скопцов было накопление богатства, и что их религия — это всего лишь средством уклонения от ответственности за воспитание детей. Так оно, на первый взгляд, и было; но я полагаю, что всё же главной причиной их процветания является не что иное, как их полное воздержание от алкоголя — истинного проклятия не только для России, но и для всего мира. У меня было много дел со скопцами, и я нашёл их справедливыми и честными, что я не могу сказать ни о каких других людях, которых я встречал в Сибири, кроме генерала Черняева, помощника исправника Ипатьева, и лейтенанта полиции Карпова¹.

¹ Дмитрий Дмитриевич Карпов — хорунжий (звание соответствует младшему лейтенанту в современной армии), служил в Якутском полицейском управлении. — *прим. перев.*

Глава XX. В Якутске

«Американский Балаган» — Генерал Черняев — Приём у генерала — Мистер Даненхауэр с командой отправляются в Америку — Указания из Департамента — Праздник — Подготовка ко второй поисковой экспедиции — Якутское общество — В канун Нового года — Новый Год — Приём у архиепископа — Маскарад — Пушистые «деньги».

Я прибыл в Якутск примерно в час пополудни 30 декабря 1881 года. Путешествие в 960 вёрст заняло двенадцать дней, или более чем вдвое дольше поездки из Булуна в Верхоянск. Станции были не более чем в двадцати-тридцати верстах друг от друга. Последние двести пятьдесят или триста вёрст были особенно утомительными, а якуты, жившие в своих коровниках — особенно неприятными. По пути нам встретились несколько заброшенных деревень от двадцати до тридцати юрт в каждой. Я спросил Паневича, почему они покинуты, и он рассказал, что все умерли от оспы.

ЯКУТСК

Меня отвезли прямо в «Американский Балаган», где поселились мистер Даненхауэр и матросы. Балаган был казённым домом, за пользование которым я платил небольшую еженедельную сумму, и располагался через дорогу от гостиницы, которую содержала мадам Лемперт, которая кормила нас из расчёта один рубль на человека в

день. Я обнаружил, что все мои люди очень довольны, обуты в облегающие сапоги и белые рубашки со стоячими воротниками. Все казались довольными и счастливыми и уже подружились с местными жителями. Многие уже завели любовниц, и, боюсь, останься они подольше, у некоторых уже были бы жены. Бедный Джек Коул, как я с горечью убедился, совершенно сошёл с ума, но был в прекрасном расположении духа и рассказывал мне, что теперь у него есть личная прислуга и он намерен жениться на королеве Виктории.

Я узнал от мистера Даненхауэра, что, когда они прибыли в Якутск, их сначала отвезли, как это положено при прибытии незнакомых людей, в полицейский участок, где он сообщил полицеймейстеру, кто он такой, и потребовал аудиенции у генерала Черняева, которая была немедленно ему предоставлена, а доктор Капелло, окружной врач и инспектор больниц, был переводчиком. Генерал принял его радушно, снабдил всем, что он хотел, или тем, что власти могли себе позволить, разместил людей в казённом доме и у мадам Лемперт, а также одолжил денег из личных средств. Он также настоял, чтобы мистер Даненхауэр обедал с ним каждый день в два часа дня, а поскольку я прибыл в час дня, я немедленно приготовился засвидетельствовать своё почтение генералу. Его сани, как обычно, приехали за мистером Даненхауэром, и мы вместе отправились в губернаторский особняк, который, по сравнению с другими жилыми помещениями Якутска, представляет собой внушительных размеров дом, построенный, как и все остальные, из дерева, частично из квадратного бруса и частично из круглых брёвен. Он расположен на углу улиц и огорожен забором, во дворе так же есть конюшни, дома для прислуги и другие здания.

Генерал — холостяк шестидесяти двух лет, из которых двадцать один год он провёл в Сибири. Он ростом шесть футов и два дюйма, прямой, как копьё, и довольно худощавый, с пышными белыми волосами и бородой, большим орлиным носом, красивым лицом и осанкой солдата. Он всегда одет в форму, которая ему идеально подходит. Он принял меня тепло, воистину по-отечески. Услышав, как открылась дверь, он вышел из своего кабинета в приёмную, чтобы поприветствовать Даненхауэра, а когда увидел меня, одетого в шкуры и с

обмороженным лицом, на мгновение удивлённо уставился на меня, а затем, прежде чем Даненхауэр смог нас представить, крепко обнял и поцеловал в обе щеки. Он называл меня своим братом и со слезами на глазах, снова и снова прижимал меня к своей груди. Так что извиняться за мой внешний вид не было необходимости — он был солдатом и отлично понимал ситуацию, в которой я оказался в данном случае. Он и доктор Капелло вместе участвовали в военных кампаниях прошлых лет и с тех пор не расставались. Доктор, который свободно говорил по-французски, был теперь переводчиком между Даненхауэром и генералом.

Мы съели превосходный ужин из супа, рыбы, говядины и дичи, якутского картофеля и разнообразных овощных консервов, запивая всё винами этой страны — водкой, бордо, мадерой и квасом¹, любимым напитком доктора Капелло. Закончили мы бутылкой шампанского, и после нескольких часов беседы мой первый приём у губернатора закончился; однако перед отъездом он взял с меня обещание, что я буду обедать с ним ежедневно всё время моего пребывания в Якутске.

На следующий день он нанёс мне ответный визит, и в течение оставшейся недели я почти ничего не мог делать, кроме как принимать и наносить визиты. Тем не менее, сразу по прибытии я начал организовывать отъезд мистера Даненхауэра и всех моряков, за исключением Бартлетта и Ниндемманна, которые останутся в Якутске. Они, без сомнения, были лучшими в отряде, кто сможет помочь мне в поисках ранней весной. Прошло уже два месяца с тех пор, как я отправил свои депеши из Булуна, но ответа всё ещё не было. Генерал Черняев предложил аванс от правительства за нашу перевозку и снабжение до Иркутска, но не прислушался к моим просьбам о средствах для возобновления поисков моих пропавших товарищей. Однако, поскольку с часу на час ожидалась почта, я отложил свой отъезд в

¹ Прилагается перевод рецепта кваса, написанного по-французски доктором Капелло: Чтобы приготовить пятнадцать бутылок кваса, нужно взять двадцать бутылок кипячёной воды, шесть фунтов чёрного ржаного хлеба и одну унцию английской мяты (*folia menthae p. per lac.*) и кипятить в течение двадцати четырёх часов. Затем пропустить содержимое через сито и оставить ещё на двадцать четыре часа, после чего добавить две ложки дрожжей и два фунта сахара. По истечении срока восьми часов разлить по бутылкам и закупорить пробкой. — *Ред.*

Иркутск, куда намеревался отправиться, чтобы установить телеграфную связь с Соединёнными Штатами.

1 января 1882 года я купил несколько бутылок вина, водки, белого хлеба, пирожных и холодное мясо для праздничного стола и вместе со своей командой открыл двери нашего дома для гостей. У моряков появилось множество друзей, все они нанесли новогодние визиты, и день прошёл очень весело.

Как можно скорее я отправил письмо и телеграмму в Военно-морское ведомство, в которых просил приказа мне остаться в Сибири с двумя людьми и продолжить поиски Делонга в марте.

Тем временем я купил сани и провизию и подготовил всё для удобства и безопасности участников путешествия в Иркутск. Генерал Черняев выделил особого казака для присмотра за Джеком Коулом и выдал мне аванс в 6000 рублей, 5000 из которых я отдал мистеру Даненхауэру, с письменным приказом немедленно отправиться в Иркутск, а оттуда на Восточное побережье США, время от времени связываясь с Министром ВМФ и информируя его о себе. 6 января Бартлетт, Ниндемани и остальная часть моего отряда прибыли в Якутск, а 9-го, когда всё было готово, мистер Даненхауэр с девятью своими подчинёнными отправился домой.

Губернатор и добрая половина населения города вышли в тот ясный морозный день, чтобы посмотреть, как американцы отправляются в свою Америку, там было много ссыльных всех сортов, которые с завистью смотрели на нас — ведь мы уезжали в благословенную страну свободы!

За свою короткую жизнь я видел, как самых благородных, респектабельных и богатых людей загнали, как скот, в одну часть большого европейского города и заперли за ними ворота — и всё только из-за их веры¹. Так происходит и сегодня, как это было восемнадцать веков назад — на большей части так называемого христианского мира человек подвергается насилию со стороны человека; хотя, благодаря энергичным лидерам современной мысли, нетерпимость эта по большей части вымирает, но в христианской России не так быстро.

¹ Автор имеет в виду еврейские гетто, которые возникли в Европе ещё в Средневековье и сохранялись в некоторых странах (Италии, например) до конца XIX века, т.е. при жизни автора. А в других формах («черта осёдлости» в России) — и позднее. — *прим. перев.*

Мне жалко было бедных изгнанников, с тоской взиравших на наш маленький отряд, как будто мы были счастливыми душами, улетающие на мифические небеса без необходимости проходить через ужасы смерти.

Когда мои товарищи с сердечными пожеланиями всего хорошего уехали, я немедленно начал готовиться ко второй экспедиции в дельту Лены, согласно следующему приказу Военно-морского ведомства, полученному по телеграфу:

Вашингтон.

Не упускайте любой возможности и не жалейте никаких средств для спасения людей со второго куттера. Окажите всё необходимое внимание больным и получившим обморожения из тех, кого уже спасли, и как можно скорее перевезите их в более тёплый климат. Департамент предоставит все необходимые средства.

Хант, секретарь.

По получении этой телеграммы, генерал Черняев сказал, что я могу иметь всё, что захочу, потому что теперь за моей спиной вся русская нация, но, к сожалению, сейчас праздник, — то есть день, в который работать невозможно, так как все магазины закрыты, и даже самые дальние от церкви не торгуют. Так по всей империи праздновали Рождество и Новый год. Губернатор, кажется, подумал, что я настолько груб или просто сумасшедший, из-за того, как энергично я поднимал на ноги всех городских торговцев и ремесленников, а его самого просил заставить людей работать и заниматься торговлей. И хотя весь город во время праздников был пьян, мне всё же удалось собрать снаряжения и припасов на шестимесячную экспедицию, всё упаковать и увязать в мешки из сыромятной кожи, готовые к транспортировке на вьючных лошадях, оленьих и собачьих упряжках через горный хребет (четыре тысячи пятьсот футов над уровнем моря) и далее две тысячи миль до Северного Ледовитого океана, где термометр падает до семидесяти градусов ниже нуля по Фаренгейту¹.

Губернатор подробно познакомился с моими планами и оказал мне большую помощь своими ценными советами. Я воспользовался услугами трёх переводчиков: капитан Иоахим Грёнбек, швед, бывший

¹ -57°C

участник экспедиции Норденшельда и капитан парохода «Лена», курсировавшего по реке в качестве грузового и пассажирского транспорта, и который очень хорошо говорил по-русски и по-английски и фактически, за исключением нескольких образованных ссыльных, был единственным человеком в Якутске, который вообще знал наш язык; капитан Константин Бобоков, бывший кавалерийский офицер, лишённый своих званий и отправленный в Якутск за какой-то проступок, который говорил по-русски, по-французски, по-немецки и по-якутски; и Пётр Калинин¹, казачий урядник и денщик генерала Черняева, который говорил по-русски и по-якутски. Таким образом, отряд наш насчитывал шесть человек: три поисковые группы по два человека в каждой, и все настолько владели языками, что мы могли хорошо понимать и друг друга, и местное население.

Наше снаряжение было полным и разнообразным, включая табак для нас самих и для подарков или оплаты якутам в дельте Лены, а также всякая мелочь для торговли и подарков. С учётом того, то мы, возможно, не завершим поиски к началу весны и будем вынуждены остаться на всё лето и вернёмся только осенью, я договорился с генералом Черняевым об отправке в Булун дополнительных запасов на шесть месяцев. Я получал деньги по правительственным заявкам и заставлял Бартлетта и Ниндеманна дни напролёт заниматься покупкой всякой всячины для нашей экспедиции.

Губернатор лично позаботился о том, чтобы снабдить нас хлебом, говядиной, мукой, чаем и другими важнейшими продуктами, в то время как посуда, котелки и чайники были доставлены через полицмейстера, за чем губернатор, однако, внимательно наблюдал. Многим из продуктов снабдили нас скопцы, а вяленую говядину и масло (смесь масла и сала) должны приготовить для нас в Верхоянске. Там же, чтобы сэкономить на транспортировке, мы получим наш хлеб, который сначала выпекается большими буханками, затем нарезается на двухдюймовые кубики и сушится в духовках.

По вечерам мы обычно навещали друзей, которых завелось немало. Как и в Верхоянске, так и здесь, да и вообще везде в этом непривет-

¹ Возможно, это Пётр Николаевич Калинин, отставной пятидесятник Якутского казачьего полка, который в 1893 году, став купцом и возглавив экспедицию Приамурского товарищества, первым проложил маршрут от Охотского моря до реки Колымы (Ола – Сеймчан). – прим. перев.

ливом холодном климате, у людей всех возрастов и сословий есть только один способ скоротать долгие зимние вечера — собраться на вечеринку, где все курят, пьют и играют в азартные игры. И на меня снова уставились как на какой-то курьёз, когда я признался, что никогда не играл в карты. Тем не менее, я выпивал немного водки и наливок и отведывал «закуски»: мороженую рыбу, икру, буженину и тому подобное, разложенное на столах. Зная об изобилии припасов, которые я закупил для экспедиции, все были очень удивлены, узнав, что я не беру с собой ни капли алкоголя.

Во время моего пребывания в Якутске у меня было много интересных наблюдений жизни сибиряков, многие из которых — свободные русские, например, купцы, приехавшие сюда для выгодной торговли. Другие — свободные дети ссыльных, а также довольно много военных, казаков, правительственных чиновников: гражданских, полицейских, налоговых, а также священнослужители, врачи и другие. В канун Нового года губернатор, чиновники и все высокопоставленные лица собрались в зале общественных собраний, чтобы отметить наступление 1882 года. Дамы и господа общались, выпивали, беседовали и танцевали под музыку большого оркестра, были накрыты игорные столы, и собралась, очевидно, вся элита города, и, как заметил мне вице-губернатор, в эту ночь, как ни в какую другую, у каждого мужчины была своя жена, а не чужая. Так или иначе, все казались весёлыми и счастливыми.

Губернатор тоже играл в карты, и, поскольку остальные участники вечеринки не могли понять моего русского, я большей частью помалкивал и в мыслях своих перенёсся в далёкую страну снега и льда.

Когда часы отсчитали последние секунды старого года, и приблизился решающий момент, все замолчали, мужчины стояли с бутылками шампанского в руках, придерживая готовые выстрелить пробки. Внезапно ударил колокол, и губернатор, встав, объявил о наступлении Нового года. Раздался залп хлопающих пробок, все выпили за жизнь и здоровье императора и всех добрых русских; и после продолжительных поздравлений, объятий и возлияний гости разошлись. На следующий день был большой церковный праздник, в который генерал-губернатор, а за ним и всё население должны были

прийти к архиепископу. Я присутствовал на этой церемонии. Грандиозная процессия из духовенства в рясах, с крестами, посохами, церковными книгами и тому подобным, распевая, прошли вокруг сидящего в большом кресле архиепископа, вытянув к нему сложенные ладонями вверх руки. Епископ милостиво протягивал свою руку каждому проходящему, и удостоенный его благословения смиренно целовал её. Сперва прошло духовенство, затем губернатор и всё его семейство, потом вся его свита выстроилась в очередь в соответствии с рангом, после чего последовали их примеру все остальные, многие, однако, воздержались от поцелуя. Позже в тот же день епископ со своими помощниками, вооружившись крестами, посохами и другими знаками отличия, посетили дом губернатора. Я был там по его просьбе и несколько минут беседовал с епископом. Вскоре он ушёл, а все помолились перед домашними иконами с песнопениями, поклонами и т.д. Служба завершилась раздачей губернатором бумажных рублей.

На следующий день архиепископ посетил нас в американском балагане и поинтересовался как мы живём и работаем. Весь тот день я видел бесчисленные процессии духовенства, посещавшего дома и богатых и бедных, которые в обмен на благословение делали щедрые подарки каждому отряду религиозных посетителей. И поскольку это продолжалось с раннего утра до поздней ночи, у меня возникла мысль, что кошельки людей, должно быть, прискорбно истощились. Вечером улицы заполнились весёлым маскарадом, люди ходили группами, со своей музыкой, своего рода маленькими аккордеонами, и заходили без приглашения во все дома подряд и танцевали. Однако каждая семья принимала их, угощала водкой, настойками, чаем, обязательной мороженой и копчёной рыбой, колбасой, белым и черным хлебом, печеньем и тому подобным. И потому к ночи не только участники маскарада, но и большинство духовенства были неподражаемо пьяны.

В Якутске дислоцируется регулярное армейское и казачье войско численностью в две тысячи человек. Это совершенно разные виды вооружённых сил и живут они в отдельных прекрасно оборудованных казармах; и все они так же хорошо одеты и накормлены, как и

среднестатистический житель Якутска. Город был укреплённым фортом в течение трёхсот лет, и некоторые из его старых деревянных башен сохранились до сих пор. Здесь расположен государственный банк, в котором хранятся все финансовые ценности, а поскольку многие налоги выплачиваются пушниной вместо наличных денег, то бизнес этот довольно громоздкий. Я наблюдал, как клерки пересчитывают, запечатывают и упаковывают меха, как бумажные деньги, для их отправки в Центральную Россию, где они продаются правительственными агентами на аукционах в Нижнем Новгороде и других пушных рынках в доход казны. Такая организация этого дела предоставляет немалые возможности для хищений со стороны должностных лиц при сборе налогов в отдалённых районах. Ибо туземцы платят подушный налог или наличными, или шкурками, а поскольку для последних цена была установлена много лет назад, когда меха имели меньшую ценность, теперь, когда они ценятся высоко, невежественный туземец сдаёт свои лисьи шкуры по старой цене, а хитрый исправник оставляет их себе, платит в казну налог наличными и через купца-сообщника сбывает шкурки по высокой цене.

19 января я отправил Ниндемманна с его переводчиком Бобоковым в Булун, приказав двигаться как можно быстрее и ждать там моего прибытия. Я послал его туда заранее, чтобы он мог подготовить путь для нашего обоза с провизией во главе с Бартлеттом, в сопровождении урядника Калинкина. К тому же, как я уже говорил, нам пришлось путешествовать таким вот образом, по частям, из-за ограниченного количества оленей на станциях. Бартлетт отправился в путь 23-го, а мне теперь оставалось только оплатить счета, подписать бумаги у губернатора и поскорее ехать. Но губернатор настоял, чтобы я подождал ещё несколько дней, пока обоз с провизией не уедет вперёд и не вернутся его лошади и олени. И ещё я поклялся, что никогда больше не буду осуждать испанские и португальские празднества за их пышность, ибо после моего знакомства с русским праздником я точно знаю, что русские превосходят все нации земного шара по количеству своих религиозных праздников и изобретательности в придумывании оправданий для пьянства и уклонения от работы!

Глава XXI. Снова на север

Отъезд в Верхоянск — Климатический феномен — Путешествие в Булун — Приготовления к поискам — Тяжёлая поездка в Зимовьялах — Тщетные попытки отправить рыбу — Рыбные спекулянты — Недовольные купцы — Азартные игры в дельте Лены — Расплачиваюсь по старым счетам — Смиренный Николай и раскаявшийся Спиридон.

И вот, 27 января 1882 года, подписав все бумаги у губернатора и превосходно у него пообедав, я отправился в Булун в компании капитана Грёнбека. Стояли сильные холода, но мы продвигались весьма быстро и в Верхоянске обогнали Ниндемманна и Бартлетта. Ниндемманн и Бобоков, однако, были уже готовы ехать дальше и отправились в путь вечером моего приезда, 4 февраля.

Конечно, я был рад снова встретился со всеми своими старыми друзьями и отметить их радость по поводу моего возвращения. Кочаровского на должности исправника округа сменил Ипатьев, а сам Кочаровский был отправлен в Нижне-Колымск¹, чтобы сменить исправника этого округа, который был отозван генералом Черняевым за какое-то мошенничество. Кочаровский не считал это большим продвижением по службе, поскольку место его нового назначения находилось ещё дальше от Якутска, а еда была плохой и скудной; но генерал сказал, что ценит его и доверяет ему, и именно поэтому посылает его в такую глушь, в то время как негодяев ему приходится держать поближе к себе. Впрочем, казалось, что ещё больше Кочаровский был разочарован тем, что я не привёз ему лимонов, но купить их в Якутске оказалось невозможным.

Во время путешествия я удивился необычайно резким изменением погоды. К югу от горного хребта царили абсолютная тишина и непрекращающийся сильный снегопад. На деревьях было столько снега, что многие из них ломались под его тяжестью и перегораживали дорогу. Ямщикам приходилось останавливаться и топорами расчи-

¹ На самом деле — в Среднеколымск, который был в это время окружным городом, «столицей» Колымского округа. — прим. перев.

щать нам путь. Подъём на хребет был долгим и трудным, и олени с большим трудом тащили пустые сани вверх по крутому склону.

Когда мы наконец поднялись на вершину перевала, сразу почувствовалась перемена в атмосфере. В то время как на юге стояла мёртвая тишина, тут бушевал настоящий шторм, и вместо деревьев, согнутых под тяжестью снега, к северу от горного хребта на деревьях, кустарниках и даже траве мы не увидели ни снежинки. Казалось, мы очутились в другом климате; позади нас всё было белым, перед нами — тёмно-зелёным. Снега на северных склонах хребта значительно меньше, чем на юге ещё и потому, что облака в основном не могут пересечь высокий хребет. По прибытии на станцию Киенг-Юрях нас встретил якутский староста («голова») со свежими оленями из Верхоянска. Он был послан нам на помощь исправником, которому генерал Черняев приказал дать нашему отряду право первоочередного проезда, а также сопровождать меня в поисках.

Я, конечно же, снова увидел своих друзей-ссылных и воспользовался их баней. Все они были в приподнятом настроении, готовили пеммикан и вообще готовились к предстоящему побегу. Я отправил Бартлетта с упряжкой в Булун, ожидая через несколько дней возвращения его оленей. Накануне моего отъезда из Верхоянска вечером 10 февраля Ипатьев устроил у себя дома проводы, на которой присутствовала вся местная элита, а также священник с женой и детьми и мои старые знакомые Лион и доктор Белый. Было большое застолье, и когда оно закончилось, и мы были готовы отправиться в путь, начал свои молитвы священник. Он монотонно пропел всё положенное три раза, потом все по очереди прошли необходимые церемонии, после которых неустомимый священник троекратно расцеловал на прощание всех нас по очереди. Затем с большим количеством провожающих мы, наконец, отправились; но чуть только отъехали, как была объявлена остановка, и последовало ещё больше прощаний, рукопожатий и распития водки; пока, наконец, когда всё это мне решительно осточертело, мы оставили наших друзей и унеслись в темноту. Моя группа теперь состояла, кроме меня, из капитана Грёнбека, Ипатьева и его казака.

Глубочайший снег, горная «дорога», не поддающаяся никакому описанию, и непрерывный яростный завывающий ветер — он дул так, словно никогда не успокоится. Олени были худые и слабые, и поэтому первые двести двадцать вёрст мы двигались медленно, вынужденные останавливаться в каждой поварне, чтобы накормить и дать отдых животным. Следующая станция находилась в двухстах девяноста верстах, но тут нам повезло получить прекрасных крупных оленей, таких же диких и необузданных, как местная природа. Они постоянно нетерпеливо рвались вперёд, нервничали и проваливались в глубоком снегу. Самка, привязанная рядом с оленем, будет спокойно трудиться, в то время как её большой толстый компаньон горячится, мечется и доводит себя до смерти за несколько часов. Отец и сын из зажиточной якутской семьи на этой станции, владеющие большим стадом оленей и которые занимаются всеми перевозками на этом участке дороги, рассказали мне, что они потеряли многих своих животных на доставке Ниндеманны и Бартлетта. Я сам ещё никогда не видел столь сильного снегопада и шквального ветра, из-за которого все дороги в горах были погребены под толстым слоем снега.

Мы догнали Бартлетта примерно в ста верстах от Булуна. Его упряжки в темноте заблудились и были занесены снегом, четыре их оленя пали, и сами они чуть не погибли. Мы обнаружили их в поварне, где они ремонтировали сани и упряжь, а олени их отдыхали, чтобы вернуться за теми санями, которые они оставили в горах. Мы поменяли наших самых крепких оленей на лучших из их истощённых, а затем двинулись дальше, оставив их восстановить за ночь силы и следовать за нами на следующий день. Оставшаяся часть нашего путешествия тоже была нелёгкой, но за восемнадцать часов мы преодолели сто вёрст и прибыли в Булун вечером 17 февраля. Бартлетт и Калинин появились спустя три часа, а часть их саней немного позже, хотя половина их всё ещё оставалась в горах. У Ниндеманны умерло в дороге тринадцать оленей, у Бартлетта — восемь, да ещё неизвестно сколько в его оставшихся в горах упряжках. Поэтому неудивительно, что тот якут, как рассказал мне исправник, горько жа-

ловался на утрату оленей, потому что, поскольку упряжки вели его ямщики, то я не мог нести ответственность за эти потери.

Я нашёл Ниндеманна и Бобокова довольными и пьющими чай в настоящем русском стиле в нашем старом жилище, Американском Балагане, где они наняли туземца с его женой для работы по хозяйству. Они проделали путь из Якутска за двадцать два дня, Бартлетт — за двадцать четыре, а я — за двадцать один. Баишев рассказал, что такая штормовая погода в Булуне была всю зиму, шторм, фактически, не прекращался ни на полдня с ноября. Так что наше тяжёлое путешествие на юг было лишь скромным предвестником того, что ожидало нас на севере. Действительно, если погода и дальше будет такой неблагоприятной, я не представлял, что смогу сделать до весны; но так или иначе, я решил отправиться в путь, как только смогу организовать транспорт. А пока мне надо было нанять якутов и закупить рыбу для людей и собак.

Вскоре я понял, как мне повезло, что со мной был исправник, потому что спекулянты-купцы, как мы узнали, скупили всю рыбу, пойманную в дельте и оставили её всю на месте промысла, и её стоимость возросла настолько, что рыба, которую я мог бы купить прошлой осенью за три копейки, теперь стоила семь копеек. По этой причине я решил отправиться за двести восемьдесят вёрст через горы в Зимовьялах и поторговаться за рыбу там, а Ипатьев пообещал разорвать все контракты между местными жителями и купцами, за исключением письменных и тех, по которым уже были выполнены оплата и доставка. Однако перед отъездом Ипатьев побывал на публичной распродаже имущества якута, умершего без завещания, и, выбрав семнадцать лучших оленей, купил их недорого для меня. Я купил их для еды, и отправил потом в Хас-Хата, наш северо-западный склад припасов — само по себе нетривиальное предприятие, поскольку Баишев сказал, что из-за плохой погоды никто не ездил туда за последние три месяца. И всё же мне не терпелось как можно скорее добраться до места и начать поиски, чтобы летом начать искать отряд Чиппа.

Я заключил контракт с неким Иваном Портнягиным и его женой, чтобы они сопровождали меня в качестве повара и кухарки. У них

был ребёнок, которого они непременно хотели взять с собой, но я утешил их за временное расставание с ним, заплатив два рубля в месяц его бабушке за заботу о малыше, присовокупив пять фунтов масла и сорок фунтов муки в качестве еды. Я договорился платить Ивану и жене пятнадцать рублей в месяц за их услуги и, помимо проезда из Булуна и обратно, давал им один фунт табака в качестве подарка. Константину Мухоплёву я назначил жалованье в двадцать пять рублей и фунт табака в месяц, а также оговорил, что в пищу ему полагается две рыбы в день. Я также подтвердил, что за перевозку наших припасов в Хас-Хата буду платить обычную ставку три копейки за пять пудов за версту, и что оставляю наши шестимесячные запасы в Булуне до следующей осени, если мне потребуется продлить поиски до этого времени, и аналогичным образом организовал доставку остальных наших припасов из Верхоянска в Зимовьялах.

Уладив все эти дела, 22 февраля я отбыл в Зимовьялах в сопровождении капитана Грёнбека и Ипатьева. Отряд под руководством Бартлетта получил приказ покинуть Булун 27-го с Константином в качестве проводника и поспешить с провизией и семнадцатью оленями в Хас-Хата. Впоследствии я узнал, что перегнать оленей через Булкур и Матвей невозможно, так как во всей этой местности не было оленьего мха, и животные наверняка погибли бы без него; поэтому я велел Бартлетту отправиться в Бурулах, а оттуда в Кумах-Сурт, где он найдёт собачьи упряжки, которые я пошлю из Зимовьялаха. Здесь он также расстанется со своим оленем, которого погонят через горы на север, в то время как он последует по руслу реки, через Булкур в Матвей, где его будет ожидать достаточный запас рыбы, чтобы доставить партию в Хас-Хата, наш северо-западный склад, с которого я предполагал начать наши поиски. Я также решил разместить провизию в Матвее в качестве нашего восточного склада, а в ходе последующих поисков в устье Яны сделал нашей базой снабжения Зимовьялах.

Мы довольно быстро добрались до оленьей станции в Бурулахе и убедили его старосту сопровождать нас до Зимовьялаха. Я попытался заручиться услугами другого местного жителя, чтобы отвезти наших оленей, когда они придут, в Хас-Хата, но переводчик и исправник

сообщили мне, что есть только один человек, который знает дорогу, но он слишком стар, чтобы ехать в это время года. Я, к сожалению, уже знал, что в Сибири мошенников больше, чем святых, и поэтому стал настаивать на том, что непременно должен быть кто-нибудь ещё, кто знает дорогу. Но они заверяли меня, что он единственный, других нет, и по моей просьбе исправник послал за ним на другой конец деревни. Ему, конечно, пришлось прийти, то есть его привели; он опирался на плечо молодой девушки и огромный посох, выше его самого. Он был слепой и полуголый, лишь несколько лоскутов оленьей шкуры покрывали его дряхлое тело, кое-где оно было полностью открыто непогоде. Неверной походкой он вошёл в наше жилище, говоря: «Драсти, драсти». При виде его мне стало стыдно за себя, а Ипатьев расспросил его. Сколько времени прошло с тех пор, как он в последний раз проезжал через горы? «Около двадцати лет», — сказал он. Знал ли он кого-нибудь, кроме себя, кто мог бы найти дорогу? Он не знал никого, за исключением двух своих сыновей, но они оба умерли. Теперь никто не пользовался оленьей дорогой, все путешественники ездили другим путём, на собаках. Поэтому я оставил Бартлетту сообщение, чтобы он нанял человека в Бурулахе или Кумах-Сурте, чтобы тот погнал за ним своих оленей в Хас-Хата, и, если он думает, что есть хоть какая-то вероятность того, что ему не хватит для этого провизии, то чтобы он убил для еды одного из оленей и взял мясо с собой. Бартлетт получил мою записку, но сказал, что она была так неразборчиво написана, что он не смог её прочитать.

В Бурулахе не было собак, и мы отправились в Зимовьялах на оленях, сначала по руслу реки, а к востоку от Кумах-Сурта — по сухому руслу горного ручья. До поварни в горах было сто тридцать вёрст, от неё до Тумуса — ещё сто семьдесят. Хотя я поднялся в три часа утра и был готов отправиться в путь уже в четыре, нам всё же не удалось выехать до шести, что, в конце концов, было довольно ранним часом для этих мест. Метель бушевала самым ужасным образом, так что у ямщиков не было никакого желания ехать. По дороге нет свежих оленей, и, если непогода нас задержит, мы не только сами пострадаем от недостатка пищи, но я также задержусь с отправкой помощи Бартлетту, которому приказано действовать быстро. В ту ночь после

перехода через горы нам предстоял переход по тундре протяжённостью в сто тридцать вёрст, и, посоветовавшись, туземцы решили отказаться от своего намерения остановиться в поварне и вместо этого продолжили путь через тундру. В наступившей темноте с яростной снежной метелью проводники, как водится, заблудились. Пришлось ночевать на нартах, пока олени, привязанные, отдыхали и паслись, а ямщики, завернувшись в свои оленьи шубы, сидели спиной к ветру и спали.

Заблудились мы, впрочем, не так сильно и при свете дня снова нашли дорогу. К следующей ночи мы пересекли тундру и достигли бухты Быковской, но туземцы не решились её пересечь, поэтому мы её обогнули и, наконец, в десять часов, после многих неверных поворотов и возвращений, мы прибыли, все засыпанные снегом и замёрзшие до полусмерти, в хижину в Тумусе, проехав в тот день сто девяносто вёрст, без еды и воды с самого завтрака в три часа ночи в Бурулахе. Было некоторое удовлетворение в том, что нам удалось поддерживать активность наших людей, независимо от того, хотели они двигаться или нет, хотя мы и видели, как они потихоньку отрезали кусочки от замороженного мяса, перевозимого в наших санях.

В Тумусе я снова повстречал друзей-ссылных и обнаружил, что русские и якутские купцы так же хорошо знакомы с приёмами спекулятивной скупки рыбы, так же, как наши чикагские торговцы — со скупками зерна. Кузьма сообщил мне, что они скупили всю рыбу в Тумусе. Было, правда, и утешительное известие — о том, что отсюда я могу добраться до Усть-Янска, проехав триста пятьдесят вёрст прямо через залив. Мы провели ночь в Тумусе, а рано утром отправились в Зимовьялах. Сразу же по прибытии туда я договорился с местными отправить две собачьи упряжки в Кумах-Сурт для перевозки Бартлетта и его людей в Хас-Хата. Мы загрузили их ста пятьюдесятью рыбами, а туземцы взяли ещё дополнительный запас для себя и собак. Бартлетту я послал приказ держать при себе туземцев и упряжки, пока они не довезут его до Хас-Хата. В записке я также сообщил ему, что в Матвее он найдёт запас рыбы, ибо, как только я отправил четыре упряжки в Кумах-Сурт, я собрал ещё четыре и отправил их в Матвей с указаниями сделать запас рыбы в этом месте, а за-

тем поспешить в Кумах-Сурт и помочь в перевозке отряда Бартлетта. В шторме наступило некоторое затишье, и в это время мне удалось отправить в путь туземцев, которым на самом деле очень не хотелось ехать. Они долго дурачились перед своими иконами и прощались с друзьями, так что едва они двинулись в путь, как снова поднялся ветер, и мне было жаль бедняг. Но таков был наш уговор, тем более, что Бартлетт зависел от этих поставок рыбы, особенно если он не сможет взять с собой оленя, что было весьма сомнительно.

Но туземцы вскоре вернулись и объявили, что ветер слишком силен и противостоять ему невозможно, что на самом деле было похоже на правду. Это подтверждало рассказ Баишева и других булунцев, что ни одна упряжка не отваживалась пересечь горы в эти три месяца года. Но они пообещали поехать снова, как только позволит погода.

Я заплатил за рыбу по обычным расценкам или чуть дороже, а Ипатьев конфисковал всё, что туземцы продали или договорились продать купцам, спекулятивный картель был таким образом разрушен, и их это очень разозлило. Они пригрозили туземцам, что впредь никогда не будут продавать им соль, чай или табак, и злорадно посоветовали им приобретать эти предметы первой необходимости у американцев — «они же такие добрые». К счастью, у меня было много чая, табака и других товаров, которыми я мог расплатиться вместо наличных, и так как я добавил к цене товара стоимость его транспортировки, они получили от меня почти двойную цену против той, что они бы получили от торговцев. И всё же туземцы ничего от этого не выиграли, потому что, как вскоре мне стало известно, в Зимовьях была организованная банда мошенников, которые днём и ночью играли с туземцами в азартные игры за их товары и, по сути, вели свой бизнес точно так же, как в любом игорном заведении в мире.

Заметив в деревне несколько таких щеголеватых прощелыг, я сначала спросил Ипатьева, кто они такие. Он засмеялся и сказал: «Купцы» и, раздав на столе воображаемую колоду карт, сделал движение руками, как будто собирал в кучу деньги и засовывал их в карманы. Эти негодяи, взяв с собой чая, табака и немного денег, приезжают сюда и живут среди местных жителей, у которых они покупают всё,

что им нужно, платя наличными, которые они тут же отыгрывают обратно, так что в конце зимнего сезона, когда готовы приехать настоящие купцы, они увозят с собой всё, что было у туземцев прошлой осенью, оставляя своих жертв разорёнными и голодными, но, как ни странно, страстно желающими, чтобы их снова обобрали. Я видел, как они продавали свои оленьи шкуры, одежду, медные котлы — всё, что у них было, — игрокам, которые платили деньги, немедленно садились за игру и менее чем за полчаса выигрывали всё обратно. Котелки и другие тяжёлые предметы, которые им было неудобно везти, они продавали туземцам обратно по высокой цене или брали залог в счёт добычи зверя или улова рыбы следующим летом.

И всё же якутам это, похоже, нравилось. Они проигрывали свою рыбу у меня на глазах, а затем стояли со своими жёнами и детьми, показывали мне свои пустые котелки и втягивали животы, демонстрируя какие они пустые, и это в то время, как игрок спокойно сидел тут же рядом со своей добычей. В одном из таких случаев я спросил местного жителя, который только что проиграл сотню рыб, сколько он хочет на ужин, и, когда он ответил: «Десять», я взял это число из нечестно полученной кучи перед игроком и дал их ему. «Хорошо, — сказал купец, — но тогда вы заплатите мне семьдесят копеек за рыбу», то есть на сто тридцать три процента больше их обычной стоимости. Туземец с тревогой ждал, не окажусь ли я настолько глуп, чтобы выкупить для него и семьи ужин, который он так безрассудно проиграл, но я молча вытащил из наших припасов рыбу для своего ужина и стал готовить её на огне, подумав, что для туземца будет полезным, если он отправится спать без ужина. Но я сомневаюсь, что это подействовало, так как игрок дал ему пять рыб, взяв обещание получить десять из следующего улова. И так всё и продолжается: старики и молодёжь обоих полов играют в азартные игры всякий раз, когда представляется такая возможность, и я считаю, что это главная причина большинства страданий и голода, которые преследуют людей в этой части страны.

Когда мы были в Зимовьялахе прошлой осенью, балаганы возвышались над землёй на восемь-десять футов, теперь же они представляли собой лишь небольшие холмики на поверхности снега, и только

столб дыма днём и сноп искр ночью указывали на точное местоположение хижин. Сани проезжали прямо по крышам, а собаки останавливались у дымоходов, чтобы понюхать, что там внизу готовят на ужин — так сильно деревня была занесена снегом. Ожидая затишья, я собрал всех людей Быково¹ и расплатился по своим старым счетам за рыбу и гусей. Кузьме я также заплатил обещанное за доставку моего послания в Булун, но так как он не смог тогда предоставить оленьи упряжки и одежду для перевозки моего отряда, я заплатил ему только триста из оговорённых пятисот рублей, а остаток передал Баишеву, чтобы он заплатил при выполнении этой услуги. Кузьма, кроме того, получил бумагу, подготовленную исправником, которая давала ему надлежащее право собственности на вельбот, с сохранением, однако, возможности для меня или любой американской стороны бесплатно использовать её в течение лета для поиска вдоль побережья людей второго куттера.

Ипатьев уведомил всех местных жителей, чтобы они предоставили свои иски по моим долгам, и некоторые ловкачи пытались удвоить количество провизии, которую они нам предоставили, но у меня был подробный список наших долгов, который вёл Даненхауэр — уезжая из Зимовьялаха, я попросил его тщательно вести учёт всех полученных нами запасов. Это он сделал и передал мне список в Якутске.

Следует сказать, что Николай Чагра, староста, поступил нечестно, дав нам самую мелкую рыбу, которая у него была, в то время как другие местные жители, особенно некий Андрюшка, всегда были щедры. Я решил наказать Николая, если представится возможность, и это произошло. Платежи производились в его хижине, где мы жили, и староста представил свои подсчёты, которые соответствовали моим записям. Но когда я спросил его, была ли его рыба большой или маленькой, он слегка скривился и сказал: «Средней». Тогда я попросил его, чтобы он показал образец исправнику, чтобы он мог посмотреть и оценить, и Николай принёс среднего размера муксуна, который был довольно большим представителем этого вида, и я тогда сам выбрал рыбу такого размера, который, по моему мнению, он нам

¹ Быково — деревня на самой северной оконечности мыса Быков. От неё, как было отмечено ранее, до Зимовьялаха 7.5 км. Ныне посёлок Быковский. — *прим. перев.*

дал. Он выглядел очень смущённым и расстроенным перед собравшимися соплеменниками, а Ипатьев упрекнул его, сказав, что он не заслуживает никакой платы, и, если я захочу, могу вообще не платить. Он пригрозил ему всякими карами, такими, как штраф, тюрьму или кнут, если он снова будет так плохо обращаться с иностранцами, и, если я захочу, он будет наказан. Николаю нечего было возразить, кроме того, что рыбы было мало, а нас было много и тому подобное. Но я не стал требовать наказания и заплатил всё, что ему причиталось, после чего он удалился под насмешки и укоры своих соседей.

Затем вперёд вышла жена Николая, и ей вручили иголки, нитки и ситец для нового платья. Её также заверили, что она была хорошей женщиной и хорошо относилась к чужестранцам. Андрюшка предъявил свой счёт, который в точности совпадал с моим, и так как он регулярно снабжал нас хорошей крупной рыбой и обычно добавлял ещё несколько сверху, то все жители с нетерпением ждали, как я с ним поступлю. Под одобрительные возгласы присутствующих я заплатил ему вдвое больше. Так я поступал и со всеми остальными — везде, где я обнаруживал попытку обмана, я сообщал об этом виновнику, а в одном крайнем случае, когда некий мужчина предъявил счёт за большее количество рыбы, чем он поставил, я вычел переплату из правильной суммы и выплатил ему остаток. Старому пирату Спиридону, которому доверился мистер Даненхауэр, пришлось очень плохо. Его счёт был полностью отклонён Ипатьевым, который ещё пригрозил ему различными наказаниями за дурное обращение с нами. Он выглядел очень раскаивающимся, но я всё же уверен, что в душе он оставался негодяем, и когда некоторые из туземцев насмеялись над ним, было видно, что он никогда им этого не забудет и не простит. В довершение всего Ипатьев отстранил его от должности старосты деревни и назначил на этот пост Василия Кулгаха.

Несколько женщин из Зимовьялаха, которые чинили наш камин, оштукатурили дымоход и оказали нам ряд других услуг, таких как починка обуви, рукавиц, одежды и т.п., тоже получили подарки. Жене Андрюшки я подарил ситец для платья, а также напёрсток, иголки и нитки; не забыл я и возлюбленную Инигуина, ту, которую он называл своей «маленькой доброй старушкой», я дал ей несколько вещей,

сказав через Ипатьева, что эти сувениры прислал ей её американский тунгус — это привело её в полный восторг! Таким вот образом мы распределили справедливые наказания и заслуженные награды среди жителей деревни.

Глава XXII. Непогода

Арктическая погода — Как заблудиться в деревне — Перерыв в непогоде — Продолжение шторма — Якутская финансовая арифметика — Отправляемся в Ары — Чолбогой. — Компас в голове — Турканах — Несчастливая семья — Ордоно — Кувина — В Хас-Хата — Наши «роскошные» покои — В бедственном положении — Своевременная помощь — Наконец-то вместе — Искусство жарить стейки — Воспоминание — Двадцатифунтовый напиток — Странные привычки якутов и чукчей.

Для экономии места далее следуют выдержки из моего дневника.

20 февраля. — Дует сильнее, чем когда-либо, и я не знаю, удастся ли поехать в такую погоду. Туземцы не могут этого сделать и даже не хотят попытаться, так что с моей стороны глупо рисковать, по крайней мере, сейчас.

Василий Кулгах и Николай Чагра вернулись сегодня после неудачной попытки добраться до Кумах-Сурта. Они ужасно обморозили лица, руки и ноги. Также прибыл из Ары молодой якут, скорее мёртвый, чем живой, после того, как пережил два дня сильнейшей метели. Он сидит в углу хижины в каком-то полубессознательном состоянии, плачет и раскачивается взад-вперёд, не имея ни сил, ни желания рассказать, что с ним случилось. Какой-то ямщик пришёл в деревню за помощью для молодого русского купца; они заблудились в заливе Буор-Хая к востоку от Зимовьялаха, и купец сейчас находится в поварне к юго-востоку от нас. Он и его ямщик съели всю свою провизию, а потом и собак. Затем он зарыл свои товары в снегу залива и, добравшись до поварни, отправил ямщика пешком в деревню за помощью. Последний не может передвигаться, но знает название хи-

жины (Хараулах¹), где находится его хозяин; и огромный, высокий, дикого вида тунгус, которого я потом нанял в качестве погонщика собак во время поисков на востоке залива Буор-Хая и в устье реки Яны, отправился к купцу на помощь, больше никто не хотел идти. Купцы в этом районе перевозят очень мало продовольствия, небольшими обозами, и поэтому зависят от погоды и часто теряются.

Я купил тысячу рыб у Кузьмы, а около девяти часов вечера так прояснилось, что уже через час мне удалось отправить собачьи упряжки со ста пятьюдесятью рыбами в Кумах-Сурт для Бартлетта.

27 февраля. — Трудно поверить, но шторм бушует ещё яростнее, чем вчера. Я надеюсь, что упряжкам, отправившимся прошлой ночью, удалось пересечь горный хребет, но, судя по нынешним обстоятельствам, я сомневаюсь, сможем ли мы начать поиски в течение месяца.

Я нанял в Быково три упряжки, включая упряжь и сани, по пятнадцать собак в каждой, за которые я плачу пятнадцать рублей в месяц и кормлю за свой счёт собак. Каждый ямщик получает двадцать рублей в месяц и пропитанье, которое включает рыбу, чай и табак. Упряжки и погонщики должны ехать туда, куда я им прикажу, и, когда не заняты другими делами, перевозить нашу провизию. Но большую часть рыбы мне придётся перевозить по дорожным расценкам — и три копейки за версту за сто штук. Сегодня я завершил покупки рыбы, поторговавшись и заплатив по здешним ценам за 5150 штук для нашей центральной станции в Матвее. Отсюда я буду забирать рыбу по мере необходимости, а 3000 оставляю в Зимовьялах для использования в этом районе поисков.

Мне рассказали, что многие местные жители покидают Быково на период наводнений, хотя многие из них живут здесь круглый год.

Всё ещё неиствует жестокий шторм. Никто по своей воле не покидает своей хижины, и те несчастные, которые вынуждены выйти наружу, должны либо держаться за что-нибудь, либо присесть и передвигаться на четвереньках. Здесь нет компромисса. Один старый туземец вышел из нашей хижины, чтобы добраться до другой, расположенной не более чем в ста ярдах. Снег яростно бил в лицо, а свире-

¹ Хараулах — местность (река и мыс Хара-Улах, Хараулахская бухта) в юго-западной части губы Буор-Хая. До Зимовьялаха оттуда более ста километров! — прим. перев.

пым ветер сбил с ног и закружил так, что он потерял всякую ориентировку. Я не знаю, кто поднял тревогу, но через несколько секунд все мужчины уже одевались в свои меха, а женщины помогали им и уговаривали поторопиться. Со старым Николаем во главе они отправились на поиски, а я последовал за ними, чтобы понаблюдать за их действиями. Отметив направление ветра и их нынешнее местоположение, все сели прямо на снег, а затем поползли по ветру, крича изо всех сил — и нашли его, громко взывающего о помощи, на небольшом расстоянии с подветренной стороны амбара.

Я никогда не видел такой кошмарной погоды, как эта — ни в Арктике, ни где-либо ещё. Мне не терпится дожидаться, как она наконец выдохнется и даст мне шанс приступить к работе. Ветра дуют всю зиму, в основном с юга до юго-запада, и все сильные штормы исходят с этой стороны, но иногда ветер переменный и дует с любой стороны света.

А как было тихо к югу от горного хребта! Когда там сани задевали ствол дерева, на нас сваливалась куча снега, а здесь же тундра и плоскогорья начисто оголены ветрами от снежного покрова, а долины и ущелья им завалены. Эта задержка невыносима, мне не терпится исследовать район, где находятся мои товарищи.

28 февраля. — Вчера вечером один ссыльный отважился прийти к нам и заблудился. Ему удалось добраться до наветренной стороны хижины Николая. Кто-то услышали его крики и после получасовых поисков нашли его — он вырыл в снегу яму и заполз в неё, его быстро занесло снегом и в сугробе он согрелся. Спасло его и то, что на нём была длинная парка из оленьей шкуры, в которой он, несомненно, мог бы пережить всю ночь. Это был старый Семён Алексеев, русский ссыльный, это его приключение сильно его напугало.

Ближе к утру шторм утих, и туземцы убирали снег вокруг жилищ и таскали дрова и лёд, готовясь к очередной снежной осаде. Я воспользовался затишьем, чтобы отправить две собачьи упряжки с двумястами рыбами в Матвей или, если получится, в Хас-Хата, а оттуда на помощь Бартлетту в Кумах-Сурт. Сегодня сюда прибыл один ссыльный из Северного Булуна. Он был в пути пять дней, и всю дорогу ветер дул ему в спину. Он говорит, что Иннокентий Шумилов отпра-

вился в Кумах-Сурт и может помочь там Бартлетту или приехать к нам в Быково в распоряжение Ипатьева.

Погода сегодня до самого вечер — лучшая, что были у нас за последние недели. Туземцы потеряли почти месяц рыбной ловли и испытывают трудности с дровами и водой, так как они не любят использовать для питья снег. Хотя сейчас у них много рыбы, всё же значительную часть её им нужно продать за наличные, чтобы купить чай, соль и табак, а также заплатить налоги. Я обнаружил, что стоимость перевозки рыбы здесь выше, чем её цена. Я тщетно пытался купить их с доставкой в Матвей, но для туземца это был слишком сложный расчёт, они всегда продавали свою рыбу в Быково и отдельно нанимались перевозить её по три копейки за версту — так они привыкли и так всегда будут делать. Сегодня я услышал, что в Усть-Янске и на Омолое¹ голод, и большая нехватка продовольствия в Северном Булуне. Ипатьев советует мне покупать сейчас всё, что мне может понадобиться, так как он думает, что после 1 апреля я не смогу купить вообще ничего. Если бы я был уверен в соли и вяленой говядине из Верхоянска, я мог бы обойтись меньшим количеством рыбы, но я не уверен и не могу полагаться на такую неопределённость, когда мне нужно накормить более двенадцати человек, и кроме того три собачьих упряжки для поиска и, вероятно, ещё пять для перевозки рыбы и грузов. Эти якуты перевозят всё так медленно, что мне впору заняться этим самому. Туземец не может заставить себя ни спешить, ни всё время идти — все они путешествуют, как им заблагорассудится, останавливаясь в хижинах, поварнях и деревнях, когда захотят. Но если мне удастся держать их подальше от их хижин и женщин, они будут в моих руках!

В течение мая месяца работать в любом месте дельты будет опасно. Здешние жители говорят, что временами, когда река прорывает ледяной затор, поток воды устремляется по реке на многие мили со скоростью лошади, унося с собой всё, что попадает на её пути, пока не исчезнет во множестве протоков и не достигнет моря. Это повторяется до тех пор, пока паводковые воды полностью не освободят пойму реки ото льда.

¹ Омоллой — река, впадающая в губу Буор-Хая с восточной стороны. — *прим. перев.*

Погода снова изменилась. Сперва тихо падал снег, но к восьми часам вечера снова подул ветер — опять с той же силой.

1 марта 1882 г. — На рассвете снова наступило затишье, но оно было очень коротким, и к одиннадцати часам утра шторм возобновил своё бесчинство. Ветер подхватывает всё, что не закреплено, и уносит куда-то через залив; поэтому я не удивляюсь, как раньше, почему туземцы всегда педантично крепят к земле свои пустые сани.

Сегодня утром, пока погода была ещё хорошей, двое туземцев, приехавших сюда из Булуна порыбачить, отправились вытаскивать свои сети. Вскоре после их отъезда поднялся ветер, и в три часа дня, когда они так и не появились, жители деревни отправились на их поиски. Всем им приходится здесь нелегко: голод, с одной стороны, и опасность замёрзнуть до смерти — с другой. Я здесь всего лишь четыре дня, а за это время только в этой деревне пришлось спасти четверых мужчин. Одного русского купца, Санникова, шторм задержал в Турканах¹ на тридцать пять дней. У него и двух его погонщиков было достаточно еды, чтобы продержаться, но у собак не было ничего, поэтому они убивали по собаке в день, чтобы другие животные могли поесть, и, наконец, отправили одного погонщика с упряжкой из шести собак в Быково, в семидесяти верстах, где была получена помощь.

Ветер всё ещё дует с такой силой, что ни человек, ни собака не могут противостоять ему. Сегодня я вышел на улицу просто для того, чтобы поэкспериментировать и посмотреть, можно ли там стоять — хотя бы держась за что-нибудь. На самом деле я просто ничего не мог различить в плотном потоке бешено несущегося снега и мелких льдинок. Ничего не оставалось делать, как встать на четвереньки, вернуться к снежным ступенькам и нырнуть обратно в хижину. Туземцы не позволяют никому из нас выходить в одиночку, а настаивают на том, чтобы идти с кем-нибудь из своих. В Японии я был свидетелем тайфуна, когда анемометры на трёх кораблях показывали

¹ Местности или жилья с таким названием (Turkanach) найти не удалось. Судя по дальнейшему описанию, Турканах находился где-то между Чолбогой и Ордоно. На карте из отчёта Мельвилля [7] на правом берегу Лены в районе о. Столб обозначена местность Turkanosk, но в этом месте у Мельвилля ошибочно обозначены и Ордоно, и Малый Буор-Хая, которые на самом деле находятся на Сырдахской протоке, так что в этом месте (правый берег Быковской протоки) этой карте доверять нельзя. — *прим. перев.*

девянсто девять, сто одну и сто три мили в час соответственно; когда разрушались непрочные здания, суда срывало с якорей, а повозки рикшей швыряло ветром, как ивовые корзины, — и всё же я мог стоять на ногах, а тайфун в его самом худшем проявлении был лишь слабым подобием этого неукротимого Борея. Грозы совершенно неизвестны в Северном Ледовитом океане и в приполярной области северное сияние является единственной формой проявления электричества в атмосфере. Тогда возникает вопрос: почему сияние, а не вспышки молний, сопровождаемые раскатами грома, как на экваторе?

Чтобы вызвать обычные атмосферные явления, необходим перенос тепла в атмосфере. Возможно, тогда отсутствие гроз в полярных регионах можно объяснить недостатком тепла, — или может быть так, что толстый изолирующий слой льда и снега препятствует разрядам электрического тока? А если бы атмосфера была теплее, полярное сияние сопровождалось бы яркими молниями?¹

2 марта. — Буря становится ещё хуже. Снег завалил входную дверь нашей хижины, и целые сутки ни у кого не хватило смелости выскочить наружу хотя бы нос. Я уже отчаялся сделать что-либо, кроме как ждать перемены погоды. Нам повезло в одном — в хижине нет детей. Хотя жена Николая продолжает изливать свою материнскую любовь на своего сына Афанасия, вполне уже взрослого молодого человека, которого она родила своему первому мужу. Она сажает его к себе на колени, обнимает и ласкает, вытирает нос и вообще заботится о нём, как будто ему года четыре. Афанасий — хороший мальчик и помогает своей матери носить дрова, лёд и т.д. На женщину возлагается обязанность дрессировки молодых собак, и каждый день в течение четырёх-пяти часов перед ней выстраивается полдюжины щенков, у каждого из которых вокруг шеи повязан ремешок, привязанный к палке длиной фут с небольшим, которая, в свою очередь, прикреплена к краю низкой скамейки. Результатом этого является то, что собаку постоянно заставляют тянуть только вперёд, ибо, если она пытается пятиться назад, палка вонзается ей в шею и напоминает, что

¹ Представления автора о причинах полярных сияний вполне соответствует тому времени. Хотя связь этих явлений с электричеством была обнаружена ещё Ломоносовым, современные представления о природе полярных сияний сформировались только в начале XX века. — *прим. перев.*

лучше этого не делать. Домашняя собака обычно помогает держать детей в относительной чистоте, вылизывая их. Так или иначе, я предпочёл бы спать в сугробе, чем в хижине, полной маленьких детей.

Иннокентий Шумилов должен был приехать уже несколько дней назад, чтобы доставить нас в Хас-Хата, но он, очевидно, переживает шторм в Кумах-Сурте или в какой-нибудь поварне по пути. У меня достаточно собак для поездки в Хас-Хата или Матвей, но в деревне нет человека, знакомого с этой дорогой, и потом, нам также может потребоваться перевезти большой запас рыбы, чтобы пережить затянувшуюся плохую погоду, так что я должен остаться и ждать здесь больше собачьих упряжек и проводников. У нас закончились оленина и хлеб, но есть много рыбы и соли, так что мы живём намного лучше, чем пять месяцев назад здесь же. Туземцы, которые месяцами живут без хлеба, выпрашивали понемногу, а я оказался несколько более щедрым, чем следовало, если бы знал насколько мы здесь задержимся. Вот и Кузьма просил у меня совсем немного на ужин, а я дал ему столько, что хватило бы на дюжину едоков.

«Рыжий чёрт» Ефим Копылов квартирует в хижине Николая, живёт в углу и спит на полу. По нашему прибытию он сразу же стал как бы дворецким Ипатьева, капитана Грёнбека и меня. Он упрашивал меня взять его на службу в качестве разнорабочего, на что в конце концов я согласился, с жалованьем пятнадцать рублей в месяц. Он заботится обо всех наших нуждах, готовит нам рыбу и чай и показал себя действительно очень полезным. (Потом я взял его с собой на северо-запад, затем снова в Быково и, наконец, с разрешения генерала Черняева, в Якутск, где он, потеряв голову, попал в передрагу и, соответственно, в *кутузку*.) Больше всего я беспокоюсь о Бартлетте и его людях, потому что они находятся на краю совершенно бесплодной местности, хотя примерно в семидесяти верстах к западу от них есть приличного размера деревня¹, где Константин Мухоплёв может добыть провизию.

¹ Мельвилль имеет ввиду, очевидно, какое-то поселение на зимнике между р. Лена и р. Оленёк, который проходил в этих местах, где Лена и Оленёк расположены ближе всего друг к другу. Какое именно поселение было указано на карте Мельвилля в том районе — неизвестно, это могло быть ныне не существующие Булункан или Нёрю-Юрях, которые можно найти в этих местах на старых картах. В любом случае мнение автора, что это было населённое место, до которого легче всего

3 марта. — Собачьи упряжки, которые я отправил в Кумах-Сурт, вернулись сегодня, потерпев неудачу в попытке достичь этой точки. Им удалось добраться до первой поварни, расположенной в сорока верстах от Зимовьялаха, но по дороге в Тас-Ары¹ они заблудились и пережили ужасные испытания. Четыре их собаки погибли, некоторые были брошены, а других привезли обратно на санях в беспомощном состоянии. Вожак Спиридона, молодой и хорошо обученный пёс, стоящий семьдесят пять рублей, находился среди погибших, и старик был безутешен. Сами туземцы в плачевном состоянии, у них сильно обморожены лица, руки и ноги. Они сбились с пути сперва по дороге туда, а потом и обратно, и я едва ли смогу убедить их пойти снова, пока не установится погода. Две упряжки ещё не вернулись, но вернувшиеся уверены, что с ними всё хорошо. Из-за этой неудачи Бартлетт и его люди вынуждены оставаться в Кумах-Сурте, а мы оказались втянуты в дополнительные расходы и задержки.

Теперь я беспокоюсь, что отряды, которые я отправил в Матвей, также вернутся ни с чем. Обеспечить здесь любую перевозку — чертовски сложная задача, поскольку недостаточно иметь даже самых лучших собак и оленей, а лучшего средства передвижения в этих диких местах нет. Оленьи упряжки, которые привезли нас в Зимовьялах, сегодня отправились в Кумах-Сурт. Они не могли привезти нам никакой рыбы, но пообещали отдать Бартлетту шестьдесят своих, которые будут возвращены им из тех ста пятидесяти, которые я всё пытаюсь ему доставить. Смею заметить, что некоторые из кабинетных арктических путешественников и критиков, которые не приближались к этим местам ближе трёх тысяч миль, зададутся конечно же вопросом, почему этот дурак сидел там и ничего не делал? — да, если бы только они здесь оказались — я бы посмотрел, как бы они обделались! Сотня рыб — это приличный груз, да ещё надо везти с собой рыбу в качестве еды для собак и погонщиков, хотя эта проблема частично решается запасами, заранее сделанными вдоль дороги.

было добраться от Кумах-Сурта, представляется ошибочным, т.к. путь до него проходил через горную местность — легче было добраться по долине Лены до Булуна (100 км.) — *прим. перев.*

¹ Тас-Ары — остров и, возможно, бывшее поселение на правом берегу Лены выше острова Тит-Ары и напротив и немного выше устья Булкура. Обозначен на карте Мельвилля [1] (Tas-Ary) и многих старых картах. — *прим. перев.*

День был сравнительно погожий, если не считать порывистого ветра.

4 марта. — Неожиданно наступила хорошая погода, но через несколько часов так же неожиданно куда-то исчезла. Ветер снова дует, и, кажется, ещё сильнее. Я легко прошёл триста ярдов по ветру снять показания приборов, но с величайшим трудом вернулся обратно — это торнадо превосходит всё, что я когда-либо видел. Один из возвратившихся туземцев зашёл сегодня ко мне и рассказал незавидную историю своих страданий. Впрочем, лицо и руки бедняги без всяких слов свидетельствуют о жестокости местного климата. Его скулы — две сплошные раны, а опухший нос багровый, как свёкла. Он больше не хочет никуда ездить до весны, и я его понимаю. Одна из собак, брошенная на дороге, прошлой ночью пришла обратно в деревню и умерла. Это всё большие потери для туземцев, и, главное — совершенно напрасные, так как в соответствии с контрактом они должны были получить оплату, только если доставят грузы до места назначения. Теперь у нас остались последние буханки хлеба, и наша ежедневная еда — варёная рыба, очень вкусная, когда нет ничего другого.

Сегодня я был свидетелем как делили деньги, полученные за упряжку из одиннадцати собак, три местных жителя, которым принадлежали соответственно три, пять и шесть собак. К тому же тот, у кого было три собаки, предоставил свои услуги в качестве погонщика, а владелец пяти животных предоставил корм для собак. Таким образом возникла финансовая проблема, представлявшая для туземцев немалую сложность, и вот как они её решили. Они положили на стол столько палочек, сколько было собак (одиннадцать), а тот, который был погонщиком, прибавил к своим ещё три. Затем они разделили между собой деньги в соответствии с количеством палочек у каждого, а потом каждый рассчитался с человеком, предоставивший корм для собак по его цене, в соответствии с долей каждого в упряжке: три, пять и шесть.

5 марта. — Ветер повернул на восток — несомненно, это перемена к лучшему. Приехал из Ары Василий Кулгах и привёз с собой трёх че-

ловек с Длинного острова¹, что недалеко от Оленёкской протоки, и проводника на реку Омолой. Первые будут выступать, если мне понадобится, в качестве погонщиков и проводников до Оленька, а другого, тунгуса, я могу найти здесь, когда захочу.

Две упряжки, с которыми я послал рыбу в Матвей, очевидно, добрались до цели, так как не вернулись в Ары, поэтому я могу надеяться, что они находятся сейчас на пути в Кумах-Сурт. Другие упряжки всё ещё здесь, но если ветер будет попутный, то есть с востока, то они предпримут ещё одну попытку. Положение наше здесь незавидное — мой отряд из трёх человек и якуты расквартированы в хижине размером двадцать на двадцать футов. И запахи, и зрелище — не из приятных!.. И всё же мы укрыты от непогоды, что для нас сейчас как благословение Божье! А если учесть, что каждый день мы пьём чай с варёной рыбой, то мы вполне довольны!

Если погода останется такой же, нам придётся туго. У меня есть пять собачьих упряжек, готовых для нашей поездки в Хас-Хата, но, кроме рыбы для собак, я могу взять с собой только пятьдесят штук для нас самих. Ветер постепенно стихает, и туземцы собираются покормить своих собак, чтобы утром отправиться в Кумах-Сурт. Это главная причина наших задержек: туземцы не кормят собак до тех пор, пока не прояснится погода, а после кормёжки могут отправиться в путь только через двенадцать часов, при условии, опять же, что погода не ухудшилась. В противном случае оказывается, что пока собаки переваривали свою пищу, эти двенадцать часов теряются зря, запасы рыбы истощаются, собаки сыты, но никто никуда не поехал.

6 марта. — Сегодня утром лёгкий восточный ветер со снегом. Погонщики предложили ехать до балагана Спиридона в Ары, в десяти верстах к северу; и, наконец, когда мы тронулись в путь в 11.20 утра, было уже светло, но довольно холодно.

Ямщики настаивают на том, чтобы остаться здесь на ночь, чтобы покормить собак, а завтра рано утром отправиться в Чолбогой, что в семидесяти верстах, куда они надеются добраться до рассвета. Там

¹ Трудно сказать, какой из многочисленных островов западной части дельты имел в виду автор под названием Длинный. Возможно, имелся в виду остров Эбе-Басын (72°57'с.ш. 122°49'в.д.) в устье Оленёкской протоки. На его юго-западном берегу на современных картах обозначена деревня Ары (нежил). — прим. перев.

есть несколько туземцев из Северного Булуна, которые приехали по вызову исправника, чтобы помочь мне в перевозке рыбы и груза. Они сообщают о голоде в Северном Булуне, а их обморожения свидетельствуют об ужасной непогоде, которая настигла их в пути, к несчастью — вдали от каких-нибудь убежищ.

Мы остановились в хижине старого Спиридона, а в деревне я встретил жену и внуков Василия Кулгаха и дал им немного чая. Здесь было большое количество рыбы, но вся она была уже продана тем купцам. Сегодня в пути нам пришлось пробежать около часа, и у меня сильно заболели ноги из-за влажных носков из оленьей кожи — я несколько часов ходил в них дома, и, как следствие, они так замёрзли в дороге, что, когда мы прибыли сюда, мои ноги были покрыты волдырями.

7 марта. — Наш отряд, состоящий из Ипатьева, капитана Грёнбека, Ефима, меня и пяти погонщиков, выехал из Ары сегодня утром около семи часов. Взяв курс на северо-запад, мы достигли Чолбогоя, состоящего из трёх полуразрушенных хижин, примерно в два часа дня.

На четвёртом-пятом часу пути я спросил Василия, чтобы запомнить направление, а затем отметить его на карте, как далеко и в каком направлении находится Баркин. Расстояние, по его словам, составляло сорок вёрст¹; а, чтобы указать направление, он положил на снег свой остол, чтобы я мог проверить курс по компасу. Туземцы обладают прекрасным чувством местности и способны одинаково хорошо им пользоваться как при солнечном, так и при лунном свете или даже самой тёмной ночью. Они сбиваются с пути только в пургу, когда снег кружится вокруг облаками. Я много раз, просто чтобы проверить их способности, просил их показать мне север-запад или какое-либо другое направление, и они всегда точно указывали его, а мой компас неизменно подтверждал их правоту.

Старый Василий с удовольствием демонстрирует эту свою способность. Он выучил слово «компас» и, постукивая себя по голове, со смехом говорит мне: «Компас голова!». И когда я спросил его, в каком направлении Баркин, он указал своим остолом на восток-тень-север

¹ На самом деле — около 80 вёрст, и на север-тень-восток, а не восток-тень-север, как утверждает далее Василий. — *прим. перев.*

и сказал: «байхал» (море). Таким образом, теперь у меня есть основные точки дельты, обозначенные на моей карте как можно точно, и я могу приблизительно обозначить положение всех деревень и хижин, а также маршруты всех моих перемещений. Конечно, есть некоторые неточности; так как, спрашивая разных погонщиков, как далеко до какого-нибудь места, они отвечали, например, «пятьдесят вёрст», если собаки были хорошими, а если плохими, то «семьдесят» или даже «девяносто вёрст». Тем не менее я научился определять расстояния по движению и другим признакам и отмечал их на карте соответственно.

8 марта. — В девять утра, когда мы снова тронулись в путь, было ясно и холодно.

К югу от Чолбогая проходит небольшой гряда отдельно стоящих холмов, по виду мало чем отличающихся от предгорий южного горного хребта. Они находятся на расстоянии от пяти до десяти миль от большого залива, так называемой «губы», и, хотя погода была ясной, они скрывались в густой дымке, которую сибиряки называют «ледяным туманом».

Мы провели ужасную ночь в поварне — холодную и дымную. Спать в дырявой хижине ещё хуже, чем в сугробе или на санях, потому что холодный ветер дует из всех щелей, как из кузнечных мехов. Мы всё утро ехали на запад и к двум часам дня достигли Турканаха, где рассчитывали провести ночь. Когда мы подъезжали к деревне, я с удивлением (мы знали, что тут никого не должно быть) увидел, что из одной из трёх хижин поднимается дым. Наши собаки, как обычно, бросились вперёд с оглушительным лаем, но никто не вышел из хижины, чтобы поприветствовать нас. Тогда Капитон, один из наших ямщиков, заполз на четвереньках внутрь, но тут же выскочил назад, ужасно испуганный, повторяя что-то вроде «помри» и «пропали», из чего я сделал вывод, что внутри были мёртвые или умирающие люди. Пока он объяснял Ипатьеву, я увидел, как из хижины появилось хромое и согнутое в три погибели жалкое существо, кое-как прикрытое оленьей шкурой. Оно жалобно стонало, обмороженное лицо и руки его распухли, и с минуту я не мог определить, мужчина это или

женщина. Опираясь на длинный посох, кланяясь, крестясь и ударяя себя в грудь, существо, наконец, проговорило: «Драсти, драсти!»

Мы обнаружили, что это был мужчина, и исправник, успокоив его, поинтересовался что произошло. Он позвал нас в хижину, заверив, что внутри нет мёртвых, потому что у туземцев никому не разрешается входить в хижины умерших, кроме родственников покойного, и даже они после этого на тридцать дней бывают изолированы от остальной общины. Забравшись в хижину, мы обнаружили, что в ней живут шестеро — старик со старухой, их сын с женой и двое детей: девочка лет четырнадцати-пятнадцати и ребёнок нескольких лет. Их стоны были душераздирающими, все они были искалечены от обморожения. Полуслепой дедушка сидел в углу, раскачиваясь взад-вперёд, его пожилая супруга, едва способная поднять голову, держала у огня ребёнка и растирала его почти безжизненное тело. Мать, голова которой была покрыта оленьей шкурой, сидела на одной из коек и выла от боли; а девушка судорожно плакала, обхватив руками шею матери.

Вскоре мы выслушали печальную историю из уст несчастного отца семейства, он рассказал нам, что в западной части Дельты свирепствует голод, что до него дошли слухи, что на Быковом Мысу много рыбы, и тогда он сам, отец и мать, его жена и их пятеро детей попытались пройти пешком от острова Длинный, в устье Оленёкской протоки, до Быково с небольшой упряжкой из пяти собак, несущей их скарб. Восемь суток они шли через жестокий шторм, неоднократно сбиваясь с пути; трое их детей умерли от холода и голода и были похоронены в снегу; после чего им наконец удалось добраться до этой хижины, где они живут уже более недели на сыромятной коже от своей одежды и снаряжения. Они слишком слабы, чтобы охотиться и собирать дрова, поэтому сожгли всё, что могли, из внутренней обстановки хижины. Тут Капитон сорвался с места, в мгновение ока сбросил груз со своих саней и вскоре приехал с охапкой дров. Тем временем вскипел для них наш чайник и, оставив себе рыбы только чтобы нам дойти до Хас-Хата, я отдал остальное несчастной семье, закопав рыбу в снегу возле хижины. Я также дал им чаю и велел оставаться на месте и ждать, пока наши упряжки, возвращающиеся в

Быково за рыбой, не заберут их в Ары, куда они и направлялись. Конечно, они были очень рады такому исходу их несчастий. Я думаю, что вся жизнь таких бедняков — это непрерывная череда бедствий и избавлений от них, они кочуют с места на место в поисках самого необходимого для своего выживания, но не всегда находят его.

Когда мы таким образом несколько облегчили их страдания, мы отправились в следующую поварню, которых в этой местности очень много, и летом она густо населена. Сегодня, когда мы ехали, старый Василий указал на восток и сказал: «Буор-Хая!» — имея в виду не большой мыс, носящий это название, а Малый Буор-Хая, точку, где мы встретил трёх туземцев на лодках. Василий рассказал исправнику всё о нашей встрече и о том, как он отвёз нас в Зимовьялах. И вот я еду по тому же пути, по которому меня отговаривали следовать прошлой осенью. А если бы я смог тогда выбраться — возможно, встретил бы своих товарищей по первому куттеру — кто знает?

Мы прибыли в Ордоно¹ в три часа дня и остановимся здесь на ночь. Василий говорит, что Матвей находится в пятидесяти верстах к юго-западу или западу-юго-западу, а Кувина — в пятидесяти верстах к северо-западу; поэтому мы пойдём к последней, так как она находится недалеко от Хас-Хара. Теперь возникает вопрос: где Бартлетт и сани с провизией? Туземцы сказали мне сегодня, что две упряжки, которые я отправил в Матвей с рыбой, из-за непогоды постоянно останавливались и съели половину рыбы Бартлетта, прежде чем достигли Матвея, а затем были вынуждены взять другую половину с собой в дорогу до Кумах-Сурта. Это действительно неприятная новость, потому что, если Бартлетт задержится с перевозкой провизии, моему отряду не хватит продовольствия. У нас нет ничего съестного, кроме чая и рыбы, и этих припасов только на пару дней.

9 марта. — Хороший ночной отдых в поварне Ордоно. Хотя бы потому, что ночью нам было всего лишь холодно, а позапрошлой ночью мы просто замерзали. Рано отправившись в путь, мы взяли курс на

¹ На картах Мельвилля [1] и [2] Ordone ошибочно обозначено на правом берегу Быковской протоки западнее ошибочно же обозначенного Borkhia. На самом деле Ордоно расположено (как и Малый Буор-Хая) на правом берегу Сырдахской (Сардахской) протоки (на острове Кыл-Ыттыр-Арыта в устье протоки Ордоно-Бёлькёюн-Тёбюлеге 72°35'46"с.ш. 127°37'29"в.д.), что севернее примерно на 25-30 км. Именно отсюда Матвей находится на юго-запад-запад (ок.45 км.), а таинственная «Кувина» — на северо-запад (если считать, что она недалеко от Хас-Хата). — прим. перев.

северо-запад. Когда мы отъехали примерно две мили от Ордоно, то миновали высокий остров, который иногда ошибочно принимают за остров Столб¹. Наш курс лежал далеко к северу, так что мы не видели самого о. Столб, и к тому же сильная позёмка совершенно скрывала из виду горный хребет на юге. Мы миновали Кувину, пройдя примерно в четырёх верстах к северу от неё; она даже была видна, но туземцы хотели непременно добраться до Хас-Хата, а у меня не было желания сдерживать их похвальное честолубие. Здесь мы расквартировались в двух жалких поварнях и двух чумах, которые бы лучше подошли для хранения рыбы или чего подобного.

День был ясный и морозный, с лёгким ветерком с юго-востока.

10 марта. — В Хас-Хата. Наша юрта — просто «дворец» какой-то, особенно по размерам — десять на десять футов и четыре фута в высоту! В ней нет ни камина, ни двери. Дыру для дыма мы накроем оленьей шкурой, а дверь сделаем завтра. Дым от костра в центре нашего жилища ест глаза, лицам жарко, а ноги мёрзнут. Всё ужасно, поверьте...

Вот полная опись наших припасов: десять рыб, ни чая, ни сахара, ни соли, ни хлеба. Я отправил одну собачью упряжку в Северный Булун за Иннокентием Шумиловым и всеми собаками в этой деревне, а Ипатьев издал приказ местным жителям по всей Дельте отправить сюда всех своих собак. Я ожидаю двести рыб завтра, если упряжки выполнят моё распоряжение; и, если мы хотим остаться в этой хижине, я должен придумать какой-нибудь дымоход, иначе задохнусь до смерти.

11 марта. — У нас закончилась рыба — закончилась вообще вся еда, и нам абсолютно нечего есть. Если наша провизия не прибудет вовремя, я пошлю «Рыжего Чёрта» Ефима в Хойгуолах или Северный Булун за помощью. У нас не осталось пригодных собак, так что ему придётся идти пешком — не очень большое расстояние, при условии, что он не заблудится.

¹ Действительно, примерно в 12 км. на юго-запад-запад от Ордоно находится остров Сардах-Сисе с горой (72°34'13"с.ш. 127°14'23"в.д.) высотой 43 метра, возвышающейся над окружающим ландшафтом. Хотя о. Столб гораздо выше (113 м.) и уже (ок. 400 м. в диаметре), гору эту вполне можно принять за Столбовой, т.к. вокруг нет никаких других возвышенностей. — *прим. перев.*

12 марта. — Ясно, с сильным холодным ветром, дующим с юга. Этим утром я собирался отправить Ефима в Северный Булун; поэтому подготовил его: одолжил ему компас и проинструктировал, как им пользоваться. Он бывал в Северном Булуне, но ездил туда с туземцами. Какой-либо «дороги» туда нет, есть просто некий непроторённый путь между двумя точками, и Ефим может распознать ориентиры на этом пути, а может и не распознать. Кажется, ему не очень хотелось идти, но что тогда нам оставалось делать?

Прежде чем он ушёл, мы все поднялись на крышу хижины и внимательно оглядели обширное снежное пространство на юге, надеясь в последний момент увидеть приближающуюся помощь. Ничего там не увидев и не услышав, мы обратили наши взоры на север. Глядя в том направлении, мне показалось, что я увидел вёрона, пролетевшего над снежной грядой и исчезнувшего в низине. Я сказал об этом спутникам, и мы все вместе стали пристально вглядываться и ждать, не появится ли ворон снова. Внезапно нечто тёмное, похожее на извивающуюся змею, показалось в низине и стало приближаться к нам. Это была собачья упряжка — мы хором закричали и вскоре услышали ответный лай собак. Наконец-то! Мы почувствовали облегчение; мы ещё не знали, много ли провизии они нам везли, но это было хоть что-то, хоть какая-то еда... хоть надежда на неё! Мы заползли обратно в хижину погреться и вскоре вышли снова, чтобы посмотреть, насколько близко подъехали упряжки.

И тут, к нашему удивлению и радости, мы слышали лай собак ещё и с востока, и через некоторое время увидели вереницу саней с провизией, то исчезающую, то появляющуюся между снежных холмов.

Упряжки из Северного Булуна прибыли первыми. Их пять, и управляют ими мои старые друзья: Иннокентий Шумилов, Георгий Николаев, Старый Николай, Молодой Кирик и Старый Кирик. У последнего было полтуши оленины, которые я сразу же купил и распорядился приготовить часть её для нас на предстоящий ужин. Примерно через час прибыл продовольственный отряд с Бартлеттом, Ниндеманом, Калинкиным, Бобоковым, четой Портнягиных и пятью погонщиками. Все со следами обморожений и голодные, но тем не менее весёлые. Поскольку оленей нельзя было взять с собой из-за собак, Барт-

летт убил их столько, сколько мог увезти; кроме того, приехал Василий Кулгах с сыном, доставив пару упряжек с рыбой, так что теперь у нас было полно еды. Теперь у меня сто двадцать пять скулящих на привязи собак и двадцать человек, которых надо кормить. Я нанял в качестве погонщиков собак Георгия Николаева и Иннокентия Шумилова и три хорошо подобранные упряжки. Одну из них мне придётся отправить с Ефимом и Константином в Кумах-Сурт, чтобы подготовить ещё оленей на будущее. Бартлетт не смог взять с собой хлеб, и я уже отправил за ним упряжки. Рыба, которую я отправлял в Матвей, была съедена в пути погонщиками и собаками, поэтому я пошлю за дополнительной для наших поисковых отрядов и для упряжек, курсирующих отсюда до Булуна. Бартлетт потерял по дороге мешок со сто двадцатью фунтами кускового сахара, но надеется, что он будет найден, так как он сразу же послал погонщиков, с чьих саней он пропал, найти мешок под страхом наказания; ибо это знакомый трюк, который ямщики не стесняются практиковать на излишне доверчивых. Также Калинин потерял кое-что из своей одежды.

Бартлетт, действуя согласно полученному приказу, выехал вовремя и вопреки протестам туземцев, старосты и казачьего командира. По его словам, когда они отправлялись в путь, был ужасный шторм, а сани были тяжело нагружены, и олени с трудом могли идти по глубокому снегу. Из-за обычных в таких путешествиях задержек Бартлетт вырвался вперёд всех вместо того, чтобы держаться сзади, и тем временем последние в очереди упряжки начали застревать в глубоком снегу и рваться в упряжи, съехали с пути, взбежали на берег и убежали в лес, опрокидывая сани и рассыпая на бегу поклажу. Как только это обнаружили, в погоню за беглецами была послана одна из упряжек, которая нашла беглецов лежащими в снегу, с санями, основательно застрявшими среди деревьев. Затем, собрав, наконец, упряжки вместе, они заночевали в новом жилище Кузьмы, недалеко от Эекита, а на следующий день продолжили путешествие без особых задержек до Кумах-Сурта, где дождались прибытия наших долгожданных собачьих упряжек. Они провели не одну ночь в снегу, и вместе со всеми миссис Портнягина. Она всегда бодра и весела и хорошо справляется с готовкой нашей пищи, тем более, что меню её доволь-

но незатейливое: варёная или жареная рыба, да оленина, тоже варёная или жареная, а жарится она прямо на углях.

Мы везли с собой много смеси сливочного масла и топлёного сала, называемых здесь «верхоянским маслом», на котором мы жарим рыбу и добавляем в жареную оленину, так как мясо это очень постное, сухое и жёсткое. Я посвятил Ипатьева в секрет жареного на углях бифштекса, должным образом посоленного, поперчённого и смазанного жиром, и он поклялся, что, когда вернётся домой, посвятит весь свой досуг приготовлению бифштексов.

Я теперь вспоминаю день в Верхоянске, когда Кочаровский сообщил мне, что на ужин у него будут бифштексы, подаваемые горячими, как любят англичане. Я ожидал, конечно, превосходного угощения; но представьте себе моё удивление, когда в центре стола была установлена чугунная сковорода (та же самая, в которой жарилось мясо) диаметром около фута и глубиной около трёх четвертей дюйма, на специальной деревянной подставке. Она была доверху наполнена брызжущим кипящим жиром содержимым. А стейки, божественные создания высокой кухни! — это были маленькие кубики говядины в три четверти дюйма, подрумяненные, как пончики, и мне едва ли нужно говорить, как я был разочарован и у меня пропал аппетит. К большому удивлению Кочаровского, я положил себе что-то другое, а присутствовавший на ужине Лион объяснил ему разницу между английским и сибирским стейком. Во время ужина я увидел, как Кочаровский и Лион столовыми ложками поглощают расплавленный жир прямо со сковороды, и заметил им, что это невероятно, что они могут делать такое, по крайней мере, без тошноты. Они рассмеялись и сказали, что это хорошо согревает в холодную погоду; а Кочаровский затем рассказал мне, что якуты очень любят горячее масло, утверждая, что один человек может выпить его полпуда, или двадцать русских фунтов (это около восемнадцати английских фунтов и восемь унций). Поскольку я этому не поверил и прямо сказал об этом, он послал своего казака найти какого-нибудь якута и приказал растопить полпуда сливочного масла для нашего эксперимента.

Когда якут пришёл, Кочаровский сообщил ему об открывшейся перед ним прекрасной возможности, а затем, предварительно угостив

рюмкой водки, вручил ему глиняный кувшин с маслом. Широкая довольная улыбка осветила лицо туземца, он прильнул к кувшину и стал глотать масло, как будто это было простая вода. Немного передохнул, и, отдышавшись, закончил все полпуда — сосуд был пуст! Кочаровский спросил, не хочет ли он ещё. Нет, масла, по крайней мере, ему уже не хотелось, но он с удовольствием выпил бы ещё рюмочку водки. Получив желаемое, он раскланялся и ушёл.

Я не мог не выразить своего искреннего удивления на что способен этот человек, но тут Кочаровский ошеломил меня ещё больше, рассказав одну вещь, которую подтвердил Лион, и в истинности которой я потом убедился сам. А сказал он вот что: если этот якут хороший и любящий супруг и отец семейства, то он поспешил домой и извергнул содержимое своего желудка в сосуд с водой, который затем выставили на улицу для охлаждения и отделения масла, а из жирной рвоты его жена и дети потом наслаждались сытной едой. Счастливый обладатель полного желудка водки может в благожелательном настроении аналогичным образом распорядиться частью своей выпивки; а далеко на востоке, среди чукчей, семьи часто угощаются естественным выделением жидкости из тел удачливых пьяниц, и даже пьянеют от этого. Среди этого же народа хорошо известен обычай использовать женихом и невестой мочу друг друга в качестве возлияния на свадебной церемонии, а также между друзьями и союзниками клясться таким образом друг другу в вечной дружбе. Это также весьма полезный предмет в их домашнем хозяйстве, который хранится в специальном сосуде и используется в качестве мыла и чистящего средства для тела и одежды, а также для дубления кожи и как лекарство. В защиту туземцев скажу, что это их самая отвратительная традиция, и, если какой-нибудь христианский миссионер ищет для себя новое поприще для приложения сил, я могу заверить его, что ни одно место не нуждается в его праведных усилиях больше, чем страна чукчей.

Эти воспоминания о Верхоянске несколько отвлекли меня от нашей ныне густонаселённой деревни Хас-Хата. Поэтому я вернусь к своему дневнику, перепишу и перефразирую его записи по ходу дела.

Глава XXIII. Находим тела

Привожу дела в порядок — Моя карта Дельты — В поисках хижины Эриксена — Поиски и открытия — Борьба со стихией — Якутский способ разжигать костры — Ужасная ночь — Который мыс? — Разгадка — Кострище — Находка — Ледяной дневник Делонга и его печальные записи — Положение тел — Пистолет Делонга — Выдумка прессы — Доктор Эмблер — «Два помре!».

14 марта. — Отправил Рыжего Чёрта и Константина в Кумах-Сурт за нашими оленями. Сегодня же нанял хорошую упряжку собак за пятнадцать рублей в месяц и корм для них, а также погонщика на тех же условиях. Как только я смогу раздобыть ещё две упряжки такого же уровня и снабдить их рыбой, я отправлюсь в Уэс-Тёрдюн в сопровождении Ниндеманны и начну поиски. Когда на днях Ниндеманны добрался до Хас-Хата, он сразу сказал, что я отклонился слишком далеко на запад, потому что, хотя я был на реке, вдоль которой шли Делонг и его отряд, всё же место, где он и Норос попрощались со своими товарищами, находится гораздо дальше на восток. Для меня это не поддающаяся объяснению загадка.

15 марта. — Сегодня я получил четырёх хороших собак из Северного Булуна и буду кормить их до тех пор, пока не смогу укомплектовать полную упряжку. Сегодня днём прибыли из Быково три упряжки с тремя сотнями рыб, которые были там мною заготовлены, я заплатил им за перевозку. Сейчас у меня установлена связь со всеми районами дельты, но пока нет никаких известий об упряжках с хлебом. Я постоянно получаю свежую информацию от местных жителей об окружающей местности, хижинах, островах и т.п. У меня также есть весьма причудливая карта, совместно нарисованная старым Василием Кулгахом, Иннокентием Шумиловым и Георгием Николаевым. Названия островов и жилищ я записал так, как их произносили туземцы, и также обнаружил, что в центре архипелага есть район, о котором туземцы абсолютно ничего не знают. Вполне вероятно, что кто-нибудь сможет сказать мне, кто построил хижину, в которой

умер Эриксен, но я пока не смог найти этого человека. Погода сейчас великолепная, я надеюсь, что она ещё продолжится на какое-то время.

16 марта. — Ясно и холодно. Я подготовил две упряжки из двенадцати и тринадцати собак на шесть дней, чтобы мы с Грёнбеком, Ниндеманном и Калинкиным отправились на поиски. У меня пока недостаточно собак, чтобы отправить Бартлетта с юга на север, как я рассчитывал, чтобы три отряда могли встретиться и снова рассредоточиться; но вместо того, чтобы ждать его, мы с Ниндеманном отправимся в Уэс-Тёрдюн и, перейдя реку там, где это сделал Делонг, пойдём по его следу на юг. У нас есть сто двадцать рыб, не считая прочей провизии, и, следовательно, наши упряжки нагружены тяжело, но русло реки, по которому мы идём, твёрдое и гладкое. Хижины к югу от Уэс-Тёрдюна называются Мача и Большая Мача¹, это названия островов, на которых расположены хижины. У меня есть предположение, что одна из них — это хижина Эриксена.

Мы отправились в путь около девяти утра и ещё до полудня достигли маленькой старой хижины на западном берегу протоки, на которой я был прошлой осенью и сначала предположил, что это место смерти Эриксена. Теперь мне сказали, что протоку зовут Добойдак². Когда мы приблизились к Маче, Ниндеманн с первого взгляда узнал это место и определил вчера, на милю дальше к северу, точку, в которой они пересекли реку. Мы возвращались по западному берегу, как это сделал Делонг, и примерно в миле к югу от Мачи я понял, что Делонг перешёл на восточную сторону реки, а не пошёл по западному берегу, как было указано в его записке.

Теперь понятно, почему я не смог найти их прошлой осенью. Руководствуясь записью и моими разговорами с Ниндеманном и Норосом, я обыскал западный берег реки вплоть до Матвея и поэтому потерял след. Когда сегодня Ниндеманн указал точку, в которой они переправились на восточный берег, я внимательно осмотрел реку, и мне сразу же стала ясна причина такого шага. Река здесь делает большой из-

¹ Острова Оччугуй-Мача-Арыта (аччыгый, якут. = маленький) и Улахан-Мача-Арыта (улахан, якут. = большой) на протоке Мача-Уэся. — *прим. перев.*

² Протоку с таким названием (Do-boi-dak) на картах найти не удалось. Скорее всего, это всё та же протока Осохтох-Уэся. — *прим. перев.*

гиб на запад. Делонг хотел отправиться на юг. Его карта, как и моя, показывала ответвление реки, идущее на запад, к югу от Матвея, так что он представлял, что тоже находится южнее Матвея, и вот почему он предположил, что находится на или около острова Тит-Ары или Тас-Ары, что поблизости¹.

Мы обыскали место под обрывистым берегом, но оно был занесено глубоким снегом, чтобы мы могли его раскопать. Однако мы обнаружили кое-какие признаки присутствия отряда, а затем, пройдя вдоль высохшего русла небольшого ручья в тщетных поисках хижины, повернули назад и вернулись на ночь в Мачу.

17 марта. — Идёт снег и дует северо-западный ветер, всё указывает на надвигающуюся метель. К девяти часам утра я пересёк реку в указанном Ниндеманном месте, и обнаружил небольшой ручей, текущий на юг. Пройдя по нему около пяти миль, мы повернули на его ответвление, идущее на юго-восток, проследовали примерно десять миль, и, наконец добравшись до хижины, о которой нам рассказали туземцы. Но это был не то, что мы искали. Затем мы вернулись к главной протоке и, начав всё сначала, последовал по ней на юг до того места, где она делает плавный изгиб на запад. Здесь Ниндеманн узнал место, где отряд разбил лагерь в первую ночь после отъезда из Мачи; и сказал, что, по его мнению, в тот день они прошли около пятнадцати миль. Мы шли по руслу ручья, пока он не иссяк и не затерялся в песчаных косах и тундре. Всё было так, как и рассказывал Ниндеманн.

Продолжая затем наш курс на юго-восток через низменную тундру, мы ожидали встретить большую реку, текущую на юг, с высоким западным берегом; но, достигнув её примерно в двенадцати верстах от нашей отправной точки, мы были удивлены, обнаружив, что восточный берег очень высокий, а западный низкий — прямо противоположно тому, что мы искали. Местные жители называют эту протоку Мача-Уэся.

К этому времени ветер задул так яростно, что собаки не хотели идти против ветра, и так как приближалась ночь, надо было думать об укрытии. Всё вокруг изменилось, и Ниндеманн ничего не может узнать, поэтому я должен полностью полагаться на наших туземцев,

¹ Если это так, то, как уже было отмечено ранее, Делонг ошибался на 120-140 км! — *прим. перев.*

которые проведут нас по всем хижинам поблизости, пока я, наконец, не найду ту, в которой умер Эриксен, и тогда мы сможем следовать на юг по западному берегу реки и искать потерянный отряд.

Мы отправились в Сыстыганнах, находившийся в тридцати верстах от нас. Ветер превратился в сильную метель, мы не могли видеть впереди себя на десять ярдов. По дороге мы остановились в хижине под названием Чаргын¹, которую я посетил прошлой осенью, и в которой у меня теперь было большое искушение разбить лагерь, но так как я намеревался оставить часть наших припасов в Сыстыганнах, чтобы облегчить сани, мы продолжали наш путь, при этом заблудившись и блуждая в снежных вихрях больше часа. Наконец мы наткнулись на несколько лисьих ловушек, принадлежащих Иннокентию Шумилову, он сразу же сориентировался и через некоторое время благополучно доставил нас в Сыстыганнах.

Юрта тут настолько дырявая, что костёр нас почти не греет, но его хватило, однако, чтобы сварить рыбу и вскипятить достаточно воды для чая.

18 марта. — Сегодня утром штормило слишком сильно, чтобы куда-нибудь ехать, и, поскольку до Хас-Хата меньше десяти миль, я решил вернуться туда за дополнительным запасом рыбы, оставив пятьдесят в Сыстыганнах на всякий непредвиденный случай. Поскольку я имею теперь всю информацию, которую мог получить от местных жителей, я облегчу наши сани, оставив двух наших переводчиков в Хас-Хата, а как только позволит погода, вернусь на Мачу-Уэся и последую по ней до Матвея или пока не найду хижину Эриксена.

Мы добрались до Хас-Хата в три часа дня и обнаружили, что в лагере все сыты и довольны, так как 16-го прибыли сани с продуктами: девять мешков хлеба и один мешок муки. Сани с рыбой ещё не вернулись, так как последние прибывшие, которые привезли двести рыб для Матвея и съели девяносто по дороге, должны были прибыть через шестнадцать дней, и, вероятно, потребуется ещё четыре дня на дорогу до Быково. Свежих собак пока нет. Бартлетту не терпится снова отправиться на поиски, но я не могу отправить его без собак,

¹ Вероятно, где-то в районе протоки Чаргын-Уэся и островов Чаргын-Арыта и Джиелях-Чаргын-Арыта (72°55'с.ш. 126°55'в.д.). — прим. перев.

хотя, как только это станет практически возможным, я отправлю его на север от Матвея, чтобы встретиться с Ниндеманным и мной для поисков к югу от Уэс-Тёрдюна.

19 марта. — Погода всё ещё беспокойная, но улучшается. Дует юго-юго-западный ветер, и солнце временами пробивается сквозь снежные вихри. Я навожу порядок в своей палатке и готовлюсь к следующему этапу поисков, на этот раз на востоке. Сначала я должен найти хижину Эриксена и таким образом сократить район поисков и оправдать мои усилия. Когда Бартлетт присоединится к нам, мы сможем разделить и рассредоточиться по местности в поисках хижины, которая является определённым ключом к решению нашей задачи. Ниндеманн не знает, по какой из многочисленных протоков они попали в залив¹, но помнит, что остров Столбовой всё время находился примерно к югу от них. Если мне не удастся обнаружить хижину со стороны Уэс-Тёрдюна, у Бартлетта будет шанс найти её с юга, а после того, как я обыщу всё на юг до самого Матвея, я затем исследую каждую протоку, текущую из залива на север.

Ближе к вечеру вернулась из Кумах-Сурта собачья упряжка, на которой уехали туда Константин и Ефим. Возница сообщил, что Ипатьев ждёт погоды в Матвее, где он находится уже три дня, ожидая возможности добраться до Булкура, ибо в этом месте из ущелья реки вырывается ураганный ветер, сметающий всё на своём пути. Он возвращается в Верхоянск, взяв с местных жителей честное слово, что они будут добросовестно помогать мне. Константин и Ефим выехали из Кумах-Сурта на нашем олене на следующий день после собачьей упряжки и должен быть здесь сегодня.

Из Быково прибыли четыре упряжки с четырьмя сотнями рыб; так что у нас теперь достаточно и собак, и провизии, чтобы снарядить три поисковые группы.

20 марта. — Ясный день, с приятным юго-юго-западным ветерком.

¹ Под «заливом» автор имеет в виду, очевидно, место дельты в районе острова Столб, где Лена разделяется на главные протоки Быковскую и Трофимовскую. В те времена там было, судя по старым картам, широкое место, которое можно было назвать заливом, но уже в начале XX века там образовались обширные песчаные острова и косы и русла протоков приняли современный вид. — *прим. перев.*

Выехали рано. Бартлетт направился в Матвей с инструкциями следовать по главной протоке или одному из её больших рукавов к северу от острова Столб. У него упряжка из шестнадцати собак, палатка, провизия на шесть дней и Георгий Николаев в качестве каюра. Мы с Ниндеманном, экипированные аналогичным образом, с Иннокентием Шумиловым и молодым Кириком, отправились напрямую в Большую Мачу. Прибыв туда, Ниндеманн подтвердил, что знаком с этой местностью, но был совершенно сбит с толку и не знал, каким путём отряда проследовал на юг от этой точки. Поэтому мы поехали на юго-восток, пока он не решил, что мы слишком сильно отклоняемся на восток, тогда мы повернули на юго-запад... но он уже смутно припоминал местность. Потом мы долго ехали по большому ручью на юг, пока собаки не начали ослабевать, тогда мы остановились и установили палатку под прикрытием холма.

Поблизости оказалось очень мало плавника, но мы слишком устали и замёрзли, чтобы беспокоиться о том, горячий у нас ужин или нет. Но всё же к замороженной рыбе хотелось горячего чая. Палатка была слишком мала, чтобы мы могли развести в ней костёр, поэтому, несмотря на сильный ветер, туземцы вырыли в снегу яму, в которой вскоре развели небольшой огонь и вскипятили чайник.

Якутский способ разведения костров заключается в следующем: котелок или чайник подвешивают на ветке дерева достаточной длины и прочности, чтобы она выступала из сугроба, в который воткнута, над ямкой, вырытой в снегу под чайником, и на таком расстоянии чтобы тепло не растопило снег под веткой. Чтобы разжечь огонь, где-нибудь на высоком месте находят кусок сухого дерева, пробуя их топором, пока не будет найден полностью свободный от влаги и пригодный для растопки; его строгают на тонкие лучины. Затем собирается и нарубается подходящий плавник. Это всё понятно, но туземцы ведь не знают спичек, а только с их кремнём и кресалом, казалось бы, невозможно разжечь огонь, если нет ни трута, ни ваты, ни пакли, какого-нибудь подобного легковоспламеняющегося материала. Но вот тут-то и проявляется изобретательность якутов и тунгусов!

В тундре повсеместно растёт арктическая ива. Её высохшие соцветия окружены лёгким волокнистым веществом, похожим на пух чер-

тополоха. Всякий раз, когда туземец видит эти пушистые создания, он собирает их горстями, отделяет от них пух, слегка его увлажняет, смешивает с молотым древесным углём и скручивают в жгутики, которые затем хорошо высушивают перед очагом. Теперь это отличный трут, который легко воспламеняется и устойчиво горит. В дополнение к этому необходимо немного материала для растопки, и для этого в каждом жилище над камином всегда сушится связка длинных тонких плоских дощечек. Когда туземец отправляется в путь, или надо растопить камин, женщины дома берут несколько таких дощечек, вставляют нож в небольшое деревянное приспособление наподобие рубанка, и настругивают из дощечек тонкую спиральную стружку. Мешок, полный этих тонких завитков, которые очень похожи на материал американского производства, известный обивщикам мягкой мебели как «эксельсиор», всегда готов для путешествующего туземца и хранится сухим под спальными шкурами, а в дорогу берётся в сумке из рыбьей кожи.

Итак, теперь, имея под рукой всё, что нужно, давайте разожжём костёр: туземец достаёт из своей кожаной сумки пучок «эксельсиора», скатывает его в шар наподобие гнезда малиновки, проделывает в нём дырку и осторожно кладёт на снег. Затем, взяв щепотку трута из сумки, которая всегда висит у него на бедре, прижимает его к кремню, быстрым ударом кресала поджигает и кладёт в центр гнезда из стружек, которое затем поднимает, зажав его в пальцах и быстро машет им над головой. Сначала в воздухе витает слабый, приятный запах горящей берёзы, затем за рукой тянется лёгкая струйка дыма, и когда тепло в его руке уведомляет туземца о том, что достигнута надлежащая степень воспламенения, он прекращает взмахи, разрывает дымящееся гнездо и раздувает его в пламя. Затем, положив горящий шар на снег, он обкладывает его хворостом, и уже через несколько секунд всю пылает костёр.

Я наблюдал за этой операцией сотни раз и никогда не видел, чтобы она не увенчалась успехом. Я предлагал туземцам спички, но они неизменно отказывались от них, потому что зажжённые таким образом стружки горят внутри костра и выделяют мало тепла, тогда как

при якутском способе они почти мгновенно превращаются в пылающую массу и никогда не потухают. Так было и сегодня вечером.

Наконец мы забрались в спальные мешки, замёрзшие и усталые, Иннокентий и Кирик спали с нами в палатке, но ближе к выходу. Под нами не было промасленной парусины, но, тем не менее, нам было тепло и уютно, потому что снег мягкий и сухой и служит гораздо лучшей постелью, чем твёрдый лёд или даже более твёрдые доски в якутском жилище. В зимнее время об этом следует помнить и использовать, но в другое время, когда снег мокрый, этого следует избегать.

Едва мы улеглись, как поднялся ветер и по небу понеслись рваные облака. Туземцы сказали «пагода, бар, бар», и к полуночи снег просеялся сквозь палатку и попал в наши спальные мешки, где растаял, а затем наша мокрая одежда примёрзла к телам, и мы не могли двигаться. Так мы мучились до шести часов утра (21-го), после чего я выгнал ямщиков из палатки, чтобы они приготовили чай. Им удалось развести огонь, но снег вскоре погасил его. Тогда туземцы настрогали немного рыбы, которую они с Ниндеманным съели, у меня из-за непогоды пропал аппетит, но в семь часов я увидел сквозь разрывы в облаках солнце и решил отправиться в путь. Я хотел добраться до Матвея по запланированному маршруту поиска, но так как ни собаки, ни каюры не могли противостоять свирепому ветру, мы повернули по ветру и понеслись в Кувину, куда прибыли около одиннадцати часов.

Это убогая дырявая хижина, но мы были рады ей хотя бы потому, что это позволило нам приготовить завтрак из горячего чая и варёной рыбы. Ближе к полудню шторм утих, и мы уже готовились отправиться в Матвей, когда из Быково по пути в Хас-Хата прибыли семь упряжек и остановились в Кувине, чтобы укрыться от метели. Молодой Кирик решил, что с него хватит и сказал мне, что от он такой работы «пропадёт», поэтому я уволил его и взял на его место Капитона, который кажется гораздо отважнее. Две партии рыбы я повернул в Матвей, куда мы прибыли сегодня же вечером. Бартлетт уехал отсюда на поиски на север сегодня утром. Ему повезло, что прошлой ночью он провёл под крышей над головой, но сейчас он во

власти непогоды. Но всё же у него есть палатка, в которой, несмотря на все её неудобства, сегодня ночью ему будет не хуже, чем нам в этой старой ветхой хижине без дымохода. Дым ужасно ест глаза — хоть лежать на спине, прикрыв глаза рукавицами, хоть на животе, уткнувшись лицом в ладони.

22 марта. — Сильно дуло всю ночь и продолжало дуть весь день. Хижину засыпало снегом, те из нас, кто лежит у западной стены, наполовину погребены в нём. Мы весь день просидели внутри, в слепящем дыму, и потому вынуждены сидеть или лучше лежать, так что ночь и сон нам очень кстати.

23 марта. — Рано утром погода всё ещё была ветреной, но с наступлением дня прояснилось. Теперь я сделаю ещё одну попытку с юга, и если смогу найти высокий мыс, с которого Ниндемманн видел Матвей, то нет никаких сомнений, что мы сможем пройти по следам до хижины Эриксона.

Со временем выглянуло солнце, и, хотя ветер всё ещё гонит позёмку, я могу различить очертания берега залива. Наши глаза так измучены дымом, что с трудом переносят солнечный свет. Проблема, которая теперь меня озадачила, заключалась в следующем: какое из доброй дюжины направлений перед нами является тем, которым пошёл Ниндемманн, когда добрался до залива? Замёрзший, голодный, без компаса и с приказом «держаться западного берега», он знал только, что шёл на юг и запад — но как далеко? Не имея никакого предпочтительного варианта, я решил начать с северо-запада и следовать от точки к точке, пока не найду нужную. Ниндемманну не терпелось сразу отправиться восточнее и начать оттуда, но я не стал этого делать, опасаясь пропустить тот мыс, который был мне нужен. Опять же, если, как написал Делонг, он пойдёт по следу Ниндемманна и Нороса, то в какой точке он разбил свой последний лагерь?

Поэтому мы двигались от мыса к мысу, тщательно изучая каждую протоку, пока, наконец, не пришли к большой протоке с быстрым течением — Когыстахской¹, где мыс далеко вдавалась в залив. Нинде-

¹ На современных картах протоки с таким названием не обозначена, а на старых она названа Kogostachkaja, Kogostachskaja, Kogastack и показано, что на ней находится Чолбогой (тот, который проходил Делонг — см. выше) и она впадает в океан немного южнее Баркин-Стана. Скорее всего, это просто старое название Булгунняхтахской протоки в её истоке. Именно оттуда, с возвышенного мыса (15 м., 72°33'53"с.ш. 126°51'33"в.д.) остров Столб виден «почти на юге» — прим. перев.

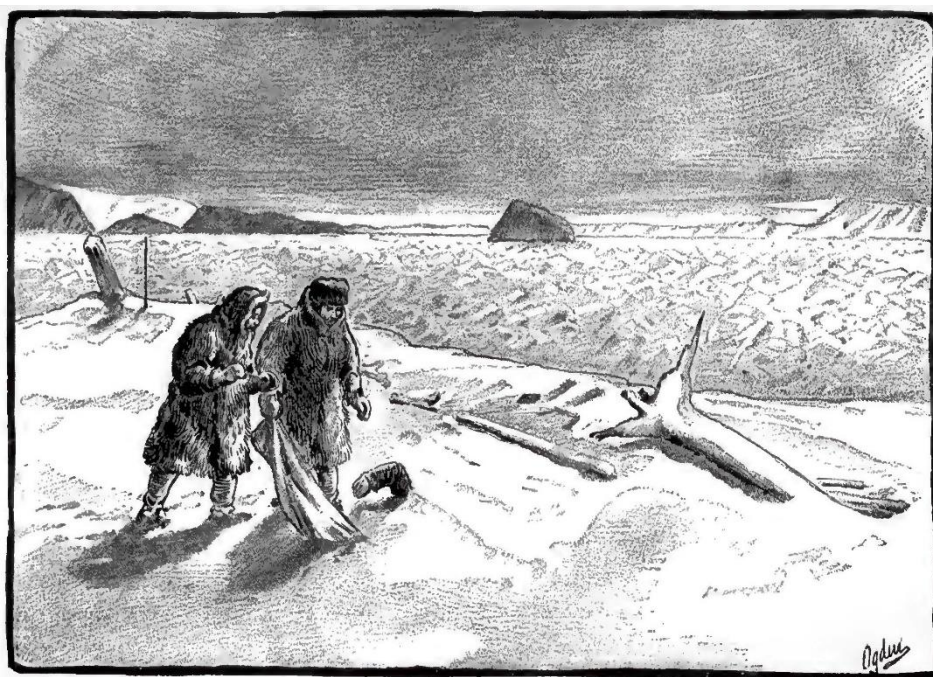
манн всё ещё пребывал в нерешительности и сидел в своих санях, тупо уставившись на остров Столб, который были ориентиром для него и Нороса, когда они шли на юг и которые теперь виден почти к югу от нас. Тем временем я поднялся на возвышенность мыса и наткнулся на кострище, примерно шести футов в диаметре, вокруг которого было множество замёрзших отпечатков ног, так как ветра, к счастью, очистили мыс от снега.

«Вот они!» — закричал я, и Ниндеманн, а за ним туземцы, вскоре оказались рядом со мной. Это было похоже на сигнальный костёр, — такими большими были бревна, а когда я спросил наших проводников, сделали ли его якуты, они уверенно ответили: «Суох! Якут огонь маленьки-маленьки».

Я ещё не нашёл тела, но, несомненно, напал на их след; ибо теперь, рассуждал я, отряд обогнул эту точку, и мы обнаружим их где-нибудь на западе. И всё же мне хотелось найти записи и другие ценности в хижине Эриксона, и поэтому мы тут же отправились исследовать берега протоки. Ниндеманн сказал, что одним из заметных ориентиров на этом ручье была старая плоскодонка, лежащая на берегу, и в которой он и Норос ночевали через пару дней после того, как расстались с Делонгом, и теперь, чтобы найти её, он поехал впереди меня. Я обращал внимание на все необычные и незнакомые предметы на местности, приказав и остальным делать то же самое, и вскоре, когда Ниндеманн, наконец, увидел плоскодонку и поспешил к ней, я заметил некий чёрный предмет, торчащий из снега примерно в трёхстах ярдах к югу от лодки, и тут же соскочил с саней, после чего ямщик, увидев это, повернул упряжку вслед за мной. Я поспешил к чёрному предмету, привлёкшему моё внимание, и обнаружил, что это верхушки четырёх палок, связанных куском верёвки, а на них на ремне висит винтовка Ремингтона, дуло которой выглядывало из снега. Я так спешил добраться до неё, что запнулся и упал на палки, сильно ударившись лицом. Вытащив винтовку и очистил её от снега, я мгновенно определил, что она принадлежала Алексею. В стволе не оказалось, против моего ожидания, записки, поэтому я послал своего каюра Иннокентия за Ниндеманном, предполагая, что Делонг, не имея возможности нести документы и записи дальше, спрятал их здесь и

установил этот знак в качестве ориентира. Кострище, которое я только что нашёл на мысе, подтверждало мою догадку, поэтому, как только появился Ниндеманин, я организовал наших туземцев раскапывать снег. Это было надолго, и через несколько минут Ниндеманин сказал, что пойдёт посмотреть, что находится на север отсюда. А я направился к кострищу на мысу, чтобы по компасу определить направления на остров Столб, Матвей и других ориентиры, так как надеялся на ночь уехать в Матвей. Иннокентий сопровождал меня, неся компас, и по пути я увидел на возвышенности над рекой старую одежду, рукавицы и тому подобное. Подойдя ещё ближе к месту, где был костёр, я заметил на снегу что-то тёмное, и, подойдя, обнаружил закопчённый медный чайник.

«О, чайник!» воскликнул я и уже намеревался поднять его, как вдруг заметил у самых своих ног выглядывающую из-под снега руку и плечо человека. Иннокентий уронил компас и в ужасе попятился, перекрестившись.

НАХОДИМ ТЕЛА ДЕЛОНГА И ЕГО ТОВАРИЩЕЙ

По одежде я сразу узнал Делонга. Он лежал на правом боку, подложив правую руку под щеку, голова его была направлена на север, а лицо на запад. Его ноги были слегка согнуты, как будто он спал, а левая рука без рукавицы согнута в локте и приподнята. Я нашёл его маленькую записную книжку — тот самый «ледяной дневник» —

примерно в четырёх футах позади него, то есть к востоку, куда он отбросил его левой рукой, которая так и замерла в этом движении...

Открыв её на последней записи, я прочёл: «30 октября, воскресенье. — Ночью умерли Бойд и Герц. Мистер Коллинз умирает.»

Два других предмета оказались телами доктора Эмблера и Ах Сэма, повара-китайца. Вокруг валялось несколько мелких предметов, которые я собрал и положил в чайник. Помимо дневника я также нашёл аптечку и жестяной цилиндр диаметром три дюйма и длиной почти четыре фута, в котором находились чертежи и карты экспедиции. Отправив Иннокентия за Ниндеманным и, пока он не прибыл, я занялся тем, что стал читать записи в дневнике, начиная с последней. Я узнал, что после Эриксона следующим умершим была Алексей, и что он похоронен во льду реки возле плоскодонки. Из этого я понял, что весь отряд должен находиться где-то здесь, в пределах пятистах ярдов. Отойдя от лодки ещё примерно на триста ярдов, они были остановлены сильным южным ветром и поэтому разбили лагерь там, где мы нашли знак из палок с винтовкой, и там все, кроме этих троих, погибли. В дневнике рассказывалось о том, как оставшиеся люди были настолько слабы от голода, что не могли похоронить Ли и Каака — следующих двух, которые умерли после Алексея, — во льду реки, поэтому «отнесли их за угол с глаз долой». «Затем, — пишет Делонг, — у меня закрылись глаза». (Ниндеманн говорил мне, что у капитана сильно заболели глаза, и когда они расставались, он был почти слеп, что объясняет эту запись в дневнике.)

Они умирали один за другим, пока не осталось только трое, и тогда Делонг понял, что, если книги, бумаги и тела его товарищей не будут убраны с низкого берега реки, весенние паводки унесут всё в море. Таким образом, трое ещё живых попытались перенести записи в безопасное место повыше, вместе с куском речного льда для воды, чайником, топором и куском ткани для палатки, но их сил не хватило для подъёма на крутой берег ящиков с записями, поэтому они взяли только тубус с картами и другие мелкие предметы, оставив записи на произвол судьбы. У корней большого дерева, лежащего на берегу в тридцати футах от воды, они развели костёр и варили ивовый чай; чайник, когда я его обнаружил, был на четверть наполнен льдом и

ивовыми побегам. Палатки они установили немного к югу, чтобы защитить костёр, но зимние ветры снесли её, и теперь она прикрывала Ах Сэма, который лежал на спине, ногами к огню и скрестив руки на груди; положение, в котором, очевидно, разместили его оставшиеся в живых. Делонг отполз на север и находился примерно в десяти футах от Ах Сэма, а доктор Эмблер вытянулся между ними, его ноги почти касались последнего, а голова покоилась на одной линии с коленями Делонга. Он лежал почти ничком на лице, вытянув правую руку под собой, а левую поднеся ко рту. В предсмертной агонии он глубоко прокусил плоть между большим и указательным пальцами, и снег вокруг его головы был испачкан кровью. Ни на ком из троих не было обуви, их ноги и ступни были обмотаны полосами шерстяного одеяла и кусками ткани от палатки и обвязаны до колен верёвками и поясными ремнями их товарищей. На Ах Сэме была пара красных вязаных носков из Сан-Франциско, дырявых на пятках и пальцах.

Когда к нам присоединился Ниндемманн, я показал ему три тела, которые я ещё не тронул, и предметы, которые я собрал, включая дневник, из которого Делонг вырвал три четверти страниц; но так как обратная сторона листа, на котором была сделана последняя запись, не была заполнена, было ясно, что ни одна запись не пропала. Затем я велел Ниндемманну тщательно обыскать тела, разрезав одежду у карманов, и все найденные мелкие вещи упаковал в отдельные пакеты и пометил их, чтобы ни один клочок бумаги и ни один предмет не потерялся. Из-за холода я тогда не стал составлять список этих вещей. Во всех карманах были кусочки тюленьей кожи от одежды и обуви со следами огня, некоторые из них с остатками шерсти. Пистолет Делонга пропал. Я знал, что он был у него до тех пор, пока мы не расстались. Первоначально он принадлежал мистеру Даненхауэру, который, пока мы стояли лагерем на льду, готовясь к нашему долгому походу, выбросил его вместе с патронами в море — как он тогда думал. Но полынья оказалась замёрзшей, и пистолет остался лежать на льду. Поэтому впоследствии, когда Делонг оказался без личного оружия, кто-то достал для него пистолет Даненхауэра; и теперь, не видя его при нём, я тогда подумал, что он выбросил его из-за

веса. Лейтенант Чипп отдал свой пистолет Ах Сэму, который держал его при себе до самой смерти.

Все три тела намертво примёрзли к земле, так сильно, что пришлось отрывать с помощью рычага их жерди. Перевернув доктора Эмблера, я обнаружил в его правой руке пистолет Делонга, а увидев окровавленный рот, бороду и снег вокруг, я сначала подумал, что он сам положил конец своим страданиям. Однако тщательный осмотр головы и рта не выявил никакой раны, и, высвободив пистолет из мёртвых пальцев доктора, я увидел, что в барабане было только три патрона, и все они были с целыми капсюлями.

[Я так подробно рассказываю об этом из-за той душераздирающей истории, которая обошла прессу, о том, что доктор Эмблер якобы покончил с собой. Это абсолютная ложь. Доктор всегда был жизнерадостен и не боялся смерти, и я знаю, что он встретил её спокойно и мужественно, как и раньше на поле боя. Он происходил из храброй семьи, и если бы мир мог прочесть хоть одну страницу его личного дневника, то не было бы сомнений в его непоколебимом мужестве и стойкости до его трагического конца.

Я полагаю, что он был последним из тех несчастных, кто погиб: когда Ах Сэм уже лежал, скрестив руки на груди, а Делонг затих в двух шагах, доктор Эмблер, оставшись один на пустынной сцене смерти, взял пистолет с тела Делонга, наверное, в надежде застрелить для пищи ту птицу или зверя, который придёт поживиться телами его товарищей, или даже чтобы просто защитить своих мёртвых товарищей от поругания, — в любом случае, он стоял тут свою последнюю вахту... один... на посту... с оружием.]

После того, как тела были обысканы, я с помощью туземцев завернул их в ткань от палатки и засыпал снегом, так как пока не мог довести их до Матвея. Лица умерших сохранились удивительно хорошо, они казались мраморными, на щеках застыл румянец. Лица не казались исхудавшими, так как процесс замерзания слегка расширил ткани; но это не относилось к их конечностям, которые были истощены до крайней степени, также, как и их животы, на месте которых зияли огромные впадины. Доктор, наверное для того, чтобы унять

невыносимые муки голода, завернул свой маленький карманный дневник в длинный шерстяной шарф и засунул за пояс брюк.

Прочитав дневник, я теперь ожидал найти остатки отряда возле знака из палок или там, где я видел остовы палаток. Поэтому я послал туземцев раскопать там снег, сказав им, что там должны быть книги и бумаги. Изрядно потрудившись, они вскоре наткнулись на угли и пепел от костра, и затем, расширив яму у основания, к своему большому удовлетворению, извлекли жестяной чайник, несколько обрывков одежды, шерстяную рукавицу и два жестяных ящика с книгами и бумагами.

Внезапно они пулей вылетели из ямы, как будто за ними гнался сам чёрт, и задыхаясь, завопили: «Помри, помри, два помри!»

Спустившись в яму, я увидел частично освобождённую от снега голову одного трупа и ноги другого и приказал туземцам продолжать работу. Они повиновались и, наконец, обнажили спину и плечи третьего. Уже стемнело, пошёл сильный снег, поэтому я решил вернуться на ночь в Матвей и немедленно послать сообщение в Хас-Хата, чтобы остальная часть моего отряда присоединилась к нам и помогла откапывать тела.

Глава XXIV. Похороны

Привозим тела — Пишу депеши — Выбор места захоронения — «За углом» — Находим Ли и Каака — Монумент — Изготовление гроба и креста — Ниндемани находит хижину Эриксона — Возведение пирамиды над могилой — С скромный погребальный обряд — Солдатское суеверие — Якутское письмо.

24 марта. — Когда прошлой ночью мы прибыли в Матвей, я надеялся застать здесь Бартлетта. (Он попал в шторм и боролся с ним двое суток, а когда попытался разбить лагерь, то палатка сломалась под натиском ветра и тяжестью снега. Он ехал на север, пока не наткнулся на наши следы, а когда возвращался в Матвей через Кувину, то встретил туземцев, которые везли рыбу в Хас-Хата.) Немедленно отправив Капитона за Грёнбеком и остальными, я принялся

писать телеграммы Министру военно-морского флота и посланнику в Санкт-Петербурге, а также письмо генералу Черняеву, для которого Грёнбек сделает перевод. Дым в хижине ослепляет, и, чтобы писать, я вынужден лежать на животе, лицом к огню, а пузырёк с чернилами закопать в золу, чтобы они не замерзали.

Сегодня утром я послал Ниндеманна и Бартлетта завершить работу, которую мы начали вчера. Вечером они вернулись с телами Делонга, Эмблера и Ах Сэма. Мы завернули их в парусину и закопали в снег рядом с хижинкой.

25 марта. — Сегодня утром я снова послал отряд на раскопки, Грёнбек, который прибыл накануне, поехал с ними. До Помри-Мыса, как туземцы уже называли это гибельное место и как оно, несомненно, будет известно среди них в дальнейшем, через залив около двадцати вёрст¹.

Грёнбек вернулся в полдень с телами Бойда и Герца, а ближе к вечеру приехали Бартлетт и Ниндеманн с телами Иверсена, Коллинза и Дресслера. Кормовой флаг пока не нашли.

26 марта. — Сегодня я закончил свои депеши, и Грёнбек, переведя их, отправился в Хас-Хата, где он встретит капитана Бобокова и пошлёт его ко мне — он будет действовать в качестве курьера до Булуна.

Бартлетт и Ниндеманн вернулись этим вечером с Помри-Мыса с пистолетом Чиппа, который он отдал Ах Сэму. Они не смогли обнаружить Ли и Каака, а также флага. Бобоков прибыл из Хас-Хата около десяти вечера, готовый исполнить поручение, но я очень медленно продвигаюсь в своих усилиях скопировать из журнала записи за последние тридцать дней. Дым ест глаза, а пальцы все в болячках и так опухли, что я с трудом могу держать ручку и делаю перерывы после каждых двух-трёх слов.

Одежда погибших сильно обгорела — так близко они лежали к огню; а с тех, кто погибли первыми, оставшиеся в живых сняли всё, что могло помочь им укрыться от холода. Когда умер мистер Коллинз,

¹ Это хорошо согласуется с предположением, что тела отряда Делонга были найдены возле устья Булгунняхтахской протоки — т.е. на южной оконечности острова Булгунняхтах-Арыта (возле высоты 15 м.) или на острове Барон-Белькёё. От них до о. Матвей-Арыта около 20 км. через существовавший тогда «залив», а в настоящее время — обширные пески и песчаные отмели. — *прим. перев.*

кто-то закрыл его лицо рубашкой. Бойд лежал почти весь в углях костра, но, хотя его одежда была прожжена насквозь, тело не обгорело. У них не осталось ни одного целого мокасина, ни куска шкуры или кожи, кроме одного рукава одежды, найденного под одним из тел, да полоски кожи от обуви, валявшейся на берегу, — всё остальное было съедено!..

27 марта. — Сегодня Бобоков отправился в Булун с моими депешами. Скоро я, слава Богу, закончу — осталось переписать дневник, и завтра я смогу покинуть эту ужасную коптильню и продолжить поиски Ли, Каака и Алексея. У меня, однако, мало надежды найти Алексея, который был похоронен во льду, потому что, как я заметил, в русле протоки в нескольких местах были подвижки льда. Но я должен найти Ли и Каака, даже если мне придётся перекопать весь берег. Для погребения мёртвых необходимо будет перевезти их в точку примерно в пяти верстах к югу от Матвея — к подножию горы, которая вдаётся в залив и образует левый берег протоки, обращённый на север. Все остальные острова в окрестностях, как, впрочем, и вся дельта, вскоре будут затоплены весенними паводками. Вершина большой горы, похожей на спину кита, возвышается почти на четыреста футов над уровнем моря¹ и видна в ясную погоду за двадцать миль с любого направления: с севера, северо-востока и северо-запада. Нам надо сделать ящик из досок плоскодонки, которую нам придётся тащить двадцать миль.

Я беспокоился, что мы не можем найти Каака и Ли, и когда читал и перечитывал дневник капитана, из моей головы не выходила мысль о тех двоих, которых «отнесли за угол». Какой угол? Берег там тянулся примерно на северо-восток и юго-запад, и на нём не было никаких углов или поворотов, если только не подразумевался какой-нибудь овражек. Снег мы раскопали в основном к северу от знака из палок, но совсем немного к югу; и, наконец, мне пришло в голову, что, поскольку ветра всё время упоминались как дующие с юга, они, естественно, установили свою палатку к югу от знака, а лагерь разбили к северу от него; поэтому, когда Ли и Каак умерли, а люди были слиш-

¹ Сейчас эта гора высотой 66 метров (вдвое меньше, чем 400 футов) на берегу протоки Большой Туматской называется Америка-Хая (72°28'23"с.ш. 126°16'54"в.д.). — прим. перев.

ком слабы, чтобы отнести тела для захоронения на лёд, они просто оттащили их «за угол» палатки.

Убедив себя в этом, я сел на сани и поспешил вслед за Бартлеттом и Ниндеманном к месту раскопок. Я рассказал им о своей версии и очертил им для раскопки приличных размеров участок к югу от палатки. Затем я вернулся в Матвей и закончил рисунок надгробной пирамиды, которая будет возведена на «Мемориальном Холме». Когда приехали Ниндеманн и Бартлетт, они привезли с собой останки Ли и Каака, обнаружив их там, где я и предполагал. Они также нашли кормовой флаг, аптечку из красного дерева, топор и другие вещи. Так что теперь все тела (кроме Эриксона и Алексея) и записи экспедиции (в жестяных коробках) были в безопасности. Вещи погибших мы тщательно упаковали в отдельные пакеты и пометили их именами владельцев. Все остальные мелкие предметы, принадлежность которых нельзя было определить, я сложил в отдельный ящик.

Теперь, когда поиски закончены, нам оставалось исполнить наш печальный долг и похоронить наших погибших товарищей. Земля промёрзла слишком сильно и глубоко, чтобы можно было выкопать могилу, поэтому мы последуем якутскому обычаю погребения на поверхности и вне досягаемости наводнений.

Место погребения представляет собой отвесный мыс, обращённый к Ледовитому океану. Скалистая вершина горы, холодная и суровая, как Сфинкс, хмуро смотрит на место, где погиб отряд; истерзанная ветрами и утомлённая веками, казалось, она готова навечно приютить этих смельчаков. Я достиг вершины мыса, объехав с юга его величественный неприступный фасад, а затем медленно взошёл на самую вершину. Здесь я нашёл место для могилы моих товарищей и отметил его крестом, сориентировав его по компасу в направлении север-юг. Вершина горы полностью очищена от снега свирепыми ветрами, которые постоянно дуют на этой высоте, а массивный каменный купол покрыт трещинами. Это вода в тёплое время года затекает к трещинки горных пород, а зимой мороз, этот многомудрый горный инженер, приводит в действие свои хитрые законы, разрывая сплошное каменное ложе на множество осколков, так что его поверхность, хотя и ровная, как стол, расколота на глубину нескольких

футов наподобие кирпичной кладки. С большим трудом я вытащил несколько камней из центра размеченного мною креста и расширил яму до глубины трёх футов и диаметра два фута.

Пока я был занят всем этим на вершине холма, внизу остальная часть моих людей разбирала плоскодонку на доски для гроба. Те из них, которые были шириной семь дюймов, грубо обтёсанные и прикреплённые к остову лодки нагелями, были отпилены, а те, что шириной около двадцати двух дюймов, образующие борта лодки, были выбраны для торцов и боков гроба. Его размеры планировались следующие: ширина семь футов, длина двадцать два фута и глубина двадцать два дюйма. Из оставшихся семидюймовых досок мы сделаем крышку, из центра которой будет подниматься крест высотой двадцать пять футов с перекладиной длиной двенадцать футов. Крест мы сделали из круглого елового бревна диаметром тринадцать дюймов у основания и сужающегося до одиннадцати дюймов к вершине, длиной сорок футов, который я нашёл в заливе вмёрзшим в лёд и доставил на двух санях, запряжённых шестьюдесятью собаками. Вертикальная часть креста, которую я оставил круглой, только очистил от коры, была сделана из комля ствола. Крестовина была стёсана с лицевой стороны так, чтобы нанести надпись, и сужалась к обоим концам от центра, где в ней была выдолблен паз, чтобы поместиться в соответствующий паз на вертикальной стойке, обе части будут скреплены деревянным нагелем после того, как крест будет поднят.

Всю древесину сначала доставили в Матвей, где с помощью топора, пилы и долота, привезённых из Якутска, были сделаны гроб и крест, и вырезаны надписи: имена погибших и краткое описание времени, места и причины их смерти. Грёнбек и я занялись этой частью работы: выдолбили долотом имена печатными буквами размером 2½ на 1½ дюйма, остальная часть надписи из четырёхдюймовых букв состояла из двух строк длиной восемь футов каждая. Все эти буквы имеют правильную форму, расположены с промежутками и вырезаны на глубину чуть более четверти дюйма.¹

¹ Died of starvation in the Lena Delta, October, 1881. Lieutenant G.W. De Long, Dr. J.M. Ambler, Mr. J.J. Collins, W. Lee, A. Gortz, A. Dressler, H.H. Erickson, G.W. Boyd, N. Iverson, H.H. Kaack, Alexai, Ah Sam. — прим. перев.

Когда к похоронам всё было готово, я отправил Ниндеманна с собачьей упряжкой и Капитоном в качестве каюра на поиски хижины, где умер Эриксен, с приказом привезти доску с эпитафией, записку, пистолет и патроны, которые были там оставлены. На этот раз поиски не увенчались успехом, он нашёл только котелок с крышкой, выброшенные отрядом во время похода. Но на следующий день он снова отправился в путь и через день вернулся с целью своих поисков. Надпись на доске гласила:

Памяти
Х.Х. ЭРИКСЕНА
6 октября 1881
«Жаннетт», США

В записке Делонга было следующее:

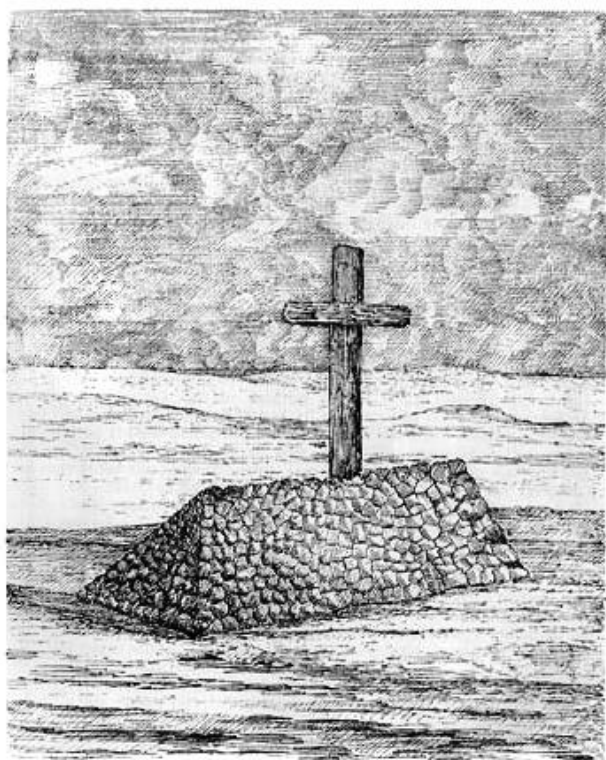
Пятница, 7 октября 1881 года.

Упомянутые ниже офицеры и матросы погибшего американского парохода «Жаннетт» сегодня утром отправляются отсюда, чтобы совершить форсированный марш в Кумах-Сурт или какое-нибудь другое поселение на реке Лена. Мы прибыли сюда во вторник, 4 октября, с больным товарищем Х.Х. Эриксом (матросом), который умер вчера утром и был похоронен в реке в полдень. Его смерть наступила в результате обморожения и истощения, вызванных внешними обстоятельствами. Остальные из нас здоровы, но у нас не осталось провизии — мы съели последнее сегодня утром.

*Джордж В. Делонг,
Лейтенант-коммандер, и др.*

Остальные тем временем занимались доставкой частей гроба и креста на вершину горы. Я прибыл туда, когда дул сильный ветер, и обнаружил, что водрузить крест на место оказалось более трудным делом, чем я себе представлял. Работать без рукавиц на морозном воздухе было невозможно; у нас не было никаких снастей, кроме тех, что я смастерил из собачьей упряжи, и жерди с развилкой на конце для поддержки при подъёме. Из нас только трое говорили по-английски — Грёнбек, Бартлетт и я, — и туземцы не могли понять моих команд и что им делать; при этом они, кажется, не вполне осознавали большого веса креста, пока при первой попытке поднять его

не увидели, как он неудержимо рыскает из стороны в сторону — и тогда они все в панике разбежались. Но, наконец, постепенно, после многих опасных ситуаций крест был поднят, и, повернув его к востоку, я скорее закрепил его на месте четырьмя большими камнями. Затем, убедившись в его совершенно вертикальном положении, я заполнил его основание мелкими камнями и вылил на них ведро ледяной воды, которая вскоре замёрзла и скрепила их вместе. Гроб был плотно сбит, а к закрытию его сверху подготовлены круглые жерди, затем мы покрыли дно хворостом и какими-то старыми тряпками, и положили на них наших бедных товарищей, расположив в порядке их имён, как написано на кресте, с капитаном Делонгом на южном и Ах Сэмом на северном конце гроба. Все они были положены головами на запад, а лица, по возможности, были обращены на восток и восходящее солнце. На телах мы не оставили ничего, кроме большого бронзового распятия на груди мистера Коллинза. Когда Бартлетт и Ниндеманн нашли на нём крест и спросили, следует ли им забрать его, я сначала был склонен ответить утвердительно, думая, что его родственники, несомненно, захотят сохранить столь памятную вещь; но, немного поразмыслив, решил, что, как предмет его религиозных убеждений пусть это будет похоронено вместе с ним.

Это было незабываемое зрелище. Длинная вереница собачьих упряжек, петляющая по тундре и ледяным полям, и крутой подъем на вершину одинокой горы, где в гробовом безмолвии и одиночестве этой бескрайней пустыни арктических снегов, без реквиема, под неумолчный вой метели, в вихрях колючего снега, мы нежно похоронили наших погибших товарищей, — как я тогда предполагал, навсегда.

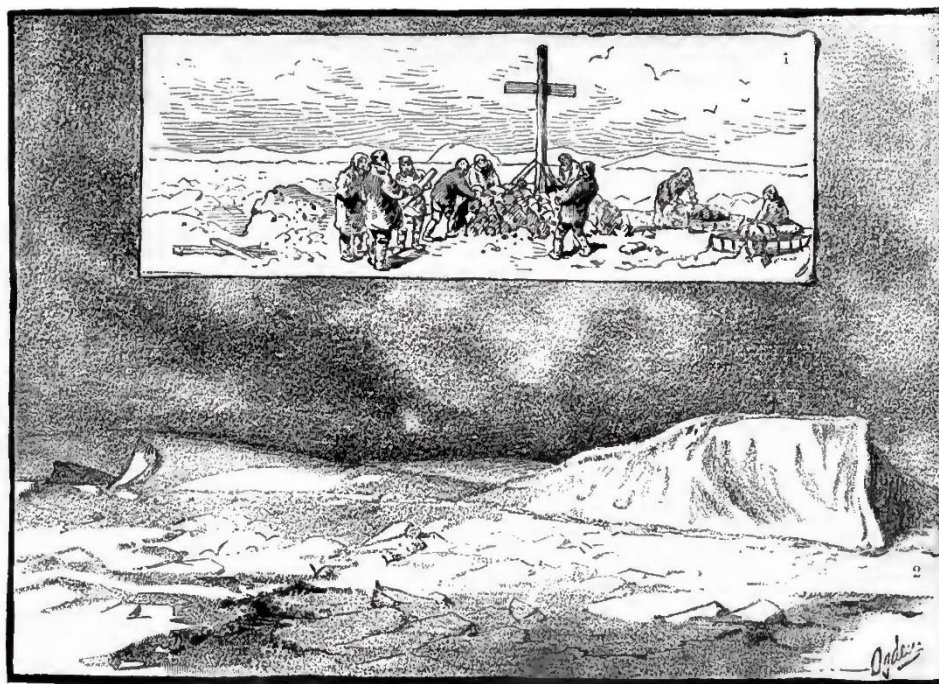
Здесь, откуда видно место их последних героических усилий, их ужасных страданий и мучительной

смерти, они будут покоиться под холодным саваном вечных снегов, под нескончаемую панихиду жестоких полярных ветров, не пожалевших их беззащитные тела при жизни — здесь мы похоронили их, и более подходящего места для упокоения этих людей, мы бы нигде не нашли. Мы были поражены самой простотой похорон, суровым покоем окружающей нас природы и, более всего, нашими скорбными воспоминаниями о мёртвых. Никто не бормотал бессмысленных молитв, но только горестное «прощайте» и «спите спокойно» прошептали наши губы, когда мы бросили на них последний взгляд.

Затем, до наступления темноты, мы накрыли тела кусками парусины и прочим материалом, положили поперёк ящика доски и утяжелили их камнями. На следующий день якуты весь день возили на саях с равнины и песков внизу брёвна плавника. Самые большие из них были уложены по бокам и концам гроба, и на них был возведён каркас пирамиды. В вертикальный столб креста был вставлен горизонтальный шест, в концы которого упирались боковые грани пирамиды для поддержки креста и всей конструкции, построенной вокруг него. Затем стороны пирамиды были покрыты круглыми брёвнами, опирающиеся на горизонтальный шест. Образовавшаяся пирамида шириной около двенадцати футов, длиной тридцать футов и высотой девять футов была облицована камнями, некоторые из которых были весом более ста фунтов — это были те самые, которые мороз наколот для нас из скального основания холма. Следующим летом я намеревался покрыть монумент дёрном из тундры и посадить на нём арктическую иву.

К этому времени Ниндеманн вернулся с поисков хижины Эриксена, и единственное, что оставалось сделать, — это установить на место поперечину креста; что мы сделали только после нескольких безуспешных попыток. Ниндеманн закрепил поперечину деревянным нагелем и затем ещё одним поперечным — для надёжности. При этом он и — бедняга! — обморозил на сильном ветру пальцы, нос и уши. Мы завершил похороны 7 апреля, и я в целом был удовлетворён проделанной работой. Эта гробница стала самым большим сооружением к северу от Булуна, и туземцы, доставлявшие рыбу с Быкова Мы-

са для наших поисков Чиппа, говорили мне, что они видели «Большой Американский Крест» за двадцать вёрст отсюда.

1. ВОЗВОДИМ МОНУМЕНТ НА МОГИЛЕ ДЕЛОНГА И ЕГО ОТРЯДА
2. ПАМЯТНЫЙ ХОЛМ

Бобоков и Георгий Николаев вернулись из Булуна несколько дней назад, и я отправил их в Хас-Хата, чтобы подготовить провизию для моего отъезда на Оленёк. Ефим, наш Рыжий Чёрт, когда-то служивший солдатом в русской армии, пытался произвести впечатление на якутов своей удалью и храбростью. Но шутник Капитон подвергал сомнению его храбрость и частенько уверял Ефима, что «помре американски», лежащий в снегу, когда-нибудь встанет и придёт в хижину, чтобы отдать честь своему живому товарищу-солдату. На каждую такую остроту Ефим делал очень важный вид и говорил: «Да, да, хорошему моряку всегда найдётся о чём поговорить с хорошим солдатом». И всё же я заметил, что, когда мы все уезжали из лагеря по какой-либо надобности, Ефим не оставался наедине с мёртвыми и под каким-нибудь предлогом всегда отправлялся с нами; а когда хлопотал по хозяйству в хижине, то Капитон подстраивал ему всякие шутки — то громко ронял что-нибудь, то незаметно покачивал дверную занавеску из оленьей шкуры — что всегда пугало Ефима и неизменно веселило туземцев.

А как-то раз Капитон завернулся в старую тряпку, взял ружье и ввалился в хижину, завывая могильным голосом: «Драсти, драсти, Ефим, я — американски солдат!»

К этому времени нервы доблестного изгнанника были уже на пределе, и, увидев привидение с американским ружьём и услышав его потусторонний голос, он содрогнулся от ужаса и с не по-солдатски пронзительным воплем бросился через очаг в дальний угол, опрокинув в прыжке котелок с рыбой. Конечно, всех нас это рассмешило, но бедный Ефим решительно заявил, что, если шутка ещё раз повторится, то он, как солдат, возьмёт ружьё и застрелит своего мучителя.

И только мы перестали смеяться, как снаружи послышался странный шум. Я увидел, как Ефим украдкой взглянул на окружающих и быстренько шмыгнул от двери. В задней части хижины, со стороны, где лежали мёртвые, послышалось какое-то движение, как будто кто-то поднимается на крышу, и мгновение спустя лицо, опухшее, в ранах от обморожения и закопчённое от дыма, заглянуло в дымоход в крыше и радостно завопило: «Драсти, драсти!» В это же момент занавеска из оленьей шкуры отодвинулась, и в дверях появился Бобоков. Это было уже слишком для Ефима! Упав передо мной на колени, он принялся креститься с такой скоростью, как будто его дальнейшая жизнь и покой зависели от быстроты его движений. Мы все разразились взрывом смеха, и с тех пор у этого «воина» не было покоя от насмешек над его бесстрашием и равнодушием к «помре американски».

Вскоре все вещи умерших, вместе с книгами, бумагами и т.п., упакованные в ящик, были готовы к отправке в Якутск; оставлять их хранится в дельте было решительно небезопасно из-за приближающегося сезона наводнений. Поэтому, оставив небольшой запас рыбы в Матвее на всякий случай, я решил направить все свои людские и материальные ресурсы в Хас-Хата, как центральную базу, с которой три группы отправятся вдоль побережья на заключительный поиск отряда Чиппа. План мой состоял в том, чтобы отправить Бартлетта и Ниндемманна с четырьмя санями и местными проводниками по Когыстахской протоке до Баркина, северо-восточной точки дельты, и там разделиться. Бартлетт последует вдоль восточного побережья на юг до Зимовьялаха, где будет ждать моего приезда. Ниндемманн должен был исследовать северное побережье двигаясь на запад, пока хватит запасов продовольствия, а затем отправиться в Северный Булун, где

у нас хранилась сотня рыб, а оттуда в Хас-Хата, где будет дожждаться моего возвращения. Маршрут, который я проложил для себя, проходил вдоль западной протоки реки через остров Длинный, с исследованием береговой линии и посещением всех деревень, до устья реки Оленёк. Затем, повернув обратно, я направляюсь на восток до восточной оконечности острова Длинный, в деревню Турах, а оттуда вдоль побережья, на север и восток, к протоке Кетак¹, вниз по которой, через Северный Булун поеду в Хас-Хата. Оттуда я намеревался отправиться с остальными моими людьми в Зимовьялах и продолжить поиски в том же сезоне до реки Яна.

Я взял себе проводников, которые знали всю дельту, кроме северного и восточного побережий. Семён Алак² и Василий Кулгах были теми двумя, кого я выделил для сопровождения Бартлетта, а в качестве проводников для Ниндеманна я нанял Старого Николая и некого Семёна Туматского³. Итак, теперь я с нетерпением ждал в Матвее прибытия саней из Ары; и, поскольку я хотел кое-что сделать в Хас-Хата, я, наконец, решил отправиться немедленно, оставив одного из каюров, чтобы сообщить Василию Кулгаху и Семёну Алаку о нашем местонахождении. Я хотел поручил это Капитону, но он ни в какую не соглашался, хотя мы все смеялись над ним, что он просто боится мёртвых. Но он нашёл выход, заявив: «Якут бумага, майора!».

«А как это?» — спросил я? Да он просто напишет письмо Василию и Семёну, что им надо следовать за нами в Хас-Хата — был ответ. Это было всё, что я хотел, и поэтому распорядился запрягать упряжки; и когда всё было готово к старту, Капитон приступил к написанию своего «якутского письма». Он сделал четыре отпечатка ног рядом друг с другом, чтобы изобразить четверо наших саней, и, воткнув в снег раздвоенную палку, положил в неё длинную жердь, указывающую на Хас-Хата. Затем он воткнул ещё одну палку, наклонённую в том же направлении и поддерживаемую палкой поменьше, и назвал её Майором, имея в виду меня. Палки ещё короче, по одной на каждого из

¹ Кетак — под этим названием (Keetuch) на карте из отчёта Мельвилля [2] обозначена протока Малая Туматская, в низовьях которой находился Северный Булун. — *прим. перев.*

² Про него известно только то, что он построил ту хижину, в которой умер Эриксен. — *прим. перев.*

³ Туматский — т.е. из Северного Булуна. Тумат — другое название Северного Булуна, по протоке Туматской. — *прим. перев.*

нас, были расположены аналогичным образом, и Капитон объяснил, что они представляют нас во время ходьбы; а между следами, означающими сани, он сделал ещё несколько в два ряда, обозначив так собак — и письмо было готово!

Ехать в Хас-Хата было холодно, но мы прибыли вовремя, и я сразу же занялся снаряжением трёх поисковых партий, отправив сотню рыб на запад и сотню на север для меня и Ниндеманны. На следующий день, как и ожидалось, приехали Василий Кулгах, Семён и его сыновья с четырьмя собачьими упряжками и запасом рыбы. Да, они останавливались в Матвее, о чём Василий широко улыбнулся и сказал: «Якутское письмо!». А Капитон был в полном восторге от того, что его письмо было так легко понято, и сказал мне, что я пишу письма чернилами на бумаге, а он — на снегу палочками!

Я узнал от Семёна, что именно он построил хижину, в которой умер Эриксен, но так как вокруг того места было очень мало дичи, он так и забросил её, не достроив. Он и Василий также рассказали, что в хижинах в Баркине никто не жил в течение многих лет, и что сами они были там в последний раз года два назад. Они оба хорошо знали побережье, но, по их словам, мало знали внутреннюю часть Архипелага, как русские называют острова дельты Лены. Василия сопровождал «Пэдди» Ачин, так что теперь я был хорошо укомплектован каюрами для моего путешествия на запад. Пэдди чувствовал себя в этих краях как дома, а Георгий Николаев был сыном покойного старосты Джангалаха¹ — поселения на западе дельты. И вот, 10 апреля Бартлетт и Ниндеманн отправились в Баркин.

Глава XXV. Поиски Чиппа

Мистер Гилдер — Бобоков и Калинин едут в Якутск — Хойгуолах — Сава — Сабас Коку — Турах — Джангалах — «Маленькие зверушки» — Дженкир — Оленёк и его жители — Деревня Усть-Оленёк — Судьба Прончищева — Поездка на могилы отряда Прончищева — Поиск по

¹ Джангалах — бывшее поселение на о. Джангылах-Арыта (72°57'52"с.ш. 122°35'35"в.д.) напротив (через протоку Аях-Уэся) поселения, которое на современных картах обозначено, как *Ары (нежил)* на о. Эбе-Басын. Или это одно и то же. На карте [1] это поселение отмечено как Jaolak, на карте [3] — Janalash, на карте [4] и некоторых других — Джангалах, Джангылах. — прим. перев.

побережью — Якутские законы о разводах — Наши несчастные собаки — Кубалах — Снова в Хас-Хата — Итоги поездок Ниндемманна и Бартлетта — Местные гробы и способы захоронения — Возвращаюсь в Зимовьялах.

10 апреля. — Сегодня утром я получил письмо от м-ра Гилдера, казначея с «Роджерса», в котором он сообщает, что является корреспондентом «Нью-Йорк Геральд». Сообщение было передано мне Маленьким Пэтом, розовощёким сыном Семёна Алака. Он проехал от Быкова Мыса на упряжке из восьми молодых собак за четыре дня без единой остановки для отдыха или еды. Поэтому я дал маленькому Пэту табака в качестве дополнительной награды за его добросовестность. Он говорит, что староста послал упряжку из четырнадцати собак, чтобы доставить Гилдера в Хас-Хата, куда, по всей вероятности, он прибудет уже завтра вечером.

Поэтому я отложил свой отъезд на Оленёк и послал Грёнбека с хорошей собачьей упряжкой встретить мистера Гилдера и привезти его сюда. Это ломает мои планы, так как у меня осталось всего триста девяносто четыре рыбы, а каждый день содержания здесь обходится мне в пятьдесят рыб только для собак. Возможно, мне придётся привезти ещё рыбы из Быково.

Сезон санных поездок закончится через двадцать дней, поэтому я решил избавиться от всех, без кого можно обойтись и отправить Бобокова и Калинкина в Якутск. Обстоятельства могут задержать нас в дельте на всё лето, и тогда также нужно доставить результаты экспедиции в безопасное место, и эти два протеже генерала Черняева будут отвечать за них. Ящик, в который я упаковал все предметы, довольно прочный, стенки соединены в «ласточкин хвост», обтянут сыромятной кожей и герметизирован. Я дал Бобокову и Калинкину письменные приказы и инструкции и отправлю с ними объяснительные письма генералу Черняеву.

Совершенно необходимо раздобыть ещё рыбы для собак. Я надеялся закончить работу в течение санного сезона, но теперь боюсь, что задержусь здесь на всё лето. Интересно, как долго мне придётся ждать встречи с мистером Гилдером? И для чего?

11 апреля. — Яркое солнце, но усиливающийся ветер гонит снежную позёмку. Жалко отсылать Бобокова и Калинкина, но, если я не сделаю этого, они останутся здесь навсегда. Я собрал две упряжки по одиннадцать собак в каждой и отправил их в полдень; но думаю, что они остановятся в Кувине переждать погоду.

Хижина наполнена дымом, который так ест глаза, что я не могу их открыть; и в целом мне очень неприятна причина моей задержки.

12 апреля. — Спокойное и прекрасное утро, как раз для путешествия; а я сижу в праздности — жду чего-то или кого-то? Грёнбек вернулся сегодня вечером без мистера Гилдера; так что три дня я потерял впустую, и, кроме того, возможно, Гилдера придётся оставить с собой на всё лето.

13 апреля. — Сегодня утром мне наконец удалось отправиться на запад в Хойгуолах с двумя упряжками из тринадцати и пятнадцати собак. Обе они не в порядке: та, что побольше, утомлена и у собак болят ноги, а та, что поменьше, состоит из мелких собак и почти щенков. Я измучил всех собак в дельте, и туземцы жалуются на ущерб. Мои ямщики — Георгий Николаев и «Пэдди» Ачин.

Мы добрались до Хойгуолаха и остановились выпить чаю, а я поговорил с Константином на предмет отправки наших оленей в Хас-Хата. Это их пастбища, и я послал весточку Иннокентию Шумилову, чтобы он отвёз сотню рыб на север для моих упряжек по возвращении. Рыба будет храниться там, где Пэдди сможет её найти.

Покинув Хойгуолах, мы поехали на запад и через десять вёрст встретили маленькую тунгусскую деревню из трёх-четырёх жалких хижин, едва видимых над снегом. Туземцы охотились здесь на диких оленей, у них было допотопное кремнёвое ружье. Они сказали мне, что два их домашних оленя умерли от голода, но я думаю, что они их застрелили для еды, так как люди выглядели очень голодными. Это место называется Сава¹. В одной маленькой хижине там жило двадцать несчастных тунгусов.

¹ Сава (в тексте: Sava) — не найдено на картах, скорее всего из-за малой величины и временного существования. — прим. перев.

Проехав на запад ещё десять вёрст, мы наткнулись на одинокую якутскую юрту, известную как Сабас Коку¹, где мужчина, его жена и маленький мальчик ловили рыбу в небольшом озере и реке, впадающих в западную протоку Лены. Здесь мы выпили чаю, сварили для себя рыбу и покормили собак — немного, потому что нам придётся ехать всю ночь или пока мы не доберёмся до Тураха.

Прибыли в Турах около четырёх утра и легли спать.

14 апреля. — Турах — развалины некогда процветающей деревни. Среди многочисленных развалин сохранились две-три хорошие юрты, маленькая церковь и большое кладбище, насчитывающее, наверное, сотни две могил. Старуха и молодой парень были единственными, которых мы нашли в деревне, все остальные жители ушли на рыбалку. Георгий Николаев указал на высокий крест в центре кладбища и сказал: «Якут помре многа». Немного поспали, выпили чаю с рыбой, я дал старухе немного табака, и мы отправился в Джангалах. Холодный резкий ветер дует с запада из горных ущелий и сбивает нас с пути. Собаки явно устали и отказываются идти в упряжке — вчерашняя работа, по-видимому, была для них непосильной. Сейчас мы находимся в охотничьих угодьях Кириков, отца и сына.

Старуха в Турахе ничего не слышала о пропаже наших лодок и людей и с благоговением слушала, приоткрыв рот, как Георгий рассказывал ей о нас. Мы бросили пятерых наших собак, а у других сильно кровоточат ноги. Я слишком часто заставлял их работать последние двадцать дней, но... ничего не поделаешь — я должен идти дальше, а собаки — единственное средство передвижения. Бедные собаки! Бедные туземцы! Бедные все вокруг! Мы кое-как добрались до Джангалаха ещё до наступления темноты — замёрзшие, голодные и уставшие.

Я нахожу, что спать в юртах туземцев не очень-то приятно, так как предполагается, что одежда должна служить её владельцу без смены целый сезон, а эти «маленькие зверушки» под одеждой постоянно напоминают о себе и заставляют чесаться. Но это невыразимое удовольствие — иметь возможность вывесить рубашку на ночь на улицу

¹ Сабас Коку (в тексте: Sabas Kokoo) — также не найдено на картах, вероятно, просто одиночная юрта. — прим. перев.

и до смерти заморозить маленьких паразитов. Утром всё, что нужно сделать, это вывернуть наизнанку промороженную одежду и хорошенько отхлопать её о дверной косяк — и их выпадет оттуда десятки, белых от инея. Это довольно жестоко для «зверушек», но чудное облегчение для владельца рубашки.

Приближаясь к концу Длинного острова, я заметил, что протока здесь широкая и выносит в море много битого льда. Вода в заливе может быть мелкой, но я думаю, что протока южнее острова Длинный вполне судоходна для лодок даже со значительной осадкой. Потому что в этом месте она узкая, а её полноводность наводит меня на мысль, что она также глубока. Это путь в Лену с запада, и отсюда же к реке Оленёк — на запад от западной оконечности Длинного острова, через череду песчаных банок, отмелей и глубоких промоин.

Джангалах находится в шестидесяти-семидесяти верстах к западу от Тураха и расположен недалеко от прибрежной горной гряды на берегу протоки, которая течёт вдоль подножия холмов. С севера он прикрыт островом тундры высотой двадцать-тридцать футов и длиной восемь-десять вёрст. Деревня состоит из четырёх хижин, в них в дыму и тесноте влачат своё полуголодное существование туземцы. В прежние годы здесь жило много людей, но их унесла болезнь, которой, как говорят, заразились от употребления в пищу во время голода внутренностей некой рыбы, которую туземцы с тех пор избегают есть. Несомненно, эта рыба съела какое-то ядовитое вещество, так как туземцы говорят, что для здоровья вреден только её кишечник. Здесь, на западной оконечности дельты, все деревни находятся в состоянии упадка, и мёртвых здесь определённо больше, чем живых. Да и рыбалка уже не так хороша, как раньше, и голодать приходится почти каждый год.

15 апреля. — Сегодня утром встали рано, и мне пришлось надевать замёрзшую рубашку прямо на голое тело. Над головой светит солнце, но с запада несёт позёмку приличный, хотя и не штормовой ветер.

Девяносто вёрст до Оленька и пятьдесят до Дженкира¹, заброшенной деревни, в которой когда-то жили около двухсот жителей. Все

¹ Несуществующее ныне селение в устье реки Дженкир (72°55'20" 121°7'6"). — прим. перев.

умерли, не осталось ничего, кроме могил, балаганов и юрт, многие из которых развалились.

Мы поехали вдоль побережья и через залив, медленно продвигаясь поперёк ветра. Лёд был гладкий как стекло, и собаки едва держались на ногах. В этой части залива постоянно дуют сильные ветра с гор, и наши каюры не могли говорить ни о чём другом, кроме пурги в заливе и как много людей сдуло со льда в море. И правда, этот холодный ветер с гор — типичная *бора*¹ — был совершенно неистовый.

Примерно в десяти верстах к востоку от Дженкира мы остановились в одинокой юрте, спрятавшейся в укромном уголке горного отрога и, как обычно, расспросили про Чиппа и его отряд; но обитатели жилища ничего не слышали ни о людях, ни о лодке. Приближаясь к Дженкиру, мы миновали множество заброшенных хижин, а, проезжая мимо кладбищ, каюры благоговейно приподнимали свои капюшоны. Среди могил была заметна одна, с высоким крестом и окружённая резной деревянной оградкой. Туземцы рассказали, что там похоронен русский офицер, обыденно добавив: «Кушать суох, помре». Это самое безлюдное и печальное место, которое я когда-либо видел.

От Дженкира мы повернули к реке Оленёк. Двигаясь на юг по руслу реки², мы видели многочисленные следы саней и ловушки для лис и вскоре наткнулись на три тунгусских чума, разбитые на берегу. Люди, дикие и несчастные на вид, полуодетые и голодные, рыбачили в прорубях. Оленёк в этом месте, примерно в тридцати верстах от устья, представляет собой вполне приличную реку шириной от одной до полутора миль в обрамлении двух великолепных горных хребтов и свободную, насколько я увидел, от песчаных кос и отмелей и, следовательно, судоходную. На всём пути к морю его берега усеяны маленькими деревушками из нескольких хижин, а местные жители очень бедны. В одном месте, где мы остановились попить чая, людям было абсолютно не на что купить или обменять еду, они униженно просили у нас немного соли и табака и были более чем благодарными, получив гущу из нашего чайника. Они с завистью смотрели

¹ Бора — сильный и холодный местный ветер, образованный холодным воздухом, стекающим с прибрежных гор. Затрагивает, как правило, небольшие районы, где невысокие горы непосредственно граничат с морем. Пример: «Норд-ост» в Новороссийске. — *прим. перев.*

² Река Оччугуй-Крест-Юряге (Малая Крестовская). — *прим. перев.*

на двух моих каюров, у которых были сухари, и я заметил, что и Пэдди, и Георгий были достаточно щедры, чтобы отдать почти весь хлеб, что у них был, а также рыбу своим голодным соплеменникам, зная, что те ответят сторицей в другой раз.

Десятью вёрстами ниже по реке мы остановились в деревне Усть-Оленёк, состоящей из трёх жилых юрт, нескольких амбаров и множества развалин. Деревня расположена в устье Оленька, на песчаной косе под обрывом западного берега, где с юго-запада в реку впадает небольшой ручей¹. Примерно в трёх верстах до Усть-Оленька мы миновали большой пустующий балаган на правом берегу реки².

Уже смеркалось, когда мы прибыли в деревню, замёрзшие и голодные, и как раз вовремя, так как началась сильная метель. Старый Георгий, староста, оказал нам радушный приём. У меня болит всё тело.

16 апреля. — Прошлой ночью здесь побывали многие местные жители, чтобы встретиться со мной, но никто не видел и не слышал о пропавшей втором куттере или его людях. Георгий Николаев и Пэдди Ачин рассказывали об обстоятельствах нашей высадки в дельте и последующих поисках и погребения Делонга и его отряда, а туземцы, слушая с открытыми от удивления ртами, часто крестились.

Утро было ясным и тихим, обещаая погожий день. Поэтому я решил постараться найти могилы лейтенанта российского военно-морского флота Прончищева, его жены и отряда казаков³, исследовавших дельту Лены. Все они умерли от холода, голода или цинги в устье Оленька, хотя и были хорошо подготовлены к зиме. Я читал об этом в литературе об Арктике много лет назад, но я думал, что это произошло в дельте, и в одном из разговоров с генералом Черняевым упомянул об этом факте, что побудило его рассказать мне историю одного молодого русского офицера инженерных войск, одного из сто-

¹ Это первоначальное местоположение Усть-Оленька (с 1633 года). На левом берегу Оленька у устья небольшой речки, примерно 72°59'с.ш. 119°42'в.д. — прим. перев.

² Вероятно, это были остатки построек, оставшихся от зимовки в течении двух зим 1735-36 гг. Ленско-Енисейского отряда под руководством В.В. Прончищева. Сюда примерно в 1896 году переехал пос. Усть-Оленёк и здесь же (72°59'7.55"с.ш. 119°49'12.62"в.д.), в центре посёлка, находится могила Прончищевых (см. далее). — прим. перев.

³ На самом деле там похоронены только сам Прончищев и его жена Татьяна. Никто другой в отряде там не умер, тем более от цинги, а от случайной травмы 29.08.1736 года скончался только сам Прончищев, а через 2 недели от, возможно, пневмонии — и его жена. Перезимовав в устье Оленька, летом 1737 года экспедиция вернулась в Якутск. Долгое время, до вскрытия могилы Прончищевых в 1999 году, считалось, что они умерли от цинги. См. также гл. IX. — прим. перев.

личных светил, который был отправлен в дельту, якобы для поиска могилы Прончищева, но на самом деле в наказание за какой-то неосмотрительный проступок. Он обследовал дельту Лены, но не нашёл захоронение, как было указано, и благополучно вернулся в Санкт-Петербург. Но затем в порыве отчаяния, и возможно, приговорённый к настоящей ссылке из-за провала своей миссии, он застрелился¹. Поведав о печальной судьбе молодого офицера, генерал попросил меня поискать могилы Прончищева и его отряда, когда буду в устье Оленька.

Георгий Николаев, с которым я много говорил о «большом старом-старом русском кресте» и «помри русски», сказал, что знает, где есть несколько старых могил с русскими крестами, остатки старых русских балаганов, и что местные легенды рассказывают о том, что там умерла бедная белая леди и была похоронена в одной могиле с «русским командиром». Георгий, который приходился родственником старосте Георгию, поговорил с ним, и тот согласился проводить меня до нужного места. Поэтому, оставив пока моих людей в деревне, мы отправились в путь в сопровождении моего Георгия в качестве переводчика, потому что мы с ним уже научились понимать жесты и гримасы друг друга.

Тем временем утро, которое началось так хорошо, стало пасмурным, подул сильный ветер со снегом. Однако у меня было мало свободного времени, и я отправился в путь, полагаясь на заверения старосты, что это место недалеко. Шторм яростно дул нам в лицо, но скоро иссяк, т.к. это была *бора́* с окрестных гор. На нашей упряжке из шести голодных собак мы кое-как притащились, наконец, на крайнюю восточную точку полуострова или выступа, образованного рекой Оленёк и Северным Ледовитым океаном. Нам не составило труда найти могилы, а наш старый гид оказался полон исторических по-

¹ Генерал рассказал автору о геологе Александре Лаврентьевиче Чекановском (1833-1876). За участие в Польском восстании 1863 года он был сослан в Сибирь, где в 1869-1875 гг. организовал и провёл три научных геологических экспедиции. Могилу Прончищева он посетил в августе 1875 года, и это вовсе не было целью его появления там. Так что, то ли генерал действительно рассказывал такую несусветную историю об «инженере, офицере и столичном светиле» (ни тем, ни другим, ни третьим Чекановский не был), то ли Мельвилль так её понял, то ли ему так её перевели – остаётся загадкой. Единственное, что в этой истории похоже на истину – это то, что Чекановский действительно покончил с собой – в момент обострения психического расстройства (результат перенесённого в ссылке тифа). – *прим. перев.*

дробностей о судьбе этих людей: он в красках описывал смерть каждого из них и показывал мне, как живые хоронили своих погибших товарищей, засыпая их камнями. Он также знал о доме, который служил обсерваторией для отряда, и в котором у них, очевидно, был экваториальный телескоп, потому что Георгий попытался описать постройку в форме купола и, приставив к глазу свой остол на манер подзорной трубы, говорил о звёздах.

Могилы находятся недалеко от места, где когда-то были эти постройки, на миниатюрном плато под прикрытием горного кряжа на восточном берегу реки. Высота плато над рекой около сорока футов, на северо-запад с него открывается великолепный вид на море, это также прекрасная точка для астрономических наблюдений. Рядом находится юрта, в которой и по сей день живут, как жили когда-то невезучие исследователи, но от остальных вокруг остались только развалины. От обсерватории не осталось и следа; староста говорит, что все руины — это остатки якутских хижин.

Есть шесть хорошо различимых могил, обозначенных надгробными камнями. Вдоль одной из них лежат два бревна, а между ними плотно утрамбованы камни. Могильных холмиков не осталось, их, очевидно, смыло дождями, и только камни указывают на места, где бедняги хоронили друг друга. Но, должно быть, были и те, у которых не осталось товарища, который мог бы сослужить для них эту последнюю добрую службу, и от них не осталось ни косточек, ни надгробья. Над одной из могил всё ещё стоит большой деревянный крест, а примерно в пяти ярдах к северо-западу — останки другого, возле которого много лет назад кто-то легкомысленно развёл костёр, а потом какой-то вандал срубил верхушку топором. Я спросил старосту, все ли это русские могилы или есть и якутские, и он сказал: «Якут суох» и показал ещё на дюжину-другую могил, которые несомненно были русскими¹.

¹ Русские жили в Усть-Оленьке с момента его основания в 1633 году, и потому естественно, что за 250 лет там появилось много русских захоронений, которые Мельвилль почему-то принял все за могилы отряда Прончищева. Возможно, его уверенность в их трагической судьбе отряда связана с тем, что ему было известно о случившемся позднее с другим отрядом: в продолжении экспедиции Ленско-Енисейского отряда в 1740 году после гибели во льдах их судна «Якуцкъ» в отряде С.И. Челюскина несколько человек (но далеко не весь отряд) умерло от цинги на п-о. Таймыр. О других трагических потерях этой экспедиции неизвестно. — *прим. перев.*

Крест, который остался стоять, наклонился к юго-западу примерно на тридцать градусов. Он имеет семь футов в высоту, шесть на пять дюймов в сечении и диаметром девять дюймов у основания. Первоначально у него было три перекладины, верхняя сохранилась и имеет четырнадцать дюймов в длину и шесть дюймов в ширину. Вторая находилась примерно в двух футах от верха, и должна была быть длиной около четырёх футов. Ниже, около восемнадцати дюймов от основания, сохранился наклонный паз от нижней перекладины. Могилы и крест обращены на северо-запад или запад-северо-запад и смотрят на устье реки и Ледовитый океан.

Крест потрескался и потемнел от времени, а буквы на нём вырезаны неглубоко, так что теперь их с трудом можно различить. Я тщательно скопировал их, стараясь не пропустить мельчайших деталей, включая трещину, которая простирается почти на всю высоту вертикального столба.

Это место в его зимнем одеянии, испещрённое крестами и якутскими могилами, наводит на печальные мысли о запустении и смерти. И за «привилегию» умереть здесь государство ещё облагает этих несчастных людей налогами! Все эти многочисленные руины и обильные кладбища являются печальным результатом беспринципной политики большой христианской страны, чьи священники, самые низкие и непристойные люди, не занимаются никакой другой миссионерской или гуманистической деятельностью, кроме своих ежегодных одиозных поездок, когда они собирают с голодающих туземцев дань за браки и крещение и наживаются на продаже латунных безделушек, аляповатых иконок и восковых свечек, наделанных поповскими жёнами или купленных оптом у производителей или торговцев, которым не разрешается продавать их напрямую бедным обманутым якутам. Я думал обо всём этом, а Георгий и его престарелый родственник печально глядели на могилы и опустевшие жилища своих соплеменников, вздыхали и говорили: «Якут помри много»...

Погода по-прежнему была ветреной, с лёгким снегопадом. Я побродил ещё час по этому интересному месту и, наконец, бросил последний взгляд на бескрайнюю равнину Ледовитого океана, на которую

много-много лет назад, наверное, так же смотрели те, кто лежит сейчас в промёрзшей земле под моими ногами, и мечтали — мечтали, как и я тогда, о непостижимом будущем и вспоминали о горьком прошлом. Храбрый Прончищев, его самоотверженная жена и товарищи-казаки, все они — мученики долга и науки!..

Сразу же по возвращении в Усть-Оленёк я приказал приготовить упряжки и, сопровождаемый благословениями бедных туземцев, которым я оставил немного соли и табака, отправился в обратный путь на северо-восток — чтобы не ехать через горы, обогнул побережье и поехал на восток берегом океана. Примерно в десяти верстах от устья реки я заметил на косе далеко в заливе хижину и удивился, что в таком ненадёжном месте её не снесло льдом во время паводка. Каюры объяснили мне кратко: «Суох, байхал» (нет, море), имея в виду, что лёд из реки тает в океане, не достигая этой точки; я всё же подумал, что при северном ветре волны могли бы затопить косу, но, наверное, им мешают обширные отмели, прикрывающие косу со стороны моря.

Пятью вёрстами дальше мы наткнулись на четырёх туземцев, ловивших рыбу в проруби во льду океана; улов их был очень скудным. Они подошли к нам, курили и долго разговаривали с каюрами, которые рассказали им нашу историю, но те ничего не знали о пропавшей лодке. Весь день мы ехали вдоль скалистого побережья, на берегах было много плавника; я заметил множество лисьих капканов и следов от саней охотников, которые их проверяли. Берег высокий и обрывистый, кое-где виднеются мысы; временами я замечал заброшенные хижины на отмелях или песчаных косах. Не знаю точно, насколько глубоким может быть залив, тем не менее, исходя из довольно узкого русла Оленька, я считаю, что это хорошая судоходная река, в которой можно было бы укрыться на лодках в случае кораблекрушения в этой части сибирского побережья.

Мы остановились в добротной и удобной поварне, в сорока верстах от Джангалаха, заварили чай и дали отдохнуть нашим собакам. Бедняжки едва передвигают ноги, а тех, кто сегодня совсем выдохся, мы отвязывали и оставляли на обочине. Они некоторое время следовали за нами, но затем, не в силах идти дальше, садились и жалостно выли. Они, наверное, понимают, что станет с ними, если они на сумеют до-

браться до поселения — либо умрут с голоду, либо будут съедены волками.

После чая мы продолжили наш однообразный утомительный путь, добравшись до Джангалаха в полночь, голодные и замёрзшие.

17 апреля. — Выйдя утром на улицу, я обнаружил, что дует сильный ветер. Это особенность здешней погоды: осенью, зимой и весной постоянно дует или штормовой, или сильный ветер с позёмкой.

Прошлой ночью я был свидетелем странной сцены между молодой якутской женщиной и её супругом, от которого она сбежала и нашла убежище в доме своих родителей — нашей хижине. Он пришёл за ней, но она не пошла с ним, а родители не стали вмешиваться, потому что у якутов существует обычай, что, когда невеста возвращается в родительский дом, муж теряет её, а мать может продать свою дочь другому претенденту на её руку. Так что в данном случае старуха была в выигрыше и в прекрасном расположении духа, а невеста была выставлена на продажу, несмотря на гневные протесты молодого мужа. Но среди нас не оказалось покупателя, и мы отправились в путь, оставив всех троих спорить о якутских супружеских правах, которые обиженный муж собирался отстаивать с помощью огромной дубины в виде остол. Законы о разводе, действующие в этих местах, на самом деле очень просты. Если муж и жена никак не могут договориться, кроме как разойтись, они просто делают это и снова женятся по своему желанию, или, в случае женщины, по желанию её матери.

Собаки наши настолько ослабли, что я боюсь, что они не выдержат долгого путешествия на север, хотя сейчас ветер дует нам в спину и слева. Сегодня утром, прежде чем мы проехали пять вёрст, одна собака упала; её товарищи яростно кусали и трясли её, но она настолько ослабла, что не сопротивлялась. Один из каюров выпряг её и отбросил в сторону; бедняга сделала отчаянное усилие встать и последовать за нами, но не смогла и снова упала. Это случилось недалеко от Джангалаха, и если ей повезло, то она, возможно, добралась до людей.

До наступления темноты мы следовали побережьем от протоки Турах, одной из западных протоков дельты. По пути видели много ло-

вушек на лис и несколько охотничьих домиков. Эти ловушки Гаврилы Бобровского и Георгия Николаева, а ночевали мы в их охотничьем домике, известном как Кубалах¹, в девяноста верстах от Джангалаха. Побережье дельты здесь изрезано бухтами и мысами, указывающими на наличие рек, но на самом деле к северу от Тураха рек и проток почти нет. Навигация без должного знания местности здесь весьма затруднительна, так как внешний вид берегов очень обманчив.

18 апреля. — Мы выехали из Кубалаха рано утром и продолжили следовать вдоль береговой линии. Георгий говорит, что он со своим напарником посещают ловушки примерно два раза в месяц, иногда чаще, так что нет никакой возможности, чтобы люди Чиппа высадились здесь на берег незамеченными.

Весь день мы ехали по суше позади мысов и береговых обрывов, время от времени встречая охотничьи домики, но не находили постоянно обитаемых жилищ. В одном из домиков мы остановились и нашли там рыбу, которую я велел Иннокентию Шумилу привезти сюда для нас. Это жилище находится в пятидесяти верстах от Кубалаха и в пятидесяти — от Буруолаха². Мы попили чаю, немного покормили собак и дали им отдохнуть и снова отправились в путь, прибыв в Буруолах после полуночи. Пэдди заявляет, что я никогда не сплю и скоро замучаю всех собак в дельте: «Спи суох; помри бар» — то есть, «Не спишь — скоро помрёшь!»... имея в виду, возможно, не меня, а собак... Здесь три хижины, две из которых, владельцы которых умерли, лежат в развалинах. Раньше это было отличное место для охоты на оленей, теперь охотники только жалуются: «Олешка мало-мало».

19 апреля. — Ухудшение погоды. Мы повернули от побережья на юг и поехали по небольшому ручью к западу от Северного Булуна, Через некоторое время встретили большую заброшенную деревню Туора-Джангы³, здесь много развалившихся амбаров и юрт, а ещё множество могил, которые рассказывают печальную историю, по-

¹ Кубалах («Лебединое место») на картах не найден. Судя по приведённым в тексте расстояниям, находится, вероятно, где-то на берегу залива Куба в западной части дельты. — *прим. перев.*

² Поварня Буруолах (73°42'49"с.ш. 124°55'8"в.д.) на мысе Буруолах-Тумула. — *прим. перев.*

³ Туора-Джангы (в тексте Tara Janga) — исчезнувшая (с карт тоже) деревня. Находилась, вероятно, в районе озёр Туора-Джангы и Туора-Джангы-Кюеле (73°24'25"с.ш. 126°13'49"в.д.), это примерно 13 км. к северо-западу от Северного Булуна. — *прим. перев.*

нятную и без объяснений моих проводников: «Все помри, якут помри».

Миновав цепь небольших озёр и рек, мы проехали через Северный Булун и поднялись по протоке Кетак¹ в Буор-Хая², где остановились в качестве гостей у Иннокентия Шумилова. Его юрта самая большая и чистая во всей дельте, у него прекрасная жена и трое детей. Я узнал, что Ниндемманн был здесь четыре дня назад по пути на юг.

Георгий хочет отдохнуть и выспаться; поэтому я пока отпущу его и одну упряжку, поскольку я уже практически закончил поиски на этой части побережья, если только каких-либо следов Чиппа не нашли Ниндемманн или Бартлетт.

20 апреля. — Сильный снежный шторм. Мы отправились в Хойгуолах и по дороге слышали, что один из оленей, которых я приказал отвезти в Хас-Хата, умер по дороге. Туземцы впрягли их в сани и пытались ехать на них; но они так плохо кормились зимой и так ослабли, что быстро вышли из строя, потому что северный олень — очень нежное животное, и его очень просто загубить. Я нанял собачью упряжку, чтобы отвезти Ивана Портнягина и его жену в Булкур, так как они мне больше не понадобятся после того, как мы свернём лагерь.

Мы прибыли сюда, в Хас-Хата, во второй половине дня; Ниндемманн и Грёнбек выглядят здоровыми и довольными. Ниндемманн не нашёл ничего, что свидетельствовало бы о высадке Чиппа и его отряда. На северном побережье он видел первый куттер, лежащий в море на отмели напротив шеста, отмечавшего склад-тайник. Он находится не менее, чем в четырёх верстах от берега, говорит он, и полностью покрыт снегом и льдом.

Его проводники хорошо знали местность, и путешествие прошло без особых трудностей. В Баркине он нашёл одну хорошую юрту и амбар, а в пяти верстах к северу — чум. Вдоль мыса и побережья было много ловушек на лис. Он подсчитал, что хижины, которые мы видели с моря, расположены примерно в тридцати верстах к юго-

¹ Т.е. Малая Туматская (см. выше). — *прим. перев.*

² Ещё одно ныне не существующее поселение с названием Буор-Хая (кроме Малого Буор-Хая на Сардахской протоке). Обозначено на многих старых картах на протоке Малой Туматской между Северным Булуном и Хойгуолахом. — *прим. перев.*

западу от Баркина. Его отчёт согласуется с тем, что я видел в сентябре прошлого года, когда мы были у побережья на вельботе, поскольку, по его словам, местность там настолько низкая, что он не мог с уверенностью сказать, на суше он или на море.

Если бы люди второго куттера высадились на побережье, на котором побывали мы с Ниндеманном, они, несомненно, оставили бы какие-то следы своего присутствия, видимые даже самому ненаблюдательному человеку. Делонг и его отряд, например, когда дров не хватало или было сыро, жгли лисьи ловушки-пасти, которые находили поблизости. И потом, туземцы тоже путешествовали там везде и не видели никаких признаков лодки или людей. Примерно в тридцати верстах к юго-западу от Баркина — большая протока, полная массивных торосов¹, — такая же, как протоки Когыстахская и Барчах-Уэся, которые Ниндеманн тщательно и безрезультатно исследовал. Теперь я считаю, что вся береговая линия, от Оленька, через Баркин и до мыса Быковский, тщательно обследована.

Я получил известие от Бартлетта. Он завершил свой маршрут с проводниками Семёном Алаком и Василием Кулгахом, от Баркина до Быкова Мыса, вглубь суши и по берегу, но с тем же результатом, что и мы с Ниндеманном.

21 апреля. — Ветреный, непогожий день. Я расплатился со всеми туземцами и приготовился навсегда покинуть Хас-Хата. Константин Мухоплёв сказал, что он распорядился, чтобы сегодня за нами приехала собачья упряжка; но, как обычно, соврал, поэтому я послал за ней, чтобы она отвезла всех нас в Быково.

22 апреля. — Пока упряжки прибыли сегодня утром, было уже слишком поздно ехать, так как я хочу добраться до Чолбогоя без ночёвки. Мне потребуются четыре упряжки по пятнадцать собак в каждой, две из которых у нас есть, а две других я найму, заплатив по дорожным расценкам.

23 апреля. — Поднялись в три часа ночи, и в шесть утра выехали, при лёгком восточном ветре. В восемь часов начали собираться тучи, ветер усилился, и уже к десяти начался настоящий шторм.

¹ Вероятно, Большая Трофимовская протока. — прим. перев.

Мы пересекли девять широких протоков между Хас-Хата и Когыстахской протокой, а затем пересекли Барчах-Уэся, у истока которой погиб бедный Делонг и его товарищи¹. Здесь мы наткнулись на крупные торосы в главном восточном рукаве Лены², а шторм стал таким яростным, что каюры сбились с пути и беспорядочно блуждали по торосистому льду. Мы проложили курс на юго-восток по компасу, не зная нашего местоположения, за исключением того, что Ордоно лежал где-то к югу от нас; и когда мы наконец достигли берега, наши собаки упали и завывали — таким ослепляющим был шторм. Каюры тщетно ползали на четвереньках в поисках пути для саней, пока, наконец, я не приказал установить палатку. Сани были поставлены поперёк ветра, собака зарылась в снег вокруг палатки, а мы все заползли внутрь и дрожали с двух часов дня до двух на следующее утро. Ниндеманн отморозил за ночь все пальцы на левой руке.

24 апреля. — Проснувшись, мы обнаружили, что погода прояснилась, и мы находимся всего в полумиле от поварни. Туда мы и отправились, заварили чай, высушили одежду и вскоре отправились в Турканах. Остановившись там на несколько минут, мы поехали дальше в Чолбогой, где встретили молодого человека, которого мы нашли на этом же месте месяц назад с голодающей семьёй. Сейчас он занимается изготовлением трёх маленьких гробов для погребения своих детей, и я с интересом наблюдал за его работой. Он взял три цельных куска дерева, достаточные по размерам, чтобы, когда их выдолбят изнутри, в них поместились тела. По форме они напоминают саркофаги для египетских мумий, эллиптические в поперечном сечении, шире в области головы и плеч и сужающиеся к ногам, с аккуратно закруглёнными концами. Деревянными клиньями он расколол бревна вдоль, выдолбил изнутри обе половинки и положил туда тела. Затем

¹ Отряд Делонга погиб у истока протоки, которая в той части называется Булгуняхтах-Уэся. Надо отметить, что протоки дельты по мере своего течения к океану постоянно разветвляются, сливаются с другими протоками, потом снова разделяются, сливаются сами с собой или вливаются в другие протоки и так далее. При этом многие из них — кроме самых крупных — называются по-разному на разных своих участках. Например, вышеупомянутая Булгуняхтахская протока называется так в своём истоке (там, где она вытекает из Большой Трофимовской), затем она называется Чолбогой-Уэся, а впадает в море уже под именем Барчах-Уэся, по пути ещё несколько раз сливаясь своими ответвлениями с Большой Трофимовской протокой. А название Когыстахская на каком-то из её участков вообще не сохранилось на современных картах. — *прим. перев.*

² Опять, вероятно, имеется ввиду Большая Трофимовская протока. — *прим. перев.*

каждый «саркофаг» был обвязан тремя плетёными берёзовыми обручами наподобие бочки. Само погребение туземцы делают различными способами: гробы оставляют на козлах, помещают в расщелины скал, ставят на землю и строят сверху маленькие домики или закапывают в землю, хотя это самый трудный вид погребения, так как для рытья могилы необходимо несколько раз оттаивать землю с помощью костра.

Мы ехали всю ночь, погода всё время улучшалась, пока к полуночи не стало идеальной, и в два часа ночи 25-го апреля мы остановились у хижины старого Спиридона в деревне Ары. Здесь мы выпили чаю, а затем продолжили наше путешествие, прибыв в Зимовьялах около шести утра.

Глава XXVI. Последние поиски на Яне

«Роджерс» — Преступное поведение мистера Гилдера — Харбер и Шютце — Норос и Джексон — Мистер Ларсен — Вандализм Джексона — Кто ест древесину! — Остров Муостах и залив Буор-Хая — Усть-Янск — Мамонтов бивень — Отправляюсь в Верхоянск — Ссылные — Письмо от Берри — Верхом до Якутска — Наше жалкое снаряжение — Киенг-Юрях — Быстрая оттепель — Задержка — Что случилось с Бобоковым, Калинкиным и Гилдером — Сибирские коровы.

Я сразу же расспросил Бартлетта про мистера Гилдера, корреспондента, и узнал, что он накануне отбыл в Тумус.

Из одного из многочисленных писем, которые мистер Гилдер прислал мне, я узнал, что он был в составе экипажа спасательного корабля «Роджерс», которым командовал лейтенант Роберт М. Берри, и что после длительного перехода по Северному Ледовитому океану и посещения островов Геральд и Врангеля «Роджерс» сгорел в заливе Святого Лаврентия на Чукотке. После гибели судна лейтенант Берри приказал Гилдеру ехать по побережью в Нижне-Колымск, а оттуда в Иркутск, ближайшую станцию телеграфа, чтобы сообщить о потере «Роджерса» в военно-морское министерство США, а затем следовать с депешами в Соединённые Штаты. Но по прибытии на Колыму он

встретил моего старого приятеля Кочаровского, бывшего верхоянского исправника, который рассказал ему о судьбе «Жаннетты» и о наших приключениях в дельте Лены. Гилдер, в свою очередь, отправил сообщение Берри, а затем продолжил свой путь до станции Киенг-Юрях в верховьях Яны, где встретил казачьего курьера, который ехал в Якутск с моими запечатанными депешами генералу Черняеву и Военно-морскому ведомству США. Казак, который слышал о нас в Верхоянске, рассказал Гилдеру о запечатанном пакете, который этот бойкий журналист тут же подговорил дать ему в руки и тут же преспокойно вскрыл. Он прочитал всё, что ему нужно, и вернул пакет курьеру, после чего отправил в «Геральд» свой отчёт, скопированный с моего, об обнаружении тел Делонга и его отряда. Потом он вручил своему попутчику, бывшему колымскому исправнику, депеши лейтенанта Берри, попросив отправить их по почте в Соединённые Штаты, а также послать его телеграмму в «Геральд». Излишне говорить, что генерал Черняев выразил мне большое удивление по поводу таких более чем сомнительных вольностей, допущенных г-ном Гилдером, но в конце концов оставил это без последствий, заметив, что, возможно, нарушение целостности печати не имеет большого значения в такой свободной стране, как Соединённые Штаты, но в России это серьёзное уголовное преступление, и заверил меня, что казак не останется безнаказанным за своё участие в этой махинации.¹

Я съездил в Тумус, но узнав, что Гилдер уже уехал, вернулся в Зимовьялах и начал готовиться к завершающим поискам в устье реки Яна. Санний сезон закончился, и мне скоро придётся или уезжать совсем, или задержаться до осени. Я сразу же отправил капитана Грёнбека в Булун с приказом опечатать наши склады и отправить список их содержимого верхоянскому исправнику Ипатьеву. Я также составил отчёт о запасах в Быково — хлебе, соли, сушёном мясе, чае и табаке, — которые я сложил в мешки и запечатал; ибо получил известие, что двум американским офицерам было поручено помочь мне в поисках и что они собирались зафрахтовать для этой цели пароход «Лена». Это была явно дорогостоящая глупость, и, чтобы предотвра-

¹ В 1883 году У.Г. Гилдер написал о своих приключениях книгу "Ice-Pack and Tundra". В русском переводе она выходила под названиями «Во льдах и снегах» (1885, С.-Петербург) и «Гибель экспедиции Жаннетты» (1923, Берлин). — прим. перев.

тить её, я удвоил свои усилия, чтобы добраться до Якутска, так как совершенно невозможно плыть по Лене на этом судне с осадкой семь футов. К счастью, Департамент поручил это дело двум очень толковым молодым людям, и по прибытии в верховья Лены они сразу увидели, что пароход совершенно непригоден для плавания по мелководью, и отказались от фрахта. Затем лейтенанты Харбер и Шютц снарядили небольшую шхуну и несколько лодок, подходящих для их задачи, и достигли, наконец, дельты через несколько месяцев после того, как я завершил поиски.

Когда я был уже готов к отъезду на Яну, я вдруг получил из Тумуса сообщение, что туда приехали двое американцев и живут в юрте у Кузьмы. Я поехал туда на санях, думая, что вот-вот встречу морских офицеров, о которых мне сообщили, но представьте себе моё удивление, когда вместо этого я увидел Нороса, который в январе отправился домой с мистером Даненхауэром. С ним был некий мистер Джон П. Джексон, корреспондент «Нью-Йорк Геральд», который, отправившись в дельту, чтобы «составить подробный отчёт» о катастрофе «Жаннетты», встретился в Иркутске с группой Даненхауэра и отправил в свою газету их рассказы по телеграфу. Затем он получил разрешение министра ВМС взять с собой в дельту Нороса в качестве компаньона и помощника, и вот они здесь, со всеми аксессуарами богатых путешественников. Норос сбросил свои оленьи шкуры и был одет, так сказать, «в пурпур и шелка». У Джексона был эскорт из казаков и двое крытых саней, набитых деликатесами и всякой всячиной.

Я пригласил его в Зимовьялах, где Бартлетт и Ниндемманн поведали ему подробности наших поисков и о том, где и как мы похоронили погибших. И тут на сцене появляется мистер Ларсен, художник и корреспондент «Illustrated London News». Он с мистером Джексоном были попутчиками до Якутска, а теперь вновь воссоединились и хотели бы вместе посетить достопримечательные места наших недавних поисков. Мистер Джексон пожелал, чтобы я попросил Ниндемманна или Бартлетта сопровождать его, но, поскольку у меня не было полномочий отпускать кого-либо из моего отряда для таких вещей, я отказался это сделать, к большому неудовольствию мистера Джек-

сона, который, кажется, вообразил, что ему достаточно только приказать от имени своего хозяина, и я подчинюсь. Вопиющий эгоизм такого рода людей забавен до крайности. При нашей первой встрече он с большой важностью заявил мне, что он был бы признателен мне, если бы я передал ему для прочтения и перлюстрации бортовой журнал и дневники лейтенанта Делонга и мистера Коллинза, что, мол, мистер Беннетт так распорядился и так далее; и что если мне надо что-то сделать, он был бы рад поспособствовать любым моим планам, проектам и т.п.; а если мне понадобятся деньги, то он уполномочен обратиться к мистеру Беннетту, *et cetera, et cetera*... Короче говоря, он был готов взять меня под своё руководство и надлежащим образом завершить работу, которую я почти закончил.

К его большому удивлению, я не нуждался ни в какой помощи и вовсе не был склонен ни отдаваться ему на попечение, ни быть купленным, ни подчинён ему силой. Если бы я мог предположить, что эти упыри намереваются вскрыть гробницу наших товарищей, я бы, конечно, последовал за ними и предотвратил такое кощунство. Но мне и в голову не могло прийти, что человек, родившийся в христианской стране, может потерять всякое уважение к праху умерших, что нарушит их священное место упокоения с целью состряпать сенсационную статейку, сделать наброски или просто поглазеть из праздного любопытства. И всё же это, как я узнал впоследствии, было совершено: бревна были отпилены и повалены, и конструкция пирамиды была настолько ослаблена, что больше не служила той цели, для которой она предназначалась.

Наконец, когда всё было готово, я выступил со всем своим отрядом из Зимовьялаха, чтобы исследовать берега залива Буор-Хая и обогнув мыс с таким же названием, продолжить поиски до Усть-Янска. Перед отъездом я попрощался со всеми старыми друзьями и поделил между ними всё, что было у нас в запасе, оставив, однако, всё самое ценное, такое как чай и табак, — список чего я оставил у исправника — для использования каким-нибудь другим поисковым отрядом, который может быть отправлен в эти места.

Один случай, который я почти упустил из виду, хорошо иллюстрирует, до чего довели наших бедных друзей тунгусов и якутов мои

оптовые закупки рыбы. Гаврил Пасхин, который снабдил нас едой, когда мы впервые появились в Зимовьялах, и человек с репутацией хорошего охотника на оленей (он неоднократно обещал продать мне оленину, но так же регулярно не делал этого), со своей женой и детьми голодал и попросил у меня двести рыб, обещая заплатить за них. Я согласился дать ему рыбы, он несколько раз заходил за ней, но я почему-то сомневался, что он действительно голодает, пока мне наконец не сообщили, что он ест древесину. Я пошёл к нему и действительно обнаружил, что он соскребает заболонь с лиственничного ствола. Он смешивал её со снегом и измельчённой в порошок замороженной рыбой, с костями и всем прочим, и несчастные его домочадцы ели эту смесь; дерево давало чувство наполненности желудка, снег делал месиво не таким противным и только рыба делала его немного питательным¹.

Мой отряд, состоящий, кроме меня, из Ниндеманна, Бартлетта, Ефима и каюров, выехал из Зимовьялах около восьми часов прекрасного утра 28 апреля. Мы остановились на восточной оконечности острова Муостах и поужинали чаем и мороженой рыбой. Затем, огибая остров, мы наткнулись на пару старых хижин и знак из жердей, отмечающий склады с рыбой, сделанные какими-то туземцами. Василий взглянул на знаки и сразу сказал, чьи они. Никаких признаков Чипа или его людей мы не нашли и к утру добрались до противоположного берега залива Буор-Хая, остановившись на ночлег в восьмиугольной поварне.

Следуя вдоль береговой линии и срезая путь отмелям, мы приехали в маленькую деревушку на одной из протоков дельты Яны. Здесь мы поужинали и раздобыли оленей, чтобы отвезти нас в Усть-Янск, расположенный в двухстах десяти верстах по прямой. Туземцы были очень приветливы, но ничего не слышали об отряде Чиппа. Затем мы проехали через ряд деревень по берегам реки и в два часа ночи 30 апреля прибыли в Усть-Янск, завершив таким образом поиск лейтенанта Чиппа и его людей вдоль побережья от устья Оленька до устья

¹ Автора, в общем-то, разыграли – сосновая и лиственничная заболонь входила в обычный (не голодный) рацион многих народов Севера, её заготавливали каждый год в больших количествах, она входила в состав разных блюд и считалась вполне полноценным питанием. – *прим. перев.*

Яны на расстоянии более пятисот миль по прямой и более тысячи — по извилистой береговой линии.

Усть-Янск — довольно большое поселение с населением в триста человек, состоящим из якутов, тунгусов, ссыльных и их охранников, а также довольно большого числа торговцев, которые скупают здесь шкуры и ископаемую слоновую кость, которую добывают во всей этой части Сибири. Я видел много тысяч фунтов бивней мамонта, окрашенных в угольно-чёрный цвет — из-за возраста и дубильных свойств тундровых торфяных болот, в котором в основном и находят бивни. Некоторые из них, которые мне удалось измерить, были длиной девять футов и тридцать дюймов в окружности у основания, полые и эллиптические в сечении. Я видел караван из тридцати саней, нагруженных этими бивнями, на каждом было указано имя владельца. Они направлялись на продажу в Китай — страну, которая обрабатывает больше всего слоновой кости в мире.

Уже на следующее утро я предпринял всё необходимое, чтобы как можно быстрее доехать до Якутска через Верхоянск; ибо теперь я чувствовал, что мои дела в дельте завершены, а если господа Харбер и Шютц намеревались продолжить поиски в течение лета, то мне хотелось бы передать им свой опыт и предостеречь от использования парохода со слишком большой осадкой.

Мой путь из Усть-Янска в Верхоянск лежал через тундру и горы. Дорога идёт не по берегам Яны, на которых расположены оба этих населённых пункта, хотя в летнее время вниз по течению путешествуют на лодках. У нас были олени упряжки, но санный сезон быстро подходил к концу; снег таял и стекал ручейками, а на солнечных склонах холмов уже начинала проступать голая земля.

В первый день мая 1882 года я простился с берегами Северного Ледовитого океана и моими бедными верными якутами. Да, они были вшивыми и грязными, но они сделали для нас больше, чем просто христиане, когда нашли нас выброшенными на пустынном берегу океана. Да, порой они не гнушались ложью или воровством, но отдавали нам то немногое, что у них было, и неважно, заплатил ли я им за это двойную цену — я не забуду их до конца своей жизни и верю, что они будут так же помнить обо мне.

Расстояние от Усть-Янска до Верхоянска составляет около девяти-сот вёрст, а станции между ними носят такие благозвучные названия, как Ченкогорь, Койлюкю, Оюн, Аджалах и Куйга.

Снег быстро таял, оленям, которые и так страдали от жары, становилось всё труднее передвигаться. Многие пастухи уже гнали своих оленей на лето в горы, и туземцы вообще не хотели запрягать их, так как многие были с оленятами, и правда, это было жестоко; но тогда я должен или побыстрее добраться до Верхоянска, или остаться здесь до осени.

Я прибыл в Верхоянск вечером 6 мая. Меня сердечно принял исправник Ипатьев, и я снова увидел своих ссыльных. Они были в приподнятом настроении и только и разговаривали о том, как они сбегут вниз по Яне в Северный Ледовитый океан и далее вдоль побережья через Берингов пролив в Америку. Я, конечно, не мог способствовать их попытке, но искренне сочувствовал им и желал успеха; ибо, несомненно, с ними обошлись жестоко и несправедливо. Поразительно, как много молодых людей отправляют здесь в ссылку просто за участие в студенческих драках, таких, которые часто происходят и в наших университетских городках, но за которые наш закон только забирает участников в полицейский участок на ночь, а утром штрафует их и освобождает. А в России, где студенты — это основа образованных классов, мыслят, видимо, слишком свободно; и, если они таким же образом выражают свои либеральные взгляды, то отправляются в Сибирь. Когда здесь кого-то осуждают за тяжкое преступление, он сначала отбывает срок в тюрьме, а затем отправляется «от греха подальше» в Сибирь, причём, чем тяжелее преступление, тем дальше на северо-восток. Устье Колымы при этом является самым восточным исправительным поселением на побережье Северного Ледовитого океана.

По прибытии в Верхоянск я получил письмо от лейтенанта Берри, написанное в Средне-Колымске и датированное 7 апреля. Оно сообщало мне, что он двигался своим поисковым отрядом на запад вдоль побережья до самой Яны. Если бы я знал об этом до отъезда из Усть-Янска, я бы подождал его или отправился на восток и встретился с ним, и таким образом завершил поиски Чиппа вдоль всего побережья

от Восточного мыса до реки Оленёк. Но теперь было слишком поздно поворачивать назад, санный сезон и так уже давно закончился, становилось тепло, всё таяло, да и свободного времени у меня не было. Поэтому, оставив свои сани и оленей в Верхоянске, я начал утомительную поездку в Якутск верхом. Расстояние до него зимой, по руслам рек, составляло девятьсот шестьдесят вёрст, но теперь оно растянулось на тысячу двести. А лошади! Старые клячи, которым просто повезло пережить прошедшую зиму. А седла!! Наши кавалеристы никогда не видели ничего подобного, потому что их опыт обычно ограничивается знакомством с «деревяннно-каркасным Макклеллана»¹. У нас тоже было дерево, это правда, но оно состояло из пары кривых палок, прикреплённых к двум потникам, которые клались на спину лошади, — а сверху на этих палках сидели мы, иногда подкладывая под себя мешки с сеном. Завершали сбрую поводья из оленьей кожи и деревянные стремяна. В общем, для долгой поездки всё это было очень неудобным.

У меня было четыре вьючных лошади для перевозки нашей провизии и личных вещей, а отряд мой состоял, помимо меня, из нескольких проводников, Бартлетта, Ниндеманна и Ефима, уже известного читателю как «Рыжий Чёрт» из-за его косматых рыжих волос и красной хлопчатобумажной рубахи, которые так любят русские крестьяне, а также за его негодяйство в «потерях» (т.е. на самом деле краже и продаже) нашего походного снаряжения, табака и чая и за то, что он вдрызг напивался при любой возможности.

Всего в моем обозе было около десятка лошадей, довольно большое количество для этих мест, и временами на станциях нам не могли дать полную смену лошадей. Сами мы представляли собой самую убогую кавалькаду, какая когда-либо маршировала по Сибири — полудюжина суровых на вид оборванцев, верхом на тощих и измученных, но строптивых конях. И всё же мы были веселы! Реки и ручьи вздулись от тающего снега и дождей, наши несчастные неподкованные лошади скользили на мокром льду, периодически роняя нас в воду. Часто кто-нибудь из нас предпочитал спешиваться и вести сво-

¹ Модель седла, разработанная в начале Гражданской войны в Америке. Было на вооружении армии США вплоть до Второй Мировой войны. — *прим. перев.*

его Буцефала за уздцы, и, если бы лошади не несли еду и нашу сменную одежду, некоторые особо нетерпеливые, наверное, бросили бы их на произвол судьбы вместе с их нелепыми сёдлами и всем остальным. Так мы и тащились, пока, наконец, 14 мая не добрались до станции Киенг-Юрях в горах между Верхоянским и Якутским округами. Лошади к этому времени уже едва держались на ногах, а перемены им на этой станции не было — и ещё долго не будет, до тех пор, пока мы не спустимся в долину реки Алдан. Вокруг рос только редкий кустарник, который выживает на этих высотах. Мы отпустили лошадей самим добывать себе пропитание, и бедные животные разгребали снег копытами, как северные олени, и щипали жухлую траву под ним.

Мы были в пути из Усть-Янска уже семь дней, и за это время никто из нас не спал в человеческом жилище больше трёх часов подряд. Провизия закончилась, а лошади с багажом, которых вёл Рыжий Чёрт так отстали, что мы не видели их уже в течение трёх дней, но я бы нисколько не сожалел, если бы этот чёрт потерялся навсегда — до того он мне осточертел! Я спешил успеть пересечь Алдан до того, как он вскрыется, но в Киенг-Юряхе старые ямщики и казак, с которым я ехал в Якутск в прошлый раз, сказали мне, что долина уже затоплена на многие мили и что лучше пока оставаться здесь. Мясо у нас кончилось, и я купил немного конины, как уверял меня старый якут — мясо молочной кобылы. Оно было высокого качества и стоило соответственно. Я видел, как возле станции женщины-якутки с детьми выкапывали какие-то корни, чтобы поесть.

Дав лошадям пару дней отдыха, я попытался продолжить наш путь, но лошади тут же провалились по круп в мягкий мокрый снег и, в конце концов, отказались идти, и мы были вынуждены отвести их обратно на станцию. Что ж, прекрасная перспектива оставаться в этом горном ущелье, среди разлившихся от половодья ручьёв и почти без еды. Одно время казалось, что мы пережили опасности Северного Ледовитого океана и дельты Лены только для того, чтобы умереть с голоду в горах или утонуть в бурных потоках. Впоследствии я узнал, что два моих посыльных, Бобоков и Калинин и г-н Гилдер с «Роджерса» были застигнуты половодьем в долине Алдана, которое загнало их на вершину дерева, где они соорудили насест и

жили на нём несколько дней. Для еды они убили одну из своих лошадей, тушу которой привязали к дереву и отрезали от неё куски, когда нуждались в пище. Вода наконец спала, и они были освобождены из своего «высокого» плена, но не так скоро, как хотелось бы, так что запах их плавучей кладовой стал слишком уж сильным, а их желудки соответственно ослабли.

Верные своему долгу, Бобоков и Калинин подняли ящик с драгоценными бумагами и записями экспедиции на вершину дерева и крепко привязали его. Но вода продолжала подниматься, они испугались, подняли и привязали его ещё выше, и тут Калинин упал с дерева и был унесён течением в ветви другого, где он оставался без еды в течение нескольких дней. Из-за своей неосторожности они подвергли себя и свой бесценный груз тому самому риску, которого я и намеревался избежать, потому послал их с Дельты так рано, чтобы обеспечить вывоз записей в безопасное место до того, как начнутся весенние паводки. Но они подолгу задерживались на разных станциях, неделю бездельничали в Верхоянске, а тем временем приближалась весна, и паводки застали их примерно за десять дней до того, как они пересекли Алдан, и их неповиновение приказам едва не стоило им жизни и потери наших записей — плодов стольких трудов, страданий и смертей.

Видя, что я должен оставаться в Киенг-Юряхе на неопределённое время, я отправил одного казака на ближайшее оленьё становище с приказом пригнать пять оленей для еды. Хлеб у нас давно закончился, и, если бы нам не посчастливилось встретить этих двух старых ямщиков и казака, нам пришлось бы есть наших лошадей. Казаки, путешествующие по Сибири, обычно живут в деревнях, и этот парень, как мне сказали, приехал в Киенг-Юрях и спокойно жил у смотрителя станции до тех пор, пока не закончилось наводнение. Старый смотритель-якут, зная этого человека, предложил ему пять рублей, чтобы он ехал дальше. Казак положил деньги в карман, но остался и съел всю оленину и еду на станции, так что моё своевременное прибытие стало неожиданной удачей для смотрителя.

Днём 16 мая в лагерь пришёл пожилой якут. Он был ямщиком, который отвозил Бобокова с его людьми до соседней станции, и сооб-

шил, что все дороги затоплены и непроходимы. Выпало много осадков, так что тяжёлый мокрый снег лежал на раскисшей земле и делал любое передвижение практически невозможным. Я купил у него трёх оленей для еды, и он ушёл на стойбища своего племени в одно из горных ущелий, где они пасли оленей до самой зимы.

18 мая выпал снег глубиной в фут, выбеливший весь ландшафт. Это было необычное зрелище. В некоторых местах снег был глубиной сорок и более футов, а некоторые ущелья забило снежными лавинами на несколько недель. И всё же, когда солнце растопило почти весь снег и оставалось ещё пара дюймов, уже можно было собирать голубику, бруснику и мелкую клюкву, а местами сквозь снег пробились свои листья какие-то выносливые маленькие растения, радуя сердца и желудки наших бедных лошадей.

Примечательно, как по-разному эти якуты ухаживают за своим скотом по сравнению с лошадьми. Коровы содержатся в жилищах вместе с семьёй до весны, и когда они выходят на улицу, это самые худые и голодные на вид коровы в мире (кроме, возможно, египетских). Хотя их кормят сеном, накошенным летом косами, похожими на кубинские мачете¹. Я никогда не видел такого необычно сложенного скота. Как и большинство людей, я был знаком только с обычными коровами, с позвоночником, прогнутым вниз; но у крупного рогатого скота в Сибири спины прямые, и на них растут волосы, длинные и спутанные, как лохматая голова бизона.

¹ Старинная якутская коса-горбуша. Постепенно была вытеснена косой-литовкой. — *прим. перев.*

Глава XXVII. По Сибири

Встреча с Берри и Хантом — В долине Алдана — «Мрачный Джон» — Семья тунгусов — Путешествие по затопленному району — Переправа через Алдан — Живописная сцена — Прибытие в Якутск — На борту «Пионера» — Комары — Ленские столбы — Пропускаем отряд Харбера — Купеческие баржи — Киренск — На «Константине» и лодках — В тарантасе — «Иван», вымышленный друг — Иркутск — Приключения моих часов.

Утром 21 мая лейтенант Берри и мичман Хант с погибшего парохода «Роджерс» прибыли в Киенг-Юрях в сопровождении корреспондента мистера Джона П. Джексона, художника мистера Ларсена, отряда казаков и моряка Нороса, который путешествовал по дельте Лены в качестве гида и слуги мистера Джексона. Лейтенант Берри и мичман Хант привезли с собой русского мальчика, которого они привезли откуда-то с берегов Камчатки и который с тех пор служил им переводчиком.

Конечно, никогда в жизни я не был так рад видеть двух белых мужчин, как сейчас при виде Берри и Ханта. Они прошли на запад почти две тысячи миль вдоль берега Северного Ледовитого океана, от Восточного мыса до устья Яны, и прибыли в Усть-Янск всего через два-три дня после моего отъезда. Там они впервые узнали о том, что я нашёл и похоронил погибших из отряда Делонга, а также о моей попытке найти какие-либо следы бедного Чиппа. Берри поспешил догнать меня, захватив с собой приличный запас хлеба, в котором мой отряд остро нуждался, и, таким образом, фактически частично выполнил миссию, которую изначально планировал: а именно, помощь людям с «Жаннетты». И, повторяю, мне было очень приятно встретиться с двумя моими соотечественниками и притом сослуживцами в этом отдалённом и безотрадном месте.

После долгих рукопожатий и многочисленных расспросов о делах на родине и наших общих знакомых мы приготовились на следующий день попытаться пройти перевал и добраться до следующей станции. Итак, ранним утром мы отправились в путь и после тяжёло-

го перехода разбили лагерь в долине на другой стороне. Наш отряд теперь насчитывал пятнадцать человек, и наши лошади едва могли волочить ноги. Мы ехали на них от поварни до поварни, отпуская на каждой остановке пастись на прошлогодней листве и кустарнике. В этом долгом путешествии нас очень развлекал один из присоединившихся к нашему отряду. Он немного овладел русским языком и кричал туземцам: «Ямщик, ямщик, сколка верста до станция?»

Ямщик, к которому он обращался, указывал ближайшее расстояние, какое он знал, а наш нетерпеливый компаньон обиженно жаловался, как ребёнок: «Врёшь ты всё! Ты ещё час назад говорил, что восемьдесят...»

А если этому вечно раздражённому члену нашего отряда попадалось неудобное седло, то недовольные вопли и проклятия седлу, лошади, уздечке и всем якутам вообще продолжались до следующей перемены лошадей. Наконец ему в голову пришла блестящая идея. Он как-то заметил, что, если на перемене лошадей подарить несколько рублей ямщику или начальнику станции, то седло и упряжь оказываются гораздо лучше. И потому какое-то время он был не так несчастен. Но вскоре ему опять попалось неудачное седло и стремяна не по росту, и, судя по тому, как он ворчал о своей еде, питье и сне, о небе над головой и земле под ногами и вообще обо всём, что его окружало — я всерьёз засомневался, что ему понравится его нимб, если он всё же попадёт в Рай, что, на мой взгляд, весьма маловероятно. Я думаю, что попади он на Небеса, со всеми его воображаемыми удобствами и великолепием, он всё равно будет жаловаться, что в Аду, говорят, развлечения лучше. Я так прямо выражаюсь просто потому, что за всё время моих путешествий или даже моей жизни я никогда не сталкивался с таким придирой и критиканом. Он был недоволен всем и даже тем, что остальным казалось просто роскошным, хотя иногда мы предпочли бы, конечно, ещё лучшее, если бы обстоятельства позволили. Однако «Мрачный Джон», как его вскоре окрестили, не делал таких допущений. Ну, а когда мы обнаружили его неблагоприятные дела с подкупом ямщиков и станционных смотрителей, долгом одного из нас стало садиться, якобы случайно, не на ту ло-

шадь — и ехать как ни в чём ни бывало, к большому неудовольствию «Мрачного Джона».

Мы разбили лагерь в долине к югу от Киенг-Юряха в маленькой старой хижине, с протекающей крыши которой капала вода, а пол был покрыт льдом. Некоторые легли спать снаружи на постели из ветвей сосны, ели и болиголова, рядом с большим костром, на котором мы зажарили оленину; с чаем, сахаром и остатками чёрного хлеба, который привёз нам Берри, она составляла нашу вечернюю трапезу. Хорошо отдохнув за ночь, мы отправились в путь до следующей станции, расположенной в пятидесяти верстах, рядом с местностью, которая была сейчас затоплена. Туземцы покидают такие затопляемые места, уходя на возвышенности, и поэтому следующая за этой станция была бы слишком далеко, на расстоянии ста двадцати вёрст, и во всём этом расстоянии мы не нашли бы ни людей, ни лошадей, ни дичи и ничего съестного. Поэтому мы остановились на двое суток, чтобы дать нашим лошадям отдых и возможность полакомиться сухой травой, которая появилась из-под тающего снега.

Расположившись в старой поварне, мы убили одного из оленей, которых вели с собой в качестве еды, а остальных привязали там, где уже показывался олений мох. Как раз в тот момент, когда мы прибыли на станцию, от неё отъезжала семья тунгусов: муж, жена, мальчики, девочки и младенцы, верхом на спинах или, скорее, на плечах северных оленей. Двое маленьких детей были подвешены по обе стороны от оленя с помощью ремней. И малютки, казалось, совсем не были обеспокоены своим положением; и здесь я должен решительно отметить превосходный характер и примерное поведение как якутских, так и тунгусских ребятишек по сравнению с детьми просвещённого христианского мира.

Затопленный район, который был так густо заселён прошлой зимой, теперь представлял собой картину запустения. Мы проезжали через деревни, состоящие из десяти-пятнадцати юрт, настолько разрушенных наводнением, что уцелели только ободранные стены, которые нужно будет заново засыпать землёй на зиму. Почва у берегов реки была покрыта короткой кочковатой травой, с участками гладкого льда между ними, на которых наши слабые и неподкованные

лошади скользили и теряли равновесие... и седоков. Почти беспрерывно шёл дождь — холодный, похожий скорее на мокрый снег; мы постоянно чувствовали себя промокшими и продрогшими, и даже ругательства и жалобы нашего мрачного товарища не могли нас развеселить. По вечерам в поварнях его лицо несколько оживала, но только при условии, что в течение дня удалось раздобыть по утке на каждого либо купив их, либо благодаря охотничьему мастерству наших казаков. Тогда он снисходил до скупой улыбки нашему повару Ефиму, который, сложив разделанных уток в сковороду с длинной ручкой, жарил их на смеси масла и жира с солью и перцем. Да-да, я искренне верю, что он не только выглядел, но и действительно временами радовался — если первым получал чашку чая или утку, если она была большой, жирной и правильно прожаренной, — но, если не все эти «если» были выполнены — будьте уверены, он был глубоко несчастен.

Так мы продвигались вперёд, по большей части счастливые и довольные, хотя и мокрые, продрогшие, грязные и вшивые, пока 31 мая не прибыли на берег Алдана. Расположившись на берегу и разведя костёр, мы начали звать паромщика на другой стороне, стреляли из ружья, чтобы привлечь его внимание, но тщетно. Наконец мы послали одного казака переправиться на лодке, которую нашли на берегу; и, ожидая его возвращения, с интересом наблюдали за печальным опустошением, которое наводнение произвело на берегах этого большого притока Лены. Чудовищные глыбы льда размером с приличный дом лежали на берегу, а вода местами поднималась на высоту сорока футов, о чём свидетельствовал плавник, застрявший в ветвях деревьев; тысячи их были вырваны с корнем и унесены в море, чтобы много-много месяцев плыть северо-западным курсом и оказаться в конце концов в Атлантическом океане, или быть подхваченным южным течением и усеять берега восточного побережья Шпицбергена.

В два часа ночи 1 июня нас переправили через Алдан в большой плоскодонной лодке, похожей на рыбацкую лодку Новой Англии, но более острой в корме и большей седловатостью палубы. Она была около шестидесяти футов в длину, десять-двенадцать футов в шири-

ну и четыре фута в глубину; открыта от носа до кормы, но с приподнятой площадкой посередине, на которой сидели пассажиры. Гребли на ней восемь человек, им помогали некоторые из нас. Картина была очень живописной! Грубо сколоченная лодка, дикого вида гребцы, мы сами, если уж на то пошло, ещё более дикие на вид, одетые в лохмотья и звериные шкуры, с оружием и другими атрибутами арктических путешественников, и тёмная, холодная река, ледяные глыбы, стоящие в безмолвном прибрежном лесу, как дачные домики и полное безлюдье, — я никогда этого не забуду, и, хотя меня тогда охватила слабость и болело сердце, я был счастлив, как ребёнок, что дожил до этого момента своей жизни.

Высадившись на другой стороне, мы вскоре разместились в удобной юрте и хорошо поужинали утками, и здесь нам впервые рассказали о том, как спаслись в наводнение Бобоков, Калинин и Гилдер. Я не мог выдвинуть весь свой отряд на следующий день, так как лошади, которых нам предоставили на здешней станции, явно ещё не оправились от изнурительной работы прошедшей зимой; поэтому я послал Бартлетта и одного казака вперёд, чтобы подготовить нам путь, и решил оставить пока одного казака и одного из моих людей здесь, чтобы позже они последовали за нами с багажом.

Путешествие от реки Алдан до Якутска было очень утомительным и неприятным, но наконец 7 июня мы прибыли и были встречены всеми должностными лицами города. Мадам Лемперт приготовила нам превосходный обед, и затем мы отправились в «Американский Балаган», наши старые апартаменты в предыдущую зиму, где мы нашли Гилдера и Бартлетта.

На следующий день в сопровождении лейтенанта Берри я посетил генерал-губернатора, который принял меня с распростёртыми объятиями, назвал своим сыном и горячо обнял со слезами на глазах, как будто я был его самым близким, только что восставшим из могилы. Он похвалил меня за успех моих поисков; по его словам, он гордился тем, что у него есть такой «сын». На следующий день он пригласил лейтенанта Берри и меня на ужин, чтобы встретиться с вице-

губернатором и лейтенантом ВМФ России господином Юргенсом¹, который в то время находился в Якутске, готовясь отправиться в дельту Лены, чтобы установить метеорологическую станцию и провести исследования тех мест².

Лейтенанты Харбер и Шютц ещё не выехали из Витима, где они занимались снаряжением небольшой шхуны и нескольких малотоннажных лодок для поисков в Дельте, благоразумно отказавшись от первоначальных планов зафрахтовать пароход «Лена». Я был разочарован тем, что не встретил их в Якутске, и поэтому, собрав достаточно денег, чтобы расплатиться со всеми своими долгами и покрыть расходы на поездку в Нью-Йорк, решил сразу же отправиться в Витим.

Генерал-губернатор устроил прощальный завтрак, на котором мы все собрались, было много тостов, приветственных речей и пожеланий счастья и процветания друг друга. Затем в сопровождении губернатора и множества друзей мы отправились на пароход «Пионер», который должен был доставить нас вверх по реке до Витима. Весь Якутск вышел нас провожать, и около пяти часов вечера 11 июня мы медленно двинулись вверх по Лене.

Пароход был маленьким, грязным, а в каютах жарко. Установилась тёплая погода, и мы не знали покоя от комаров. «Пионер» медленно продвигался против быстрого течения, временами вообще не двигаясь, или шёл зигзагом, избегая отмелей и перекатов или уворачиваясь от водоворотов. Для меня было загадкой, как им управляли, потому что, казалось, была только одна бессменная вахта, которые стояла день и ночь без отдыха. Мы спали в двух маленьких каютах, одна в носу, а другая за гребными колёсами; к счастью, других пассажиров не было. Мылись мы в палубном ведре, набирая воду из реки и используя наше собственное мыло и полотенца. Мы договорились платить шесть копеек за версту и два рубля в день за еду, но так как неизменный рацион из варёной говядины и чая нам скоро надоел, мы стали покупать молоко, яйца и другую провизию на остановках,

¹ Николай Данилович Юргенс (1847-1898) — российский гидрограф и полярный исследователь. — *прим. перев.*

² Речь идёт о полярной станции на острове Сагастыр (см. главу XV). — *прим. перев.*

где пароход запасался дровами, и, если бы не комары, то мы бы считали, что вполне приятно проводим время.

Однажды вечером, сидя на прохладном ветерке на носу лодки, мы увидели впереди то, что показалось нам большой песчаной отмелью, и поэтому предупредили об этом лоцмана. Но каково же было наше удивление, когда при приближении к отмели мы обнаружили, что она вдруг поднялась в воздух и устремилась на нас, как клубы дыма. Это была туча комаров! Несмотря на наши плотно заправленные в воротники пальто накомарники с окошками из конского волоса, насекомые всё равно каким-то непостижимым образом проникали внутрь и лезли в глаза и нос. Не помогали и наши перчатки из оленьей кожи с завязками на запястьях — эти крошечные мучители всё равно доставали нас. В моей меховой шапке было только одна маленькая дырка — и через него они накусали меня в макушку. Они были просто повсюду!

На второй день и в течение двух последующих мы проплывали мимо самых замечательных скал, которые я когда-либо видел. Местами они возвышались на высоту двух и более тысяч футов¹, на многие мили, казалось, прямо из реки поднимался непрерывный строй диких скал, как стена величественной средневековой крепости, украшенная зубцами, башнями и контрфорсами. С палубы парохода скалы имели цвет и вид коричневого песчаника, но я не мог с уверенностью сказать на таком расстоянии². Они не имели правильной или регулярной структуры, которой обычно обладают колонны базальта, и я не припомню ничего, что напоминало бы мне это восхитительное творение природы.

Утром 15 июня капитан «Пионера» сообщил мне, что ночью нам встретился пароход, тащивший на буксире шхуну и две лодки. Он подумал, что это мог быть отряд Харбера, который я велел ему остановить при встрече, чтобы мы могли посоветоваться; но по глупости или из-за страха потерять прибыль он позволил им пройти. Впрочем, это мало что изменило, потому что через несколько дней мы прибыли в Олёкминск, где я нашёл записку, оставленную для меня лейте-

¹ 2 000 футов ≈ 600 м. На самом деле макс. высота Ленских столбов — 220 метров. — *прим. перев.*

² Ленские столбы сложены из кембрийских известняков возрастом ок. 550 млн. лет. — *прим. перев.*

нантом Харбером — первое сообщение, которое я от него получил. В нём он высказывал пожелание, чтобы я вернулся в Якутск, если мы разминёмся на реке. Я не считал это совершенно необходимым, так как считал мои безуспешные поиски Чиппа вдоль побережья вполне достаточными, и проведёнными в то единственное время, когда можно было бы найти следы его высадки. И даже если какие-нибудь следы или предметы ускользнул тогда от моего внимания, то к этому времени их уже смыло весенним паводком. И всё же, когда лейтенант Берри собрался отправить мичмана Ханта присоединиться к отряду Харбера, я решил послать с ним Бартлетта, который и сам вызвался поехать. Я также подготовил для отряда письмо с инструкциями и карту дельты, на которой были отмечены все мои маршруты. Возвращаясь верхом в Якутск, Хант и Бартлетт встретили лейтенанта Харбера, который ехал обратно в надежде догнать меня. Он, несомненно, преуспел бы в этом, если бы не встретил Ханта, который передал ему моё письмо и карту¹.

Мы продолжали своё путешествие вверх по Лене; деревень становилось всё больше, хотя все они были небольшими. Здешние жители занимаются всем понемногу: у многих небольшой огород и посевы, несколько голов скота, десятков-другой кур. Также они заготавливают дрова для проходящих пароходов, ловят рыбу и работают пере-

¹ Лейтенанты Харбер и Шютц достигли на своей маленькой шхуне «Поиск» устья Лены в июле 1882 года. Их поиски Чиппа вдоль побережья не дали никаких результатов.

В декабре они получили в Якутске приказ (который был в пути шесть месяцев) вернуть тела Делонга и его людей в Соединённые Штаты, на что Конгресс выделил 25 000 долларов.

Ниже приведена таблица громадных расстояний, на которые были перевезены останки, завернутые в войлок и помещённые в металлические гробы:

Таблица расстояний	Мили
Матвей, на оленьих упряжках, до Якутска.....	800
Якутск, на конных упряжках, до Иркутска.....	2 342
Иркутск, на конных упряжках, до Красноярска	670
Красноярск, на конных упряжках, до Томска	367
Томск, на конных упряжках, до Омска.....	582
Омск, на конных санях, до Оренбурга.....	1 000
Оренбург, по железной дороге, до Москвы.....	900
Москва, по железной дороге, до Гамбурга	1 390
Гамбург — Нью-Йорк.....	4 140
Всего	12 191

В Гамбурге офицеры вместе с телами погибших сели на пароход «Фризия» и прибыли в Нью-Йорк 20 февраля 1884 года после двух лет и шестнадцати дней после своего отъезда. Повсюду на протяжении всего маршрута, в Азии, Европе и Америке, погибшим героям оказывались всевозможные почести, а заключительная процессия и торжественные похороны в Нью-Йорке в День рождения Вашингтона в этом году (1884) ещё свежи в памяти читателя. — Ред.

возчиками на реке. Встречаются множество больших барж, принадлежащих богатым купцам. Это вместительные грузовые суда длиной сорок, иногда до восьмидесяти футов, построенные из тяжёлого бруса, снабжены палубой и скреплены деревянными гвоздями, швы заделаны мхом и залиты смолой. Они строятся на берегах реки в зимнее время и спускаются на воду во время весенних паводков, нагруженные всевозможными товарами, и они плывут вниз по течению, иногда поднимая парус, и управляются с помощью трёх длинных гребей длиной сорок и более футов — они используются не для движения, а только для того, чтобы держать баржи подальше от мелей. Суда эти останавливаются во всех прибрежных деревнях, а в крупных поселениях устраивают базары. Это, конечно, праздник для жителей таких сёл, которые берут нарасхват дешёвые одеколоны и яркие платки, к великому удовольствию преуспевающих купцов.

Мы побывали на нескольких таких баржах, наш спутник и переводчик, капитан Грёнбек, был знаком со многими торговцами, и они принимали нас с особым вниманием. Некоторые баржи были со вкусом обставлены, а купцов сопровождали их жены или на борту было несколько пассажиров. Все эти суда делают Якутск своим конечным пунктом, и, если купцы не полностью распродали по пути свои товары, они проводят оптовый аукцион, а потом продают свои баржи на дрова или на строительные материалы, так как древесина качественная и хорошо обтёсана. Берега реки усеяны обломками этих больших лодок, которые либо потерпели крушение, либо были просто брошены своими владельцами после разгрузки.

В верховьях Лены много деревень ссыльных скопцов. Я посетил одну, в которой жили тридцать три мужчины и три женщины, все довольно бедного вида, но бережливые и вполне преуспевающие. Они мечтали купить ветряную мельницу и молоть на ней муку для всего округа. Скопцы — самые трудолюбивые фермеры на Лене и выращивают почти все овощи в этих местах. Всё их имущество по закону после смерти поступает в государственную казну, но, как рассказывал мне губернатор, перед смертью им всегда удаётся незаметно продать его. Я думаю, что любовь к деньгам является корнем их религиозной одержимости.

Однажды я увидел двух мертвецов, плывущих по реке и видел ещё одного ранее в тот же день. Я доложил об этом капитану, и он сказал: «Да, сегодня утром мы прошли мимо двух других, прежде чем вы встали. Это люди с рудников, которые напиваются в кабаках и убивают друг друга. И тут ещё есть много иудеев, которые убивают людей из-за денег. Я однажды видел сразу пятнадцать трупов, плывущих по реке.» И капитан Грёнбек подтвердил его слова.

Эти преступники, которых отправляют на рудники, представляют собой сборище отчаянных головорезов. Я полагаю, что всех тех, кто работает на Александра Сибирякова¹, хорошо кормят, одевают, платят за работу, — и разрешают посещать кабаки и пропивать свои заработки, что они в основном и делают, а попойки заканчиваются драками и смертями.

В Киренске, большом селе с населением четыре или пять тысяч жителей, мы пересели на пароход «Константин», более мощное и вместительное судно, на котором наше продвижение вверх по реке стало гораздо более ощутимым. Деревни на берегах Лены были теперь на расстоянии в десять-пятнадцать вёрст, а во многих местах и в пределах видимости друг от друга. В Омолое мы сошли с «Константина» и продолжили наше путешествие на лодках. Они около сорока футов длиной и десяти шириной, сделаны в форме вельбота, с острыми носом и кормой, но прямыми бортами и плоским дном. Они управляются длинным рулевым веслом и тянутся тремя или пятью лошадьми верёвкой длиной около пятидесяти ярдов. Один или два всадника ведут лошадей, и плата составляет копейку за версту за каждую лошадь, а также вознаграждение в размере десяти копеек каждому всаднику и рулевому. Скорость движения при этом получается, как при быстрой ходьбе, хотя лошади иногда даже переходят на лёгкую рысь. Пассажиры располагаются на помосте, под укрытием немного меньшим по ширине, чем лодка, и длиной десять футов. Сделано оно из гнутых жердей и покрыто холстом, пропитанным битумом. Спереди и сзади оно открыто для прохождения воздуха, а в дневное время со стороны солнца вешается занавеска. Мы проехали

¹ Александр Михайлович Сибиряков (1849-1933) - исследователь Сибири, иркутский купец 1-й гильдии, золотопромышленник. — *прим. перев.*

на этих лодках около трёхсот вёрст со скоростью шестьдесят-восемьдесят вёрст в день, покупая яйца, молоко и хлеб на станциях и готовя чай в пути.

Последние четыреста пятьдесят вёрст до Иркутска мы проехали в тарантасе, большой четырёхколёсной карете, запряжённой тремя или пятью лошадьми в ряд, и подвешенной на кожаных ремнях на длинных рессорах, на манер наших старомодных экипажей. Мы ехали так день и ночь, а спали в нашем тарантасе, или в телеге, другом виде четырёхколёсного транспортного средства, укрытого от солнца и дождя. Повозки эти так же тяжелы, как наш омнибус, и предназначены для двух-трёх пассажиров, а стоимость проезда составляет три копейки за версту для трёх лошадей, независимо от количества пассажиров, но три копейки за версту за двух дополнительных лошадей и вознаграждение в десять копеек ямщику, отсутствие которого, несомненно, лишит лошадей всякой скорости.

Я обнаружил отсутствие всякой совести у смотрителей станции, обязанность которых снабжать всех путешественников по обычным тарифам и в обычном порядке. Но как только смотритель узнаёт, что путешественник спешит и готов заплатить дополнительные деньги, так сразу же ему сообщают, что свежих лошадей нет, а что тех, что есть, нужно держать для срочной почты. Но у смотрителя оказывается друг, скажем, Иван, у которого вы можете нанять лошадей по двойной, тройной или пятикратной цене. Я позволял себе иногда платить эти возмутительные цены, чтобы не позволить нашему сердитому товарищу догнать нас, и мне удавалось это делать, пока мы не достигли станции в двадцати верстах от Иркутска, где я заполучил единственных оставшихся на станции лошадей, но пока мы завтракали, прибыл в безумной спешке «Мрачный Джон» и, заплатив премию за лошадей «Ивана», сумел опередить меня в гонке до Иркутска.

Мы все отправились в отель «Декко», и я сразу же телеграфировал Министру ВМФ о своём прибытии со всеми отчётами экспедиции и попросил разрешения вернуться домой. Ответ на мою телеграмму был следующий:

Вашингтон, 8 июля.

Можете вернуться домой с отрядом.

Чендлер, Министр.

Затем я нанёс визиты вице-губернатору Педашенко¹ и другим должностным лицам, получив у всех тёплый приём.

Иркутск — крупнейший торговый центр Северо-Востока России; город с населением около 25 000 человек, с добротными домами из кирпича и дерева. Большая его часть была уничтожена пожаром в 1878 году, но жители его, видимо, не обладают тем духом солидарности, который существует в наших городах, где такие повреждения устраняются почти мгновенно, так что следы пожара видны до сих пор и повсюду. Примечательным зрелищем были караваны, груженые чаем и другими продуктами из Китая. Здесь поселилось много китайцев, все активные деловые люди, но не в традиционном для них прачечном деле. Ссылных тоже много, всех рангов, от обычных убийц до «благородных» политических.

У лейтенанта Барри были прекрасные золотые часы-хронометр, которые нуждались в ремонте, и ему рекомендовали часовщика с тем же именем, что и у знаменитого датского производителя хронометров Юргенсена. Мы вместе посетили его мастерскую, и после того, как Берри продемонстрировал свой прекрасный хронометр, я неизвестно зачем вытащил свои старые часы, которые более двадцати лет отмеряли минуты моей жизни по всему земному шару. Старик при виде их улыбнулся, и взялся привести часы в порядок. И здесь я выполняю обещание, которое когда-то дал, и рассказать о приключениях этих часов во время экспедиции «Жаннетты».

В тот день, когда тонула «Жаннетта», и её нос уже был задран вверх, лёд на какой-то момент прекратил свой яростный напор, и так как ярко светило солнце, Делонг попросил меня сфотографировать обречённый корабль. Я установил камеру и, используя свои часы, пометил время съёмки на фотопластинке, и поэтому, когда «Жан-

¹ Иван Константинович Педашенко (1833-1915/19) – генерал-лейтенант, гражданский и военный губернатор ряда сибирских и дальневосточных областей: Иркутской, Енисейской, Амурской и Забайкальской. В указанное время (июль 1882 года) он был уже назначен губернатором Енисейской губернии и, видимо, сдавал свои дела Иркутского военного губернатора; наверное, поэтому автор называет его *вице-губернатором*, на самом деле такой должности в Иркутской губернии тогда не было (существовала в Иркутской провинции только с 1731 по 1764 год). – *прим. перев.*

нетт» окончательно пошла ко дну, часы были у меня при себе, иначе бы они утонули вместе с остальными моими вещами. В тот момент, когда я проявлял фотопластинку в темной комнате, лёд снова начал неистово таранить корабль, и всем было приказано срочно покинуть корабль. Я оставил пластинку непроявленной, чтобы заняться более срочными делами, и, уже после высадки на лёд, отдал часы Вальтеру Ли. Вообще я собирался их выбросить, но он попросил: «Командир, отдайте их мне, я их понесу. Если мы когда-нибудь вернёмся в Соединённые Штаты, я их вам верну».

И вот мы начали наш долгий поход через льды. Ли не очень уверенно держался на ногах — во время нашей гражданской войны ему прострелили оба бедра, и он постоянно падал в воду — и какую воду! Конечно, вода проникала в старые часы без специального герметичного корпуса, и Ли каждый раз терпеливо очищал их от солёной морской воды. Часы продолжали идти, хотя ржавчина на стальных деталях вскоре начала проступать сквозь позолоту корпуса и часы стали выглядеть весьма причудливо.

Однажды, когда весь наш отряд — люди, собаки, лодки, сани — пересекали полынью на большой плавучей льдине, верёвка, которой мы её тащили, не выдержала и разорвалась, и конец её нанёс Ли сильный удар по рёбрам, сбив его с ног и в то же время разбив стекло на часах. В тот вечер Ли пришёл и показал их мне, оказалось, что отвалились также обе стрелки. Я махнул рукой и посоветовал ему выбросить их, они никуда не годились. Ну, нет, сказал он, людям очень хочется знать время суток, и поэтому плотник Свитман сделал для часов деревянный ящичек, открывающийся, как раковина, а Ли охотничьим ножом вырезал из жести стрелку — только одну, часовую — и прикрепил её на место, и всё отлично заработало! Теперь, когда жестяная стрелка показывала двенадцать, это был либо полдень, либо полночь; если она была на четверти расстояния между двенадцатью и часом — было четверть первого; на половине пути — половина первого и так далее; так что минутная стрелка — это ненужная роскошь за Полярным кругом.

И вот старые часы исправно тикали, несмотря на множество купаний в морской воде, так как для Ли свалиться за борт было делом

обычным, как будто он для этого и родился. Но, наконец, пришло время, когда мы все пересели на шлюпки, и Ли нашёл свою судьбу на первом куттере. А поскольку на вельботе не было часов, я был рад снова завладеть своими и отдал их на попечение мистера Даненхауэра, потому что мне было бы очень неудобно следить за ними, управляя парусом и лодкой своими потрескавшимися и опухшими руками. Однажды я заметил, что Даненхауэр заводит часы несколько раз в день. Я спросил, в чём проблема, и он сказал, что не может этого понять: ключ можно вращать хоть весь день, но часы до упора не заводятся, хотя продолжают исправно идти. Короче говоря, главная пружина не была сломана, но частично соскользнула со своего шпинделя, всё ещё сохраняя достаточную силу для приведения механизма в движение примерно на четыре часа. Так мы заводили их каждый третий час, пока не добрались до Зимовьялаха, где мы повесили часы в хижине для общего пользования, а затем кто-то, конечно же, уронил их, наступил, и раздавил деревянный ящичек.

Когда я прибыл в Верхоянск, один из политических ссыльных, «Маленький Кузнец», припаял вместо стекла медную пластинку, и, поскольку у него не было часовых стрелок, старая жестяная, изготовленная Ли, продолжала выполнять свои функции, и часы работали. В Якутске Бартлетт нашёл часового мастера, который разобрал часы, и спросил, не желаю ли я приделать секундную стрелку. Я не стал этого делать — для сибирского времени часы работали достаточно точно. Во время путешествий в дельте я обнаружил, что после того, как ссыльный починил старый механизм, он стал работать не так хорошо, как раньше, и, открыв футляр, обнаружил, что один из камней исчез. Маленький мошенник украл его и заменил на латунный подшипник, трение в котором было больше, так что мне приходилось ослаблять или затягивать один из винтов, чтобы регулировать ход часов.

И вот в Иркутске старый джентльмен-часовщик сообщает мне, что механизм секундной стрелки был похищен его коллегой в Якутске, который, несомненно, нашёл ему такое же хорошее применение, как молодой ссыльный для моего камня, и тут я понял, почему он так настойчиво спрашивал, не хочу ли я восстановить секундную стрел-

ку. Однако я заплатил мистеру Юргенсену девять рублей за любезный интерес, который он проявил к благополучию моих часов; и, хотя они выдержали суровые условия арктического путешествия и их подорванное здоровье было поправлено сибирским мастером, я потерял уверенность в их будущей полезности.

Наконец, приехав в Филадельфию, я отложил часы как реликвию, но один отзывчивый друг решил, что их всё же следует почистить и привести в порядок. Теперь на них приятно посмотреть: пятна ржавчины исчезли и механизм в полном здравии, и когда я пишу эти строки в кают-компании парохода «Фетида», они снова в море, в очередном арктическом путешествии, а на внутренней стороне корпуса я только что обнаружил надпись: «Tobias, No.121305; Liverpool». Хотел бы я знать, какова была судьба №121304? Или №121306? Интересно, сам старый Тобиас выглядел так же хорошо, как и его часы? Я надеюсь, по крайней мере, что с его внутренними органами не поступали так же безжалостно.

Глава XXVIII. Путь домой

Губернатор Анучин — Дальше в Томск — На пароме — Сельскохозяйственные общины — Негодяи станционные смотрители и ямщики — Их методы — Партии ссыльных — В Томске — Отель «Миллион» — Услужливый мистер Хильденбергер — На реке Оби — Тобольск — Тюмень — Плавающие тюрьмы — Екатеринбург — Пермь — Нижний Новгород и Большая ярмарка — Москва — Санкт-Петербург — Как нас принимали — Приём в Петергофе — Домой.

Генерал Анучин¹, генерал-губернатор Иркутска, был в это время в Санкт-Петербурге, но его ожидали с дня на день, и когда он вернулся, был объявлен всеобщий праздник, всё население вышло встречать его, а вечером был устроен прекрасный фейерверк. Мы с лейтенантом Берри нанесли ему визит, а также засвидетельствовали своё почтение его жене и дочери. На следующий день один из его помощни-

¹ Дмитрий Гаврилович Анучин (1833-1900) — сенатор, генерал от инфантерии, русский государственный и военный деятель. Генерал-губернатор Восточной Сибири в 1879–1884. — прим. перев.

ков пригласил нас в губернаторский особняк на ужин, на котором присутствовали Берри, Джексон, Ларсен, Гилдер и я. Губернатор и его дочь прекрасно говорили по-английски, причём последняя была одета в национальный костюм — свободное платье с высокой талией из белого льна, расшитое синими и красным цветами, голову её венчала золочённая тиара, а волосы свободно ниспадали на спину. Она была очень красива и выглядела как настоящая принцесса.

Я просил губернатора помочь мне — обеспечить быстрый и безопасный проезд через его территорию в сторону России. Он снабдил меня подорожной с двумя печатями, в котором всем его подчинённым предписывалось предоставлять мне проезд вне очереди перед всеми, кроме почты, что было лазейкой, и достаточно большой, позволявшей любому негодяю-смотрителю придерживать своих лошадей за вознаграждение.

Лейтенант Берри и я, поскольку путешествовали вместе, купили один тарантас для собственного пользования и на станциях нанимали ещё один для тех двоих, которые ехали с нами. Я также нанял телегу для перевозки багажа и двух ящиков с результатами экспедиции. Мы также купил матрасы и кожаные подушки и уложили их на дно наших повозок, чтобы там и спать, так как ехали днём и ночью и останавливались на станциях только для того, чтобы сменить лошадей и время от времени перекусывать чаем, молоком, варёными яйцами и другой простой едой, которую там можно было купить.

В Иркутске я расплатился и расстался со своим верным помощником и переводчиком, капитаном Иоахимом Грёнбеком, который принял приглашение Александра Сибирякова исследовать фарватер Енисея от Иркутска до Северного Ледовитого океана и далее проложить путь до Архангельска, а оттуда отправиться в Швецию, на свою родину.

14 июля, попрощавшись с нашим многочисленным знакомыми в Иркутске, мы отправились в путешествие протяжённостью 1500 вёрст в Томск. Первая река на нашем пути — Енисей, которую мы пересекли на канатном пароме, способном вместить шесть человек команды и сто пассажиров. Паром крепился с помощью пенькового каната к якорю в пятистах ярдах выше по течению. Канат этот поддер-

живали восемь или десять небольших плоскодонок, и крепился он к большой квадратной раме, шириной с паром и где-то на треть его длины, возвышающейся в центре судна. Канат проходил над переднюю часть этой рамы, которая была смазана для облегчения скольжения по ней каната. Когда паром был готов к отплытию, человек на крыше над головами пассажиров огромным румпелем повернул нос судна в сторону реки, и оно медленно отчалило. Вскоре паром повернулся под углом к течению, и оно быстро понесло его через реку, а по мере приближения к противоположному берегу рулевой постепенно уменьшил скорость и медленно подошёл к пирсу. Таким образом нас переправили через множество рек между Иркутском и Томском.

Местность, по которой мы проезжали, была чрезвычайно красива — холмистая, многоводная и лесистая. Превосходные посевы ржи, кое-где пшеницы и овса придавали ландшафту ухоженный вид, повсюду паслось множество коров и лошадей. Вдоль дороги постоянно встречались большие, до тысячи жителей, деревни. Все они представляют собой сельские хозяйства, построенные по системе частичной коммуны, согласно правилам которой каждый член должен взять участок земли, обрабатывать его и платить налоги, и ни один человек не может владеть одним и тем же участком два года подряд, если только не заплатит за такую привилегию. Поначалу очень странно видеть сто акров засеянной земли, разделённой на пятьдесят отдельных полос ржи, овса или пшеницы, где каждый землевладелец в следующем году будет арендовать и засеивать другую полосу. Скот пасётся в общественном стаде под присмотром пастуха, который держит его подалее от посевов и заодно присматривает за въездом в деревню. Овец много, но свиньи отнюдь не так многочисленны, как я ожидал увидеть в стране, жители которой так любят свинину.

Расстояние между почтовыми станциями здесь от шестнадцати до тридцати вёрст, а скорость свежих лошадей составляет около десяти вёрст в час. Но перемена лошадей на станциях занимает от сорока минут до двух часов, в зависимости от характера и хитрости смотрителя и конюхов, поскольку они, вне всякого сомнения, — самая подлая разновидность плутов и мошенников в мире. Начальник станции

никогда не может разменять для путешественника купюры, и поэтому оставляет себе сдачу, но со мной у них такой номер не проходил, потому что я заранее запасся полным мешком мелкой серебряной и медной монеты, к их большому разочарованию. Если вы спешите, у него нет лошадей, но, как я уже говорил, он всегда может попросить «Ивана», своего вымышленного друга, дать вам своих, если вы достаточно глупы, чтобы заплатить за них втридорога. Кроме того, ямщики не таясь сообщают на станциях: «Эти люди платят ямщикам двадцать копеек чаевых, если те едут быстро». Или: «Пятнадцать копеек — это всё, что от них дождётесь, они никуда не спешат. Их фургон был смазан сегодня в четыре часа утра; заставьте их снова смазать его и получите свои деньги. Они американцы, они не пьют чай и не просят самовара; но если вы провезёте их быстро, то получите двадцать копеек!»

Следовательно, чаевые в десять копеек означают неспешную прогулку, а пять копеек — постоянные привалы, пока ямщики курят и ругаются.

Мы встречали множество ссыльных — мужчин, женщин и детей, партиями от двух до пятисот человек, устало бредущими в сторону Сибири. В основном они принадлежали к преступникам, их головы были наполовину или полностью выбриты. Большинство мужчин закованы в цепи, а многие связаны вместе. Среди мужчин шло немало женщин-заклужённых, остальные же направлялись в добровольное изгнание, держась за руки своих мужей, братьев, любовников или детей. Больные, как пожилые, так и молодые, ехали в основном в повозках, но все остальные тащились по пыльной дороге, как стадо скота, под бдительным надзором охраны из десяти-двенадцати казаков, конных или пеших, под командованием офицера, едущего обычно в экипаже. Зрелище это было удручающее. Однажды мы встретили семью евреев, мужа, жену и двоих детей, в повозке, рядом ехал верхом солдат с ружьём с примкнутым штыком. Мы остановились возле них по какой-то надобности примерно на полпути между станциями. Отец семейства, интеллигентного вида мужчина, обратился к нам по-немецки и рассказал, что был богат и теперь сослан на Енисей просто потому, что он еврей. Его глаза засияли от восторга, когда он

услышал, что мы американцы, и в следующее мгновение с сожалением потухли от горького сознания своей несвободы. Четыре тысячи его соотечественников, сказал он, эмигрировали в Америку, а затем, со слезами на глазах показав на жену и двух хорошеньких детей, дрогнувшим голосом произнёс: «Сибирь». Бедняга, это слово означает для него теперь то же, что и для многих других — Ад. Мы должны были добраться до Томска до полудня, но на предпоследней станции лошадей не было, и я заплатил двойную цену (пять рублей за пятнадцать вёрст) в надежде найти лошадей по обычным расценкам на последней станции, так как их обычно много вблизи крупных населённых пунктов. Но несносные ямщики послали вперёд весточку, что мы спешим, и, само собой разумеется, на следующей станции смотритель объявил, что лошадей нет. Затем его сообщники запросили десять рублей за двадцать девять вёрст, то есть примерно в 3,6 раза дороже обычных расценок. Я предложил двойной тариф (8 р. 20 коп.), но они не согласились, уверенные, что я никуда не денусь и соглашусь с их непомерными требованиями. Но я демонстративно уселся и стал ждать, рискуя опоздать на наш пароход, который по расписанию должен был отплыть на следующий день. Вскоре прибыли почтовые лошади и стали отдыхать положенное время. Ямщики, которые отказались везти нас за восемь рублей двадцать копеек, предложили отвезти нас за шесть рублей, но я уже не слушал их, потому что в конце концов выиграл, хотя и с потерей трёх часов.

В Томске мы поселились в гостинице «Миллион», которая внутри была самым ужасным зданием, в котором я когда-либо бывал. Длинные тёмные коридоры, квадратные двери, похожие на тюремные из-за железных засовов и больших чёрных замков и такие низкие, что приходилось наклоняться, чтобы войти. Хозяин ходил с огромной связкой ключей, открывал двери и показывал свои апартаменты, и сначала я подумал, что ямщик меня неправильно понял и привёз нас вместо гостиницы в сибирскую тюрьму. На втором этаже, однако, комнаты оказались намного лучше. В каждом номере была кровать, два стула и комод, но не было ничего для умывания, а также матрасов или постельных принадлежностей, так как каждый путешественник в Сибири должен возить свои подушки и постельное белье

с собой. Как бы то ни было, мы остановились здесь хотя бы пообедать в ресторане, который, впрочем, оказался ещё более отвратительный, чем номера.

Мы пошли на телеграфную станцию и обнаружили, что нас ждут четыре телеграммы: две для Берри и две для меня. Вскоре после этого к нам обратился мистер Хильденбергер, работавший в телеграфной компании переводчиком английского, и предложил свои услуги. Он попал в плен к англичанам во время Крымской войны и оказался в Англии, где некоторые милосердные люди проявили к нему интерес, научили английскому и обратили в англиканскую веру. Затем он вернулся в Россию в качестве миссионера, но стал более искусен в своём, видимо, прирождённом свойстве безбожного мошенника. Мы по глупости отдали ему наш тарантас, чтобы он продал его. Он стоил сто семьдесят рублей, и мы легко могли бы продать его сами; но он убедил нас оставить его у него — он, мол, вмиг и без хлопот его продаст, что, я не сомневаюсь, он и сделал, хотя с тех пор мы никогда не слышали ни о нём, ни о деньгах, ни о тарантасе. Мистер Ларсен догнал нас в Томске и, узнав, в чьи руки мы попали, предупредил нас об опасности, но слишком поздно — мы потеряли наш тарантас.

Нас очень любезно принял томский губернатор, он проявил всяческую учтивость и пригласил посетить университет, гордость этого провинциального города. Мы также отдали дань уважения мэру города, толстому и весёлому пожилому купцу, который был очень гостеприимен и постоянно причитал по поводу того, что нам приходится так скоро покинуть его город. Во второй половине дня нас посетила пара джентльменов, говоривших по-английски: мистер Кун немецкого происхождения и мистер Де Норп, горный инженер и геолог, работающий в казённом ведомстве. Он был очень умен и образован, отлично знал геологию и где-то встречался с нашим профессором Даном¹, которому передал много добрых пожеланий.

Оплатив наши счета в гостинице «Миллион», мы отправились на ужин в отель «Европа» и обнаружили, что стол накрыт в истинно сибирском стиле: подано только одно блюдо — бифштекс, и ничего больше. Поднявшись на борт парохода около полуночи, мы заняли

¹ Джеймс Дуайт Дана (1813-1895) — американский геолог, минералог и зоолог. — прим. перев.

свои койки среди ужасного шума, так как другие пассажиры как раз приступали к ужину. На следующее утро, 27 июля, мы уже плыли по реке Обь. Пароход был довольно вместительным для этих мест и полон людьми, направлявшимися на ежегодную ярмарку в Нижний Новгород. Их манеры, особенно за столом, были просто ужасны, что было тем более прискорбно, поскольку кухня и обслуживание были превосходны. Все русские пассажиры явно были в затянувшемся веселье. Они беспрестанно пили и играли в карты, и на борту было довольно много азартных игроков, которые безжалостно обирали путешественников. Едва мы тронулись в путь, как я тоже обнаружил пропажу пятидесяти долларов мелким серебром, которые я, точно помню, разменял в отеле.

Мы прибыли в древний казачий город Тобольск в полночь 31 июля. Это один из старейших укреплённых городов империи, ещё с допетровских времён, и на протяжении почти трёхсот лет его то захватывали казаки, то отвоёвывали татары. Длинные пандусы и аллеи ведут к старинной крепости в мавританском стиле, расположенной на высоком холме, она как будто хмуро и неодобрительно смотрит на новый город внизу. А город, когда мы причалили к берегу, был залит светом фонарей, и торговцы фруктами и сладостями толпились на главной улице, ведущей к пристани. Мы насладились поездкой в экипаже при лунном свете, она усилила необыкновенное очарование этого живописного старинного города, и мне было жаль покидать его так скоро.

Мы поднимались по Оби до тех пор, пока не стало слишком мелко для нашего большого парохода, и тогда нас пересадили на небольшое судно, на котором каждый человек, казалось, понимал, что у него больше нет прав, которые кто-то обязан уважать, так что, хотя мы были пассажирами первого класса, нас приняли на борт и просто сказали заботиться о себе самим — совет, которому нам пришлось последовать, хотя и без особого энтузиазма.

Мы прибыли в Тюмень до полуночи 2 августа и, поскольку не смогли найти места в гостинице, поехали прямо на почтовую станцию, а оттуда отправились в путешествие длиной 450 вёрст до Екатеринбурга, следующего города на нашем пути. Здесь, в Тюмени, я поближе

рассмотрел двухпалубные баржи, которые мы часто видели на здешних реках. Они построены в современном стиле, с леерными ограждениями, как на наших колёсных пароходах, и имеют длину от двухсот пятидесяти до трёхсот футов, с двумя палубами и трюмом. Две трети длины баржи занимает железная клетка от нижней до верхней палубы. На нижней палубе вокруг неё есть проход, но наверху в нём нет необходимости. В этих огромных плавучих тюрьмах перевозят в Сибирь тысячи ссыльных. Каждая палуба, я полагаю, способна вместить от двухсот пятидесяти до трёхсот пятидесяти человек, то есть на каждой барже поместится от пятисот до семисот. Я видел десять таких барж, четыре из них были заполнены заключёнными. Мы встретили трёх политических ссыльных, одну девушку и двух молодых людей, которые были освобождены и направлялись домой из ссылки в Сибири. Один из них довольно хорошо говорил по-английски, но был весьма неразговорчив.

В Тюмени нас очень радушно принял американский дантист, доктор Ледьярд из Сан-Франциско, и его жена; также мы получили приглашение от мистера Уолдрапера, одного из трёх братьев, создавших компанию по строительству пароходов. Это был молодой шотландец, использующий на Оби знания, полученные на берегах Клайда¹, энергичный, как янки, и полный напористой энергии и амбиций. Он говорил, что собирается отправиться на восток до Енисея, и задал нам множество вопросов, касающихся судоходства по Лене.

Мы потратили ровно трое суток на путешествие из Тюмени в Екатеринбург, куда мы прибыли утром 5 августа и обосновались в отеле «Европейский», очень достойным для провинции. Город был основан Екатериной Великой, в честь которой он назван, и некоторые его места, особенно общественный Харитоновский сад, весьма привлекательны. Мы пообедали с доктором Ледьярдом, а затем отправились по железной дороге через Уральские горы в Пермь. Здесь находится начало или, скорее, конечная точка железнодорожного сообщения, хотя между Пермью и Нижним Новгородом есть разрыв в несколько сотен миль, и это расстояние преодолевается пароходом. На желез-

¹ Клайд – река на юге Шотландии, в её низовьях находится город Глазго. Во времена Британской Империи на её берегах было много судостроительных заводов и верфей. – *прим. перев.*

нодорожной станции первое, что привлекло моё внимание, помимо обычной вокзальной толчеи, была ещё одна разновидность двухэтажных клеток для перевозки ссыльных — железнодорожных, поскольку в обязанности железной дороги входит предоставление достаточного количества должным образом сконструированных для этой цели вагонов. Паровозные гудки и шипенье пара напомнило нам, что наконец-то мы достигли цивилизации, ибо никто, кроме американца, не может в полной мере оценить замечательные преимущества, предоставляемые человечеству паровозом — этим уничтожителем расстояний и творцом многообразной красоты нашего времени.

Мы добрались до Перми 9 августа и без промедления сели на пароход. Он был больше и во всех отношениях гораздо удобнее, чем любой из тех, что мы видели до сих пор, ибо, согласно закону прогресса, всё улучшается по мере того, как мы продвигаемся на запад. У городской набережной пришвартованы пароходы и уже знакомые нам двухэтажные баржи, их пленников пересаживали здесь в двухэтажные вагоны. Бедняги были так похожи на диких животных в своих клетках.

Сейчас мы находились на Каме, притоке могучей реки Волги и через несколько дней должны добраться до впадения в неё Оки, где расположен Нижний Новгород — древний город, основанный в тринадцатом веке. По Волге курсирует так называемая американская серия пароходов с такими названиями, как «Вашингтон», «Висконсин» и т.п., поскольку даже здесь Америка имеет заслуженную репутацию создателя лучших пароходов в мире, и я уверен, что, если бы на Волге появилось несколько наших речных судов, превосходящих все остальные по скорости и комфорту, они сразу завоевали бы весь здешний рынок, потому что русские любят хорошие вещи и не прочь платить за них.

Мы прибыли в Нижний Новгород около двенадцати часов ночи 12 августа и остановились в гостинице «Европа». Следующие два дня мы провели на замечательной ярмарке, которая сделала этот город таким знаменитым.

Здесь можно увидеть представителей всех народов России; и каждого товара в изобилии. Там были меха из далёких окраин Северо-Восточной Сибири и Северо-Западной Америки; ковры из Персии; страусовые перья из Африки; чай и резная слоновая кость из Китая; бриллианты из Бразилии; столовые приборы из Англии и Германии, а также несколько превосходных образцов из Соединённых Штатов. Ярмарка расположилась на другой стороне Оки и соединена со старым городом добротным понтонным мостом. На ней постоянно толпа людей и мешанина языков. Добродушного вида торговец, говорящий на всех языках сразу, громко окликает прохожих и показывает свой товар, а если его не понимают, кричит «рубель» и называет свою цену либо цифрами, либо на счетах. Но это цена, которую он запрашивает, а за какую цену вещь будет продана — одному Богу известно, и я уверен, что и сам торговец этого не знает; во всяком случае, до конца сезона, когда товары часто продаются по самой высокой цене.

В Нижнем в то время был популярен американский укротитель львов полковник Бун с его клетками, полными диких зверей, на которого самого восхищённые зрители смотрели как на величайшего льва в его зверинце. Мы пообедали с мистером Данбаром, ранее проживавшим в Питтсбурге, штат Пенсильвания, который приехал в Нижний и построил здесь очень достойный пароход с кормовым колесом по образцу тех, что плавают по рекам Огайо и Мононгахила. Он стал очень популярен, но ему не хватало скорости, столь же важного качества в глазах русских, как, впрочем, и среди неугомонных американцев. Я так и не узнал, к чему привело предприятие мистера Данбара, но убеждён, что для плавания по крупным сибирским рекам необходимы именно суда с малой осадкой и кормовыми колёсами. Летом воды там мало, а русла рек широкие, так что глубины получаются небольшими, хотя фарватеры довольно узкие и задерживают весенние паводки.

Я провёл в Нижнем Новгороде и на ярмарке очень интересное и познавательное время. В детстве я часто рассматривал географический атлас, пытаясь выговорить все эти невероятные названия городов и

рек, и мечтал увидеть когда-нибудь Нижний и Москву. И вот я вижу одно, а через двенадцать часов увижу другое.

Нижний Новгород является конечной станцией на востоке этой железнодорожной линии через Российскую империю, и когда будет построен короткий участок между ним и Пермью, железнодорожное сообщение будет до самого Екатеринбурга на границе с Сибирью, связав его с остальными континентальными железными дорогами, с Санкт-Петербургом, Берлином, Парижем, Веной и Римом; а какая обширная сеть будет после завершения английских дорог в далёкую Индию и Афганистан!

Мы приехали в Москву 15 августа. На вокзале нас встретил американский консул, который оказал нам радушный приём и отвёз до отеля «Дессо». К нам приходили многие известные люди, а неутомимый консул любезно показывал разные столичные достопримечательности.

Весь следующий день мы посвятили Кремлю, его большим колоколам и, по специальному разрешению, посетили новый собор, внутреннее убранство которого превосходно. Среди других диковинок, которые я видел в Москве, была чёрная как смоль женщина, уроженка Демерары¹, разъезжавшая в великолепной открытой коляске со всеми манерами старинной русской принцессы.

Вечером 17-го мы выехали из Москвы в Санкт-Петербург, и на железнодорожном вокзале нас встретили полковник Уикхем Хоффман, временный поверенный в делах Соединённых Штатов, и целая делегация американцев. Мы слегка отдохнули в отеле «Европа», а затем нанесли визит министру Ханту в посольстве Соединённых Штатов. Он получил своё назначение незадолго до этого, ранее занимая должность министра военно-морского флота. По случаю нашего приезда он устроил грандиозный ужин, на котором присутствовали все более или менее значимые американцы, проживающие в Санкт-Петербурге. Такой по-настоящему сердечный приём никогда, вероятно, не был оказан каким-либо потерпевшим кораблекрушение. Наши соотечественники, всякого возраста, рода занятия и достатка,

¹ Демерара – в то время графство в Британской Гвиане на северном побережье Южной Америки. – прим. перев.

собрались и щедро, тепло поздравили нас с тем, что, по их мнению, было воскрешением из худшего, чем смерть.

Мы гуляли по набережным Невы, отсюда открывался великолепный вид на город; мы видели разводные мосты, перекинутые через эту величественную реку, и Петропавловскую крепость, холодную цитадель, свидетельницу отчаяния и страданий. Ночью мы посетили великолепный Летний сад и понаблюдали за его посетителями. В определённое время года по императорскому приказу сад открыт для посещения любыми желающими. Здесь, как и в Москве, преобладали военные, повсюду была их форма, военный оркестр играл военную музыку и торжественный марш в честь Скобелева, любимого русского генерала, погибшего в те дни, который снова и снова исполнялся на бис.

Следующий день мы посвятили осмотру достопримечательностей Эрмитажа, рассматривая реликвии Петра Великого, которые так часто описывают туристы: его трость, инструменты, кресло и рейка, на которой отмечен его рост; здесь также находятся знаменитые мраморные скульптуры, ювелирные украшения и драгоценности и прекрасные картины. Но больше всего меня восхитили колоссальные обнажённые фигуры из чёрного мрамора, которые поддерживают портик над входом в Эрмитаж. Они просто поражают своими размерами и выглядят как настоящие живые атланты, крепко держащие на своих мускулистых плечах тяжёлый каменный архитрав. Затем последовала поездка в Исаакиевский собор, великолепие интерьера которого превзошло все мои ожидания, и дворец императора Павла, где жил царь Александр II, и, наконец, мы посетили место, где он был убит, и временную часовню, воздвигнутую там, которая, как нам сказали, вскоре должна быть заменена церковью. В тот вечер (20 августа) мы ужинали у министра Ханта с его женой.

На следующий день к нам прибыл адъютант в чине инженер-полковника, который доставил приглашения мне и двум морякам «Жаннетты» и лейтенанту Берри с «Роджерса» для представления их величествам царю и царице в Петергофе, императорской летней резиденции примерно в шестнадцать милях от города. Затем появился церемониймейстер в штатском и рассказал нам, как нам действовать.

Наша одежда, если это не мундир, должна быть фраком с белыми галстуками; кареты до вокзала мы наймём сами, но в поезде, отправляющемся в одиннадцать утра, нам будет предоставлен специальный вагон, и дворцовые экипажи будут ждать нас в Петергофе.

Точно в назначенное время мы были на вокзале, где нас встретил наш церемониймейстер и проводил к нужному вагону. Министр Хант должен был быть представлен ко двору в тот же день, но он ехал отдельно. Вскоре нас доставили в Петергоф, где мы сошли с поезда в сопровождении группы офицеров, дипломатов и придворных чиновников, все с соответствующей охраной. Здесь нас посадили в открытую коляску с императорским гербом, с кучерами в ливреях с золотым шитьём, в треуголках, в коротких сюртуках и кожаных жилетах, и отвезли в гостевой дом в царском саду, где были комнаты для отдыха и завтраков. Нас разместили в один из них, куда вскоре прибыл офицер в сопровождении писаря, он вежливо поприветствовал нас по-английски и расспросил о наших именах, званиях и происхождении, а писарь записал это на отдельных листах бумаги. Затем оба удалились.

Следующая формальность была явно более приятной. Нас провели в столовую и угостили лёгким полдником, к которому подали также чай, вино, кофе с коньяком, сигареты и сигары. Через некоторое время другой офицер, в форме и при оружии, приветствовал нас и попросил следовать за ним. Нас усадили в карету и отвезли в зал для аудиенций, где провели в большую прихожую, увешанную портретами императорской семьи, батальными сценами и тому подобным. Здесь собралось блестящее общество офицеров и чиновников высокого ранга: генералов, адмиралов, министров и дипломатов, все в великолепных мундирах, сверкающие звёздами и орденами, смиренно ожидающие своей очереди на миг предстать перед императорскими очами. Наш сопровождающий объявил собравшимся, кто мы такие, и на мгновение все взгляды с любопытством обратились к нам, а некоторые из чиновников подошли и заговорили с нами. В тот же момент о нас доложили царю, который принял первым министра Ханта, а нам объявили, что затем нас примет царь, после чего мы будем представлены царице.

Как только министр Хант вышел, нас провели к двери, ведущей в коридор, который вёл прямо в зал для аудиенций. Церемониймейстер распахнул перед нами дверь, объявил наши имена и удалился. Мы ступили несколько шагов вперёд, и как только мы это сделали, царь Александр III, император всея Руси, пересёк комнату с протянутыми руками и поприветствовал нас, сказав по-английски: «Доброе утро, джентльмены. Это господа Мельвилль и Берри; который из вас мистер Мельвилль?»

Я представился и представил остальных.

— Вы предпочитаете говорить по-французски или по-английски, сэр? — осведомился император.

Я заверил его, что мой родной язык — английский, и я предпочитаю говорить на нём. В этот момент подошла царица и тепло приветствовала нас, осведомившись о нашем здоровье и задавая вопросы о пережитых нами лишениях. Она внимательно и с доброжелательным интересом осмотрела мои руки, на которых всё ещё виднелись следы старых ран.

Затем мы все по очереди побеседовали с императорской четой, пока, наконец, не пришло время прощаться. Царь выразил сожаление по поводу того, что наши люди погибли на его территории, сколь бы отдалённой она ни была. «Я верю, — сказал он, — что причиной смерти ваших товарищей явилась только суровость нашего климата, а не холодность сердца кого-то из моих подданных».

Царица высоко оценила нашу стойкость и мужество, которые, по её словам, были особенностями американского характера. «Но я надеюсь, — заметила она, — что вы больше не будете искушать судьбу в столь суровом климате».

Говоря о нашей стране, она заметила с лёгкой печалью в голосе: «В юности я надеялась посетить Америку, но теперь, боюсь, этого уже никогда не случится».

В нашей беседе наступило затишье, мы ещё раз пожали друг другу руки, и попрощались, искренне пожелав императорской чете «мира и счастья». Аудиенция продолжалась двадцать минут.

Мы вышли в приёмную, где толпа посетителей выросла ещё больше. Нас отвезли в экипаже обратно в столовую, где сопровождающий

нас офицер передал нас на попечение нашего старого знакомого церемониймейстера. Здесь для нас был накрыт стол, чьими соблазнительными яствами мы не имели ни малейшего желания пренебречь. Затем нас несколько часов водили по величественным парку, полному озёр и искусственных водопадов, льющихся один над серебристой, а другой над позолоченной каменной стеной, назывались они, соответственно, «Серебряный водопад» и «Золотой водопад». Повсюду били фонтаны, росли диковинные, любовно ухоженные растения, пруды, рыба в которых приплывала на звук колокольчика, чтобы её покормили; гуси, лебеди и другие водоплавающие птицы — всё это было самым великолепным искусственным парком, который я когда-либо видел.

В Санкт-Петербург мы вернулись по морю, получив прекрасную возможность увидеть работы, которые велись тогда по созданию гавани в Кронштадте. Добравшись до города ближе к сумеркам, мы решили сразу же отправиться в Ливерпуль через Берлин и Париж. В каждом из этих городов мы отдыхали по несколько дней, получая везде тёплый приём и сердечные знаки внимания; и, наконец, отплыв из Ливерпуля на пароходе «Парфия», мы прибыли в Нью-Йорк 13 сентября 1882 года — через три года и шесть месяцев с того момента, как я выехал с восточного побережья Соединённых штатов, чтобы подняться на борт несчастной «Жаннетты» в Сан-Франциско; и один год с того дня, когда три наши лодки потеряли друг друга в тот роковой шторм.

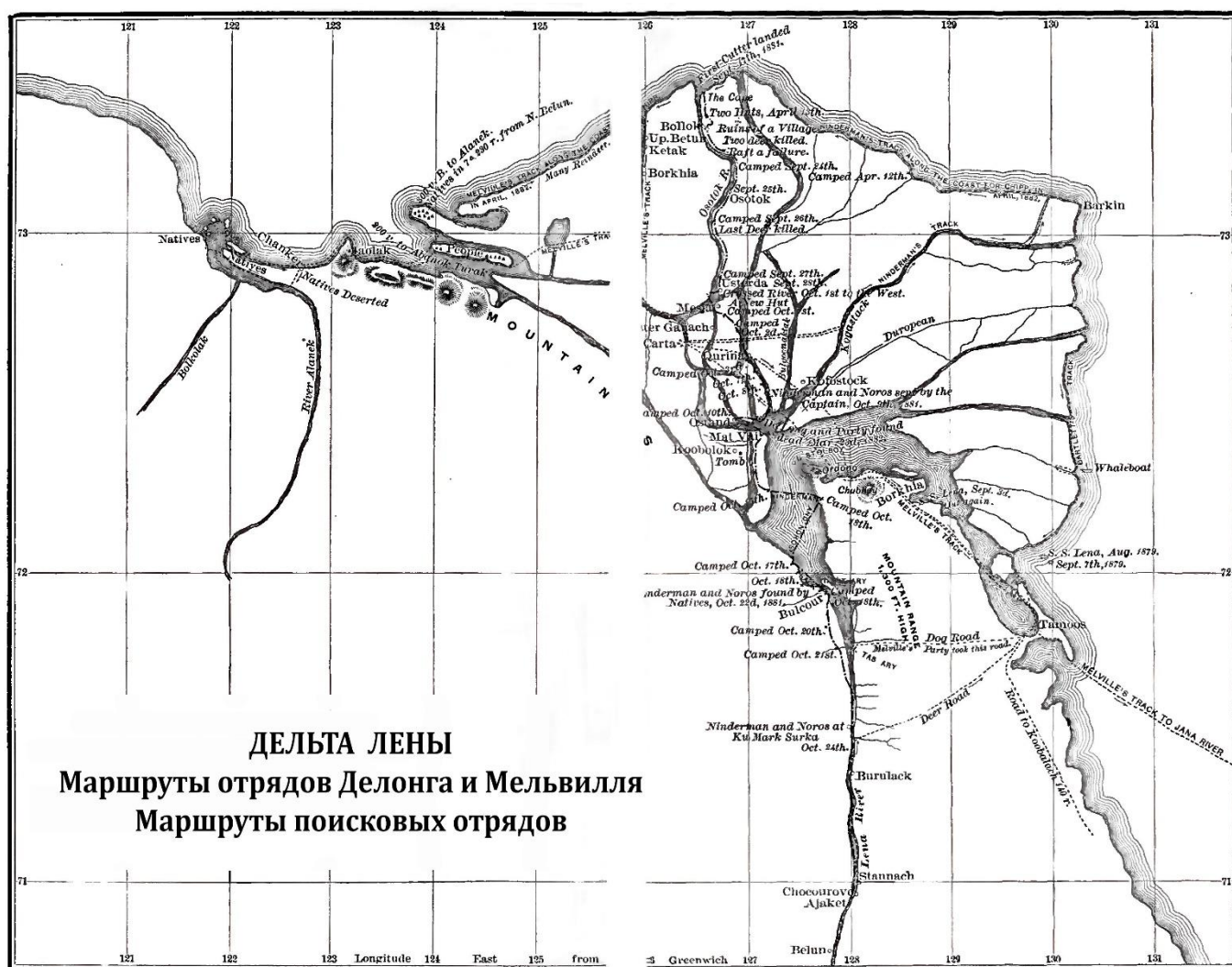
© А.В. Дуглас, перевод на русский язык, 2022

От переводчика:

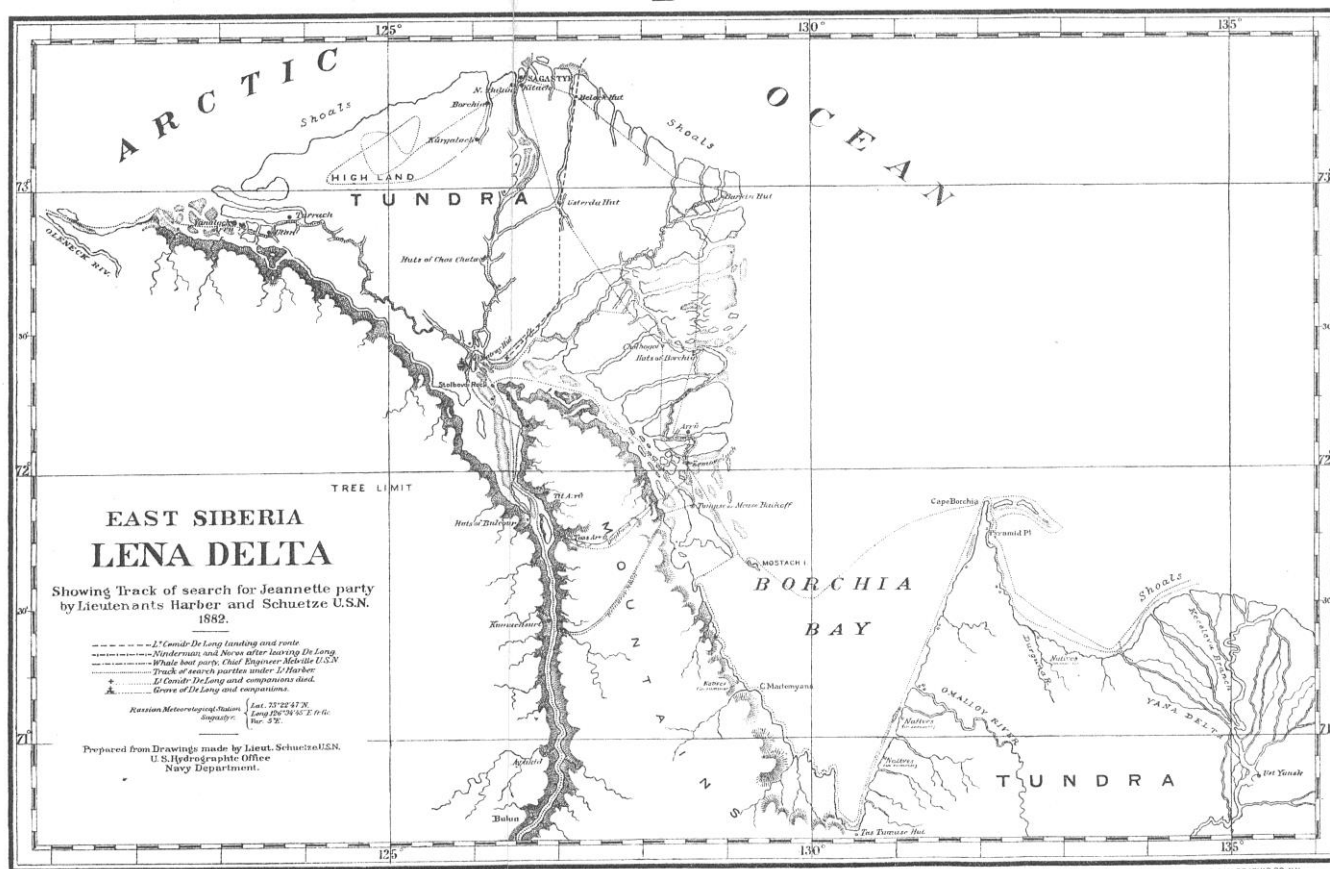
*Выражаю благодарность за помощь и ценные советы
Ирине Дуглас и Александру Наумову.*

Ver.1.1

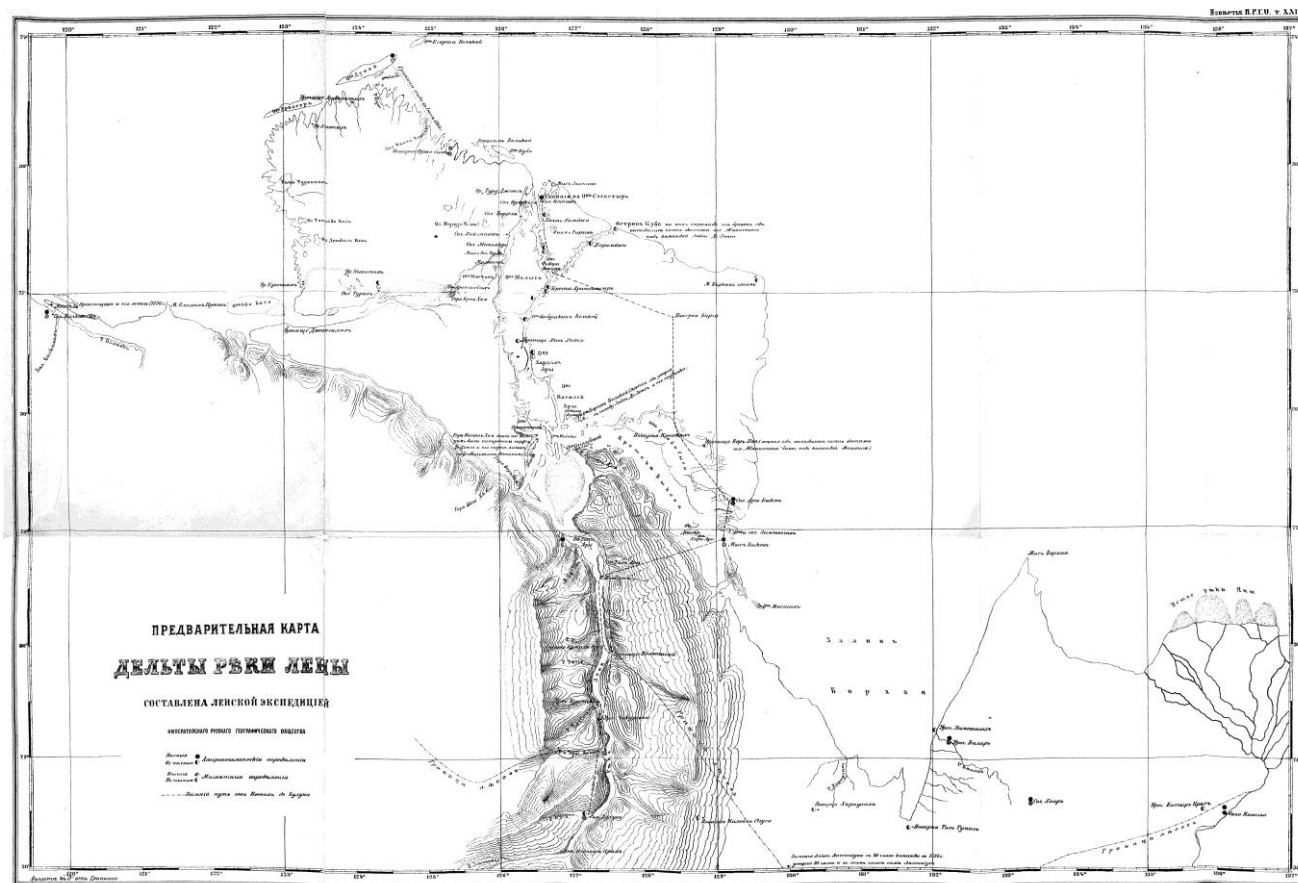
Карты

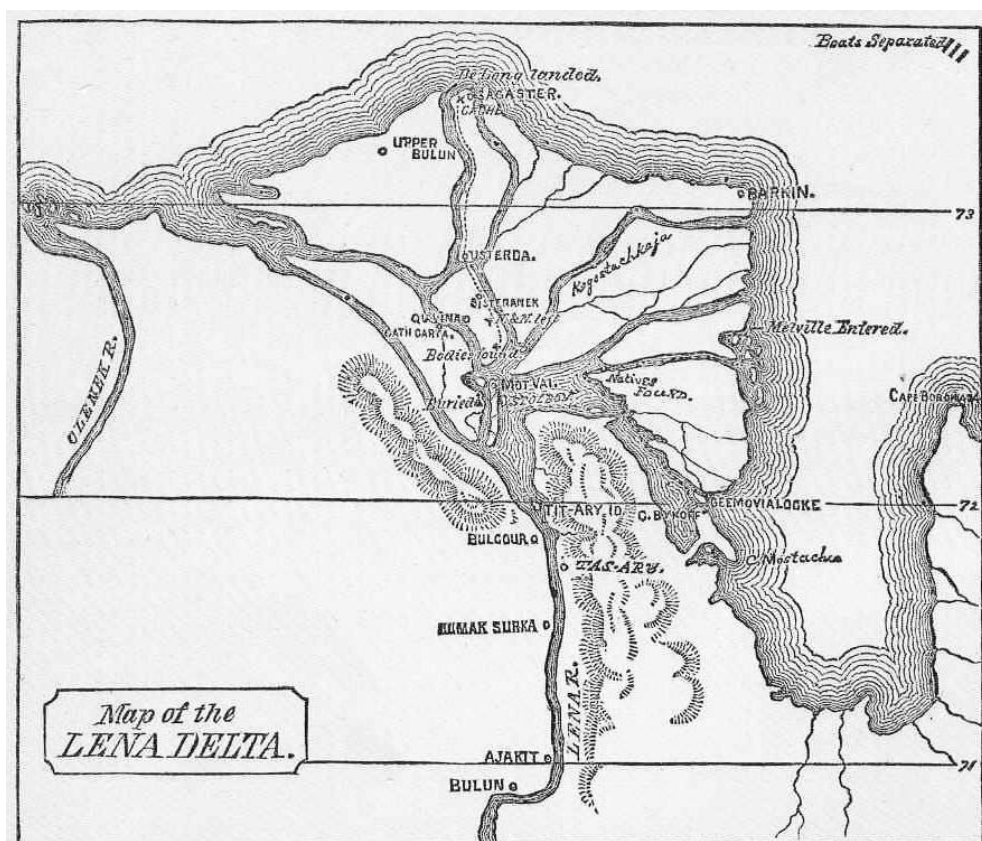
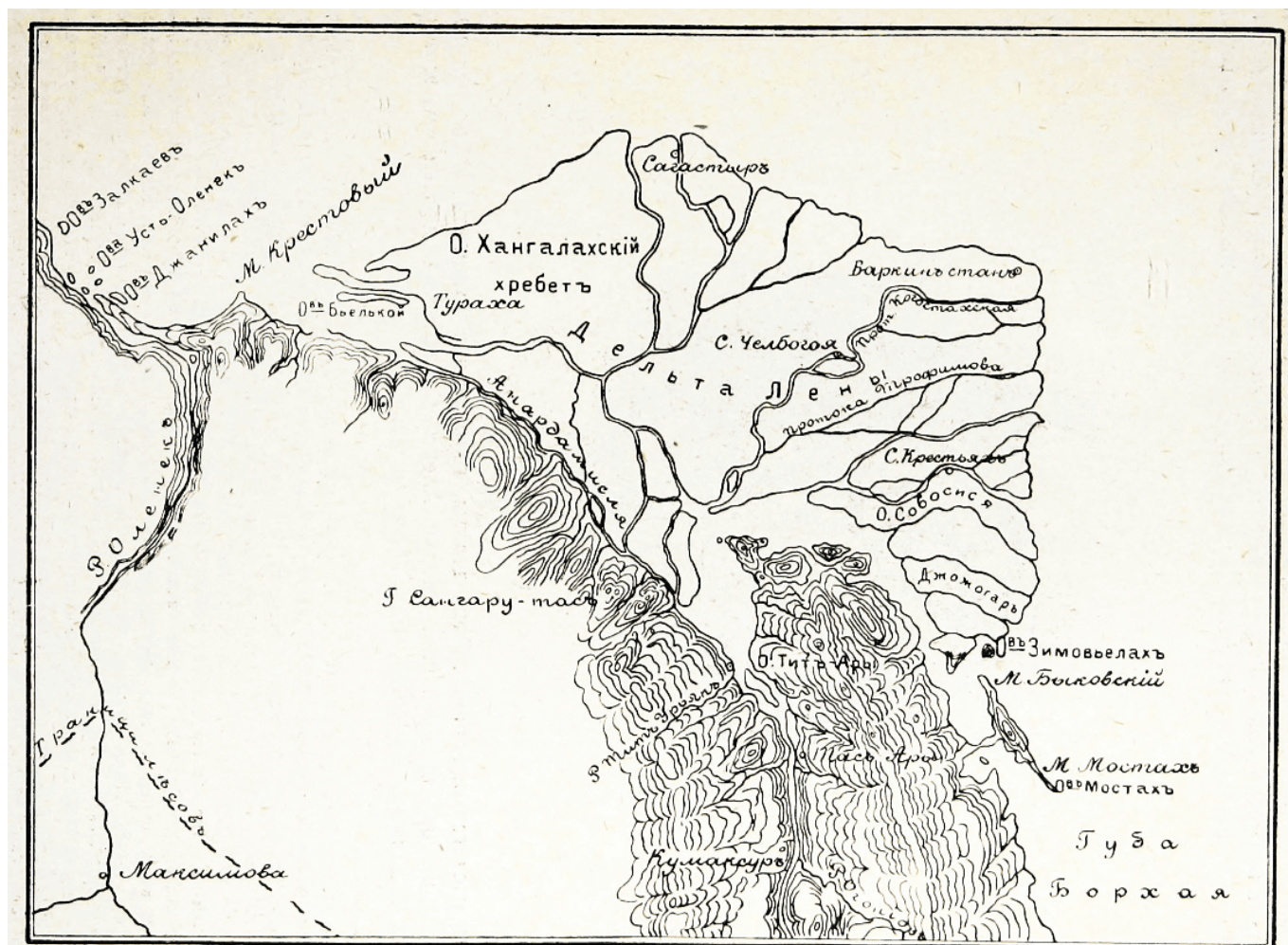
1. Карта Мельвилля, использованная в оригинальном издании.

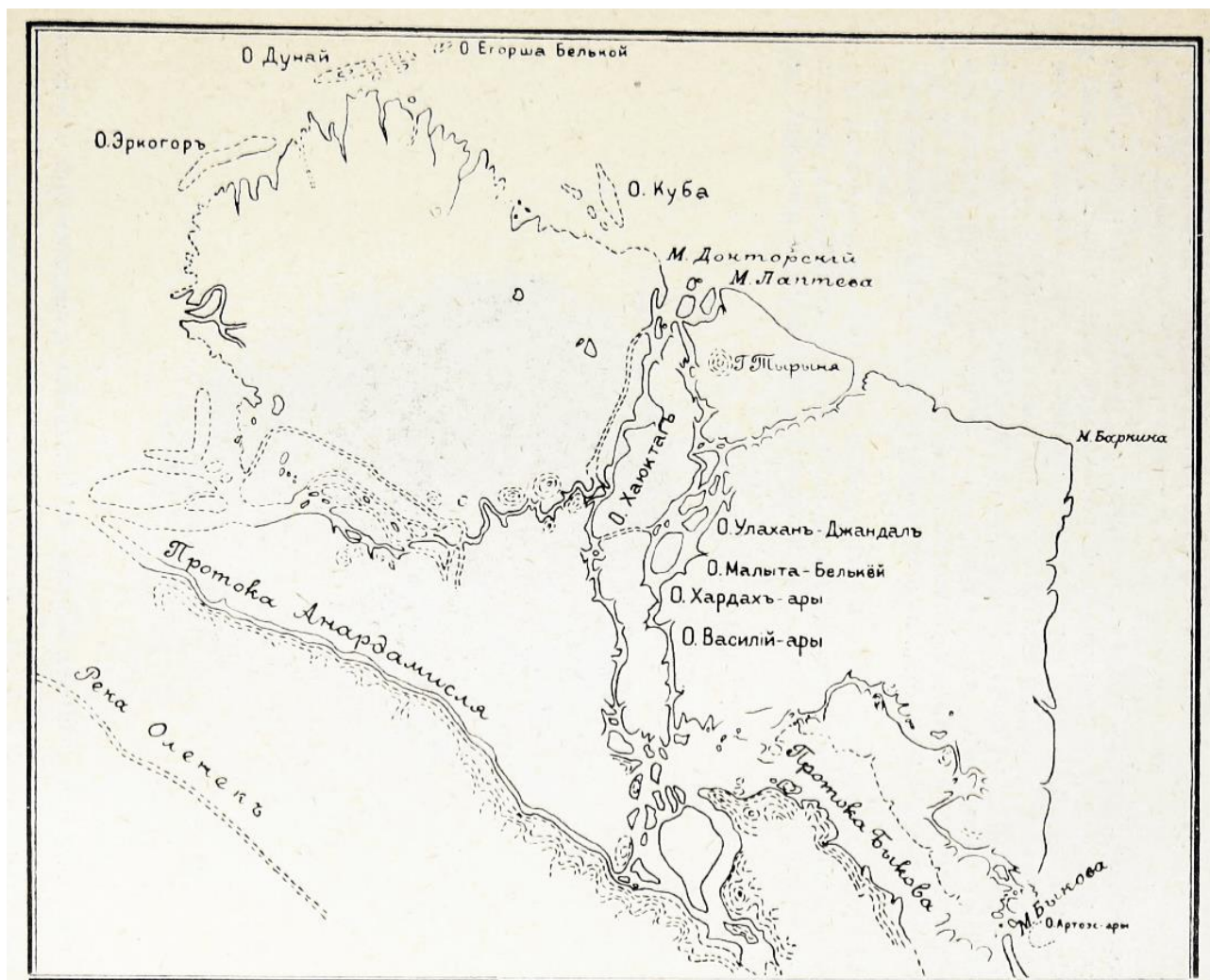

**3. Карта Харбера и Шютца издания ВМС США.
Маршруты поисков отряда "Жаннетты" 1882 г.**

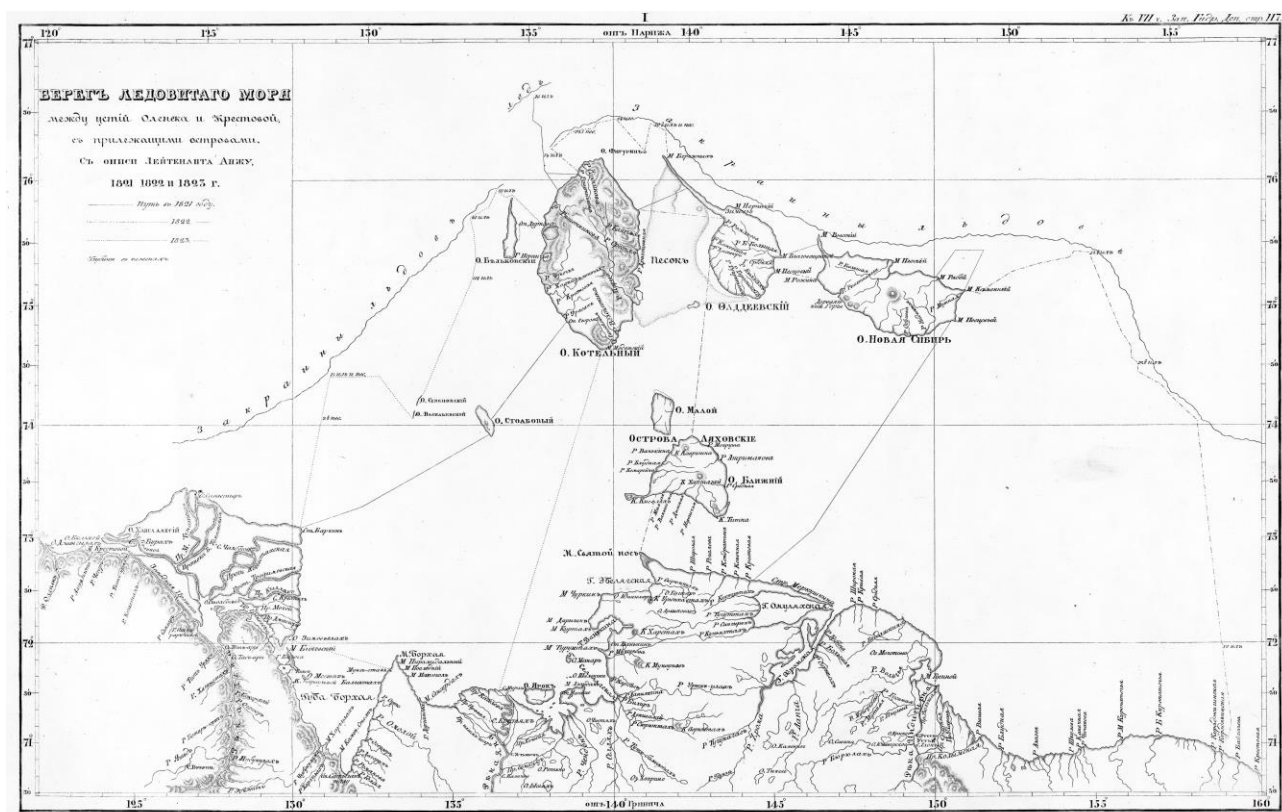

**4. Предварительная карта дельты Лены.
Составлена ленской экспедицией 1920-21 гг.**

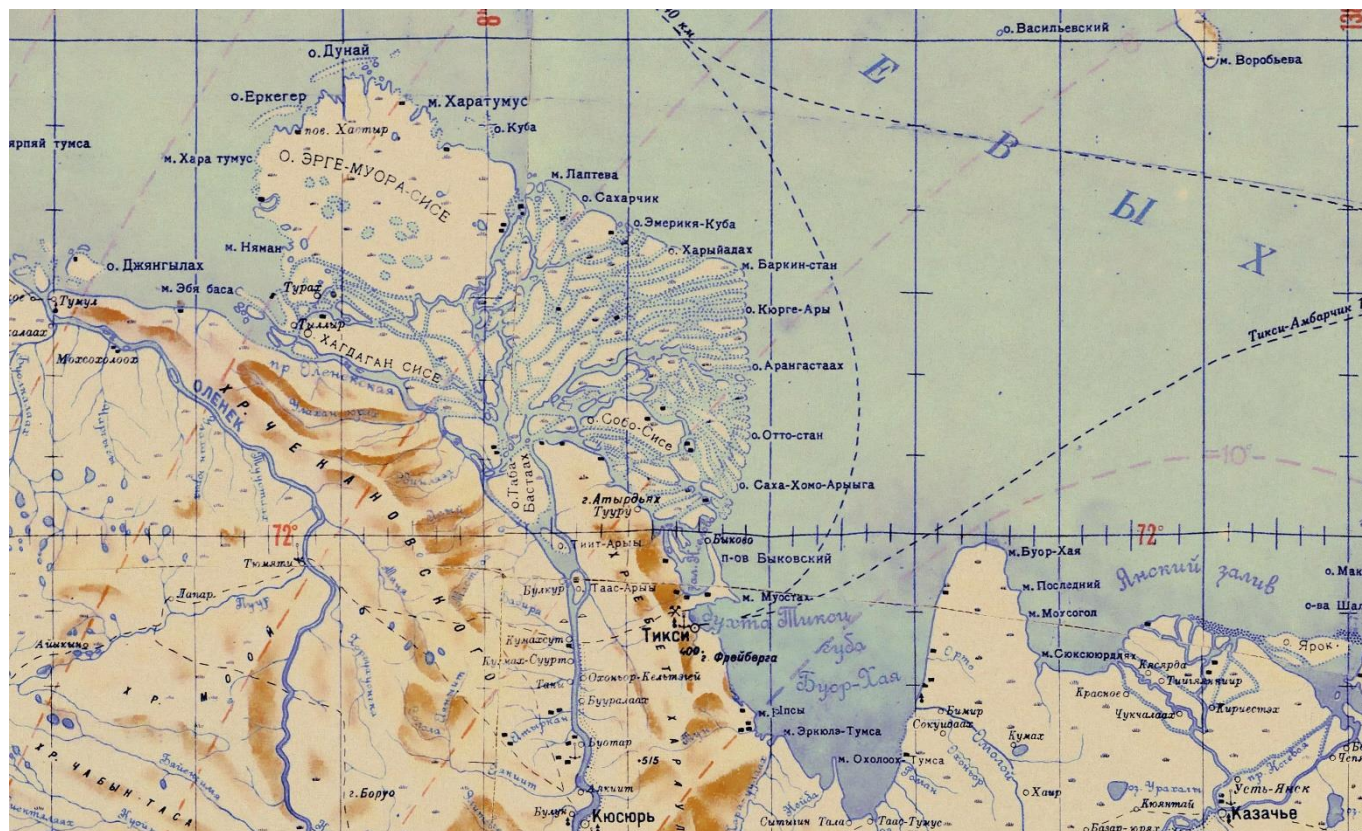

Черт. 4. Дельта р. Лены с карты, составленной Н. Д. Юргенсом на основании работ экспедиции к устью р. Лены (1882—84 гг.).

Берег Ледовитого моря между устьев рек Оленёк и Крестовой, с прилежащими островами с описей лейтенанта Анжу 1823 г.

Вырезка из обзорной карты РККА Дальнего Востока 1942 г.

Вырезка из Карты Якутии 1924 г.

Список членов экипажа «Жаннетты».

<i>Джордж В. Делонг</i>	<i>Капитан</i>	<i>Куттер I</i>
<i>Джеймс М. Амблер</i>	<i>Судовой врач</i>	<i>Куттер I</i>
<i>Джордж В. Мельвилль</i>	<i>Старший механик</i>	<i>Вельбот</i>
<i>Рэймонд Ли Ньюкомб</i>	<i>Натуралист и астроном</i>	<i>Вельбот</i>
<i>Уильям Данбар</i>	<i>Ледовый лоцман</i>	<i>Куттер II</i>
<i>Джон (Джек) Коул</i>	<i>Боцман</i>	<i>Вельбот</i>
<i>Джером Дж. Коллинз</i>	<i>Метеоролог и корреспондент</i>	<i>Куттер I</i>
<i>Джон У. Даненхауэр</i>	<i>Второй помощник капитана</i>	<i>Вельбот</i>
<i>Чарльз У. Чипп</i>	<i>Старший помощник капитана</i>	<i>Куттер II</i>
<i>Уильям Ф. К. Ниндеманн</i>	<i>Плотник</i>	<i>Куттер I</i>
<i>Луис П. Норос</i>	<i>Матрос</i>	<i>Куттер I</i>
<i>Чарльз Тонг Синг</i>	<i>Кок</i>	<i>Вельбот</i>
<i>Инигин</i>	<i>Каюр и охотник</i>	<i>Вельбот</i>
<i>Альфред Свитман</i>	<i>Помощник плотника</i>	<i>Куттер II</i>
<i>Уолтер Хартвелл</i>	<i>Кочегар</i>	<i>Куттер II</i>
<i>Альберт Г. Кюне</i>	<i>Матрос</i>	<i>Куттер II</i>
<i>Эдвард Стар</i>	<i>Матрос</i>	<i>Куттер II</i>
<i>Генри Д. Уоррен</i>	<i>Матрос</i>	<i>Куттер II</i>
<i>Питер Э. Джонсон</i>	<i>Матрос</i>	<i>Куттер II</i>
<i>Ханс Х. Эриксен</i>	<i>Матрос</i>	<i>Куттер I</i>
<i>Генрих Х. Каак</i>	<i>Матрос</i>	<i>Куттер I</i>
<i>Джордж У. Бойд</i>	<i>Кочегар</i>	<i>Куттер I</i>
<i>Уолтер Ли</i>	<i>Механик и медник</i>	<i>Куттер I</i>
<i>Адольф Дресслер</i>	<i>Матрос</i>	<i>Куттер I</i>
<i>Карл А. Герц</i>	<i>Матрос</i>	<i>Куттер I</i>
<i>Элс Иверсен</i>	<i>Кочегар</i>	<i>Куттер I</i>
<i>Ах Сэм</i>	<i>Матрос</i>	<i>Куттер I</i>
<i>Алексей</i>	<i>Каюр и охотник</i>	<i>Куттер I</i>
<i>Джон Лаутербах</i>	<i>Кочегар</i>	<i>Вельбот</i>
<i>Герберт Вуд Лич</i>	<i>Матрос</i>	<i>Вельбот</i>
<i>Джеймс Х. Бартлетт</i>	<i>Пожарный</i>	<i>Вельбот</i>
<i>Фрэнк Э. Мэнсон</i>	<i>Матрос</i>	<i>Вельбот</i>
<i>Генри Уилсон</i>	<i>Матрос</i>	<i>Вельбот</i>